Верхотурский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
ГБОУСО «Средняя общеобразовательная школа №2»
Верхотурская центральная библиотека им.И.А.Мухлынина

К 420-летию основания города Верхотурья и
310-летию со дня рождения верхотурского купца и заводчика
М.М.Походяшина

Материалы региональной научно-практической конференции

«Уральский край в истории России»

1 - 2 ноября 2018 года
г. Верхотурье

Екатеринбург

2018

УДК 63(160.5)
ББК 62.3 (322.50)012-32
У 37

Редакционная коллегия:
А.Г.Борисов,
научный сотрудник историко-архитектурного отдела ВГИАМЗ;
И.А.Фомичёв,
старший научный сотрудник историко-архитектурного отдела ВГИАМЗ;
Е.Т.Ившина,
библиотекарь по краеведению Верхотурской центральной библиотеки им.И.А.Мухлынина

Материалы сборника содержат доклады и сообщения региональной научно-практической конференции «Уральский край в истории России». Тематика докладов посвящена различным сторонам жизни Урала в XVIII-XX вв. В сборнике нашли отражение материалы, характеризующие деятельность органов местного самоуправления, политических партий, Русской православной церкви, события Гражданской войны на Урале. Отдельные статьи рассказывают о пребывании царской семьи в Екатеринбурге. Широко освещены вопросы развития образования, здравоохранения и культуры. Сборник может представлять интерес для историков, архивистов, краеведов, музейных работников и всех тех, кто интересуется историей Урала.

Сборник издан на средства ВГИАМЗ.

ISBN 0911-1-2018-3

© ВГИАМЗ, 2018 г.
© Авторы статей, 2018 г.

Арданова Наталья Васильевна

Мероприятия к 300-летнему юбилею династии Романовых в Пермской губернии и Верхотурье в 1912-1913 гг.

События, связанные с празднованием 300-летия Дома Романовых в России в 1913 году, явились не только заметным эпизодом отечественной истории. Эту дату отмечали тогда во всех уголках Российской империи, а само празднование юбилея рассматривалось правительством как важнейшая идеологическая и политическая акция, направленная на укрепление позиций и поднятие авторитета самодержавия. Данная цель торжества осознавалась и на местах. В Пермской губернии, например, и губернатор И.Ф.Кошко и глава епархии Преосвященный Палладий (Н.Добронравов) видели в празднестве крупнейшее «историческое событие», которое должно дать населению «возможно больше полезных уроков», направленных на усиление патриотических чувств, воспитание верности престолу.

Пермская губерния не была в числе основных центров празднования 300-летия дома Романовых, она не удостоилась посещения членами царской семьи. Тем не менее, местные власти, как и по всей России, уже в 1912 году получили множество указаний по проведению празднования и порядке организации разного рода торжественных мероприятий.

Провинциальные власти, готовясь отметить 300-летие царствовавшей тогда династии, руководствовались положением Совета Министров от 9 апреля 1910 года, в котором шла речь не только о церемониале празднества, но и о совместных действиях светских органов и духовенства – организации служб, молебствий, крестных ходов, народных гуляний, издании и распространении памятных брошюр, проведении публичных чтений - бесед по истории Дома Романовых и т.д. В связи с предстоящим знаменательным событием ставилась задача создания соответствующих юбилейных комитетов и комиссий с включением в их состав представителей местных властей, духовенства, общественных организаций.

В Пермской губернии работа по подготовке к предстоящим торжествам активизировалась на рубеже 1912-1913 годов. В середине

января 1913 года в Перми состоялось совещание руководства города и губернии, чиновников ряда учреждений для выработки программы проведения празднования, намеченного правительством на начало 20-х чисел февраля. В информации о совещании, опубликованной в местной прессе, говорилось о создании из числа его участников особой комиссии, которой было поручено разработать вопрос «о возможности чествования юбилея совместно с представителями всех ведомств и учреждений». Поскольку празднование юбилея считалось не только государственным, но и общественным делом, в подготовку к торжеству включились органы городского и земского самоуправления. Решения в связи с празднеством, принимались земскими собраниями и городскими думами и в других уездных центрах[1].

Город Верхотурье на протяжении всей своей истории был тесно связан с династией Романовых и, естественно, не мог оказаться в стороне от подобных мероприятий. На заседании Верхотурского уездного земского собрания 24 января 1913 года был заслушан доклад Управы №1 об ознаменовании 300-летия царствования Императорского Дома Романовых. В нём говорилось: «21 февраля текущего года исполняется 300 лет со дня избрания Михаила Федоровича Романова на царство, род которого на благо и славу Российской империи продолжает благополучно царствовать и ныне. Этот исторический 300-летний юбилей царствования рода народного избранника предположено торжественно отпраздновать. Городские и земские учреждения Империи отмечают и увековечивают это событие в памяти народной различного рода мероприятиями. В полной уверенности, что и Верхотурское Уездное Земское собрание, первый раз собравшееся в настоящем юбилейном году, пожелает также чем- либо ознаменовать сказанное событие, Земская Управа берет на себя смелость предложить Собранию запечатлеть 300-летие Царствования Императорского Дома Романовых образованием фонда на устройство и учреждение Народных Домов….При согласии Земского собрания с предложением Управы, капиталу и Народным домам, сооруженным на его счет, должно быть присвоено название «в память 300-летия царствования Императорского Дома Романовых»[2].

Соглашаясь с докладом Управы, Собрание единогласно постановило: в память 300-летия Царствования Императорского Дома Романовых учредить особый фонд на устройство Народных домов в размере 80 тысяч рублей, посредством ежегодного с 1914 года внесения в смету расходов 5000 рублей[3]. В городе Верхотурье Народный дом появился в 1915 году, но его история не известна, и трудно даже предположить – был ли он построен на средства этого фонда.

Так остается неизвестным и еще один момент. Мы знаем, что к 300-летию Дома Романовых был освящен Крестовоздвиженский собор Николаевского монастыря. Это общеизвестный факт, о котором неоднократно упоминалось во многих книжных изданиях. В журналах Верхотурского уездного земства осталась запись о том, что 23 января 1913 года настоятель Свято-Троицкого собора протоиерей Петр Арефьев обращается с докладом к Чрезвычайному Верхотурскому Уездному Земскому собранию, в котором, в рамках мероприятий о порядке празднования трехсотлетия царствования Императорского Дома Романовых, «покорнейше просит Земское собрание ассигновать сумму денег для устройства незначительных размеров часовни-памятника на месте, уже отведенном городом при Свято-Троицком соборе, и для сооружения святой иконы, изданной святейшим Синодом в память 300-летия Дома Романовых»[4].

Кроме того, Арефьев перечисляет иконы, которые могут быть помещены в этой часовне: Преображения Господня, в память учреждения Государственной Думы, Святого Благоверного князя Александра Невского, в память Царя Освободителя Александра II и царя Александра III Миротворца, и 300-летия Дома Романовых.

П.Арефьев в период своего пастырского служения в соборе вел большую общественную работу. За свое многолетнее ревностное служение отец Петр имел многочисленные награды и поощрения. В начале 1900 года, перед своим назначением в Свято-Троицкий собор, о.Петр отбыл на лечение в Москву в военный госпиталь. 20 апреля 1900 года этот госпиталь посетил император Николай Александрович. Отец Петр преподнес Его Императорскому Величеству икону святого праведного Симеона. Считается, что на святого подвижника с Уральской земли императорская фамилия обратила свое внимание, после того, как в семью Романовых стал вхож Григорий Распутин, то

есть с 1905 года. Но теперь ясно, что, по крайней мере, одна иконка верхотурского подвижника появилась у императора за несколько лет до знакомства с Распутиным. И случилось это благодаря отцу Петру Арефьеву[5].

Земское собрание не оставляет без внимания ходатайство П.Арефьева. Гласный Уездного Земского собрания А.Н.Романов высказывается за ассигнование 300 рублей. О.Аркадий Пономарев – депутат от Духовного ведомства Екатеринбургской Духовной консистории ходатайство о.протоиерея и предложение А.Н.Романова поддерживает. Собрание единогласно соглашается с предложением А.Н. Романова и поручает Управе сумму 300 рублей внести в смету 1914 года[6]. В Отчете Верхотурской Уездной земской управы о движении сумм и капиталов за 1914 год действительно указано, что на устройство при соборе г.Верхотурья часовни-памятника и сооружение святой иконы, изданной святейшим Синодом в память 300-летия Царствования Дома Романовых израсходовано за счет сметы 1914 года 300 рублей. Деньги были потрачены, но о какой часовне идет речь не понятно, нам известно, лишь об одной часовне на территории кремля – это часовня Косьмы и Домиана, но она была построена значительно раньше. Вопрос остается открытым.

Надо сказать, что «на добровольные пожертвования» памятники (в том числе церкви и часовни), строились по всей стране. Так, опять же из журнала Верхотурского Уездного Земского собрания 43-й очередной сессии 1912 года в предметах расходов указано, что Верхотурской Земской Управой ассигновано по смете 1912 года 100 рублей на памятник-часовню на могиле Михаила Никитича Романова в Ныробе[7]. Село Ныроб Чердынского уезда Пермской губернии – место ссылки дяди первого царя из династии Романовых. Планировалось отреставрировать каменную часовню, построенную в 1793 году над ямой, в которой пребывал и скончался М.Н. Романов.

Кульминацией торжеств трехвекового царствования Романовых явились 21-22 февраля 1913 года. 21 февраля императором был подписан Высочайший Манифест, подчеркивавший значимость этого события в истории России. Тогда же был издан царский указ «О даровании нашим подданным различных милостей, льгот и облегчений». В указе, наряду со статьями о наградах, пенсиях и единовременных пособиях военным и гражданским чинам,

содержались положения о сложении всех недоимок по неотмеченным выкупным платежам, государственному поземельному налогу и другим поземельным сборам с крестьян; аннулировалась задолженность по ссудам, выданным из казны органам городского и земского самоуправления на выполнение сметных расходов; объявлялась амнистия лицам, совершившим «малозначительные» преступления.

Впервые были выпущены почтовые марки с царскими портретами, массовые тиражи юбилейных монет (до этого юбилейные рубли чеканились очень ограниченными сериями). Беспрецедентным был и объем брошюр, портретов и разного рода сувенирной продукции, посвященный 300-летию воцарения Романовых. Только издательство И.Сытина опубликовало к юбилею 3,8 млн. экземпляров книг и брошюр, рассчитанных на массового читателя.

В фондах ВГИАМЗ сохранились предметы, изданные к этому юбилею: жестяная конфетная коробка, кружка, монета. В сентябре 2013 года в фонды музея-заповедника был передан жетон, выпущенный в начале XX века к 300-летнему юбилею Дома Романовых. Он был найден на берегу реки Туры в центральной части города. В настоящее время это единственные уникальные экспонаты, которые являются подлинными предметами, рассказывающими о пышном праздновании юбилея.

Если вернуться к самому празднованию, в эти дни оно приобрело широкий, подчас помпезный характер. 300-летие царствующей династии отмечали в городах, заводских поселках, селах и деревнях. Непременным атрибутом проходивших торжеств было широкое участие в нем духовенства. 21 февраля во всех соборах, приходских и домовых церквях в присутствии гражданских и военных чинов, представителей общественных учреждений и местного населения совершались божественные литургии и молебствия с возглашением многолетия императору, членам его семьи и царствующему Дому, затем зачитывался Высочайший Манифест. Были организованы народные гуляния с бесплатным угощением.

В учебных заведениях проходили торжественные акты с произнесением речей по поводу юбилейного события, с раздачей

брошюр и картин, посвященных династии Романовых. Состоялись также литературные и музыкальные вечера[8].

Думаю, что все эти праздничные мероприятия не обошли стороной и Верхотурье. Бюджет города начала второго десятилетия XX века наглядно характеризует политику местных властей. На конец 1911 финансового года в городской казне осталось 798 рублей 48 копеек, в 1912 – 1808 рублей 48 копеек. А вот в 1913 году зафиксирован огромный по меркам Верхотурья дефицит в 2253 рублей 69 копеек, хотя на следующий год баланс снова стал положительным – 184944 рублей. Не приходится сомневаться, что перерасход средств в 1913 году был допущен сознательно для обеспечения торжеств по поводу 300-летия Дома Романовых и освящения нового Крестовоздвиженского храма в Николаевском монастыре, которые были проведены в начале сентября, чуть ранее чествования мощей Святого Симеона. На празднество ждали августейшее семейство и за расходами не постояли[9].

Отшумевшие и ушедшие в историю торжества явились последними величественными зрелищами в жизни императорской России.

Примечания:

Шилов А.В. Празднование 300-летия царствования Дома Романовых в Прикамье и торжества в Ныробе

[2]Журналы Верхотурского Уездного Земского собрания 26 чрезвычайной сессии 1913 года (ОФВМ/244), стр. 82

[3]Там же.

[4]Журнал Верхотурского уездного Земского собрания 26 чрезвычайной сессии 1913 года, с. 83. (ОФВМ/244)

[5]«Верхотурская старина», вып.4, 2005 г., с.34.

[6]Журнал Верхотурского уездного Земского собрания (ОФВМ/244), с. 5-6.

[7]Приложение к журналам Верхотурского Уездного земского собрания 43 очередной сессии 1912 года. Т.2, с. 138.

[8] Шилов А.В. Празднование 300-летия царствования Дома Романовых в Прикамье и торжества в Ныробе

[9] Корчагин П.А. История Верхотурья (1598-1926). Закономерности социально-экономического развития и складывания архитектурно-исторической среды города. Екатеринбург, 2012. С. 136.

Белоусов Сергей Орестович

На Восточном фронте Гражданской войны 1918-1920 гг. - от Поволжья до Урала

К 40-летию Октябрьской революции 7 ноября 1957 г. на месте братского захоронения воинов Красной армии в Нижнем Тагиле по улице Восстания, был открыт один из самых крупных на Урале памятников героям Гражданской войны (авторы проекта: архитектор Черпаков Н.Я., скульпторы Ушаков В.М., Ушакова Л.П., Петров Ю.П.). С этого трагического военного события прошло 100 лет, а мнения ученых по-прежнему отличаются различными точками зрения о причинах его начала. Вместе с тем, очевидно – социальное неравенство различных слоев российского общества, копившееся веками и переросшее, наконец, в политические противоречия, сформировало в начале XX века мощное российское революционное движение. Февральская, а затем и Октябрьская революции 1917 года поменяли многолетнюю монархию на власть большевиков. Но различные политические силы – монархисты, меньшевики, эсеры, кадеты – оставшиеся за бортом выстроенной большевиками (во главе с В.И.Лениным) жесткой однопартийной системы не могли с этим согласиться. Крупный капитал, военные были недовольны диктатурой, национализацией промышленных предприятий, переделом земли, выходом из империалистической войны с Германией. Бывшие союзники России в Первой мировой войне – страны Антанты – сформировали мощное белогвардейское движение и окружили плотным кольцом Советскую республику. Их привлекала огромная, богатая разнообразными природными ресурсами, российская территория. В условиях слабо развитой транспортной инфраструктуры между регионами, их неравномерного экономического развития, непрочности или отсутствия Советской власти на юге и востоке страны, она стала для развитых капиталистических стран основными причинами их интервенции. На одно из ее основных направлений – восточное – Антантой был назначен адмирал А.Колчак, на юге – А.Деникин, на северо-западе – Н.Юденич.

На Урале, при помощи пролетарски настроенных масс, Советская власть надежно закрепилась в крупных промышленных городах (Челябинск, Пермь, Екатеринбург, Нижний Тагил, Невьянск, Нижняя Салда). Но негативное влияние на триумфальное шествие Советской власти по уральской земле, как и в большинстве регионов страны, оказывали меньшевики и эсеры. Так, в феврале 1918 года нижнетагильские меньшевики и эсеры с целью захвата власти хотели сделать переворот, но на помощь местному ревкому пришел Нижнесалдинский красногвардейский отряд под командованием А.Углова. В целом, красногвардейские отряды на Урале формировались достаточно активно, их основу составляла молодежь в возрасте 18-20 лет. Именно они вошли в состав 3-го Екатеринбургского полка, воевавшего в апреле 1918 года под Челябинском с белочехами и атаманом Дутовым.

На Урал петроградские рабочие отправили отряды железнодорожников, артиллеристов, моряков, саперов, кавалеристов. Именно летом и осенью 1918 года Уральский Восточный фронт стал главным фронтом республики – 30 орудий, 5 бронеавтомобилей, 309 пулеметов, 238 сабель, 17 174 штыка[8].

Восточный фронт РККА, как оперативно-стратегическое объединение во время Гражданской войны, был сформирован на восточном направлении 13 июня 1918 года постановлением Совнаркома. С 6 июля добровольческие отряды были реформированы в регулярные полки, а 20 июля войска Уральского фронта образовали 3-ю армию Восточного фронта, воевавшую в период с июля 1918 по январь 1920 года.

К острым противоречиям между городом и деревней привело решение Совнаркома республики об обязательной продразверстке и последующем изъятии хлеба не только у кулаков, но и крестьян. Произошли отдельные крестьянские волнения, вплоть до временного изгнания Советов из крупных деревень – Черемшанка, Нелоба, Северная и др. В городах и заводских поселках продолжалось падение объема промышленного производства.

Началом осуществления военных планов Антанты можно считать восстание чехословацкого корпуса. 26 мая 1918 года под его натиском пал Челябинск, шла активная подготовка к захвату Екатеринбурга, а 29 мая в столице Среднего Урала сформировали Революционный

штаб Уральской области, объявили мобилизацию революционных сил Урала и выпущено воззвание «Ко всем членам партии».

12 июня 1918 года невьянские меньшевики и эсеры подняли мятеж, провели контрреволюционные перевороты на ряде заводов и в деревнях Невьянского района. Воодушевленные таким успехом, они решили свергнуть Советскую власть и в Нижнем Тагиле, направив отряд численностью около 70 человек. Из воспоминаний председателя городского революционного комитета В.Носова: «Гражданская война в Нижнем Тагиле началась 13 июня 1918 года со времени Невьянского выступления частей Белой армии, которые арестовали в Невьянске исполнительный комитет, приехали на поезде к нам и захватили в Нижнем Тагиле военный склад, где в то время квартировала рота красногвардейцев, железнодорожную станцию и часть прилегающих к станции улиц…»[12]. Овладев телеграфом, эсеры попытались захватить здание Совета, но военный комиссар П.Овчинкин вместе с резервистами дали им достойный отпор. Прибывшие на помощь отряды из Алапаевска, Верхней Туры, Кушвы, Нижней и Верхней Салды, возглавляемые комиссаром охраны Нижнесалдинского завода А.Угловым, отвоевали железнодорожную станцию, захватили броневик противника и вытеснили оставшуюся часть мятежников на Екатеринбургский тракт.

После ликвидации невьянских событий, нижнетагильский исполком стал заниматься вербовкой добровольцев на борьбу с белочехами, подступивших к Екатеринбургу. В Нижнем Тагиле эти отряды вошли в отдельный тюменский батальон Д. Шаронова (2-я Уральская дивизия). В конце июля белочехи и казаки заняли Утку и Старую Утку. Хорошо обученные военному искусству, они втрое превосходили шароновцев. Но 3-я Нижнесалдинская рота А.Суетина, при отсутствии связи, не только вступила в неравный бой с интервентами, но и пулеметным огнем до конца прикрывала собой отход пехоты. Раненный в руку, командир роты переплыл Чусовую, продолжал участие в боях за Шайтанский завод и только после тяжелой контузии был эвакуирован в Пермь.

На базе 4-го отряда А.Углова в Нижнем Тагиле был сформирован 2-й батальон 3-го Горного полка. В течение июля-октября 1918 года добровольцы, при недостатке боеприпасов, вели непрерывные боевые действия по линии железной дороги от станции Исеть (Таватуй,

Невьянск, Нейво-Рудянка, Анатольская, Шайтанка) до Нижнего Тагила. Позже были сформированы 5-й отряд под командованием В.Рыбина и 6-й отряд И.Луканина, которые вошли в состав 2-го Горного полка под Невьянском. К концу лета белочехи сосредоточили крупные силы под Нижним Тагилом. Обе стороны понимали, что бои за этот населенный пункт, имеющий важное стратегическое значение, предстоят жестокие. В случае успеха для белых открывался путь через Пермь в центральные районы России. Поэтому к сентябрю был сформирован и отправлен в Нижний Тагил 7-й отряд И.Ефимова численностью около 200 человек, позже вошедший в состав Камышловского полка. К востоку от Нижнего Тагила, под Алапаевском, воевала 1-я Уральская стрелковая дивизия Г.Овчинникова. Нижний Тагил обороняла 2-я стрелковая дивизия Р.Эйдемана. Позже первая получила название Восточная стрелковая дивизия. Она отражала натиск белых по линии Алапаевск-Нижний Тагил, а вторая – Средняя стрелковая дивизия – по линии Невьянск-Нижний Тагил.

В то же самое время Нижнетагильскому исполкому приходилось изыскивать продовольствие на месте, потому что хлебородные местности были захвачены белыми. Из воспоминаний председателя городского революционного комитета В.Носова: «Население Нижнего Тагила по нескольку дней питалось исключительно овощами и размолотым овсом, но это нисколько не останавливало вербовки добровольцев. Сколько их было, не помню, но мне лично приходилось чуть ли не ежедневно митинговать, то на учении, то на проводинах и т.д. Особенно много их было после падения Екатеринбурга. Были седые старики и почти малыши, но все они горели ненавистью к белогвардейцам. Исполком в то время только и знал, что доставал для них обмундирование, оружие, изыскивал средства, чтобы обеспечить их семейства и т.п.»[3].

В сентябре 1918 года после решительного наступления белые заставили красноармейские отряды отойти к Нижнему Тагилу. Белогвардейцы подошли к городу 18 сентября 1918 года и несколько раз врывались в него. Во время этих боев, которые длились до 4 октября, было много жертв с обеих сторон. На помощь 2-й Уральской дивизии Г.Овчинников направил из Нижней Салды 4-й Уральский и Камышловский полки. 22 сентября у станции Сан-Донато эти полки

попали под сильный обстрел, но смогли развернуться и организовать контрнаступление – 4-й Уральский полк с левого фланга на монастырь, а Камышловский – на Лысую гору. Полки не только в течение двух недель удерживали занятые позиции у деревни Горбуново, но и смогли отбросить дивизию белочехов Войцеховского на 20 км от Нижнего Тагила.

Однако, наступление красноармейцев было остановлено контрнаступлением превосходящих белогвардейских сил. Утром 4 октября белогвардейцы зашли в тыл и заняли станцию Сан-Донато, тем самым отрезали отступление по железной дороге. Красноармейцам пришлось отступить по грунтовой дороге сначала к Лайскому заводу, затем на Кушву, а часть военного имущества, находящегося на станции Нижний Тагил, досталось противнику. Героическая оборона Нижнего Тагила не позволила окружить части красноармейцев под Алапаевском и Егоршино[9].

Нижняя Салда – это, пожалуй, единственный населенный пункт, в котором не было боевых операций. Он использовался как «тыловой узел» для отдыха, пополнения запасов питания и обмундирования. Полк «Красных орлов», в составе которого воевал будущий Маршал Советского Союза Ф.Голиков, так вспоминал об этом: «Несколько суток стоим в Нижней Салде. Белые ведут себя тихо. Мы воспользовались этим – отдохнули, выспались, помылись в бане. Нижняя Салда – большой заводской поселок…Полк пополняется. Прибыли две роты китайских добровольцев, а на станции Ясашная влился в наш полк добровольческий отряд тов.Павлова. Сил у нас теперь больше и настроение лучше... Вчера состоялась полковая партийная конференция. Говорили о задачах полка и выбрали руководство партколлектива. Сегодня после обеда объявлен приказ: двигаемся дальше на Нижний Тагил. А хорошо бы пожить здесь денек-два еще»[2].

Полк «Красных орлов» был в сложном положении, не имел связи с другими частями дивизии. Безуспешными оказались попытки полка прорваться по железной дроге через захваченные белыми станции Сан-Донато и Нижний Тагил. Подвижной состав пришлось уничтожить. Полк вернулся в Нижнюю Салду и проселочными дорогами пошел в сторону Кушвы. В составе полка воевал известный уральский писатель П.Бажов. В своих воспоминаниях он записал:

«Густой дремучий лес и полная неизвестность впереди. Старик-проводник обещает дня через 3-4 вывести лесными тропами к Кушве. Дорога невозможная. Вернее, ее совсем нет. Сразу запарившиеся лошаденки едва вытаскивают артиллерию»[13].

Восточный фронт имел для страны Советов важное стратегическое значение. Первый командующий фронтом М.Муравьев был назначен на должность 13 июня 1918 года. Но 10 июля он с отрядом в тысячу человек поднял левоэсеровский мятеж. 11 июля М.Муравьев приехал из Казани, где находился штаб фронта, в Симбирск и арестовал командующего 1-й армией М.Тухачевского, зампреда губисполкома К.Шеленкевича и политкомиссара штаба Симбирской группы войск А.Лаврова. Затем на заседании исполкома губернского Совета он предложил отдать ему власть. Но верные партии большевиков красногвардейцы и чекисты при попытке ареста убили М.Муравьёва[1].

Данные события имели серьезные последствия для Восточного фронта РККА – его деморализация привела к тому, что подполковник Белой армии В.Каппель без особого труда взял Бугульму, Мелекесс, Симбирск, а в начале августа и Казань. Исправлять это тяжёлое положение на фронте по приказу наркомвоенмора Л.Троцкого прибыл командир латышской стрелковой дивизии И.Вацетис[11]. Но и он в июле 1919 г. был арестован по подозрению в измене в результате тяжелых поражений РККА.

С августа 1918 по июль 1919 г. новым командующим Восточного фронта, по предложению члена Реввоенсовета И.Смилги, был назначен С.Каменев, который очень успешно руководил оборонительными и наступательными операциями против армий адмирала Колчака на Волге и Урале. В мае 1919 г., для проведения Бугурусланской и Белебейской операций, его временно сменил А.Самойло, но потерпев несколько поражений, войска Красной Армии отошли к Волге на глубину до 400 км.

В этой ситуации правительство Советской республики вынуждено было срочно укреплять фронт и перебрасывать с других участков около 55 тыс. чел., дополнительное вооружение и боеприпасы. Поэтому, к концу апреля 1919 г. численность Красной Армии на Восточном фронте не только выросла до 125,4 тыс. штыков

и сабель, 447 орудий, около 2,1 тыс. пулемётов, но и превосходила войска Главнокомандующего Русской армии А.Колчака – 105,6 тыс. штыков, свыше 26 тыс. сабель, 318 орудий, свыше 1 тыс. пулемётов соответственно[3].

Разработанный план контрнаступления РККА включал в себя поэтапный разгром основных сил КолчакА – сначала Западной, а затем Сибирской армий. 10 апреля 1919 г. войска фронта были разделены на 2 группы армий – Южную и Северную. Южная группа армий под командованием М.В.Фрунзе имела в своём составе 1, 4, 5-ю и Туркестанскую армии. Северная группа В.И.Шорина (была расформирована 20 апреля) – 2-ю и 3-ю армии. Активную помощь Восточному фронту оказывала Волжская военная флотилия[5].

Подготовка контрнаступления в Южной группе армий сопровождалась перегруппировками войск в условиях весеннего половодья на расстояния 300-500 км. В итоге на направлении главного удара удалось сосредоточить около $^{2}/_{3}$ пехоты, артиллерии и всю кавалерию. При протяжённости фронта группы в 940 км для контрнаступления в полосе 220 км привлекались 42 тыс. штыков и сабель, 136 орудий, 585 пулемётов против 23 тыс. штыков и сабель, 62 орудия, 225 пулемётов у противника. Для обороны остального фронта (720 км) предназначалось лишь 22,5 тыс. чел., что было почти в 2 раза меньше, чем у противника[6].

19–27 апреля 1919 г. 1-я и Туркестанская армии перед началом контрнаступления нанесли ряд контрударов по левому флангу Западной армии А.Колчака в районах рек Салмыш, Дёма и Большой Кинель, тем самым разрушив оперативно-тактическую связь между группировками противника. Фактически это и обеспечило концентрацию главных сил и ударной группы РККА на этих участках.

Контрнаступление Южной группы армий Восточного фронта предусматривало три последовательных операции - Бугурусланскую, Белебейскую и Уфимскую. 2-я и 3-я армии провели Сарапуло-Воткинскую операцию. 5-я и Туркестанская армии в Бугурусланской операции нанесли поражение колчаковской Западной армии, отбросив её войска в восточном направлении на 120–150 км и освободив Бугуруслан и Бугульму[14]. Белебейская операция из-за опасений командующего Восточным фронтом А. Самойло за казанское направление проводилась Южной группой армий силами лишь 1-й и Турке-

станской армий (5-я армия была переведена на казанское направление) и после ряда успешно проведённых встречных боёв с выдвигавшимся для контрудара стратегическим резервом Колчака (1-й Волжский корпус) завершилась отходом противника на 50–70 км к востоку[7].

Войска правого фланга Южной группы армий отразили попытки казачьих соединений захватить Уральск и Оренбург. В результате Уфимской операции, проводившейся войсками Туркестанской армии, была форсирована р.Белая, 9 июня взята Уфа. Затем войска Красной Армии вышли к предгорьям Урала. В Сарапуло-Воткинской операции 2-я и 3-я армии РККА нанесли поражение Сибирской армии А.Колчака и освободили Ижевско-Воткинский промышленный район. Так контрнаступление переросло в общее Восточного фронта наступление 1919–1920 гг.[3].

Екатеринбургская наступательная операция была быстрой и продолжалась всего с 5 по 20 июля 1919 года. Красная Армия заняла Урал всего за 4 недели. Для примера: в 1918 году регулярные войска французской армии, частью которой являлся корпус белочехов, завоевывали Урал около полугода. Нижний Тагил, остававшийся «белым» в течение 9 месяцев, был оставлен колчаковцами без боя. Председатель Нижнетагильского революционного комитета В.Носов вспоминал: «С 12 июня до 15 июля в Нижнем Тагиле не было ни белых, ни красных, и только к 18 июля политотделом 29-й дивизии был организован Ревком из трех товарищей, просуществовавший до 30 августа. С 30 августа, благодаря Екатеринбургскому губернскому организационному бюро РКП, командировавшему в Нижний Тагил тов. коммунистов, в том числе и меня, удалось организовать городской Совет и выбрать исполком»[9].

Показательна и численность воюющих сторон. Белогвардейцев (вместе с белочехами) воевало около 6 тысяч. Было несколько причин, объясняющих их временный успех. Во-первых, белая гвардия состояла из профессиональных военных, а состав красноармейцев, в основном, рабочие и крестьяне, которых не успевали обучать военному делу. Вторая причина – серьёзная тактическая ошибка красных – запоздал приказ об укреплении обороны Салдинского тракта и станции Сан-Донато, поэтому 4 октября 1918 года белочехи овладели ей очень быстро. Наконец, белогвардейцам удалось

захватить в Нижнем Тагиле военный склад и продовольственные земли. Но Советская власть поступила гуманно – большинство из лиц рядового состава получили небольшие сроки наказания или были прощены и ушли от народного суда. Про адмирала Колчака сегодня говорят как о великом ученом – гидрологе, сняты кинофильмы. Однако, не учитывается, что начиная с 1918 года, «верховный правитель Сибири» и его правительство в Омске, спонсировались Антантой. Все колчаковские советники – иностранцы: из Англии (полковник Вечвуд), Франции (генерал Жанен) и США (генерал Грэвс). 26 января 1999 г. военный суд Забайкальского военного округа признал Колчака «не подлежащим реабилитации». Из выводов комиссии: «Колчак не остановил террора в отношении гражданского населения и как человек, совершивший преступления против мира и человечности, не подлежит реабилитации»[3]. В январе 2001 года это решение пришлось подтверждать в Военной коллегии Верховного суда РФ. 4 мая 2005 года Главная военная прокуратура РФ, вернувшись в пятый раз к вопросу о реабилитации Колчака, вновь отказала с формулировкой: «Бывший верховный правитель Сибири повинен в массовом терроре против сторонников Советской власти и не подлежит реабилитации, заслуги адмирала в дореволюционный период не могут служить основанием для реабилитации». Последний раз в реабилитации Колчака отказала уже прокуратура Омской области в январе 2007 года. Тем не менее, памятник Колчаку все же возведен на берегу Ангары в самом центре Иркутска[3].

В Красной армии в боях за Нижний Тагил воевало около 10 тысяч солдат. Кроме Ф.Голикова, красноармейским полком также командовал будущий Маршал Советского Союза В.Соколовский**.** Как вспоминал В.Носов: «Добровольцы пополняли армию каждый день. Особенно много их было после падения Екатеринбурга. Были седые старики и почти малыши, но все они горели ненавистью к белогвардейцам»[10].

Войска Красной Армии, разгромив основные силы Колчака – Западную и Сибирскую армии на фронте шириной 1200 км, продвинулись к востоку на 350–400 км, а также взяли важные сельскохозяйственные и промышленные районы с населением около 5 млн. человек. Контрнаступление РККА не только выявило стратегическую инициативу – был обозначен решительный перелом и

достигнуты успехи по завершению разгрома войск Колчака и овладению Уралом, а затем и Сибирью.

Приказом войскам Восточного фронта № 238 от 29 апреля 1919 г., в период наступления Восточного фронта Русской армии, были созданы Вятский, Казанский (впоследствии Сарапульский, Челябинский, Кокчетавский, Акмолинский), Симбирский (впоследствии Уфимский, Троицкий), Самарский и Саратовский УРы (укрепрайоны). С продвижением частей Красной армии на восток были образованы Оренбургский (июнь 1919 г.), Стерлитамакский (впоследствии Верхнеуральский, Звериноголовский), Пензенский (июль 1919 г.), Екатеринбургский и Уральский (август 1919 г.) укрепрайоны. После овладения Сибирью они были расформированы, но на территории бывших казачьих войск (в южной части) – Акмолинский, Актюбинский, Оренбургский, Троицкий, Уральский – они сохранялись до начала 1921 г.[4]

Армии Восточного фронта РККА участвовали в боевых действиях на широком фронте – в Среднем Поволжье, Прикамье, а также на Урале против Чехословацкого корпуса, Народной армии КОМУЧа, Сибирской армии, армий русского Восточного фронта адмирала Колчака.

19 июля 1919 г. командующим Восточным фронтом был назначен М.В. Фрунзе. 14 июля был освобожден Екатеринбург, а в ноябре пала «главная ставка» адмирала Колчака – Омск. Правительство А.Колчака сбежало в Иркутск. 24 декабря 1919 года против адмирала началось восстание и белочехи заявили о своем нейтралитете. В начале января 1920 г. Колчак был выдан ими руководителям восстания, феврале 1920 года по приговору Иркутского ревкома Колчак был расстрелян. Попытки ряда современников-«приверженцев монархии» в реабилитации адмирала Колчака остались безуспешными.

Восточный фронт был расформирован 15 января 1920 года. Но Гражданская война ушла на Дальний Восток и продолжалась еще два года. С обеих сторон были огромные потери. Старожилы Нижнего Тагила помнят ту страшную войну. Победили красные. Сегодня об этих событиях напоминают улицы, названные с честь героев Гражданской войны на Урале, а также два мемориала: памятник героям Гражданской войны и памятник чехословацким легионерам,

павшим в боях Первой мировой и Гражданской войн на территории России.

Список источников и литературы:

1.Войтиков С. С. Троцкий и заговор в Красной Ставке. М.: Вече, 2009. 352 с.
2.Голиков Ф.И. Красные орлы (из дневников 1918-1920 гг.) [Электронный ресурс]. URL: http:// etextlib (дата обращения 02.07.2018).
3.Гражданская война в СССР. М., 1986. Т. 2.
4.Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1987. 720 с.
5.Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920): Сб. документов. М., 1969.
6.Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.): Сб. документов. М., 1972. Т. 2.
7.Какурин Н.Е. Как сражалась революция. 2-е изд. М., 1990. Т. 2.
8.Кургузов В.Л. Гражданская война в России: к проблеме памяти и забвения // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2016. № 4-5. С. 10-19.
9.Манзор И.А. Гражданская война в нашем городе в 1918-1919 гг. Газета «Тагильский рабочий». № 63 от 9 апреля.2008 г.
10.Пудовкин С. И. Улицы города. Красный Камень. Нижний Тагил. Репринт. 2005. 68 с.
11.Савченко В. А. Авантюристы гражданской войны: Историческое расследование - Харьков: Фолио (ISBN 966-03-0845-0); М.: ООО «Издательство АСТ» (ISBN 5-17-002710-9) - 2000. - 368 с. - (Жизнь знаменитых людей).
12.Скробов В. С. Военное поражение контрреволюции на Урале (ноябрь 1917 – август 1919 гг.) // Россия и АТР. 2006. № 4.
13.Танкиевская И. Н. Нижняя Салда. Екатеринбург: изд-во Уральского университета. 2000. 352 с.
14.Эйхе Г. Х. На главном направлении // Разгром Колчака: Воспоминания. М., 1969.

Бессонов Михаил Сергеевич

Максим Михайлович Походяшин – верхотурский купец и заводчик

Значительную часть северо-западной территории Свердловской области занимают Волчанский, Карпинский, Краснотурьинский,

Североуральский и Новолялинский городские округа. История этих округов неразрывно связана с именем верхотурского купца Максима Михайловича Походяшина. До 1757 г. это был глухой, необжитый край. Река Ляля была естественной северной границей русских поселений в Верхотурском уезде, возникших еще за сто лет до этого. Несколько севернее находилась только деревня Коптякова, да жили семейства ясачных вогул. Казалось, ничто не могло разбудить вековую тайгу. И лишь приход сюда в 1757 г. Походяшина, как сейчас бы сказали, инвестировавшего свои капиталы в развитие этих северных территорий, послужил толчком к развитию края. Буквально в два десятилетия Северный Урал преобразился: были построены заводы, разработаны рудники, шло постепенное заселение.

Биографию Походяшина можно разделить на два этапа: до 1757 г., когда шло, так сказать, «первоначальное накопление капитала», и с 1757 г. время прихода его в уральскую металлургию. В исторической литературе немало написано о роли М.М.Походяшина в развитии Северного Урала. Хотя, на мой взгляд, недостаточно. Личность человека, заводы которого выплавляли большую часть меди на Урале, который к концу своей жизни стал одним из богатейших людей в России, заслуживает не меньшего внимания, чем «хозяйство Демидовых». К сожалению, вот уже на протяжении двух веков образ Походяшина окружают многочисленные мифы и легенды, наверное, больше, чем кого-либо из уральских заводчиков. Как существуют легенды о происхождении богатства Походяшина, так и до сих пор не был известен точный год его рождения, место рождения, происхождение. А ведь Походяшин Максим Михайлович, наверное, единственный из крупных уральских заводчиков имевший местные корни.

Первая легенда о происхождении богатства М.М.Походяшина была записана писателем-мемуаристом А.Т.Болотовым 14 января 1796 г.: «История славного купца и фабриканта Походяшина. Отец и основатель сего дома был простой ямщик или извозчик, возивший, подряжаясь на нескольких подводах, медную руду из рудников на заводы в Сибири. Некогда, едучи на семером с работниками своими, остановились они в одном лесу ночевать, спутали лошадей, пустили на траву, сварили кашу, наелись и легли спать. Ночью лошади распутываются и уходят. Путешественники просыпаются, не находят

лошадей, разделяются на три партии и идут в разные стороны их отыскивать. Сам хозяин идет лесом долго, долго; находит, наконец, следы лошадей по росе и, следуя им, выходит на берег одной речки и тут их находит. Обрадовавшись, излавливает их всех, схватывает за повод, хочет умыть лицо в реке и вдруг видит камень, похожий на руду медную; смотрит – узнает, что наилучшая руда; идет далее – находит более и более и открывает, что берег той речки на несколько верст укрыт медною рудою, лежащей на самой поверхности; он испытывает копать и открывает еще того больше. Он затевает великое дело. Возвращается по своему следу, замечает оный, уговаривает товарищей поставить на сем месте крест; утаивает от них; возвращается в свое место; едет в губернский город; справляется о узаконениях; предлагает губернатору; обещает ему выгоду, ежели он поможет; грозит ехать в Петербург и подкупать там. Губернатор соглашается, представляет бергколлегии; та велит о нем проведать и, в случае безопасности, дать ему 25 тысяч на заведение завода. Он едет на лучший завод, подговаривает наилучших мастеров, едет с ними и заводит завод. И оказывается, что нигде не было еще столь изобильной и хорошей медной руды; и он, в короткое время, делается страшным богачом и начинает ворочать миллионами»[1].

Впервые в литературе имя Походяшина упоминает географ XVIII в., член-корреспондент Российской Академии наук П.И.Рычков в своём труде «Топография Оренбургская», изданном в 1762 г. «…Да от Исетска в 31 версте, вверх по речке Юруму, по течению ея с левой стороны, при деревне Ильиной, в болотном месте найдена земля лазоревая наподобие кубовой краски, которую также маляры употребляют. Сия оттискана Верхьхотурским купцом и заводчиком Максимом Походяшиным, по данному ему из канцелярии главнаго правления Сибирских и Казанских заводов о прииске руд указу, которой называя ее медною рудою, посторонних без позволения от себя и брать не допущает…»[2].

Первое известное на данный момент упоминание в Верхотурье фамилии «Походяшин» надо отнести к 1670 г. В «Книге переписной и перемерной Верхотурского города дворам 178 г.» есть такая запись: «… от Крестоникольские башни… Двор Никольского церковного дьячка Митки (Дмитрия – М.Б.) Походяшина. Дворовому месту длинику тринатцать сажен, поперег восмь сажен, а в межах тот двор с

ямским охотником с Назаром Опаркиным, а владеет он тем двором по закладной записи приказные избы подьячего Ерофея Головина, а з дву сторон проезже улицы»[3]. Как видим, Дмитрий Походяшин был дьячком в Никольском монастыре и, по крайней мере, уже несколько лет проживал в Верхотурье, раз успел обзавестись своим двором. Он был дедом Максима Михайловича, а отец был верхотурским посадским. По архивным документам удалось установить год рождения Максима Михайловича Походяшина – 1708 г.

Уже пятнадцатилетним отроком Максим участвует в торговых делах старшего брата. Чем занимался Петр Михайлов Походяшин? Скорее всего, торговлей. На это указывает запись в расходной книге Верхотурской земской конторы за 2-ю половину 1723 г.: «…Того же числа (11 августа 1723 г. – М.Б.) по указу Его Императорского Величества из Верхотурской канцелярии за рукою воеводы господина Беклемишева дано из земской канторы ис казны Его Императорского Величества из рентереи из неокладных зборов, которые взяты ис канцелярии, с найму подвод десятой денги, гостиной сотни Петру Походяшину за взятой у него бечевник, которой у него взят на новые медные заводы (Лялинский медеплавильный завод – М.Б.) для розмеру плотины и протчего, мерою тритцать сажен, восмь алтын две денги. Отдал счетчик Степан Коростелев. При сей стате вышеписанные денги восемь алтын две денги Максим Походяшин принял и росписался»[4]. Как видим, кроме того, что семья Походяшиных уже в 1-й четверти XVIII в. была довольно состоятельной и выделялась в верхотурской среде, так еще практически все мужчины рода знали грамоту. Это развеивает еще один миф – о неграмотности Максима Походяшина. В дальнейшем, многие доношения и рапорты будут подписаны его рукой. К 27 годам (1734-1735 гг.) он уже бурмистр – служитель Вехотурской таможни и его имя фиксируется в документах, связанных с Ирбитской ярмаркой[5].

Историк П.Т.Любомиров отмечает, что уже в 1734 г. Походяшиным были созданы два винокуренных завода в Верхотурском уезде[6]. Действительно, сведения об этом мы находим в документах Пермской казенной палаты, где в 1789 г. со слов одного из сыновей Походяшина записано, что Фоминской «винокуренной завод, как он догадывается, построен на государственной земле, а

утвердительно сказать не может, потому что о заведении оного в делах покойного отца ево никаких бумаг не находит, которые столь долгое время конечно и сохраниться не могли, а надлежит о сем иметь справку в архивах бывшаго верхотурского комисарства или Тобольской губернской канцелярии, а ему известно толко, что не один родитель ево, а обще с товарищами ево, верхотурскими посадскими людми Максимом Зиновьевым и Афанасием Серебряниковым, оным владели до 1740 г., а в оном году те товарищи ево Зиновьев и Серебряников принадлежащие свои части уступили ему, по которой уступке родитель ево один и владел, а в 1755 г. продал покойному господину сенатору и кавалеру графу Петру Ивановичу Шувалову, а в 1772 г. от сына ево господина Тайного советника действительного камергера и кавалера графа Андрея Петровича Шувалова опять оной с протчими винокуренными ж заводами обратно к себе перекупил…»[7].

Здесь же на речке Бобровке у него была мучная мельница на «одном поставе», которой он владел совместно с русскими ясачными Реутовыми[8]. В дальнейшем Максим Михайлович расширяет сеть винокуренных заводов: здесь же у него появляются еще два Фоминских завода; в 1747-1751 гг. в Ялуторовском дистрикте он строит Уковский винокуренный завод, предположительно став таким образом основателем г.Заводоуковск в Тюменской области; недалеко от Уковского строит Падунский[9]; был владельцем Усть-Миасского и Боготольского (недалеко от Красноярска) винокуренных заводов. В 1770 г.Походяшин вместе с старшим сыном Василием основывают Успенский винокуренный завод (ныне поселок Заводоуспенский Тугулымского городского округа Свердловской области)[10].

«Но самый надежный доход Походяшин, как и многие его предприимчивые современники, получил в 40-х и первой половине 50-х гг. от откупов. Петр с Максимом держали вместе в течение 13 лет откуп «конских сборов», а Максим еще одновременно получил обильную прибыль с «питейных сборов», которые взял на откуп в компании с купцом А.Власьевским. Поставка вина со своих «заводов» и откупа винного торга заложили прочную основу легендарного состояния Походяшина. В документах 1753 г. власти официально именуют его «верхотурский купец, а винной подрядчик» или «верхотурский купец, а питейных и прочих сборов откупщик». Таким

пришел Походяшин в металлургию; пришел, как мы видим, отнюдь не скачком из бедняков в заводчики, через счастливый случай»[11].

Наблюдая за бурным развитием уральской металлургии и, очевидно, скопив к тому времени достаточный капитал, Максим Походяшин, будучи человеком прозорливым, решает вложить эти средства в металлургическое производство. Первую попытку в этом направлении он делает вместе со своим компаньоном, верхотурским же купцом Алексеем Власьевским. В 1753 г. они просят Канцелярию Главного заводов Правления передать на их содержание находящиеся в Красноярском уезде казенные заводы: медеплавильный Луказский и железоделательный Ирбинский, которые к тому времени были остановлены «за пресечением руд». Получив разрешение и осмотрев заводы, они пришли к выводу, что «от немалого оных бездейства в пустоте стояния, и что они погнили и обветшали, и что ж от повреждения плотин требуют поправления не малую сумму, и за другою их невозможностию взять они не желают»[12]. В том же году они получают разрешение на прииск руд в Сибирской и Оренбургской губерниях. Руду они нашли и через два года получили разрешение на строительство собственного завода на речке Язагаш, притоке Енисея, в том же Красноярском уезде. По всей видимости, одновременно, Максим Михайлович проводит поиски руд и в родном Верхотурском уезде, которые в 1757 г. увенчались успехом. После этих открытий он больше не участвует в строительстве Язагашского завода.

В 1758 г. Максим Михайлович приступил к строительству Петропавловского завода (ныне г.Североуральск) на речке Колонге, рассчитанного на обнаруженные по соседству медные и железные месторождения. Строительство велось вольнонаемными работниками из Верхотурского и соседних уездов. Начав с плавки чугуна, после открытия в 1760 г. на р.Турье медных рудников, с богатейшим содержанием руды, перевел предприятие на выплавку меди. Начав разработку рудников, положил тем самым основание поселению Турьинских рудников (ныне г. Краснотурьинск)[13]. В 1760 г. совместно с тульским купцом Василием Артемьевичем Ливенцовым Меньшим приступил к строительству чугуноплавильного и железоделательного Николае-Павдинского завода на речке Павде (ныне поселок Павда Новолялинского городского округа). В том же 1760 г. к

Петропавловскому заводу и будущему Богословскому были приписаны 4200 государственных крестьян из Чердынского уезда для строительства заводов и вспомогательных работ. В 1766 г. началось строительство Богословского медеплавильного завода[14], крупнейшего для своего времени. Со времени своего основания занимавший первое место по количеству выплавляемой меди на Урале, производивший более 30% общероссийской меди. Выплавляемая медь отправлялась на Екатеринбургский Монетный двор. По архивным документам известно, что в 1774-1775 гг. выплавляемая на Богословском заводе медь отправлялась и в Архангельский порт для строительства кораблей и «прочих» судов[15].

Неожиданно в 1769 г. М.М.Походяшин приобретает в Усть-Сысольском уезде Вологодской губернии у великоустюжских купцов А.А.Плотников и А.В.Панова чугуноплавильный и железоделательный Нювчимский завод. Здесь Максим Михайлович со свойственной ему энергией принялся за дело: поставил шесть новых кричных молота, увеличил производительность завода, доведя выковку железа до 30000 пудов в год[16].

Огромное хозяйство требовало и огромного количества рабочих рук, а их не хватало. С 1762 г. положение еще более осложнилось: по императорскому указу приобретать крепостных теперь могли лишь дворяне, а Максим Михайлович имел лишь купеческое звание. К тому же в 1774 г. кончался срок работы приписанных крестьян на заводах Походяшина. Необжитый, суровый край, тяжелые условия труда на заводах и рудниках не могли привлечь вольнонаемных работников. Перед М.М.Походяшиным стояла задача: любой ценой приобрести необходимую рабочую силу. И такая возможность появилась. Владелец Пожевского завода В.А.Всеволожский решил «продать» Походяшину три четверти его с приписанными крепостными. 15 января 1774г. Берг-коллегия удовлетворила такую просьбу заводчика. Согласно этой сделке Максим Походяшин приобретал три четверти рудников и приисков из приписанных к Пожевскому заводу, которые за истощением рудных запасов были заброшены, три четверти заводских строений, которые еще предполагалось соорудить, но самое главное – 3900 душ из вновь приписанных к заводу крепостных. Походяшин приобрел именно то, что ему требовалось – «работных людей». Прошло два года. 10 февраля 1776 г. Берг-коллегия

официально разрешила М.М.Походяшину перевести крепостных, приписанных к Пожевскому заводу, на Петропавловский и Богословский заводы[17].

В 1775 г. Максим Михайлович вложил капитал в совершенное новое для себя дело, купив у верхотурского купца Осипа Коновалова Туринскую бумажную фабрику[18]. По версии некоторых уральских краеведов на этой фабрике в 1787 г. вышла книга “Приключения посадского Ивана Зубарева”, весь тираж которой по приказу Екатерины II был изъят и уничтожен[19]. Сей факт, конечно, любопытный, но требующий проверки.

После попытки совместно с А.Власьевским построить завод в Красноярском уезде, Походяшин не забыл эти места и продолжал здесь поиски руд. К 70-м гг. XVIII в. в Красноярском и Томском уездах у него было около трех десятков медных и железных рудников и приисков. Первая группа находилась в районе реки Чулым и его составляющих: Черного и Белого Июсов (это северная часть нынешней Хакасии). Вторая группа находилась севернее, в районе нынешних городов Красноярского края: Боготол, Ачинск, Назарово, где все тот же Чулым делает петлю. Сохранился план, составленный в октябре 1777 г. «по указу Канцелярии главного заводов правления, по просьбе заводчика Максима Походяшина, назначенному для медеплавильного завода месту». Место это находилось на р. Печище, притоке Черного Июса в Томском уезде. Завод предназначался для проплавки руд с рудников первой группы. Для рудников второй группы назначались места под заводы на речках Караковой и Барабановой, притоках Чулыма. Приступили ли к строительству заводов пока не известно. Но рудники разрабатывались и руда поставлялась на казенные Колывано-Воскресенские заводы[20].

Этот эпизод из биографии говорит об удивительной энергии, жизнедеятельности Максима Михайловича. В возрасте далеко за 60, почти 70, у него были еще далеко идущие планы. Как будто человек собирался прожить два века. И только смерть смогла остановить его. Умер он 25 декабря 1780 г., оставив после себя огромное хозяйство, «хозяйство Походяшина»[21].

Хотелось бы сказать несколько слов о Максиме Михайловиче как о храмостроителе. Будучи внуком и родственником священнослужителей и, являясь прихожанином храма Покровского

девичьего монастыря, на его средства 19 сентября 1744 в г. Верхотурье была заложена, как монастырская, Покровская церковь, каменная, одноэтажная, однопрестольная, без колокольни. В Верхотурье же в 1754 г. была заложена двухэтажная и двухпрестольная каменная церковь во имя Иоанна Предтечи и Варвары великомученицы[22]. В 1758 г. одновременно со строительством Петропавловского завода он строит там и деревянную церковь во имя верховных апостолов Петра и Павла, которую снабдил всей необходимой церковной утварью, богослужебными книгами, колоколами, пригласил священника[23]. Пройдет несколько лет и в 1767 г. в Петропавловском заводе на средства Походяшина будет заложена одноименная каменная двухэтажная церковь. А в Богословском заводе был построен соборный Введенский каменный, двухэтажный и двухпрестольный храм[24].

Старшим сыном Максима Походяшина, очевидно, был Василий. Впервые мы встречаемся с ним в октябре 1760 г., когда он подписывает доношение в Канцелярию Главного заводов Правления: «верхотурский купец Василей Походяшин руку приложил»[25]. В дальнейшем он активно участвует в хозяйственной деятельности своего отца. «Василий умер 19 августа 1771 г., не успев по-настоящему развернуться…»[26].

Вторым по возрасту был Михаил, и остается только удивляться тому, что исследователи, работавшие с архивными документами, не обратили внимание на это имя, хотя он, как и Василий, принимал участие в строительстве заводов. Так, 23 апреля 1761 г. он подписывает доношение в Канцелярию Главного заводов Правления, в котором просит произвести отвод лесов к Николае-Павдинскому заводу: «…заводчика и верхотурского купца Максима Походяшина от сына ево Михаила Походяшина»[27]. К сожалению, об этом сыне М.М.Походяшина известно меньше всего.

Будучи по природе не глупым человеком, Максим Михайлович отлично понимал значение образования для будущего своих сыновей. Все они были грамотными, а младшие, Николай и Григорий, через военную службу получили дворянство. О Николае известно, что в 80-х гг. XVIII в. он, будучи обер-провиантмейстером, жил в Москве в таком престижном месте, как Нескучный сад, по соседству с князьями Трубецкими, Голицыными, бывшим прежде заводчиком

П.А.Демидовым[28]. Владел крестьянами. В прошении в департамент уделов Николай Походяшин писал: «Имею я в Костромской губернии в Ветлужском уезде недвижимое имение, доставшееся мне от надворного советника Михаила Прокофьева сына Рябова по купчей, совершенной 1791 г. ноября в 9 день, да от полковника князя Николая Ивановича Одоевского в 25 деревнях…»[29].

Младший, Григорий, будучи молодым офицером, был принят в масоны ложи Ора (точнее – Горуса) в Петербурге. В 1781 г. стал членом-учредителем масонской ложи Золотого ключа в Перми[30]. А в 1785 г., приехав в Москву, познакомился с известным просветителем XVIII в. Н.И.Новиковым, которому неоднократно передавал крупные суммы денег на просветительно-благотворительные предприятия. В 1791 г. деятельность «Типографической компании» Новикова почти прекратилась. Положение ее дел было безвыходно, и члены ее были, наконец, вынуждены в ноябре 1791 г. составить акт об ее уничтожении и передаче всех дел Новикову и Походяшину[31]. Очевидно, финансовая помощь Новикову явилась одной из причин, побудивших Походяшиных продать свои заводы в 1791 г. Вообще, как пишет сибирский историк М.М.Громыко, «вопрос о деятельности Григория Максимовича Походяшина как видного русского просветителя конца XVIII – начала XIX в. должен стать объектом самостоятельной статьи»[32].

Стремились братья Походяшины и, по мере возможности, облегчить жизнь населения своих заводов. Тут не прав Н.К.Чупин, утверждавший: «…ни школ грамотности, ни госпиталей, ни аптеки при Походяшиных заведено не было, не было также не только врача, но и лекарского ученика…»[33]. Если мы посмотрим ведомость, составленную в 1791 г. при передаче Богословского завода в казну, мы найдем записи: «…гошпиталь и лекарской дом – 1» стоимостью «2758 руб. 61 ¼ коп.», «при лазарете на лицо состоит разных медикаментов и вещей, о коих прилагается при сем особо учиненной по званиям реистр, на 763 руб. 29 коп.»[34]. Имеются косвенные данные и о наличии школы на Богословских заводах. Даже если мы возьмем план Успенского винокуренного завода, составленный в 1778 г., на нем мы найдем школу[35]. Не чужды были братьям и различные по тем временам новшества. В той же вышеупоминаемой ведомости мы находим: «…вновь зачаты строится ранжарея и сад – 522 руб. 3 ¼

коп., …часы на колокольне – 600 руб…» Какой завод в то время мог похвастаться часами на колокольне?

В заключение хотелось бы еще раз процитировать М.М.Громыко: «Незаурядная семья Походяшиных заслуживает внимания историка в силу сложной и многозначной деятельности ее представителей в разных областях общественной жизни России»[36]. Действительно, в период с 70-х гг. XVII в. и до конца 40-х гг. XIX верхотурская семья Походяшиных представлена практически всеми социальными слоями тогдашней России. Здесь духовенство и посадские, казаки и купцы, мещане и дворяне. Были среди них заводчики и монахи, военные и священники, горные и гражданские чиновники, просветители. Чтобы лучше понять значение семьи Походяшиных в истории Урала и России, нужна дальнейшая работа в архивах Екатеринбурга, Тобольска и Перми, Москвы и Петербурга.

Примечания:

[1]Болотов А.Т. Памятник протекших времен или Краткие исторические записки о бывших происшествиях и носившихся в народе слухах // Записки Андрея Тимофеевича Болотова 1737-1796. Тула, 1988. Т.2. С.373.

[2]Рычков П.И. Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии. СПб., 1762. Ч.2. С.166-167.

[3]ГБЛ. Ф.218. Собрания отдела рукописей. № 547. Л.18.

[4]ГАСО. Ф.606. Оп.1. Д.464. Л.101 об.

[5]Там же. Ф.24. Оп.1. Д.563. Ч.2. Л.157 об.

[6]Любомиров П. Т. Очерки по истории… С.256.

[7]ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.2480. Л.3, 3 об.

[8]Там же. Д.1598. Л.154 об.

[9]Ермачкова Е.П. Максим Походяшин – основатель Уковского завода // Словцовские чтения – 2005: Материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень, 2005. С.67-68.

[10]Бессонов М.С. Походяшины – основатели поселка Заводоуспенского // Веси. Ирбит, 2003. № 4. С.12 – 13.

[11]Громыко М. М. Верхотурские купцы Походяшины… С.141; РГАДА. Ф.1467. Оп.1. Д.14. Л.96; Д.61. Л.294.

[12]ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.1463. Л.197.

[13]ГАСО. Ф.24. Оп.12. Д.3125. Л.75, 259.

[14]Там же. Оп. 1. Д.1719. Л.86; Д.1734. Л.178; Д.1852. Л.117.

[15]Там же. Д.2199. Л.406 об.

[16]Уральский торгово-промышленный адрес-календарь на 1911 г. Пермь, 1911. Отдел VII. Горные заводы и промыслы Урала. С.484-485.
[17]Металлургические заводы Урала XVIII-XX вв. Энциклопедия. Екатеринбург, 2001. С.384.
[18]Участкина З.В. Развитие бумажного производства в России. М., 1972. С.128. [19]Павлов В. Люди и книги. Опыт «инвентаризации» уральского книгопечатания // Урал. Екатеринбург, 2003. № 3.
[20]ГАСО. Ф.24. Оп.2. Д.264. Л.38 об.; Ф.59. Оп.3. Д.1762а.
[21]Громыко М.М. Г.М.Походяшин в «Дружеском ученом обществе» Н.И.Новикова // Города Сибири (экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). Новосибирск, 1974. С.265.
[22]Екатеринбургские епархиальные ведомости. Екатеринбург, 16 января 1898. №2. Отдел неофициальный. С.25.
[23]ГА в г.Тобольске. Ф.И156. Оп.1. Д.2501. Л.12, 24-24 об.; Д.2748. Л.5.
[24]Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 1902. С.300-301, 314.
[25]ГАСО. Ф.24. Оп.12. Д.3125. Л.19 об.
[26]Громыко М.М. Верхотурские купцы Походяшины… С.148; ГАТОТ. Ф.156. Оп.1. Д.146. Л.1, 67.
[27]ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.1734. Л.152.
[28]Киприн В., Шаляпина Т. Нескучный сад // Москва. М., 1989. № 1. С.146.
[29]РГИА. Ф.515. Оп.7. Д.16.
[30]Курочкин Ю. Уральские находки. Свердловск, 1982. С.31.
[31]Гаршин Е. Мартинист и филантроп прошлого века // Исторический вестник. СПб., 1887. Т.29. С.638.
[32]Громыко М.М. Верхотурские купцы Походяшины… С.149.
[33]Чупин Н.К. О начале и развитии… С.327.
[34]ГАСО. Ф.24. Оп.31. Д.6006. Л.2-24, 176-182 об.
[35]Там же. Ф.59. Оп.7. Д.304.
[36]Громыко М.М. Верхотурские купцы Походяшины… С.137.

Гунгер Юрий Владимирович

Никито-Ивдельский мятеж[1]

28 сентября 1918 года в селе Никито-Ивдельском[2] вспыхнуло восстание. Понятно, что восстание не могло возникнуть без причин. И предшествовали ему некоторые сентябрьские события.

Известная журналистка З.В.Рихтер, посетившая Надеждинск[3] в июле 1919 года, так описала их: «В окрестностях Ивделя работала

изыскательская дорожная партия Сахарова, но эта партия вместо изысканий занялась контрреволюцией. В Ивделе были задержаны двое возвращающихся на родину военнопленных австрийцев. У одного из них нашли письмо начальника изыскательской партии, штабс-капитана Сахарова, который писал кому-то: «Дорогой Коля, наши дела идут недурно. Доблестная армия скоро снова возьмет Екатеринбург».

В Ивделе не было Красной гвардии. Ивдельская ячейка переслала письмо в Надеждинск. Прибывший в Ивдель надеждинский отряд обнаружил в складах изыскательской партии 73 винтовки, 2 пулемета, огнестрельные припасы. Все это провозилось под видом инструментов партии.

«Никонов допрашивал Сахарова. Штабс-капитан не запирался.

– Я белая кость, а вы черная. Мы непримиримые враги.

Никонов поднял браунинг…».

Лица, упоминаемые З.В.Рихтер, вполне реальные. Матрос Иван Степанович Никонов – организатор и начальник надеждинских красногвардейских отрядов. На счет Бориса Васильевича Сахарова, техника изыскательской партии (начальник В.В.Сахаров) Обь-Беломорской железной дороги, Зинаида Владимировна ошибается: красногвардейцы расстреляли его в Верхотурье 12 октября 1918 года, а в Никито-Ивдельском был расстрелян техник изыскательской партии (начальник Ю.Н.Кульчинский) железной дороги Тавда-Индиго Попеловский (или Копиловский). Кроме И.С.Никонова, известен еще один участник расстрела – «помощник комиссара» Александр Дмитриевич Ворошилов. Сведения же о большом количестве оружия пока представляются невероятными.

По свидетельству Е.Д.Стратановича, участники партии Ю.Н.Кульчинского возвращались через Никито-Ивдельское в Екатеринбург. Здесь красногвардейцы арестовали шестерых участников партии, остальные 13 бежали по реке Лозьве на север. На водоразделе в верховьях Лозьвы и Северной Сосьвы они завладели оленями и нартами, заготовленными для передвижения участников Северно-Уральской экспедиции Богословского горного округа. Остановил их, уже завладевшими лодками этой экспедиции на Северной Сосьве, Е.Д. Стратанович. Вернув транспорт экспедиции в исходное состояние, Стратанович вновь принялся ожидать остальных

ее участников на Северной Сосьве. Через три дня к месту его стоянки прибыли «комиссар продовольствия Верхотурского уездного совдепа В.С.Мелехин с двумя спутниками», бежавшие от красных из Никито-Ивдельского и воспользовавшиеся теми же оленями, нартами и лодками. Прибывшие своими рассказами «навели окончательную панику на наших погонщиков оленей и лодочников». Они же принесли известие, что «в Ивделе Совет не пропускает никого на территорию Сибирского правительства и обратно оттуда на свою территорию». Уверенный в том, что участники его экспедиции не смогут прибыть в район работ, Стратанович выехал в Березов.

Степан Семенович Дурбажев со своей частью экспедиции, воспользовавшись пропуском, выданным «ивдельской советской властью до дер[евни] Бурмантовой, «решил пробраться все-таки на Север». Это ему удалось, несмотря на то, что за партией «была снаряжена погоня под начальством матроса Сильных». Это свидетельство Е.Д.Стратановича дает основание полагать, что в первой половине сентября в Никито-Ивделе, наряду с надеждинскими, находились и турьинские красногвардейцы.

Позже, в январе 1920 года, ивдельчане (234 человека) единогласно свидетельствовали: «Выступление общества было не против советской власти, а против наезжавших в Ивдель разных уполномоченных и красноармейцев из отряда приезжих, которые отбирали у населения молоко, яйца, масло и часть одежды, чем и возмутили население, которое решило лучше пропасть с оружием в руках, чем терпеть подобное насилие».

Известно, что красногвардейцы разбили упаковку ручного бура, изъяли кошму и брезент экспедиции Богословского горного округа, хранившиеся на складе И.И.Шешина.

Закоперщиками восстания стали Рогалевы и Федоровы. 28 сентября 1918 года в Никито-Ивдельском состоялось «собрание отдельных лиц». Ночью восставшие, по выражению Петра Вахонина, «разогнали красную армию». Впрочем, «разгон» произошел бескровно, но некоторых местных «активистов и сторонников» Совета избили. Восставшие разоружили лесную охрану. На следующий день, 29 сентября, вняв уговорам односельчан, отряд восставших возглавил подпрапорщик П.Н.Арапов.

Кроме Петра Никитича Арапова и Петра Вахонина, известны имена еще нескольких участников отряда: Андрияна Никитича Арапова, Афанасия Мартемьяновича (Мартемьевича) Паршакова, Филарета Степановича Рогалева и Иосифа Константиновича Федорова.

Ожидая карательных действий со стороны советских властей, Арапов отправлял дозоры во Всеволодоблагодатское и даже на Вагран. Дальнейшая история событий имеет две взаимоигнорирующие версии. Назовем первую из них «турьинской», т.к. в ней начисто отсутствуют упоминания о каких-либо красногвардейских отрядах, кроме турьинского; вторую – «богословской», соответственно не упоминающей об участии в подавлении восстания других отрядов, кроме богословского.

Итак, согласно турьинской версии, ивдельские мятежники намеревались «задушить Советы во Всеволодо-Благодатске, Петропавловске[4], Богословске[5], Турьинских Рудниках[6], и уже после этого взять путь на соединение с белогвардейцами Северной колонны, которой командовал Казагранди.

Командование 29-й дивизии направило в Турьинские Рудники «батальонного командира» А.Л.Анашкина, комиссара К.Ф.Назарова и 13 бойцов (все местные уроженцы, горняки Турьинских Рудников). Организовав митинг, Назаров и Анашкин пополнили отряд «свежими силами» и сменили лошадей. После чего Назаров «повел бойцов в Ивдель, а Анашкин остался в Турьинских Рудниках «для наведения революционного порядка и формирования нового отряда».

Первый бой произошел еще на дальних подступах к Никито-Ивдельскому, на Ивановском болоте. К.Ф.Назаров «повел свой отряд в обход обороны мятежников и выйдя в тыл, разгромил белогвардейцев».

В ночь с 26 на 27 сентября «турьинские горняки» с марша вступили в «жестокую схватку с озверелым кулачеством», в результате которой ивдельские «кулаки-мятежники» были разгромлены. Потери турьинцев: один убит (А.В.Трошев), трое ранены (К.Ф.Назаров, И.А.Ожегов, А.Г.Смердов).

По другим, но тоже «турьинским», источникам, прибывший из 29-й дивизии отряд А.Л.Анашкина и К.Г.Назарова насчитывал 40 человек, а пополнился он учащимися горного училища. В сентябре

мятежники были разгромлены, но в жарких схватках с врагом понесли потери и «турьинцы». Как увидим ниже, датировки событий в «турьинской» версии не верны.

Согласно «богословской» версии, в Богословске отряд (50 штыков) был сформирован в несколько дней на основе местной милиции. Оружие (винтовки, патроны, гранаты) поступило из Верхотурья. Командиром отряда был назначен Федор Иванович Огородников, комиссаром – Максимовских. Бойцы отряда: А.А.Агафонов, Амонин, М.П.Амутных, Бакараев, Д.И.Барыкин, Е.Ф.Вахрушев, К.А.Виноградов, А.П.Горбунов, И.Е.Горбунов, Грехов, Грудин, Н.П.Гуляев, Гурьев, С.А.Денисов, Донских, Донских, И.И.Другов, Ш.Закиров, Коркин, М.Лигус, И.И.Лыкосов, Мелехин, В.С.Мантуров, Мешков, Г.И.Морозов, С.А.Мышьянов, Неволин, А.И.Огородников, А.И.Прутик, И.И.Раев, М.И.Савинов, Н.Селезнев, Т.П.Сенников, Н.И.Сенокосов, А.К.Сопков, Е.Н.Сорогин, И.А.Трубачев, Г.К.Фомин, Чазов, Шелепов, Д.А.Ширшев, И.В.Шляев, М.Е.Шумихин, Н.В.Щербаков, С.П.Юрлов. Через неделю после получения известия о восстании отряд был уже у Никито-Ивделя.

Огородников (по некоторым сведениям – офицер) выслал вперед разведку (семь человек – Амутных, Гурьев, Неволин, Трубачев, Фомин и др.), которая была обнаружена восставшими за 150-200 метров от линии обороны и обстреляна винтовочным огнем. Через 30 минут к разведке присоединились главные силы Огородникова. По сведениям разведки, линия обороны восставших в пяти верстах на подступах к Никито-Ивдельскому была оборудована окопами в полный профиль и огневыми точками с расчищенными секторами обстрела.

Выдвинув восставшим ультиматум – сдать оружие, Огородников дал им четыре часа на раздумье. Но, не дожидаясь окончания срока, красногвардейцы забросали окопы противника гранатами и бросились в штыковую атаку. В результате 40-минутного боя восставшие, побросав амуницию, разбежались. Боевые потери богословцев: один ранен (К.А.Виноградов).

Имеются косвенные сведения об участии в подавлении никито-ивдельского восстания отряда из Надеждинска.

Важнейшим источником датировки событий является дневник П.Вахонина, хранящийся в личном архиве ивдельского краеведа

Александра Дмитриевича Губина. Петруха Вахонин вел ежедневные краткие записи. О подавлении восстания свидетельствует запись от 2 октября: «в окопах сдались». Очевидно, что сдались не все. Сам Вахонин 3 и 4 октября был дома и «глядел в подворотню». Следующие дни скрывался в окрестностях Никито-Ивдельского. В частности, 5 октября «ходил на озеро, там ночевал».

В записи от 8 октября Вахонин свидетельствует: «отправилась из Ивделя вся красная армия». Торопиться у красногвардейцев были причины: 7 октября 16-й Ишимский полк капитана Н.Н.Казагранди занял села Болотовское и Махнево. Отряды З.М.Ершова и «главковерха» А.С.Волкова спешно отступали к Верхотурью. Им наперерез, к Меркушино, приближался отдельный батальон капитана А.А.Куренкова.

А теперь самое интересное! Захваченного оружия было столько, что красногвардейцы, спешащие покинуть Никито-Ивдельское, не могли его увезти! Часть его была оставлена местной милиции, другая (большая) – спрятана в тайном месте, известном 2-3 красногвардейцам.

Не задерживаясь в Богословске, из которого еще 7 октября поездом «уехали все советские организации», отряд Ф.И.Огородникова – 29 штыков, 25 лошадей (видимо вьючных), направился в сторону Уральских гор. Не делая даже попыток выйти на Бабиновскую дорогу (очевидно, считая ее уже захваченной белыми), проплутав в тайге и горах 13 дней, 20 октября красногвардейцы вышли к своим на западном склоне Урала.

Из тех красногвардейцев, что не ушли из Богословска с отрядом, некоторые были расстреляны белыми. Братья Донских и Е.Н.Сорогин были расстреляны в Богословске. Там же, в Богословске, за больницей, были расстреляны Евлампий Федорович Вахрушев, Александр Павлович Горбунов, Иван Егорович Горбунов, Сергей Алексеевич Мышьянов и Николай Селезнев; их тела были найдены по Турьинскому тракту. Василий Сидорович Мантуров, Александр Иванович Огородников, Александр Константинович Сопков, Никита Викторович Щербаков и Сергей Павлович Юрлов были расстреляны около стрельбища в Верхотурье. Дмитрий Алексеевич Ширшев умер в верхотурской тюрьме. Сергей Александрович Денисов в тюрьме покончил жизнь самоубийством.

Комиссар юстиции Богословского окружного совета Константин Валерьянович Виноградов после ранения, полученного в Никито-Ивделе и находившийся на лечении в надеждинской больнице, в Надеждинске был расстрелян. Здесь же были расстреляны и надеждинские красногвардейцы, участвовавшие в подавлении Никито-Ивдельского восстания, Александр Степанович Касаткин и Дмитрий Федорович Калганов.

Турьинский отряд, оставивший раненных в Турьинских Рудниках, успел вернуться в 29-ю дивизию. Кузьму Григорьевича Назарова расстреляли 19 ноября у Песчанского моста, Александра Лукьяновича Анашкина увезли в Верхотурье, где порубили шашками.

Сведениям о расстрелянных требуется проверка. Заставляют сомневаться, например, другие сведения о судьбе В.С. Мантурова.

Участники событий с белой стороны были расстреляны позже: П.Н.Арапов в 1921 году, А.Н.Арапов, А.М.Паршаков, И.К.Федоров – в 1937-м, Ф.С.Рогалев – в 1938-м.

В начале лета 1919 года группа богословских подпольщиков во главе с Иваном Ивановичем Друговым и Василием Сидоровичем Мантуровым (якобы расстрелянным?!), знавшими место тайника, ездила в Никито-Ивдельское за оружием. Выше мы уже удивлялись свидетельству З.В.Рихтер о 73 винтовках и 2 пулеметах. Но другой свидетель называет 200 винтовок и 4 пулемета, спрятанных в водонапорной башне и в лесу у Богословска.

Оружие стало востребованным во время «знаменитого» налета отряда А.Н.Никитина в июле 1919 года на станцию Верхотурье, в котором участвовало 400 человек из Богословска, Надеждинска, Вагранской, Лобвы и Новой Ляли. Понятно, что оружия на всех не хватило. Но не все, как говорится, были строевыми: «ехали всякие рабочие, и женщин даже много было. А они с ухватом еще, с лопатой ехали: все равно бьет почем зря». Сведения, что А.Н.Никитин располагал, как минимум, одним пулеметом подтверждаются другим источником.

Имена некоторых участников подавления ивдельского восстания увековечены. В Ивделе есть улицы Трошева и Ворошилова, в Карпинске – Огородникова и Сенокосова, в Краснотурьинске – Назарова.

Примечания:

[1]В статье представлены результаты еще не законченного исследования, и публикация её состоялась по настоянию организаторов конференции «Уральский край в истории России». Поэтому, приношу извинения за неизбежные неточности и отсутствие ссылок на источники.

[2]Ныне город Ивдель Свердловской области.

[3]Ныне город Серов Свердловской области.

[4]Ныне город Североуральск Свердловской области.

[5]Ныне город Карпинск Свердловской области.

[6]Ныне город Краснотурьинск Свердловской области.

Елисафенко Марина Константиновна

На пути к всеобучу: опыт Верхотурского уездного земства

Верхотурское уездное земство было учреждено в 1870 году. С первых шагов своей деятельности верхотурские гласные признали развитие народного образования одним из приоритетных направлений своей деятельности. На первом земском собрании постановили принять финансирование школ всех ведомств, принять меры к открытию новых начальных училищ.

К моменту введения земских учреждений в Пермской губернии на более чем два миллиона жителей пришлось 209 министерских школ, 39 церковноприходских с 10 тыс. обучавшихся. Абсолютный показатель не должен вводить в заблуждения своими нулями, в действительности ученичеством были охвачены только пять процентов детей школьного возраста[1]. Одно училище пришлось на девять тысяч человек, т.е. из каждой тысячи человек, проживавших в губернии, учились лишь четверо[2].

Состояние грамотности в Верхотурском уезде было более чем удовлетворительным по сравнению с другими уездами. Территория уезда – более 6 млн. десятин земли, из них около 1,5 млн. пришлись на практически необитаемые северные территории.

Западная часть уезда (21 волость) была промышленно развита, в ее пределах была создана сеть казенных и частных заводов, при которых были открыты школы, в частности при Богословском, Баранчинском, Нижнетуринском, Верхнетуринском, Серебрянском, Николае-

Павдинском, Петропавловском, Кушвинском, Турьинском заводах и Фроловском рудниках.

Восточные 11 волостей были заселены государственными крестьянами. Сеть школ в государственной деревне была сформирована в соответствии с реформами 1837-1841 годов П.Д.Киселева. На 1860 год в Верхотурском уезде действовали Меркушинское, Мугайское, Коптеловское, Мурзинское, Краснопольское приходские училища Министерства государственных имуществ, в которых обучался 101 учащийся, в этом же году духовенством были открыты «безмездные» Махневское, Мироновское, Арамашевское училища, в которых обучалось 22 учащихся[3].

Первые шаги верхотурских гласных в области просвещения были направлены на решение организационных вопросов: было назначено особое лицо от земства для заведывания школами, был создан училищный совет, территория уезда была поделена на несколько участков, на каждый из них был назначен наблюдатель, который три-четыре раза в год лично посещал школы своего участка.

Организационные мероприятия не могли заменить главной задачи – обеспечение населения доступной школой, а значит было необходимо открывать новые учебные заведения. Земские деятели Верхотурского уезда столкнулись с общей для всех уральских земств проблемой – нехваткой денежных средств. В первые годы работы в большинстве уездов гласные приняли решение открывать начальные народные училища только в том случае, если сельские общества взяли на себя расходы по содержанию школьного помещения. Верхотурские земцы единодушно приняли решение открывать народные училища исключительно на свои средства.

По данным В. Шишонко[1], уже в 1871-1873 годах новые школы были открыты в 19 селах и при 15 заводах[4].

В 1873 году в уезде насчитывалась 41 земская школа, для их успешной работы было приобретено 14237 экземпляров учебных

---

[1] Василий Никифорович Шишонко (1831–1889) – пермский медик, педагог, инспектор народных училищ Пермской губернии, краевед, действительный статский советник.

пособий, при шести школах были открыты ремесленные классы: четыре столярных, сапожный и тележный. Выйский столярный класс, например, снабдил своими изделиями (партами Эрисмана, фребелевскими игрушками[2], линейными мерами) не только школы Верхотурского уезда, но и выполнил несколько заказов для других уездов. Был образован запасной училищный капитал. В 1873 году он составил 34 166 руб.[5]

В 1874 году в Верхотурском уезде на 196 тыс. было 43 начальных народных училища, в которых обучалось 4558 учеников, т.е. школу посещал каждый 68 житель уезда, уезд по этому показателю уступил только Екатеринбургскому уезду, где обучался каждый 67 житель[6].

Первые пять лет деятельности Верхотурского уездного земства были наиболее успешными, за это время количество школ увеличилось в 2,4 раза – с 18 в 1871 году до 44 в 1875, при этом 11 школ или 25 % были расположены в специально построенных или приобретенных земством зданиях, соответствовавших требованиям [СПЗ. 1885. N18. С.478] В последующие пять лет динамика открытия начальных учебных заведений школ снизились наполовину, было открыто только 10 школ, общее количество составило 54, т.е. произошел рост лишь в 1,2 раза.

В начале 1880-х годов из 27 893 детей школьного возраста, проживавших в уезде, посещали земские школы только четыре тысячи или 14,35 %. При этом школы на территории уезда распределялись неравномерно.

В восточных сельскохозяйственных волостях действовало 30 школ, в них обучалось 1860 учащихся, из которых более 37 % были вынуждены приходить в школу из малых деревень, где не было школ.

В западной части уезда, горно-заводской, примерно равной по числу жителей восточной, школ было меньше – 24, но учившихся в них – гораздо больше – 2879 человек, причем приходивших было меньше – 70 детей[7].

Существенная нехватка школ, их переполненность объяснялись низкой плотностью населения, преобладанием в уезде малочисленных населенных пунктов, находившихся на большом расстоянии друг от

---

[2] Фребелевские игрушки – первый обучающий (дидактический) материал для детей, объемные и плоские предметы.

друга. На территории уезда насчитывалось 2 города, 18 заводов, 55 сел, 438 деревень[8], сельские жители составили 96 % населения уезда.

С целью создания условий для обучения детей из удаленных населенных пунктов верхотурские гласные поддержали идею открытия ночлежных приютов при действующих школах, а также создания более дешевых типов учебных заведений: передвижных школ и школ грамоты, «которые имеют за собой то преимущество, что доставляя необходимейшие средства для умственного и нравственного развития учащихся, вместе с тем скорее достигают цели и обходятся дешевле»[9]. Всего в губернии было открыто около 200 ученических общежитий и ночлежных приютов, в т.ч. в Верхотурском уезде – 22[10]. Безусловно, эти количественные показатели были «каплей в море» для столь обширной территории, но важен сам факт поиска способа решения проблемы обеспечения доступности грамотности.

Определенную роль в распространении грамотности в последние десятилетия XIX века сыграли повторительные классы и воскресные школы. Эти формы просвещения были ориентированы на распространение грамоты среди взрослого населения, которое обучалось чтению, письму, началам арифметики. Они открывались по инициативе учителей, знающих потребности земляков, при земских училищах и позволяли одним преодолеть безграмотность, другим – закрепить учебные навыки. Полученные в отрочестве в школе, но не закрепленные в связи с досрочным прерыванием обучения или невостребованностью полученных знаний по окончании начального училища.

В 1890-х годах земства Урала пережили новый подъем активности, проявившийся в т.ч. в увеличении количества начальных учебных заведений. Коренной поворот в состоянии школьного дела в Пермской губернии можно объяснить ярко проявившими себя в российском обществе модернизационными процессами, приведшими к большей востребованности грамотных людей. К проблемам просвещения, наконец, проявили интерес гласные губернского земства, поставив вопрос решительно – земства губернии должны обеспечить реализацию принципа доступности и всеобщности начального образования. Верхотурские гласные вопрос о всеобуче поставили в 1898 году.

В 1890–1891 учебном году в Верхотурском уезде осуществляли просветительскую деятельность 67 начальных народных училищ, содержавшихся на средства земств[11]. В заводских селениях земство содержало по несколько школ, например, при Нижнетагильском заводе, действовало 4 народных училища[12].

В докладе XXVI Верхотурскому уездному собранию «По народному образованию» было отмечено, что в 1894–1895 учебном году в 76 земских школах обучалось 6 095 учащихся (4 172 мальчика и 1 923 девочки). Из них детей крестьян было 4 902, солдат – 326, мещан – 142, купцов – 19, духовенства – 46, чиновников – 32. Из других селений в школах насчитывалось 734 ученика, 172 – из других уездов[13].

В 1898 году количество земских школ увеличилось до 78, за восемь лет количественные показатели увеличились 1,7 раз. По динамике роста школьной сети Верхотурский уезд занял пятое место после Красноуфимского, Камышловского, Чердынского и Кунгурского[14].

По решению XXXIII очередного губернского собрания (1902 г.) была сформирована комиссия по народному образованию из представителей всех уездов, которой было поручено разработать программу введения всеобщего обучения в губернии. С этого времени в Пермском крае приступили к мероприятиям по созданию общедоступной школы в масштабах всей губернии.

По проекту открытия школ в уездах Пермской губернии для достижения всеобщего начального обучения в Верхотурском уезде необходимо было открыть 103 начальных народных училища[15].

Вопрос всеобуча стал ключевым для земцев, педагогической общественности, родителей, однако он мог быть решен в масштабах всей страны только на государственном уровне, а воплощен объединенными усилиями администрации, органов местного самоуправления, всех заинтересованных лиц. На уровне губернии, а тем более уезда, всеобщего обучения достигнуть было невозможно, особенно в удаленных регионах с крайне низкой плотностью населения.

Этот вывод подтвердился статистикой конца XIX века. Согласно данным переписи 1897 года, среди 50 губерний Европейской России Пермская заняла 28-е место по уровню грамотности. Этот показатель

достаточно высок по сравнению с другими уральскими губерниями – Уфимской (40-е место) и Вятской (44-е место). Общий показатель грамотности населения Пермской губернии от 10 лет и старше в 1897 году составил 24,4 %, т.е. каждый четвертый ее житель умел читать[16].

Таким образом, идея всеобщего обучения оставалась труднодостижимой в реальности, и практики школьного дела чаще всего оценивали реализацию планов всеобуча с помощью отрицательной частицы «не»: «Нас, работников на ниве народного образования далеко-далеко не хватает. Нас, быть может, нет даже половины того, сколько нужно. Какой громадный процент детей школьного возраста остается в России за бортом школы. Десятки тысяч деревень ждут не дождутся, когда, наконец, будут и у них открыты какие-либо школы. Потребность всеобщего образования становится острее и острее. Нужда эта за последнее время прекрасно уже сознана всеми. На удовлетворение ее не хватает ни у государства, ни у какого отдельного ведомства средств…»[17].

Примечания:

[1]Черныш М. Развитие капитализма на Урале и Пермское земство [Текст] / М.И.Черныш, канд. ист. наук. – Пермь: Кн. изд-во, 1959. – 239 с. – С.171.).

[2]Подсчитано по: Голубев П.А. 30-летие Пермского земства. – СПб., 1900. – 24 с.– С.14.).

[3]Сафронова А.М. Сельская школа на Урале в XVIII-XIX вв. и распространение грамотности среди крестьян. – Екатеринбург, 2002. – С. 41-48, 85.

[4]Шишонко В. Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии. – Екатеринбург, 1879. – С. 315,323–325, 349.

[5]Народное образование в Верхотурском уезде с 1870 по 1883 г. // Сборник Пермского земства. – 1885. – № 18. – С.476.

[6]Сборник Пермского земства. – 1876. – Кн. 1-3. – С.189-190.

[7]Очерк народного образования в Пермской губернии // Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1895 год. – Пермь, 1895. – Прил. – С.49-55.

[8]Кривощеков И.Я. Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии. – Пермь, 1910. – С. 60.

[9]Сборник Пермского земства. – 1872. – Кн.2. – С.19.

[10]Раменский А П. Начальное народное образование в Пермской губернии // Сборник Пермского земства. – 1905. – № 3. – Отд. 3. – С.39–74. С.62–63.

[11]Памятная книжка дирекции народных училищ за 1890/91 учебный год. /

Сост. А. Раменский. – Пермь: Типография Губернской Земской Управы, 1892. – XXII, 260 с.: табл. – С.179-180.).
[12]Памятная книжка дирекции народных училищ за 1890-91 учебный год / Сост. А. Раменский. – Пермь, 1892.
[13]Журналы XXVI очередного Верхотурского уездного земского собрания сессии 1895 года с докладами управы, представленными на рассмотрение этого собрания. – Екатеринбург, 1896. – С.611-616.
[14]Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. – СПб.: О.Н.Попова, 1909–1911. – Т.1–4. – Т.1. – Приложение XX. – С.715.
[15]Краткий очерк деятельности Вятского земства по народному образованию : За пятилетие 1896-1900 г. – Вятка, 1901. – 47 с., 2 табл. С.47.
[16]Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Пермская губерния. Том XXXI – <URL: http://ru.b-ok.org/book/3173705/a52f47 (дата обращения 28.09.2018>).
[17]Троицкий М. Кое-что о школьном деле // Екатеринбургские епархиальные ведомости. – 1906. – № 22. Отд. неофиц. – С. 728–738. – С. 737.

Желвакова Светлана Константиновна

Почётный гражданин города Верхотурья Николай Николаевич Казагранди

Н.Н.Казагранди родился 28 октября 1886 года в Верхнеудинске (Улан-Уде) в семье итальянского инженера, приглашённого в Россию для строительства железнодорожных тоннелей. Прошёл обучение во Владивостокской и Томской гимназиях. В 1908 году поступил на юридический факультет Казанского университета, где прослушав курс наук, был допущен к итоговому испытанию 9 января 1913 года. Во время Первой мировой войны Казагранди добровольно пошёл в армию и 1 июня 1916 года был зачислен во Владимирское военное училище юнкером на правах вольноопределяющегося 1-го разряда. 1 декабря 1916 года он произведён в прапорщики и назначен на службу в 55-й пехотный запасной полк, но через два дня оставлен во временном прикомандировании к Владимирскому военному училищу в помощь младшим офицерам и назначен в 8-ю роту.

Дальнейшие сведения о жизненном пути офицера весьма противоречивы. После начала Гражданской войны отряд Казагранди участвовал в боях под Тобольском и Тюменью, а в начале сентября

1918 года под Камышловым-Ерёмино-Ирбитом-Алапаевском. 13 сентября 1918 года отряд был переименован в 16-й Ишимский стрелковый полк. 13 октября 1918 года подразделения 16-го Ишимского полка из Северной правофланговой группировки Сибирской армии под командованием штабс-капитана Казагранди вступили в Верхотурье.

Вступление в Верхотурье Белой армии было отмечено торжественным молебном в честь освобождения города от насильников-большевиков, который настоятель Свято-Николаевского мужского монастыря архимандрит Ксенофонт 14 октября совершил с городским духовенством на городской площади. Очевидцы вспоминают об этих событиях: «На молебне присутствовали все верхи городского общества, многочисленные обыватели, часть белогвардейских войск (очевидно резервная, остальные были на позиции) и сам штабс-капитан Казагранди вместе со своим адъютантом. На этом молебне была провозглашена ектения (моление о здравии) в честь «доблестных защитников веры православной, отечества и правопорядка». В заключение молебна Казагранди и его «доблестным и победоносным войскам» была выражена «глубокая признательность и благодарность от лица всего населения и от имени всей общественности города за освобождение от насильников и т.д.» и, конечно, не обошлось без традиционного подношения цветов.

Впоследствии, тоже не без участия церковников, Казагранди преподнесли благодарственный адрес с картиной на лицевой стороне. На этой картине изображен русский витязь, поражающий копьем красного змия, наподобие иконы святого Георгия-победоносца. Картина имела аллегорический смысл, соответствующий событиям. Под русским витязем подразумевался сам «отважный» белогвардеец Казагранди, а под пораженным красным змием – Красная армия. Во время оккупации белыми города в некоторых верхотурских церквях проклинали большевиков. Ярые реакционеры: настоятель Знаменской (Ямской) церкви Константин Зеленцов и архимандрит Ксенофонт при многолюдном стечении народа во время литургии громогласно провозгласили: «Насильникам-большевикам – анафена! Анафема! Анафема! Будь они во веки веков трижды прокляты!». Это подлинные слова. При произношении этих слов священник высоко поднимал обеими руками блестящий крест. С суровым и гневным выражением

на лице священника, при театрализованно-трагическом, особенно громкогласным (доходящим до крика) произношении, это необычное проклятие производило большое впечатление на обывателей и действовало на их сознание.

Подавляющее большинство населения города встречало белых, как долгожданных освободителей от гнёта большевиков. В монастырской гостинице разместился штаб полка, а в настоятельском корпусе была выделена квартира для его командира. Не давая красным возможности собрать силы, Казагранди отдал приказ отправить небольшие мобильные отряды на север уезда (Надеждинский и Богословский заводы, Туринские Рудники, Никито-Ивдельский и т.д.) для очистки их от красных и создания местных органов власти. К декабрю 1918 года после отступления красных на Кушвинском и Соликамском направлениях территория Верхотурского уезда контролировалась Белой армией. 6 декабря в расположение 16-го Ишимского полка под Кушвой прибыли настоятель Верхотурского Николаевского мужского монастыря архимандрит Ксенофонт и гласный Верхотурской городской думы Бессонов, которые доставили знамя с ликом Николая Угодника, изготовленное по просьбе городского общества Верхотурья для личного состава полка. За освобождение от власти большевиков решением Верхотурской городской думы Казагранди был причислен к сословию почётных граждан. За умелое руководство боевыми действиями армейское командование присвоило ему звание подполковника.

В ноябре 1919 года вследствие интриг из-за разногласия с командованием Казагранди был отстранён от командования. После поражения под Новониколаевском Казагранди и генерал-майор А.П.Перхуров, находясь во главе сводного отряда, с целью максимального сохранения людей выбрали дальний, но более спокойный северный путь отступления по Енисею, Ангаре, через Илим на Лену. Под Верхоленском отряд был окружён и сдался в плен. Полковника Казагранди вместе с другими белыми воинами, видимо, не разобравшись, кто к ним попал, красные отправили рубить лес под Балаганском. Однако командиру удалось бежать вместе с несколькими офицерами. Они добрались до Иркутска, а затем в районе Кяхты пересекли границу Монголии, где создали

партизанский отряд. Некоторое время подразделение действовало самостоятельно. Полковник командовал под фамилией Казаков, чтобы не привлекать внимание большевиков к своей семье, на тот момент проживавшей в Иркутске. Отряд оказался на территории Монголии в сфере влияния барона Унгерна. 20 июля 1921 года по приказу Унгера взвод казаков под командой хорунжего Потапова расстрелял Николая Николаевича Казагранди.

Зенкова Любовь Васильевна

«И впредь на Верхотурье и на Алапаевских железных заводах проволоку делать…»

Каменский чугунолитейный, чугуноплавильный и железоделательный завод вступил в строй 15 октября 1701 года, когда домна дала первый уральский чугун. В конце года в декабре месяце были отлиты три пушки – первая уральская артиллерия. Для работы на Каменском заводе были присланы разные мастера: доменные, рудные, горновые, молотовые, меховой и пушечный с подмастерьями, а вот проволошного мастера среди них не было. Проволоку на завод присылали, вероятно, из Тобольска, и это подтверждает челобитная тобольских воевод Михаила и Алексея Черкасских царю Петру в ноябре 1702 г. В ней в частности говорится, что «проволока на дело пушечных кожухов и сердешников вышла вся», а в «Тобольску на гостином дворе» проволоки купить не у кого. Поэтому Черкасские велели проволоку делать на Каменском заводе из железа, которое для ее производства больше всего «годица». И как только будет готова первая партия, «о том тебе, великому государю писать будем».

Каменским мастерам пришлось не только освоить науку производства проволоки и запустить ее в производство, но и обучать этому мастерству работников других заводов.

Ниже приводится текст документа, где налицо первый пример передачи мастерства по производству укладного, молотового и проволошного дела на уральских заводах. Орфография и пунктуация публикуемого документа приближена к современным правилам.

РГАДА. Ф. 214. Кн. 1426 (1). Л. 78.

Из книги в Сибирском приказе выписано:

(Л.78) В прошлом 1703 году августа в 21 день по указу великого государя и по выписке за пометою дьяка Ивана Чепелева велено: молотовых и меховых и иных завоцких мастеров, кои надобны, выбрать из крестьян, ис кузнецов Верхотурского уезду скоко человек надлежит, и приставить их на тобольских заводах тем мастерам учитца, чтоб оне, пока плотина и все Алапаевские заводы строятся, тем делам выучились и были на Алапаевских заводах.

А за их труды давать им великого государя жалованье, применяя почему ж дается на Тобольских Каменских заводах. А в той даче зачитать им всякие подати, чтоб с тех крестьян, ис кузнецов наперед сего сходило. И о том в Тобольск и на Верхотурье великого государя грамоты посланы августа в 24 день.

И в нынешнем 1704 году ноября в 8 день к великому государю писал с Верхотурья стольник и воевода Алексей Калитин, да подъячей Александр Симанов.

По грамоте де великого государя посылал он с Верхотурья и Верхотурского уезду из слобод, выбрав из верхотурских и слобоцких кузнецов разных чинов людей на Тобольские Каменские заводы для научения молотового и укладного мастерства и проволошного дела Петра Сметанина с товарищи. И пока Алапаевские железные заводы строятся, велел им тем делам учиться.

И по той де ево, Алексеевой посылке на Каменских заводах взяли науку из верхотурских кузнецов (Л. 78 об.) 2 человека, а из слобоцких 2 человека проволошному делу, и с Каменских заводов отпущены. И велели де они верхотурским двум человекам кузнецам делать на Верхотурье проволоку в разные руки, и те мастеры в проволошное дело вступили и проволоку делать почали. И зделали проволоки опыт 8- ми рук.

И на Алапаевском заводе слобоцкие кузнецы проволоку делают же. И верхотурских де проволошных мастеров дела всякой руки проволоки по 5 фунтов для опыту послали к Москве.

И впредь на Верхотурье и на Алапаевских железных заводах проволоку делать. И которых рук против опытов делать и сколько какой руки, о том бы ему великого государя указ учинить.

А в Сибирском приказе верхняго Москолного ряду староста с торговыми людьми, 3 человека смотря вышеписанной проволоки 8 -м рук сказали, та де проволока добрая против немецкой проволоки, и во всякое дело всех рук годна. А когда такой проволоки в привозе бывает к Москве малое число и тогда купить в ряд пуд по рублю, а когда бывает в привозе меньше, купят по 1 рублю по 6 алтын 4 деньги и по 1 рублю 10 алтын пуд. А такой же проволоки сверх тех 8 –и рук надобно делать, что зделана толстым образцом - гораздо толще, а тонкого образца - гораздо тоне.

Из Сибирского приказа та проволока отослана в приказ Артиллерии. И велено ту проволоку освидетельствовать, на какие артилерные потребы ис тех 8- ми образцов какая проволока годитца, и пред х каким делам которыми образцами проволоку готовить.

И освидетельствовав, о том (Л. 79) в Сибирском приказе отписать.

И из приказу Артиллерии в памяти, в Сибирской приказ написано:

Та проволока в приказе Артиллерии свидетельствована. А по свидетельству и по скаске пушечного мастера Семена Леонтьева из вышеписанной проволоки годитца на дело и обвяску пушечных сердешников 3, 4, 5 статей к пушкам 24, 18, и 12, и 8, и 6 фунтовым, а 6, и 7, и 8 статей годитца на такие дела к пушкам трехфунтовым. А первой де и второй статьи проволока, ни на какие дела не годитца. И та проволока из приказу Артиллерии в Сибирский приказ прислана по - прежнему.

Справил Иван Щетин.

1704 году ноября в 28 день по указу великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича всея Великая и Малыя и Белыя России самодержца послать на Верхотурье к стольнику и воеводе к Алексею Калитину великого государя грамоту.

Велеть ему по присланным восьми образцам на Верхотурских Алапаевских заводах проволоку делать неотложно. Да сверх тех осми образцов по скаске торговых людей делать по дву образцам, что зделана толстым образцом гораздо толще. А тонкого образца гораздо тоне, и чтоб в волоке была мехка и рваных концов отнюдь не было много. А однолично делать со всяким довольством.

(Л.83 об.) А больше по свидетельству приказа Артиллерии по третьему по четвертому по пятому по шестому по семому, по осмому

образцам. А самой тонкой и толстой проволоки посланы к вам на Верхотурье образцу ж. А что учинено будет, о том к нам, великому государю писать, а отписку велели подавать в Сибирском приказе дьякам нашим Ивану Чепелеву, Афанасию Гарасимову.

Писан на Москве, лета 1704, ноября в 30 день.

Золотухина Анна Эдуардовна

Царская Семья под арестом в Екатеринбурге и екатеринбуржцы в 1918 году

Новые открытые и опубликованные источники по теме пребывания Царской Семьи в Екатеринбурге настолько преобразили источниковую базу, что стало возможно поколебать сложившееся представление о крайне враждебном отношении жителей города к находившимся здесь под арестом членам Дома Романовых. Характерную картину создали, прежде всего, результаты выборов в Учредительное собрание 12 (25 н.ст.) ноября 1917 года. В Пермской губернии победу одержала партия эсеров (52%), большевики заняли второе место и популярность крайних революционных идей была на пике[1]. Эти данные позволяли руководству большевистской партии надеяться овеять уголовное преступление – убийство Царской Семьи – ореолом народной расправы, неминуемой в революционное время. Такую же картину рисовали и большевистские воспоминания о прибытии 30 апреля 1918 г. в Екатеринбург под арестом Императора Николая II, Императрицы Александры Феодоровны и Великой Княжны Марии. Описывалась толпа горожан на вокзале, которая была настроена по отношению к прибывшим крайне враждебно. Но привлечение к теме иных источников позволяет поколебать утверждение о том, что большая популярность революционной идеи среди населения тождественна наличию непримиримой позиции у жителей города в отношении Царской Семьи. Источники позволяют скорее увидеть картину жизни Екатеринбурга в 1918 г., раздираемую противоречиями Гражданской войны, в том числе, по вопросу о судьбе Царской Семьи, также как это было во всей России.

Проведенное по теме исследование позволяет выдвинуть следующие тезисы:

1.Воспоминания большевиков о прибытии 30 апреля 1918 г. в Екатеринбург Царской Семьи, как исторический источник крайне тенденциозны. На эту мысль наводят следующие обстоятельства. Большинство большевиков пишет о непримиримой позиции собравшихся на вокзале народных масс. Наибольшую ценность представляют воспоминания участников событий. Комиссар К.А.Мячин (его псевдоним – В.В.Яковлев) по поручению Ленина и Свердлова доставлял семью Императора в Екатеринбург и оставил следующие воспоминания: «30 апреля, утром, без всяких приключений мы прибыли в Екатеринбург. Несмотря на раннее наше прибытие, екатеринбургские платформы были запружены народом. Как это вышло, что население узнало о нашем предстоящем приезде, мы не знали. Особенно большие толпы любопытных были сосредоточены на товарных платформах, куда пододвинули и наш состав. Поезд стоял на пятой линии от платформы. Когда нас увидели, стали требовать вывести Николая и показать им. В воздухе стоял шум, то и дело раздавались угрожающие крики: «Задушить их надо! Наконец-то они в наших руках!». Стоявшая на платформе охрана весьма слабо сдерживала натиск народа, и беспорядочные толпы начали было надвигаться на мой состав. Я быстро выставил свой отряд вокруг поезда и для острастки приготовил пулемёты. К великому моему удивлению, я увидел, что во главе толпы каким-то образом очутился сам вокзальный комиссар. Он ещё издали громко закричал мне: — Яковлев, выведи сюда Романова, я ему в рожу плюну. Положение становилось чрезвычайно опасным. Толпа напирала и все ближе подходила к поезду. Необходимо было принять решительные меры»[2]. Встречавшими, по свидетельству Мячина[3] и других, были члены Президиума Уральского Совета Александр Георгиевич Белобородов, рабочий – председатель Президиума Филипп Исаевич Голощекин и Борис Михайлович Дидковский. Как известно, в эту компанию входил слесарь Верх-Исетского завода Петр Ермаков, писавший о событиях следующее: «Эшелон прибыл в Екатеринбург утром 30 апреля 18 года приезд застал Романовых в большой тревоге, разсказывал сопровождающий охраны который и был Тобольске Т.М.Матвеев вохранных и был взят Яковлевым сопровождающим… когда поезд прибыл на станцию Екатеринбург-I, приходу поезда собралась громадная толпа, железнодорожники и ряд

других, требовавшая показать Романовых»[4]. Записи начальника охраны поезда П.Матвеева содержат следующие сведения. «Тов.Яковлев, видя, что здесь произвести сдачу Романовых областному Комитету Урала невозможно, т.к. собравшаяся колоссальная толпа все равно не даст возможности это сделать, решил отъехать со всем поездом на станцию Екатеринбург-II, что и было выполнено»[5]. А.Авдеев, комендант дома Особого назначения, в Тюмени встретил К.Мячина, уполномоченного ВЦИК (мандат подписан Лениным и Свердловым), и увидел у него мандат-распоряжение Уральского комитета партии о том, что Хохряков, Заславский, Авдеев поступают в распоряжение Яковлева. Авдеев сопровождал Николая II. Его очень тенденциозный пассаж: «Нетерпимое отношение рабочих к бывшей царской семье сквозило везде, и если они ни разу не учинили над ними самосуд, как над кровопийцами, погубившими особенно в последнюю войну во многих семьях отцов, сыновей и братьев, то удерживало их от этого, с одной стороны, ожидание всенародного суда революционного трибунала, с другой – внутренняя дисциплина среди большевиков, не допускавших никаких незаконных вмешательств в жизнь арестованных»[6]. Если же обратиться к воспоминаниям Управляющего екатеринбургским отделением Азовско-Камского банка В.П.Аничкова, жившего в Екатеринбурге летом 1918 года, а впоследствии вошедшего в состав Министерства финансов Омского правительства А.В.Колчака, сложится иная картина: "Царскую Семью поместили в доме Ипатьева, предварительно окружив две его стороны по фасаду, выходящему на площадь и улицу, высоким, наскоро сколоченным забором. Любопытных собралось столько, что поезд пришлось передать с главного вокзала на Екатеринбург-Второй, и уже оттуда их на автомобилях доставили в приготовленный дом. Лица, видевшие Государя (Коля Башкевич уверял, что был его шофером), говорили, что он постарел, но вид имеет бодрый»[7]. При упоминании любопытных сразу же хочется обратиться к записи из дневника Императора Николая II: «30 апреля. Понедельник. День простоял отличный, безоблачный. Утром погуляли час. Обед бессовестно опоздал — вместо часа его принесли в 3 1/2! Поэтому вторично вышли гулять около 4 час. только. Какая-то старуха, а затем мальчик лезли к забору — смотреть нас через щель; их всячески отгоняли, но

все при этом смеялись. Поганец Авдеев приходил в сад, но держался вдали. Ужинали в 8 1/2 час. Днем много читал вслух хорошие рассказы Лейкина «Неунывающие россияне». Вечером — безик с Аликс»[8]. Этот случай с бабушкой и мальчиком в высшей степени комплементарен к слову «любопытство» и интересно переплетается с характеристикой толпы на железнодорожной станции в Екатеринбурге, данной В.П.Аничковым. Таким образом, характеристика настроя толпы в воспоминаниях, кажется, стоит в прямой зависимости от политических настроений автора. Также интересно, что Император Николай II описал в дневнике «сильное брожение между здешними и нашими комиссарами. В конце одолели первые, и поезд перешёл к другой — товарной станции»[9]. Конечно, с пятой платформы, где стоял поезд, полного обзора ситуации не было, но это замечание дает возможность посмотреть на суть конфликта на вокзале в Екатеринбурге в ином свете, нежели он описан в изложении большевиков. В этой связи интересна другая запись из дневников Императора, из которой мы узнаем о противоборстве между отрядами «красной гвардии» большевиков в Тобольске: «22 марта. Четверг. Погода простояла серая, но таяло хорошо. Утром слышали со двора, как уезжали из Тобольска тюменские разбойники-большевики на 15 тройках, с бубенцами, со свистом и с гиканьем. Их отсюда выгнал омский отряд!»[10]. Государь даже шутил по этому поводу: «Хорошо стало доверие одних к другим в нынешнее время»[11]. Возможно, на вокзале в Екатеринбурге произошла подобная стычка? Этот известный конфликт К.А.Мячина и УралОблсовета подробно рассмотрен исследователями[12]. Итак, на этом этапе исследования мы видим яркую картину именно гражданской войны. Отношение современников к Царской Семье поляризованы и Екатеринбург не выглядит в этом отношении местом, отличающимся от иных в России в целом.

2.Из дневников Императора Николая II и Императрицы Александры Феодоровны известно о служении обедницы в доме особого назначения 1 (14) июля в воскресенье. Государыня описывает: «Прекрасное летнее утро. Почти не спала из-за спины и ног. 10 ½ часов. Имела радость от слушания обедницы – молодой священник отслужил во 2-й раз»[13]. Служили диакон Василий Аф. Буймиров и протоиерей Иоанн Владимирович Сторожев. В музее

святой Царской Семьи г.Екатеринбурга хранится книга «Правило молитвенного готовящимся ко святому причащению». М.: Синодальная типография, 1900 [14]. В книге содержится собственноручная запись о.Иоанна: «Совершен чин обедницы с присовокуплением молитвы Пр. Богородицы иконе Ея. Неопалимая Купина при диаконе Вас. Аф. Буймирове в Екатеринбурге. 1918 года 1/14 Июля Воскресения». Запись убеждает, что произошедшее событие было очень важным для священника. Во время следственных действий белогвардейцев по делу об убийстве Царской Семьи 8–10 октября 1918 г. о.Иоанн дал показания следователю И.А.Сергееву: «Мне показалось, что как Николай Александрович, так и все его дочери на этот раз были – я не скажу, в угнетении духа, но все же производили впечатление как бы утомленных… Но, едва мы запели, как я услышал, что стоявшие позади нас члены семьи Романовых опустились на колени, и здесь вдруг ясно ощутил я то высокое духовное утешение, которое дает разделенная молитва. Еще в большей степени дано было пережить это, когда в конце богослужения я прочел молитву к Богоматери, где в высокопоэтических, трогательных словах выражается мольба страждущего человека поддержать его среди скорбей, дать ему силы достойно нести ниспосланный от Бога крест. После богослужения все приложились к святому кресту, причем Николаю Александровичу и Александре Федоровне о.диакон вручил по просфоре (согласие Юровского было заблаговременно дано). Когда я выходил и шел очень близко от бывших Великих Княжон, мне послышались едва уловимые слова: “Благодарю”. Не думаю, чтобы мне только показалось»[15].

Царская Семья могла чувствовать непосредственно доброе отношение не только о.Иоанна, но и сестер Ново-Тихвинского монастыря. Давно известны записи из дневников Государя Николая II, сделанные 21 и 23 июня 1918 г.: «Сегодня произошла смена комендантов… Не говоря об имуществе – они даже удерживали себе большую часть из приносимых припасов из женского монастыря. Только теперь, после новой перемены, мы узнал об этом, потому что всё количество провизии стало попадать на кухню.»[16]. Насколько такие моменты были ценны для Царской Семьи, говорят опять же дневники Императора, например, запись, сделанная в среду 28

февраля (13 марта) 1918 г. в Тобольске: «Такой же день при 12° мороза. Окончил «Анну Каренину» и начал читать Лермонтова. Пилил много с Татьяной. В последние дни мы начали получать масло, кофе, печенье к чаю и варения от разных добрых людей, узнавших о сокращении у нас расходов на продовольствие. Так трогательно!»[17].

Кроме того, мы знаем о настроениях, царивших в Ново-Тихвинском женском монастыре во время Гражданской войны по действиям, предпринятым конце июля 1918 г. игуменьей Магдалиной. Сразу же после вступления в город чехословаков и Народной армии эти силы активно поддерживала Церковь. Игуменья Ново-Тихвинского женского монастыря лично встречалась с полковником Войцеховским и благословила его на бранные подвиги[18].

Видимо, в Екатеринбурге мнение Церкви имело большой вес в 1918 году. Несмотря на установление «тюремного режима» в доме особого назначения, большевики все же вели политику лавирования в отношении враждебных им слоев общества. Иначе трудно объяснить возможность передачи продуктов сестрами Ново-Тихвинского монастыря арестованным. Такую лояльность большевиков можно объяснить трудностями Гражданской войны, недостатком сил для открытой конфронтации или даже неимением средств на содержание Царской Семьи. В любом случае, данные обстоятельства убеждают в наличии обдуманной политической линии у руководства большевиков по вопросу о судьбе Царской Семьи, в желании скрыть свой агрессивный настрой от врагов, и, в конечном счете, совершить уголовное преступление – убийство Царской Семьи – тайно, не привлекая к этому факту нежелательного внимания. Сокрытие же истинной картины преступления давало большевикам почву для различных идеологических манипуляций (обвинения в преступлении эсеров и т.п.).

3.Интересен протокол допроса Екатеринбургской ЧК слушателя военной академии А.Г.Слефогта от 2 мая 1918 года. Оказывается, были попытки получения свидания с Царской Семьей, в результате чего граждане подвергались аресту. Показательна в данном случае даже сама попытка получить свидание с арестованными не лицом, приближенным к императорской семье (известны попытки Петра Андреевича Жильяра и Сиднея Ивановича Гиббса), но русским офицером, поручиком лейб-гвардии Волынского полка, а затем

капитаном, который имел краткое знакомство с Императрицей в военное время. Этот факт можно рассматривать как свидетельство особой неопределенности эпохи Гражданской войны. Видимо, опасность не ощущалась столь очевидно, как это кажется с течением времени. Сохранился текст допроса: «1918 года, мая 2-го дня, я, Александр Густавович Слефогт, русский подданный, гражданин г.Петрограда, живу в г.Екатеринбурге полтора месяца, по Щепной площади, здание епархиального училища, холост, 30 лет. Слушатель Военной академии. Сегодня я явился в Чрезвычайную Комиссию для того, чтобы попросить пропуск для получения свидания с бывшей Императрицей Александрой Феодоровной, которая была сестрой милосердия в Царскосельском госпитале №3 и ухаживала за мной, когда я лежал там с августа 1915 года до августа 1916 года на излечении. Целью моего предполагаемого посещения бывшей Императрицы было исключительно принесение поздравления с праздником в первый день Пасхи. Ни в какую переписку с бывшей императрицей я не входил и входить не намерен. Протокол мне прочитан, добавить более ничего не могу. Александр Густавович Слефогт»[19].

В рамках данного исследования, прежде всего, мы желали показать, что в Екатеринбурге в 1918 г. в связи с вопросом об участи Царской Семьи хорошо просматривается именно картина Гражданской войны в России. Закономерно, что доброе отношение к Царской Семье встречается в среде духовенства, офицерства, дворянских кругах. Со стороны обывателей наблюдается скорее любопытство. Ярко выраженную непримиримую позицию членов большевистской партии обуславливает идеологизация общественной жизни. Сложная картина общественных настроений в городе сыграла свою роль в подготовке убийства Царской Семьи. Осознавая противоправность своего деяния, большевики планировали свалить вину за убийство на народную расправу[20] (известные объявления: «президиум Областного Совета исполняя волю народа, постановил: экс-царя Николая Романова, виновного перед народом в многочисленных кровавых преступлениях, - расстрелять»), затуманить картину преступления (то же объявление: «Семья Романовых переведена из Екатеринбурга в другое место, более безопасное»), поддерживать слухи о спасении монарха и его семьи.

Детали этой идеологической игры все еще до конца не изучены, поэтому изучать настроения жителей города по отношению к Царской Семье важно для понимания всей исторической ситуации.

Примечания:

Выборы в Учредительное Собрание в Перми // Газета «Пролетарское знамя». 15 ноября 1917. № 13. – С. 2.

[2]Яковлев В. Последний рейс Романовых // Убийство царской семьи Романовых. Свердловск: «Урал-Советы», 1991. – С. 83.

[3]Там же.

[4]Боровиков Д., Гаврилов Д. Расстреляны пролетарской рукой (публикация воспоминаний П.З.Ермакова) // Убийство царской семьи Романовых. Свердловск: «Урал-Советы», 1991. – С. 130.

[5]Цит. по: Зайцев Г. Романовы в Екатеринбурге. Екатеринбург. Изд-во «Сократ», 1998 – С. 10-11.

[6]Авдеев А. Николай Романов в Тобольске и в Екатеринбурге // Убийство царской семьи Романовых. Свердловск: «Урал-Советы», 1991. – С. 93.

[7]Аничков В.П. Екатеринбург - Владивосток (1917–1922). М.: Русский Путь, 1998. – С. 93.

[8]Дневники Николая II и Императрицы Александры Феодоровны. 1917-1918. В 2-х т. Отв. ред. и составитель к.и.н. В.М.Хрусталев. М.: Вагриус, 2008. - С. 421-422.

[9]Там же. С. 388.

[10]Там же. С. 346.

[11]Там же. С. 336.

[12]Мультатули П.В. Император Николай II. Мученик. М.: Вече, 2016. – С. 439-459.

[13]Там же. С. 527.

[14]Музей святой Царской Семьи. МСЦС – ОФ – 1546, МСЦС – ОФ – М – 165.

[15]Гибель царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве царской семьи (август 1918 – февраль 1920)/ Сост. Н.Г.Росс. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1987. – С. 98-99.

[16]Дневники Николая II и Императрицы Александры Феодоровны. - С. 510.

[17]Там же. – С. 312.

[18]См.: Православные монастыри. Путешествие по святым местам. №60, 2010.

[19]Цит. по: Дневники Николая II и Императрицы Александры Феодоровны. - С. 401-402. Данное свидетельство особенно одухотворяет сведения о работе Императрицы сестрой милосердия в Царском Селе. Воспоминания об этом оставила подруга Императрицы фрейлина Анна Вырубова: «Государыня и Великие Княжны присутствовали при всех операциях. Стоя за хирургом, Государыня, как каждая операционная сестра, подавала стерилизованные

инструменты, вату, бинты, уносила ампутированные руки и ноги, не гнушаясь ничем…». (Танеева (Вырубова) А.А. Страницы моей жизни. // Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) – Монахиня Мария / Автор-составитель Юрий Рассулин. СПб., 2009. – С. 153). Доброе дело Государыни, таким образом, оставило след и в Екатеринбурге, но она, видимо, не имела возможности об этом узнать.

[20]Подробнее см.: Мультатули П.В. Император Николай II. Мученик. – С. 496-575

Зыкин Иван Валерьевич

Механизация лесоэксплуатационных работ в Уральском регионе в 1930-х гг.

В конце 1920-х – начале 1940-х гг. возросла роль лесопромышленного комплекса в экономике страны и ряда регионов Европейского Севера, Урала, Сибири и Дальнего Востока, прежде всего, за счет освоения новых лесных массивов, строительства и реконструкции предприятий по механической обработке и глубокой переработке древесины, организации производства новых видов продукции, отечественного лесного машиностроения. Отрасль была переориентирована на выпуск продукции для удовлетворения потребностей промышленных предприятий, строительных отраслей, экспорта.

Насколько же было эффективным функционирование лесопромышленного комплекса, если даже в середине и конце 1930-х гг. партия и правительство характеризовали отрасль как «отстающую», «отсталую»?[1] Основное решение проблемы превращения комплекса в индустриальную отрасль виделось в механизации передела заготовки лесных ресурсов, результат которой должен был заключаться в увеличении объемов заготовки и вывозки древесины механизмами. Еще в 1930 г. ученый В.Левин указывал, что в Советском Союзе при существовавшей производительности труда (2,05 м^3 на одного рабочего в среднем в день за 1929/1930 г.) для выполнения задания по вывозке леса (158 млн. м^3) понадобилось бы в среднем за год около 900 тыс. подвод, а в отдельные периоды года – до 1,25 млн единиц с соответствующим количеством возчиков[2]. Так

что тема механизации лесоэксплуатационных работ была актуальна на всем протяжении 1930-х гг., периода индустриализации.

В период реализации первых пятилетних планов получило развитие отечественное машиностроение для лесопромышленного комплекса. В феврале 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б), обеспокоенное низкими темпами роста объема заготовки и вывозки лесных ресурсов, в том числе отправлявшихся на экспорт, указывало на необходимость изготовления инструментов с учетом опыта стран Западной Европы и Северной Америки, станков, машин и других механизмов. ВСНХ СССР должен был организовать производство окорочных машин и моторов к ним, шпалорезальных и дровокольных станков, сплоточных и штабельных машин. Вместе с тем Советский Союз еще не мог отказаться от импорта оборудования для лесопромышленного комплекса[3].

На валке леса в 1930-х гг. в основном использовали двуручные пилы. Только в 15 ноября 1938 г. постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) было принято решение полностью перейти на лучковые пилы в следующем году и организовать серийное производство бензомоторных и электрических пил. Еще в 1934 г. машиностроительный завод им. Дзержинского в Перми начал освоение бензомоторных пил, до 1941 г. изготовил их более 7000 штук[4]. Однако А.А.Антуфьев отмечал, что в 1940 г. валка и раскряжевка леса велась в основном лучковыми пилами и только на 10-15% – бензомоторными и электрическими. По мнению исследователя, низкий процент механизации лесозаготовительных работ был связан с конструкционными недоработками пил, их низким качеством, дефицитом запчастей, необходимостью тщательного ухода и хранения, низкой квалификацией механиков[5].

Для погрузки древесины на лесосеках использовались конные и тракторные деррики, для погрузки в железнодорожные вагоны – элеваторы. В начале 1930-х гг. на заготовке и вывозке леса стали работать тракторы, сначала импортные «Клетрак», «Катерпиллер», позднее – отечественные «Фордзон-Путиловец», «Коммунар», «Сталинец», СГ-65, ЧТЗ. Незначительная доля древесины вывозилась с помощью автомобилей ГАЗ-АА и ЗИС-5, ЗИС-21, ЗИС-50. С появлением узкоколейных железных дорог на вывозке леса появились мотовозы и паровозы.

Совокупность новаций, механизмов и техники (за исключением транспорта), использовавшихся в переделе заготовки лесных ресурсов в Уральском регионе, была представлена следующими наименованиями: дороги (тракторно-ледяные, лежневые, снежно-грунтовые, узкоколейные, ледяные, декавильные, навесные), сани (перецепные сани Палло, однополозные сани Гинзбурга), погрузка древесины (конные и тракторные деррики, элеваторы, лопарно-конный метод), пилы (поперечные двуручные, лучковые, балансирные, моторные пилы «Краскот», МП-220). В.Л.Глузман на примере Заводо-Ирбитского ЛПХ Свердловской области описал «типичную» для второй половины 1930-х гг. технологию лесосечных работ: валка деревьев и раскряжевка хлыстов на лесосеке на сортименты – ручная, лучковой пилой; трелевка в основном гужевая, летом – на передках, зимой – на подсанках; механизированная – на тракторах[6].

В Уральском регионе, являвшимся одним из перспективных в плане развития лесной отрасли, в 1928/1929 г. по рационализированным и механизированным дорогам было перевезено 116 тыс. м^3 леса, в 1929/1930 г. – 1308 тыс. м^3, в 1931 г. – 4301 тыс. м^3, в 1932 г. – 5700 тыс. м^3 (25 % от всего вывезенного леса), в 1933 г. (по предприятиям Народного комиссариата лесной промышленности СССР) – 7753 тыс. м^3 [7]. В Предуралье только в 1934 г. была осуществлена вывозка древесины тракторами, объем которой составил 28 тыс. м^3 (0,07 % общего объема вывозки)[8]. По уральским трестам Наркомлеса СССР механизация вывозки увеличилась с 1,9% в 1933 г. до 51,4% в 1937 г. (по стране соответственно с 5% до 32,2%)[9]. В 1937 г. трест «Свердлес» впервые в летнее время заготовил и вывез механизмами 168 тыс. м^3 леса – 7,5% годового объема, а общий уровень механизированной вывозки достиг 62,5%[10].

В 1938 г. по Наркомлесу СССР были вывезены механизмами 36,9% леса, хотя по плану планировалось 45,9%. У «Главвостлеса», главка наркомата, осуществлявшего лесоэксплуатацию в Уральском регионе, показатели механизации вывозки были лучше – 46,6% при плане 58,6%, однако фактический объем вывозки составил только 2,45 млн. м^3, или 36,3% к плану[11]. Отдельные леспромхозы, располагавшие техникой, смогли добиться более высоких результатов. В частности, Новолялинский ЛПХ в 1935 г. вывез

механизированным способом 305 тыс. м^3 – почти половину годового плана. Лобвинский ЛПХ, имея в 1940 г. 46 тракторов ЧТЗ-60 и ЧТЗ-65, 18 автомобилей ЗИС-50 и ГАЗ-АА, 24 мотопилы, четыре мотовоза, вывез 658 тыс. м^3 древесины, в том числе механизированным способом – 509 тыс. м^3, из них тракторами – 460 тыс. м^3, мотовозами по УЖД – 41 тыс. м^3 и автомобилями 8 тыс. м^3 [12].

В 1938 г. по Наркомлесу СССР 56,2 % механизированной вывозки лесных ресурсов осуществлялось тракторами, 26,2% – автомашинами, 14,5 % – по узкоколейным и железным дорогам. Наибольший объем древесины по трестам «Главвостлеса» вывозился тракторами (82,9% механизированной вывозки), остальное – автомашинами, по узкоколейным железным дорогам и подвесным дорогам[13]. В августе 1938 г. предприятия Наркомлеса вместо 2096 тракторов, бывших на ходу, использовали 867, вместо 1855 автомашин – 1233[14]. По состоянию на 31 декабря 1938 г. работали 1027 тракторов (хотя план был установлен в количестве 2493) из 3575 имевшихся машин; 1232 автомашины (при плане 2072) из 2622 имевшихся. По главным управлениям процент использования техники был таким же низким. По «Главвостлесу» работали только 199 тракторов из 252 имевшихся и 29 автомашин из 69[15].

Невысокий уровень квалификации основной части рабочих (в их состав входили также разные категории «спецконтингента»), занятых на заготовке и вывозке леса, отражался на состоянии техники и оборудования, которые за короткое время быстро выходили из строя. Слабой была и ремонтная база лесозаготовительных предприятий. Неадекватное, негативное отношение к внедрению и рациональному использованию техники в сфере лесоэксплуатации было характерно даже для региональных руководителей, которых должно было особенно заботить выполнение производственных программ и привлечение ресурсов и инвестиций. Например, в мае 1937 г. первый секретарь Новолялинского райкома ВКП(б) П.М.Щербаков рассказал, как ему в район на лесозаготовки было завезено около сотни тракторов, но они быстро вышли из строя. Когда он обратился к заведующему промышленно-транспортным отделом Свердловского обкома ВКП(б) Г.Г.Яну за помощью в тягловой силе, то в ответ услышал: «…Есть у вас стахановцы, выполняющие 200–300%,

сделайте так, чтобы все выполняли 200–300 %, и тогда не надо будет лошадей»[16].

На заготовке и вывозке леса использовались не вся транспортная техника, имели место случаи, когда большая ее часть простаивала из-за поломок, отсутствия топлива, запчастей, рабочей силы. Тем не менее, постепенное увеличение транспортных средств в сфере лесоэксплуатации было очевидным, хотя и неравномерным. А.А.Антуфьев подсчитал, что «в 1938 г. на лесозаготовках Урала имелись 464 трактора, 371 грузовая машина, 16 паровозов, 28 мотовозов, а в начале 1940 г. только в Свердловской, Пермской областях и Удмуртии было 778 тракторов, 726 грузовых машин, 19 паровозов и 71 мотовоз»[17].

Низкий уровень использования механизмов на вывозке древесины был вызван слабой ремонтно-технической базой леспромхозов, материальными и организационными трудностями ремонта техники. К примеру, в Красновишерском ЛПХ на 20 сентября 1940 г. были отремонтированы три трактора при плане 29 и пять автомашин при плане 10, в Новолялинском ЛПХ – пять тракторов при плане 20 и пять автомашин при плане 15 [18] (несмотря на это, Новолялинский ЛПХ вывез механизированным способом 62% годового объема древесины[19]).

Уровень механизации вывозки древесины в уральских трестах Наркомлеса СССР был примерно таким же, как в трестах, подведомственных Народному комиссариату тяжелой промышленности СССР, однако отдельные лесозаготовительные предприятия, лучше укомплектованные техникой и лучше ее использовавшие, добивались высоких показателей механизированной вывозки леса. Так, трест «Серовлесдревмет» в системе всесоюзного треста «Лесчермет» Народного комиссариата черной металлургии считался самым крупным и наиболее механизированным, имел 117 автомобилей, 82 трактора, три паровоза и четыре мотовоза УЖД, 430 км лесовозных дорог, механизированная вывозка леса составляла 57%. А Нижнесалдинский мехлесопункт, несмотря на то что валка леса, раскряжевка, подкатка, погрузочно-разгрузочные работы выполнялись вручную, на двух машинах ЗИС-5 и пяти газогенераторных автомобилях ЗИС-21 в 1940 г. вывез 49 тыс. м^3 (51% годового объема)[20].

Как и на предприятиях лесопромышленного комплекса Наркомлеса СССР, других ведомств, уровень механизации работ по заготовке и вывозке леса в исправительно-трудовых лагерях был невысоким и рос медленно. Отдельные лагеря имели внушительный, по меркам изучаемого периода, транспортный парк, сопоставимый с количеством единиц техники у лесозаготовительных трестов. Среди «лесных» лагерей Локчимский и Ивдельский ИТЛ использовали самое большое количество автомашин (в сумме 91 из 282, задействованных на вывозке лесных ресурсов), Усольский – тракторов (100 из 395), Северо-Уральский, Ивдельский и Красноярский располагали наибольшими мощностями по изготовлению шпал (годовая производительность – 3100 тыс. из 6650 тыс. шт.)[21]. В лагерях процент использования техники был также низким. Например, в 1940 г. «Усольлаг» имел 104 трактора и 128 грузовых машин, а в день проверки работали только 14 тракторов и 13 машин, остальная техника находилась в ремонте или простаивала[22].

Темпы механизации вывозки и трелевки древесины на Урале были выше, чем по СССР – оснащенность механизмами леспромхозов Наркомлеса в регионе была одной из самых высоких. В заготовке лесных ресурсов была также высокой доля металлургических трестов, которые располагали более развитой материально-технической базой, по сравнению с трестами Наркомлеса. Так, механизированная трелевка древесины по СССР в 1940 г. составляла 6,6 %, а на Урале еще в 1937 г. – 16,2 % [23]. Доля механизированной валки леса на Урале до начала 1940-х гг. не имела существенного значения, составляла менее 1 %, в 1942 г. – в среднем 3,65 % [24].

За годы Великой Отечественной войны произошли сокращение уровня механизации вывозки древесины у трестов и рост этого показателя у исправительно-трудовых лагерей (хотя доля механизированной вывозки леса в Уральском регионе была на уровне показателей по стране), роль которых в лесопромышленном комплексе существенно выросла. К концу 1940-х гг. уровень механизации работ по заготовке леса в целом по СССР составлял только около 12 %, по вывозке леса – 43 %.

Таким образом, на протяжении 1930-х гг. Наркомлес СССР не смог наладить эффективное функционирование заготовок и вывозки леса. Большинство плановых показателей не выполнялось. Одной из

наиболее острых проблем стала механизация работ в лесу, которая, наряду с другими кризисными явлениями, приобрела системный характер, ее решение давалось с трудом в последующие десятилетия. Работа по системному усовершенствованию техники и технологических процессов в сфере лесоэксплуатации в 1930-х гг. по факту отсутствовала. Лесопромышленный комплекс – сложная система, подверженная влиянию как природно-климатических, так и организационно-экономических, политических факторов. Чтобы отрасль эффективно функционировала, необходима ее систематическая модернизация и формирование социальной группы кадровых рабочих – профессионалов своего дела. В 1930-х гг. эта работа была далека от завершения, и эффективность работы лесопромышленного комплекса оставалась невысокой. Государству требовались лесоматериалы, бумага, целлюлоза, топливо и другие виды продукции, которые давала отрасль. Однако реализуемая в стране модель экономического развития, направленная на формированное развитие тяжелой индустрии, репрессивная политика сталинского режима не позволили комплексу в 1930-х гг. завершить даже стадию механизации, осуществляя ее на отдельных направлениях и далеко не в полном объеме.

Примечания:

См. н-р: РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 30. Л. 1; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. В 2 ч. Ч. 2. М., 1953. С. 891.

[2] Левин В. Промышленность в плане на 1931 год // Плановое хозяйство. 1930. № 12. С. 146, 147.

[3] Об условиях труда в лесных районах (утверждено Политбюро ЦК ВКП(б) 20 февраля 1931 г.). Приложение №7 к п.42/59, пр. ПБ №27. URL: http://istmat.info/node/51570 (дата обращения: 22.05.2018).

[4] Тиунов В. Индустриальные пятилетки Западного Урала. Пермь, 1977. С. 101, 125.

[5] Антуфьев А.А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992. С. 62.

[6] Глузман В.Л. Лесозаготовительные предприятия Среднего Урала. Екатеринбург, 2001. С. 7, 36, 38, 87, 127, 128, 138, 211.

[7] Петров Б.С. Очерки о развитии лесной промышленности Урала. М.; Л., 1952. С. 72.

[8] Тиунов В. Указ. соч. С. 124.

[9] Кузнецов А.Ф. Борьба партийных организаций за развитие лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности Урала в 1933–1937 гг.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Свердловск, 1979. С. 15.
[10] Глузман В.Л. Указ. соч. С. 8.
[11] РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 137. Л. 16, 21.
[12] Глузман В.Л. Указ. соч. С. 211, 230.
[13] РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 137. Л. 22, 27.
[14] Советская лесная экономика. Москва-Север. 1917–1941 гг.: Сб. док. и мат. Петрозаводск, 2005. С. 318.
[5] РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 137. Л. 46.
[6] Сушков А.В. Заведующие промышленно-транспортным отделом Свердловского обкома ВКП(б) в 1930-е гг.: социально-профессиональный портрет // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв.: материалы XI Всероссийской науч. конф., Екатеринбург, 26–27 сентября 2013 г. Т. 1. Екатеринбург, 2013. С. 387.
[7] Антуфьев А.А. Указ. соч. С. 63.
[8] ГАПК. Ф. р-1086. Оп. 1. Д. 10. Л. 47.
[9] Глузман В.Л. Указ. соч. С. 230.
[20] Там же, с. 17, 63.
[2] ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. М., 2000. С. 737–747.
[22] Шевырин, С.А. Развитие лесной отрасли в Прикамье в 1930–1950-е гг. URL: http://www.politarchive.perm.ru/publikatsii/stati/razvitie-lesnoj-otrasli-v-prikame-v-1930-1950-e-gody.html (дата обращения: 15.12.2013).
[23] Кузнецов А.Ф. Указ. соч. С. 15.
[24] Леса Урала / Под ред. М.Е.Ткаченко. Свердловск, 1948. С. 68.

Зырянова Тамара Александровна

Верхотурская комсомольская организация: 1920-1930-е годы

Зарождение комсомола в Верхотурском районе

В 2018 году исполняется 100 лет Ленинскому комсомолу. Обратимся к истокам его возникновения и становления в Верхотурье. История комсомола – история людей. Увы, многие ее страницы уже утеряны вместе с ушедшими поколениями.

Состоявшийся в августе 1917-го шестой съезд РСДРП(б) принял резолюцию «О Союзах молодёжи». Юношеские группы, уже созданные на Урале при партийных комитетах, реорганизуются в

Социалистические Союзы рабочей молодёжи. Уральские большевики созывают первый областной съезд Союзов молодёжи. Он состоялся 8-11 декабря 1917 года с участием 43 делегатов из 21 организации, объединяющей 2644 человека. В Верхотурском уезде такие союзы работали при Новолялинском, Богословском, Верхнесинячихинском, Надеждинском заводах. Вновь создаются в Верхней Туре и Лобве. Город Верхотурье в этом отношении отставал.

В Верхотурье тогда большую деятельность вели правые эсеры, партии «Народная воля», «Народная свобода». После Февральской революции созданы юношеские секции этих партий, а также Союз учащихся женской, мужской гимназий и высшего начального училища. Организаторами были дети богатых родителей: владельцев предприятий, чиновников, духовенства, торговцев и подрядчиков.

Уездно-городское организационное бюро Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков) в противовес их подрывной деятельности решило создать организацию местной революционной молодёжи.

Тимофей Скрябин

Скрябин Тимофей Трофимович - бывший рабочий лесозаготовок и военный моряк, стоял у истоков создания Социалистического Союза рабочей молодёжи в Верхотурье. Из воспоминаний Н.Анисимкова: «Надо отдать должное Тимофею Скрябину. Я знал его и общался с ним ещё задолго до организации революционной молодёжи. Он работал в лесу вместе с моим отцом, бывал у нас, был очень энергичный (я бы сказал - огневой), любознательный к вопросам науки, культуры, политики, быстро усвоивший с кем и по какому пути идти в революцию и, как только появилось у нас в городе Оргбюро большевиков, решивший встать в ряды партии большевиков. Это был талантливый и прекрасный организатор».

Верхотурское уездное бюро РСДРП(б) даёт задание большевику Скрябину организовать в городе Союз рабочей молодёжи. В помощь ему назначен Михаил Поляков, бывший солдат, кузнец. Сын мастерового Василий Дементьев, его брат Иван, Алексей Поляков, сын извозчика Петр Жернаков, гимназист Никита Анисимков, Александр Китаев составили инициативное, активное ядро новой молодёжной организации, которая создалась буквально в считанные дни. Входили также Пётр Часов, Фёдор Лудоховский, Степан

Мухлынин, Аркадий Пономарёв, Геннадий Пушкарёв и др., чьи сердца оказались открытыми для новой жизни. Ребята написали листовки о том, что создаётся кружок социалистической рабоче-крестьянской молодёжи, вывесили их на видных местах по городу, пошли по рабочим захолустьям с агитацией за вступление в этот кружок.

Так, в июне 1918-го в Верхотурье создан Социалистический Союз рабочей молодёжи – предвестник РКСМ. Целью Союза стало политическое воспитание молодёжи и практическая помощь большевистской организации. Был избран комитет, начали завязывать связи с молодёжными организациями Надеждинского завода, Новой Ляли, Лобвы, Кушвы, сёлами.

Немногим сейчас известно в Верхотурье о первых комсомольцах города. А знать необходимо. В архивах сохранился список первых комсомольцев Верхотурской городской организации. Их было 38. 38 смелых, молодых, решительных, отважных борцов и надёжных помощников старших товарищей-коммунистов. Душой молодёжной организации стал первый председатель Василий Дементьев.

Принятым вручались членские билеты. Каждый выполнял какое-либо поручение, и работать приходилось много. Союзу молодёжи отдали здание бывшего общественного собрания, которое переименовали в «Театр рабочей молодёжи». В этом деревянном здании был зрительный зал, сцена, подсобные комнаты: буфет, бильярдная, кухня и пр. Здесь ставили спектакли, устраивали вечера, проводили собрания, читали, обсуждали книжки, такие как программа РСДРП(б), "Ленин и Плеханов" - очерки полемики, газеты, художественную литературу о жизни и борьбе рабочих и крестьян, о революции 1905 года. Здесь велась большая политико-массовая работа среди населения.

Надо сказать, что больше половины членов Союза были совершенно неграмотны, и приходилось мало-помалу учить их читать и писать. С утра и до позднего вечера кипела всевозможная деятельность во всех помещениях театра. Была постоянная связь с Оргбюро большевиков (потом Уком), членам ССРМ помогали, им доверяли, давали серьёзные поручения, а время было тяжёлое, тревожное. Насколько доверяли старшие товарищи младшим можно судить по следующему примеру. Уездный Комитет РСДРП(б) вынес

постановление и первого июля 1918 года назначил председателем жилищной коллегии и заведующим жилотделом не достигшего возраста 16 лет члена Союза Н. Анисимкова. Молодые люди брали на учёт все дома и особняки местной буржуазии и духовенства, конфисковывали их, выселяли владельцев, если они ещё не выехали из города и вселяли туда бедноту, которые до того жили в жалких лачугах, иной раз хуже, чем деревенский скотский хлев. Эта работа проходила не всегда гладко, были конфликты, поэтому, ходили по купеческим и поповским домам по два-три человека, причём имели оружие, которое им выдали.

Члены Союза получали задания от бюро партии большевиков, от чрезвычайной комиссии.

Боевая дружина

Шёл тревожный 1918 год. По решению Укома РСДРП(б) в июле месяце из состава молодёжной организации сформировали боевую дружину рабочей молодёжи, которая несла гарнизонную службу в городе. Дружина была подчинена штабу охраны города и уезда, возглавляемому Т.Скрябиным. Штаб охраны располагался в здании горисполкома. Позднее часть дружинников влилась в красногвардейские части. Из воспоминаний Н.Анисимкова, помощника начальника боевой дружины рабочей молодёжи: «В течение суток не один раз нам давали наряды-задания или от начальника охраны Т.Скрябина или от чрезвычайного штаба через нашего связного Василия Сельдюкова, который находился при ЧК (ему тогда было 33 года, он по возрасту не мог быть членом нашего союза, но, привыкнув к нам и полюбив нас - юнцов, он даже со слезами просил считать его членов Союза молодёжи - замечательный был человек, буквально с сердцем Горьковского Данко!).

В июне ребятам выдали винтовки, патроны, револьверы, ручные гранаты, кое-какое военное обмундирование - солдатское или матросское. Начальником дружины стал Тимофей Скрябин. Старшие друзья-коммунисты находили время заниматься с ребятами политграмотой, объяснять события, происходящие в стране. Изучали военное дело, учились стрелять. Обучали их бывшие солдаты Василий Сельдюков и Александр Бородулин. Был ещё старый военрук, полковник царской армии. Он признал революцию и активно помогал созданию Красной гвардии.

В дружину сначала входили одни парни, и девушки из Союза устроили «бунт». Спор доходил до слёз. Приняли и их. Девушек обучали медицинским наукам как «сестёр милосердия», потом выдали оружие и наравне с ребятами они осваивали военное дело. Такие как Клава Панихина, Зоя Дробинина, Маруся Крылова справлялись со всем лучше некоторых парней. Кстати сказать, взаимоотношения с девушками строились на самой высокой нравственной основе, не было ни одного случая, чтобы кто-либо нарушил эту чистую мораль.

Члены боевой дружины выполняли всё более сложные ответственные задания. Например, часть ребят командировалась в помощь шестому отряду Красной гвардии. Устанавливали посты и засады на дорогах, охраняли важные объекты (склады оружия и продовольствия, здания, дороги, мосты); выезжали в волости уезда по ликвидации кулацких восстаний, участвовали в работе продовольственных отрядов, охраняли хлебные обозы, разыскивали тайные склады оружия, выявляли подозрительных лиц, прочёсывали лесные дороги. Ребятам помогали рабочая смекалка, «мужицкая хитрость», «народная сноровка».

Когда в городе и уезде было объявлено военное положение, члены боевой дружины переведены на казарменное положение, домой отпускали раз в неделю на несколько часов. Спали в большинстве случаев, не раздеваясь, на столах, на скамейках, на полу. Для быстрого передвижения им давались верховые лошади и лошади, запряжённые в телеги.

Из воспоминаний Н.Анисимкова: «Несмотря на постоянные тревоги, опасности, недосыпания, недоедание (питались мы картошкой и куском овсяного хлеба из непросеянной муки (овсяной ост колол губы и язык), мы урывали время на то, чтобы бывать в своём театре (там же находился и наш комитет), продолжали политико-просветительную работу, готовили постановки. Наши девчата временами доставали муки и даже мяса и подкармливали нас. Такие заботливые, сердечные, как родные сёстры, были эти девушки. Они понимали и чувствовали, что мы постоянно в опасности, в тревоге, недосыпаем, недоедаем, но дух наш боевой, что делаем мы важное дело. Заботились и мы о них. Надо сказать, что родители некоторых девушек были против их участия в Союзе молодёжи и потому репрессировали их. Немало труда прилагалось к тому, чтобы

создать для наших девушек сносные условия и отношение. Было немало и таких случаев, когда со стороны контрреволюционных элементов делались попытки нападения и избиения девушек нашего Союза, но мы юноши, будучи вооружёнными, делали патруляции, провожали их до дому».

25 июля 1918 белогвардейские войска заняли Екатеринбург. Была объявлена мобилизация всех членов боевой дружины, достигших 16-летнего возраста. По призыву Уральского комитета ССРМ Василий Дементьев, Пётр Жернаков, Михаил Поляков ушли добровольцами в Красную гвардию. В одном из боёв во второй половине сентября пал смертью храбрых В.Дементьев. Погиб, спасая знамя части после того, как был убит знаменосец. Знамя за ним подхватил П.Жернаков. Весть о гибели своего вожака взволновала молодёжь и вызвала в городе приток новых членов в ССРМ. После гибели Дементьева председателем Союза и помощником начальника боевой дружины был избран Никита Анисимков, первым из мужской гимназии вступивший в Союз.

На съезде

Захвачена значительная часть Урала, а в Перми собирается второй Уральский съезд РССМ, 40 делегатов. В конце сентября 1918 года Н.Анисимков направлен в Пермь на этот съезд. Там стоял вопрос о том, какую роль должны выполнять Союзы молодёжи. Было решено, что местные союзы молодёжи должны объединиться в Общероссийский Союз, принять большевистскую платформу и активно участвовать в борьбе с контрреволюцией на фронтах и на местах. Съезд принял решение о роспуске тех молодёжных организаций, которые выполняли роль пособников контрреволюции, в частности - Союза учащихся. В Верхотурье на тот момент Союз учащихся женской и мужской гимназий и высшего начального училища уже был распущен.

Избраны Областной Комитет и Областная Ревизионная комиссия (в которую вошёл и Н.Анисимков). Съезд избрал пять делегатов на 1-й Всероссийский съезд Союзов рабочей и крестьянской молодёжи, открывшийся в Москве 29 октября 1918 года. В ноябре ЦК РКП(б) разослал письма местным организациям партии о создании РКСМ. После съезда делегаты разъехались кто на места, кто на фронт.

Тем временем, фронт Гражданской войны расширялся. В 1970-е годы мне приходилось слышать эту историю, когда живы были ещё непосредственные свидетели событий 1918 года. Сентябрь. Белые подступали к Верхотурью. В городском училище шёл урок. 15-16-летние ребята под руководством самого смотрителя народных училищ И.И.Пастухова занимались математикой. Не было лишь одного ученика. Внезапно открылась дверь, и вошёл отсутствующий Николай Опокин. На плече у него висела винтовка, на поясе – патронташ и граната. «Город в опасности, - сказал он, - товарищ Молвинский, к оружию!». В ответ на это Дмитрий Молвинский встал из-за парты, передал свои книги товарищу, а сам вместе с Опокиным спокойно вышел из класса. Опокин и Молвинский – члены Социалистического Союза рабочей молодёжи, вместе с красногвардейцами ушли защищать родной город.

Когда белые вплотную подступили к городу, членам ССРМ поручили эвакуировать арсенал и архив. Тогда, выполняя боевое задание, погибли первые из них.

14 октября 1918 года колчаковская конница, а за ней и пехота под командованием капитана Казагранди вошли в Верхотурье. Началась расправа над сочувствующими Советской власти. В тяжёлой братоубийственной войне становилась Советская власть. Об этом свидетельствуют многочисленные братские могилы в окрестностях нашего города.

Восстановление молодёжной организации

Советская власть в Верхотурье восстановлена в июле 1919 года. Верхотурские комсомольцы тех лет прошли по местам расстрелов и сражений, лесным закоулкам, чтобы собрать тела и с почестями похоронить. Так появились братские могилы на 5 километре, в Актае, ст.Верхотурье.

Из воспоминаний одного из первых комсомольцев Верхотурья: «Мы, юноши и девушки, можно сказать, повзрослели (не потому, что на год стали старше): год тяжёлых испытаний, пламенной борьбы со всем старым, отжившим, за новую светлую жизнь сделал нас более политически грамотными (политграмота была на наших глазах, а не в книжках), более жизненно опытными. Наши старшие товарищи - большевики на многочисленных примерах убедились в том, что на молодёжь можно надеяться, можно поручить ей серьёзные дела».

19 августа 1919 года состоялось общегородское собрание молодёжи с повесткой дня «О задачах и целях организации РКСМ в тылу и на фронте». Председателем собрания был Патрушев. Выступали Кириллов, Семиряков, Дерябин (председатель уездного ревкома); о воспитании молодёжи говорил Иван Сафронов. Собрание постановило: приветствовать власть Советов, власть пролетариата, послать горячий привет вождю пролетариата В.И.Ленину; организованный Союз молодёжи поставить на должную высоту для защиты пролетарских интересов. Избрали на собрании комитет РКСМ.

Передали молодёжной организации хорошее здание - особняк купчихи Мухлыниной, впоследствии сгоревший. Там был хороший зал, большая комната (бывшая столовая) для заседаний и меньшие комнаты. Когда организовалась ЧОН (Часть особого назначения), здание перешло под штаб - нужны были склады для оружия и амуниции и здания с решётками (где была баня и прачечная Мухлыниной). Комитет потом занял дом по улице. К.Маркса (тоже Мухлыниной, но другой), а напротив его в бывшей "Белой гимназии" был организован военно-спортивный клуб.

На общем собрании членов Коммунистического Союза молодёжи (29 человек) города Верхотурье 25 августа 1919 года был избран секретарём ячейки РКСМ Николай Опокин, членом комитета утверждена Гельман, казначеем Малиновская, Пушкарёв заведовал обучением членов Союза с 14 лет военному строю и военному искусству. Так, в августе 1919 года создалась верхотурская городская ячейка.

Во второй половине июля 1919 года собрали в одно здание машины, шрифты и прочее из бывших типографий Селиванова и Ананьина, привели всё в порядок. Типография начала работать, печатались листовки и вскоре начала выходить "Рабоче-крестьянская газета". Неподалёку от типографии организовали клуб печатников, оборудовали сцену, устраивали вечера и спектакли. Были восстановлены организации Союза молодёжи в Надеждинске, Н.-Ляле и других местах; завязалась связь, обмен опытом.

17 сентября 1919 года в Верхотурье состоялся I-й уездный съезд РКСМ, на котором присутствовали 24 представителя от Верхней Туры. Кушвы, Алапаевска, Сосьвы, Новой Ляли, Верхотурья, от

губернии - Козина. Председателем съезда была Н.П.Козина, секретарём П.В.Еремеев.

25 ноября 1919 года на II-м Верхотурском уездном съезде РКСМ было 67 делегатов, рассмотрено 13 вопросов. Осенью 1919-го Гакова Леонида Андреевича выдвигают на уездную конференцию в Верхотурье. Сын рабочего Сосьвинского завода Верхотурского уезда, 1897 года рождения. Его приняли в партию и поручили руководить Союзом молодёжи. В 1920-1921 годах он работает председателем уездного комитета комсомола.

В 1920 году происходит становление ячеек. Так, Меркушинская действует с февраля. В разное время секретарями были – А.Кучин, М.Каменных, В.Романов, В.Шилак.

19-21 июля 1920 года состоялся 1-й Верхотурский районный съезд РКСМ. Повестка дня: текущий момент; доклад райкома; трудовая повинность; работа в деревне; работа среди учащихся; экономическая работа; выборы райкома, информация; работа в армии; разное. О работе райкома говорил Горновых Николай. Передали комсомольскую организацию станции Верхотурье (видимо, в систему ж/д), в результате чего членов комсомола осталось 56 из 117. Леонид Гаков по информвопросу высказал пожелание устранять бумажную волокиту, чаще бывать на местах, знать, что там делается.

Делегаты очередного съезда верхотурской комсомолии в августе 1920 года с энтузиазмом приняли письмо В.И.Ленину с обещанием «по силе возможности продолжать свою революционную работу в тылу». А революционная работа заключалась в практических делах.

На хозяйственном фронте

Основной фронт в начале 1920-х годов – хозяйственный. Заводы Урала стояли, железные дороги еле работали. Каждая крошка хлеба, щепотка соли, пуд угля были на учёте. Косил людей сыпной тиф, сводил в могилу голод, холод. Город и область остро нуждались в топливе. И так было не только в Верхотурье. Вспомните «Как закалялась сталь» Николая Островского. В те годы поезд Верхотурье – Свердловск шёл более двух суток. Было, как у Павки Корчагина – пассажиры сами готовили дрова для паровоза.

В городе объявляется трудовая повинность. Партийная и комсомольская организации решили заготовить топливо. Лес в то время стоял стеной по обе стороны дороги, идущей на вокзал. На этом

лесе и сосредоточили внимание. Организовали субботники, валили высоченные сосны. Ни глубокий снег, ни морозы, не были помехой. Комсомольцы не отставали от коммунистов, чтобы не посрамить себя.

Комсомольцы и молодёжь с 16 лет направлялись на погрузочно-разгрузочные работы и ремонт дорог. Необходимо было помочь деревне. В городе тогда под картошку раскапывали даже городские улицы. Участвовали в работе продовольственных отрядов, добывая хлеб для города и заводов. Старшие комсомольцы с 16-ти лет включены в коммунистический ЧОН. Вылавливали спекулянтов, самогонщиков, диверсантов (были случаи поджогов любых складов в деревнях, общественных зданий).

О ситуации в районе можно судить по воспоминаниям участников событий. Ф.Замураев писал: «Я окунулся в комсомольскую жизнь в 1922 году. В то время многое приходилось начинать сначала: восстанавливать разрушенное войной народное хозяйство, бороться с остатками контрреволюции, растить свои ряды. Обстановка в районе была трудная. На деревне зашевелились кулаки. НЭП породил частную торговлю, кустарничество. Комсомольцы, которыми руководили Михаил Каменных и Фёдор Ефимов, энергично и с задором претворяли в жизнь решения партии. Активно работали в комсомольской организации Г.Мельников, С.Чащин, Н.Глушкова, С.Ворошилов и др.».

Из комсомольской хроники

17 сентября 1920 года собирается 5-й верхотурский съезд РКСМ. Присутствовали 24 делегата от Верхне-Туринской, Кушвинской, Лобвинской, Алапаевской, Надеждинской, Турьинской, Сосьвинской, Верхотурской, Богословской организаций. Самой крупной в то время была Надеждинская. Её шесть делегатов представляли 900 членов. В составе уездного комитета 1919-1920 годов были: Л.Гаков – председатель уездкома, С.Ульянов – секретарь, В.Горбунова – зав. отделом по работе в деревне, М.Дягилев и П.Родионов – инструкторы, Ф.Анисимков – сотрудник.

25-26 ноября 1920 года в Народном доме состоялся Верхотурский уездный съезд РКСМ, который был открыт пением Интернационала. Каждый уездный съезд или районная конференция, собрание ячейки начиналось и заканчивалось пением Коммунистического Интернационала молодёжи. Позднее, когда в 1928 году появились

«юнгштурмовские» костюмы, их надевали на комсомольские собрания. Белая блузка с галстуком, гимнастёрка и юбка цвета хаки, ремень-портупея через плечо и головной убор – кепка с козырьком. Это подтягивало.

10 апреля 1921 года прошла 1-я верхотурская городская конференция. Её задачей было подвести итоги и определить задачи на будущее. Делегаты заслушали доклад о международном и внутреннем положении республики. О работе ячейки при школе 2-й ступени доложила её секретарь Е.Захваткина. Первое собрание комсомольской ячейки в школе состоялось 22 января 1921 года.

После первой городской конференции верхотурская организация увеличила ряды за счёт присоединения других ячеек. Таким образом, организуется районная комсомольская организация. На 1 сентября 1923 года в её составе 13 ячеек со 172 членами, среди них 50 девушек. Верхотурская городская ячейка РКСМ с 1924 года стала называться Советской РЛКСМ. Она объединила комсомольцев всех учреждений города. На учёте состояло 60-70 человек. Когда на летние каникулы приезжали студенты совпартшколы, рабфаков, техникумов, состав ячейки доходил до 100 и более человек.

1921 год. Проходит перерегистрация членов РКСМ. Вопрос обсуждался на собраниях ячеек, где были избраны «тройки». В «тройку» городской организации Верхотурья избраны Варвара Бердникова, Евгения Славнина, Мария Гаёва. После чистки комсомольская организация не уменьшилась, а возросла. Было 90, стало 100 членов: вместо исключённых комсомольцев приняты достойные парни и девчата. В 1922 году в верхотурской городской комсомольской организации 105 членов, из них 81 с низшим, двое неграмотных и лишь 22 со средним или высшим образованием.

Комсомольские ячейки большое внимание уделяли военно-физкультурной работе и допризывной подготовке. 15 апреля 1926 года создаётся районный Совет по физкультуре и спорту.

1926 год, май – 5-я районная конференция ВЛКСМ.

В ноябре 1926 года в районной комсомольской организации % девушек составлял 33,1 к общему количеству комсомольцев.

В январе 1927 года впервые проведена районная рабселькоровская конференция, положившая начало движению рабселькоров.

17 марта 1927 года 7-я районная комсомольская конференция решает усилить работу по военизации среди населения, вести агитацию среди молодёжи о вступлении в организацию, познакомиться с жизнью флота, собрать средства для посылки туда делегата, завязать регулярную связь с подшефным миноносцем.

24 августа 1927 года проведено общее кустовое комсомольское собрание верхотурских ячеек вместе с допризывниками 1905 года рождения.

В феврале 1928 года прошла очередная районная комсомольская конференция в Верхотурье.

1929 год – 10-я Верхотурская районная конференция. Тов. Масленников сделал доклад «О международном и внутреннем положении СССР». Резолюция по вопросу: «О состоянии работы пионерской организации и дальнейшие задачи в связи с новой системой». Решено всемерно укреплять обороноспособность страны с ОСОАВИАХИМ 100%-ным вовлечением в него комсомольцев. В ячейках проходят недели обороны страны.

Много внимания уделяли комсомольцы своей смене – юным пионерам, первыми вожаками которых были Геннадий Караваев, Сергей Борисов, Женя Ворошилова, Вася Толстов и др. Особенно плодотворной была работа в детском городке, где с ребятами работали Ефремов, Чебыкин и др. В детгородке организовали симфонический оркестр, известный во всей округе. Городок носил имя Парижской коммуны. В 1927 году к ребятам приезжал один из её участников. Футбольная команда здесь была одной из самых сильных в округе. Проводили военные игры: «Красные и белые», «Взятие Зимнего дворца» и др., а пионеры любили игру «Красные дьяволята».

7-8 декабря 1929 года на 11-й конференции присутствовало 56 делегатов, представляющих 571 члена районной организации ВЛКСМ. От окружкома был тов. Елфимов. Пленум райкома ВЛКСМ избран в составе 21 чел.

Чтобы строить коммунизм, надо учиться… В районе было много малограмотных и неграмотных. Председатель специального уездного комитета С.Знаменская обратилась к уездному КСМ по вопросу ликвидации неграмотности. Вместе со старшими товарищами комсомольцы открывали вечерние школы для взрослых по ликвидации безграмотности. Только в 1922 году в районе было 40

школ с охватом обучением около 600 человек. Занимались с неграмотными учителя, старшеклассники, просто грамотные люди. З.В.Путинцева вела занятия в Меркушино и Кордюково, ей помогали местные комсомольцы.

Комсомольские ячейки

В 1919 году комсомольских ячеек в Верхотурье было только две: в детском доме имени Парижской коммуны и городская. Из воспитанников детского дома комсомольцами стали К.И.Матвиевский, Я.И.Гребёнкин, П.О.Захваткин, В.В.Волкова, С.А.Булычев, Б.Г.Мокин, А.А.Окишева и сотни других, о которых в трудные годы послевоенной разрухи позаботилась советская власть.

Я.И.Гребёнкин, учитель, рассказывал: «Однажды пришли в детдом из райкома комсомола. Рассказали об обстановке в стране, комсомольцах, чем они занимаются. Вместе вступили товарищи мои: Исаев, Еремеев, Тучков, Стуликов и др. Чуть позже – ещё одна группа учащихся. В школе создалась первичная комсомольская организация. Комсомольцев было немного в городе, но жили они интересно. Райком, позднее уездный комитет комсомола был как клуб для нас. Приходили потанцевать, попеть, просто поговорить с товарищами. Часто концерты устраивали. Любимые песни «Смело, товарищи, в ногу!», «Вихри враждебные». При укоме была библиотека, в ней большой выбор классики, как зарубежной, так и отечественной. Но мы тогда больше тянулись к новой литературе, революционной. Редко стояли свободными томики со стихами Бедного, Маяковского, повести и рассказы Горького. Читали журналы «Молодая гвардия» (только начал выходить), «Красная новь» и др. Наше поколение было жадное ко всему: к новым делам, книгам, песням. К этому звало время».

В 1919-21 годах организуются ячейки «Розы Люксембург», «Райпролетариата» при доме коммуны, детском доме, при школе второй ступени, рабочем политехникуме, в селе Меркушино, на станции Верхотурье.

Одной из самых боевитых считалась Дерябинская ячейка комсомола, организованная в 1919 году. Комсомольцам 1920-х годов приходилось заниматься всеми вопросами жизни деревни. Помогали партячейке в открытии народных домов в Дерябино, Лобановой и Рагозиной. Комсомольцы умели трудиться, умели и отдыхать.

Ставили спектакли, выступали «синеблузники». В трудном октябре 1919 года Иван Савельевич Дерябин в Дерябино стал членом Союза Коммунистической Молодёжи. Из комсомола дерябинской ячейки выдвинулись Степан Андреевич Дерябин, Кузьма Степанович Литовских, Василий Дмитриевич Тарамженин, Анна Васильевна Дерябина. Степан и Кузьма стали позднее крупными партийными работниками.

Г.Мельников возглавил комсомольскую ячейку в Усть-Салде из 13 человек, девять из которых были батраками. Комсомольцы ставили любительские спектакли, сценарии для которых писали сами, выпускали стенгазеты с карикатурами на попов, агитировали за вступление в колхоз, занимались ликвидацией неграмотности. Около половины специалистов сельского хозяйства были комсомольцы и молодёжь.

Осенью 1919 года на станции Верхотурье организуется комсомольская ячейка. В её ряды вливается группа учащихся начальной школы. Многие желающие по возрасту не подходили для приёма в комсомол, но как «записавшиеся» оставались в ячейке с комсомольцами. 20 марта 1920 года в Верхотурском уездном комитете завершено оформление приёма в комсомол. Список комсомольцев станции Верхотурье в количестве 51 чел. тоже сохранился в архиве.

Как не просто было вступать в комсомол, написал Д.Н.Черных: «Время в тот период было интересное: рушилось старое, на глазах появлялось новое – дух захватывало. В комсомол вступил в 1925. Но это произошло не сразу. От Пии я жил в шести километрах, в деревне Завьяловой. Подал заявление в комсомол – меня приняли. Через несколько дней об этом узнали дома, пошла мать в Пию, и… меня исключили. В общем, меня принимали в комсомол три раза. Для того, чтобы быть комсомольцем в то время, нужно было не только преодолеть семейное препятствие. Но и, бывало, соседи в запятки плевали. Ещё бы: был как все, богу молился, в церковь ходил и вдруг – комсомолец, безбожник, «антихрист». Сейчас это просто привычно, почётно. А тогда не всякий отваживался на такой шаг. В 1926 я в Пие уже работал секретарём комсомольской ячейки, до призыва меня в армию, в 1927».

Богата событиями жизнь комсомольцев 1920-х годов. В те годы за десятилетие пройдена эпоха, сказал Василий Дмитриевич Таранженин, активный член Дерябинской ячейки.

Первому поколению комсомольцев пришлось идти непроторенной тропой. Ячейки зарождались в тяжелейшее время. Приходилось с оружием в руках защищать молодую Советскую республику. А потом по призыву комсомола вновь вступать в бой, но в бой с разрухой.

Поколение комсомольцев 1920-х были первыми. Им на смену пришли комсомольцы 1930-х. И у них уже было своё лицо и своя история.

Из комсомольской жизни тридцатых годов

10-13 ноября 1930 года состоялась 12-я районная комсомольская конференция. Делегаты заслушали доклад об итогах ноябрьского пленума ЦК ВКП(б), отчёт о работе райкома ВЛКСМ тов. Соколова. По вопросу о колхозном строительстве и задачах комсомола доложил тов. Литовских. В обсуждении приняли участие Заплатин (Прокоп-Салда), Лопаткин (транспорт), Аллаяров и Князев (Верхотурье), Бронников (Усть-Салда). Рагозин (Дерябино), Кузнецов и Орлов (Советская ячейка), Криушин (пионергородок), Отраднов (Отрадново), Голубев (Меркушино) и Гуничев из обкома ВЛКСМ. Они указывали на недостатки в работе райкома, в подготовке кадров, связи с местными организациями, участии в лесо- и хлебозаготовках, на политическую неграмотность комсомольцев и др. Вносили предложения.

В 1931 году по комсомольским путёвкам на стройки народного хозяйства страны уехало 192 комсомольца.

В феврале 1931-го состоялась вторая встреча-совещание рабселькоров. Отмечено, что круг добровольных помощников районной газеты «Колхозник» мал, всего 66 человек. Комсомольцы участвовали в рабселькоровском движении.

24-26 января 1939 года состоялась 16-я районная комсомольская конференция. Докладчик Горнов отметил рост рядов ВЛКСМ с 474 до 800 членов. В партию рекомендовали 57, принято кандидатами в члены ВКП(б) 32 комсомольца. Членов Осоавиахима – 692, в т.ч. комсомольцев – 263.

В 1930-е годы действовала в Верхотурье двухгодичная на базе семилетки школа Леспромуч. Отличная учёба здесь сочеталась с

кипучей общественной деятельностью: выпускали стенгазету, ставили постановки на сцене школы, занимались спортом, учились стрелять, проводили рейды «Лёгкой кавалерии», субботники и воскресники, пилили дрова, разгружали вагоны, проверяли состояние школ, общежития. Комсомольские собрания проходили бурно, самокритично. Кто в учёбе приотстанет или на субботнике не покажет пример – будет накачка, надолго запомнит. Песни пели! Секретарём ячейки ВЛКСМ был Терентий Болотов, членами бюро ячейки и профкома - Яков Васнин, Мария Литовских, Степан Дружинин, Зина Охрименко, Михаил Баталов, Сима Сусекова и другие активисты помогали.

1 марта 1931 года здесь приняли в комсомол Киприяна Михайловича Рагозина, участника Великой Отечественной войны, комсомольского, партийного и советского работника, краеведа, в 1970-е годы возглавившего Совет ветеранов комсомола и пионерского движения Верхотурского района. Путёвку в жизнь дала ему комсомольская организация школы Леспромуч.

В период сезона лесозаготовок ежегодно создавались на лесоучастках учебные пункты по ликвидации неграмотности и малограмотности среди молодёжи Верхотурья. Для этой цели были выделены два комсомольца-учителя: С.М.Хлынов и М.Т.Рагозина. Распорядок дня на учебном пункте был таков: шесть часов молодёжь работала на лесоучастке, три часа училась. На этом же сборном пункте давали молодёжи элементарные военные знания.

Огромная тяга в 1930-е годы была у комсомольцев к военным знаниям. Почти каждый имел значки «Ворошиловский стрелок», «Готов к труду и обороне», «Готов к санитарной обороне», «Готов к противовоздушной и химической обороне».

Летом 1939-го проводились военно-тактические занятия. По тревоге к месту сбора у памятника Ленину собралась вся молодёжь города. Всего на сборный пункт явилось 1200 человек. Сразу же сформировали полк, батальоны, роты, взводы, назначили командиров. Ночью полк выступил для выполнения боевой задачи по направлению Богословского тракта в сторону Новой Ляли. На второй день вечером полк вернулся. Военно-тактические занятия прошли успешно.

С приездом Жени Паршина, окончившего в Свердловске физкультурный техникум, круто изменилась молодёжная жизнь в

Верхотурье. Вся комсомолия заболела спортивными подвигами. Каких только состязаний, игр, лыжных походов он не устраивал! Сдача норм ГТО стала делом чести, и молодёжь из кожи вылезала, чтобы не осрамиться. Радовались успехам и с гордостью увешивали грудь спортивными значками.

В феврале 1939 года состоялся лыжный поход в честь 18-го партийного съезда. Четыре команды лыжников выполняли задачи: проверка готовности колхозов к весенне-посевной кампании и пропаганда спорта.

Действующим органом в 1920-30-е годы были отряды «Лёгкой кавалерии», созданные из числа передовой молодёжи для борьбы с бесхозяйственностью, бюрократизмом и волокитой. 22 сентября 1928 года в районе создано шесть таких отрядов. Они контролировали кооперативы, Советы - по выполнению жалоб трудящихся, налаживали работу в бараках по обслуживанию людей, проверяли наличие и использование квартир.

«Культкомбайны»

В 1930-е годы организовано девять комсомольских молодёжных бригад для работы на селе - «Культкомбайны». В состав таких бригад входили агитаторы, сотрудники редакции и типографии, счётные работники, киномеханик, участники художественной самодеятельности. «Культкомбайн» проезжал по всему району, обслуживал все сельсоветы. Времени на это уходило около месяца в дни сенокоса и уборочных работ. Фамилии «культкомбайновцев»: Глинкин, Е.И.Скрябина, С.Г.Никифоров, Н.Н.Бойцов, Г.А.Криушин, М.В.Базина, Е.А.Ворошилова, А.Я.Никулина, М.Н.Бодров, И.И.Ложин, И.К.Чертищев, А.М.Денисов, М.Добрынин, А.С.Колясников и др. Ответственным был Сергей Михайлович Дресвянников.

Драмкружком в городе Верхотурье руководили А.В.Черноголов, В.И.Путинцев. Репертуар был богат и разнообразен. Ставили спектакли «Ярость», «Клещ», «Хряк», «Альбина Мегурская», «Без вины виноватые», по пьесам Тренёва «Любовь Яровая», Горького «На дне», Островского «Бедность – не порок» и др. Роли исполняли И.П.Полубинский, И.В.Покровский, Л.М.Анисимкова, Быков. Я.В.Потоцкий, Г.М.Лапчинская, З.Сохарева и др.

Синеблузники

Популярностью в молодёжной среде и среди населения пользовались коллективы «Синяя блуза» при клубе и «Красная рубаха» при народном доме.

Под руководством А.Зубкова в районном центре была создана «Синяя блуза» - форма клубной самодеятельности, в выступлениях которой отражалось всё, что тормозило нормальную жизнь в городе и районе. Борьба с хищениями, недостатками в хозяйственных организациях – основная задача «Синей блузы». В неё входили Ф.Замураев, Е.Малкова, П.Ковалёва, И.Ложин, М.Маслаков, М.Терехин, М.В.Базина, А.Черноголова, И.Чертищев, В.Путимцев, М.Бодров, П.Кузнецова и др. Использовали мелодекламацию, хоровое исполнение песен, пляски, лубок, частушки (о посевной, уборочной, агитации на заём индустриализации и др.).

Об участии в живой газете «Синяя блуза» вспоминала М.В.Базина: «Начинали мы наши выступления с марша и песни на тему дня. Находясь в составе «Синей блузы», мы всегда были в курсе жизни города и района. Нам сообщали положительные и отрицательные материалы о делах молодёжных, производственных и о сельском хозяйстве. Поэтому ни одно наше выступление не проходило без сложенных самими синеблузниками критических частушек на местную тему. Редактировали эти материалы А.Зубков и М.Бодров. Помимо общих выступлений в живой газете в исполнении этих частушек принимала участие и я. Пели частушки в сарафанах, а чаще всего в кофте с юбкой.

Как же проходили наши выступления? На большой фанере были вырезаны отверстия для лица и рук для 2-3 человек. На самой фанере были нарисованы карикатуры в лаптях и с гармошкой. Сами мы сидели сзади за фанерой, а видно было только наше лицо, видны были руки. Выступлениями зрители были очень довольны. А нам было приятно вдвойне. Мы доставляли людям удовольствие».

Сергей Рагозин, ветеран партии и комсомола, родом из д.Рагозиной также оставил воспоминания об интересных выступлениях синеблузников. Драмкружком руководила Зоя Васильевна Байкова (Путинцева). Вечерами вокруг керосиновой лампы читали «Политграмоту», разбирали отдельные политические вопросы, спорили, доказывали.

Воспитанники комсомола

Верхотурский комсомол в своих рядах воспитал таких славных сынов и дочерей, как Тася Удовихина, главный инженер строительства Дома Советской Армии в Москве, получившая звание Лауреата Государственной премии. Таня Ларионова стала заместителем министра культуры БССР, Стёпа Дерябин работал заместителем министра сельского хозяйства по Уралу и Сибири. Николай Чесноков - заслуженный художник РСФСР, Матвей Русаков - разведчик, Алёша Черноголов – директор школы, а такие, как К.М.Рагозин, С.А.Дерябин, К.Матвеевский и др. геройски защищали нашу Родину в годы Великой Отечественной войны. Достойных воспитанников верхотурского комсомола не счесть, их сотни и сотни…

Счастливым временем, лучшими годами жизни считали верхотурские комсомольцы те далёкие 20-30-е годы прошлого XX века. Они были молодыми и молодость их - задорная, боевая, требовательная. И у них была цель в жизни, они этой жизнью были востребованы.

Тот факт, что дела комсомольцев сохранились в истории России и конкретно в Верхотурье, отрицать нельзя. Многому в нашей сегодняшней жизни молодежь обязана тем принципиальным и бескомпромиссным парням и девушкам с высокими стремлениями.

Список литературы:

1.Анисимков Н. Очерки по истории Верхотурской уездно-городской организации РКСМ 1917-1921 годов. *Рукопись, ВГИАМЗ.*

2.Гаврилов Н. Незабываемые тридцатые // Новая жизнь. – 1978. – 10 окт. – (К 60-летию Ленинского комсомола).

3.Гребёнкин Я. Равнение на отцов (рассказ старого комсомольца) // Новая жизнь. – 1966. – 18 мая. *О комсомольцах 1920-х, что тогда читали.*

4.Дерябина П. Из истории комсомольской организации города Верхотурье // Верхотурская неделя. – 2012. – 8 авг. – С. 12. - (Краеведение).

5.Заболотский Ф. Юность комсомольская моя. Годы тридцатые // Новая жизнь. – 1968. – 1 авг. – (Навстречу 50-летию ВЛКСМ).

6.Замураев Ф. Становление // Новая жизнь. – 1969. – 23 сент. – (Из истории комсомольской организации района). 19*20-е гг.*

7.Зырянова Т.А. Страницы истории верхотурского комсомола (20-е годы XX столетия) // Истоки: краеведческий сборник. – 2016. - № 2. – С. 89-104. – (Общество любителей Верхотурского края).
8.Лиханов Н. Один из первых // Новая жизнь. – 1970. – № 56. – 12 мая. - (К 50-летию Верхотурской комсомольской организации). *Леонид Гаков в 1920-1921 гг. – председатель Верхотурского уездного комитета молодёжной организации.*
9.Лиханова Е. Её воспитал комсомол // Новая жизнь. – 1972. – 10 февр. *Татьяна Александровна Ларионова – зам. министра БССР, воспитанница верхотурского комсомола.*
10.Первые шаги // Новая жизнь. – 1978. – 29 апр. *Воспоминания С.Л.Рожкова, одного из первых комсомольцев и комсомольского вожака на ст. Верхотурье.*
11.Рагозин К. Незабываемое время // Новая жизнь. – 1984. – № 82. - 12 июля. – С. 2-3. *Комсомол и пионерия в 1930- е гг.*
12.Скрябина Е. Юность незабываемая / Е. Скрябина, А. Черноголова // Новая жизнь. – 1971. – № 75. - 24 июня. – (Навстречу районному слёту ветеранов комсомола).
13.Фомина Т. Школа жизни // Новая жизнь. – 1986. – № 137. - 15 нояб. *О комсомольцах 1930-х годов; школе совхозуч.*

Казакова-Апкаримова Елена Юрьевна

Городские попечительства о бедных на Урале в начале XX в.: институционализация новых форм благотворительности

(Работа выполнена по проекту фундаментальных исследований Комплексной программы Уральского отделения РАН «Российские модернизации: исторические вызовы и механизмы их преодоления» (проект № 18-6-6-37)

Модель городского попечительства о бедных, базирующаяся на индивидуальном подходе к нуждающимся, привлечении активных общественных деятелей в сферу благотворительности, исторически связана с немецкой (Гамбургской, в дальнейшем Эльберфельдской) системой оказания помощи нуждающимся. Зарубежные приемы и методы социальной работы оказались востребованными в России

пореформенного времени[1]. Идея и формы благотворительности, близкие к Эльберфельдской системе, стали развиваться в России в ходе создания городских попечительств о бедных с целью сбора пожертвований, раздачи пособий нуждающимся, устройства их и постоянного наблюдения за призреваемыми. Они появились сначала в столицах: Москве и Санкт-Петербурге. Затем эту практику подхватили Одесса, Рига и другие города. К 1910 г. такие попечительства действовали в 312 российском городе (в 12 губернских и 19 уездных городах), тогда как в Москве уже к 1907 г. их насчитывалось 29 с 1194 сотрудниками. Они находились под контролем городской власти[2]. К слову сказать, к тому времени (в 1907 г.) на смену Эльберфельдской системе пришла Страсбургская система. Если для первой было характерно привлечение большого числа добровольцев для оказания помощи на дому, то для второй было характерно развитие законодательных основ и использование труда профессиональных социальных работников.

Популярность Эльберфельдской системы в российских общественных кругах была довольна высока. Однако были среди общественных деятелей и ее критики, указывавшие на рост числа нищих в России начала XX в. и недостаточную эффективность зарубежного опыта применительно к российской действительности, ментальные особенности россиян, привыкших к традициям подаяний[3].

Уральская общественность активно пропагандировала методы общественной благотворительности. Так, в Екатеринбурге К.М.Гавриленко в декабре 1916 г. в публичной лекции освещал формы и методы благотворительности, положенные в основу деятельности Екатеринбургского городского попечительства о бедных, руководствуясь указаниями местной городской думы. Сам он являлся председателем городского попечительства о бедных. Лектор привел самое общее определение понятию «благотворительность», под которой он понимал оказание всякого рода помощи человеку материально нуждающемуся. «Благотворительность в тесном смысле этого слова, - отмечает К.М.Гавриленко, - всегда касается **отдельного** (выделено им – Е.А.) человека или отдельной семьи. Ея роль всегда активна, потому что ей всегда надо **действовать** при подаче того или иного вида помощи нуждающемуся»[4]. Он пропагандировал идеи

вдумчивой благотворительной помощи: «…благотворительность не должна ограничиваться только одним действием: этому действию должно предшествовать изучение и общих вопросов о способах оказания помощи нуждающемуся, и общих вопросов постановки дела призрения, и, наконец, тщательное ознакомление с жизнью и бытом данного бедняка и условиями впадения его в положение»[5].

Будучи сторонником Эльберфельдской системы, требующей большого числа добровольцев, современник констатировал: «Как показал опыт Западной Европы, в таких добровольных сотрудниках нигде недостатка не бывает: среди населения каждого города, каждого местечка всегда есть люди самоотверженно и безвозмездно предоставляющие свой труд и время полезному делу. Они есть и в г.Екатеринбурге, ярким доказательством чего служит живейшее участие населения в общественных организациях города, организациях, насчитывающих в своих рядах тысячи членов»[6]. К.М.Гавриленко отстаивал мысль о необходимости интеграции усилий благотворительных обществ, в частности, путем учреждения регистрационного бюро, которое располагало бы всеми сведениями о лицах, которые за 3-5 лет получали или получают пособия. И все-таки он же отмечал, что и в начале XX в. в Екатеринбурге подача милостыни являлась «наиболее распространенным способом благотворения». Отдавая приоритет другим способам благотворительности, К.М.Гавриленко писал, что милостыня представляет собой саму простую форму помощи, которой иногда злоупотребляют профессиональные нищие[7].

По его мнению, принципы Эльберфельдской системы «особенно хороши», и принципы эти «являются в сущности ничем иным, как древним христианским общинным призрением, элементы которого очень целесообразно поставлены здесь в связь с современной гражданской общиной». Основаниями этой системы являются индивидуализация и децентрализация. Весь город поделен на округа, округа – на участки во главе с попечителями. Попечители формируют окружное собрание, на котором каждый 14-й день обсуждаются вопросы о том, что нужно сделать для устранения нужды в каждом отдельном случае. Председатель округа является его представителем в городском управлении. Всеми делами города по призрению бедных

занимается правление. Пособие выдается на 14 дней, дальнейшая его выдача может продляться на новый срок.

Ссылаясь на мировой опыт благотворительных организаций, которые занимались как распространением теоретических знаний о благотворительности, так и практическими задачами (например, такое общество существовало в Лондоне, оно имело более 40 участковых комитетов, которые занимались обследованиями нуждающихся или раздачей им пособий, общество взаимодействовало с другими 93 аналогичными общества Соединенного королевства; такие общества существовали в Дании и Швеции), К.М.Гавриленко проводил параллель с Екатеринбургом. По «Общему Положению об участковых попечительствах о бедных», дума вверяла местное общественное призрение городскому попечительству о бедных. Думская комиссия разделила город на участки во главе с членами комиссии. Члены комиссии по округам провели собрания добровольцев, призвав их к оказанию помощи бедным. Так сформировались участковые попечительства из лиц обоего пола. Деятельность их в пределах своего района автономна: они сообща рассматривают все случаи проявления нужды, находят способы помощи, осуществляют обследование бедных на местах и наблюдают за семьями, которым оказывается поддержка. При городской комиссии было создано справочное бюро о бедных[8]. Справедливо писал К.М.Гавриленко, что «методы благотворительной работы и ее задачи будут всегда изменяться и совершенствоваться в зависимости от степени культуры и развития общества»[9].

При создании городских попечительств о бедных учитывался предшествующий опыт социальной работы органов городского самоуправления. Например, в 1902 г. Нищенский комитет при городском самоуправлении Кунгура был трансформирован в Кунгурское городское попечительство о бедных. Общество привлекло к своей деятельности немалое число активных общественных работников. Его членами становились плательщики 1, 3 и 10 руб. в год, были почетные члены, внесшие единовременно 200 руб. в бюджет попечительства[10].

Город был разделен на 8 участков во главе с участковыми попечителями. В первый же год работы попечительства удалось привлечь свыше 60 сотрудников к благотворительной деятельности.

Общественники тщательно обследовали кварталы города, стремясь отделить «действительную нужду» от тунеядства. Сведения вносились в опросные листы. Нуждающимся выдавались ежемесячные и единовременные пособия. Сумма выданных пособий достигла 1368 руб. в год. Попечительство содержало ночлежный дом, перешедший в наследство от комитета, с бесплатной столовой для бедных. Члены попечительства устраивали благотворительные вечера, елки, лотереи.

Среди активистов общества были женщины, например, З.П.Ковалева, при ее участии издавались и продавались в пользу попечительства открытки с видами города Кунгура. Деятельность попечительства находила одобрение и в предпринимательской среде. Купец А.П.Чулошников пожертвовал в неприкосновенный капитал попечительства 10000 руб. при условии, что определенная часть процентов с этого капитала будет расходоваться на приданое бедным девушкам, на похороны и на ремонт домов.

Благодаря деятельности попечительства в Кунгуре появилась бесплатная ткацкая учебная мастерская. Изделия из нее продавались в Кунгуре и Перми. Председатель попечительства Н.О.Ковалев сетовал, что ткацкое ремесло медленно прививалось.

Не всегда новые формы благотворительности получали поддержку горожан. Например, ставя цель уничтожить попрошайничество и пьянство, попечительство стало выдавать талонные книжки на 1, 2, 3 и 5 коп. Взамен на них бедняки могли получить пищу в народной дешевой столовой. Такой способ помощи не понравился многим нищим и другим обывателям. Кроме того, «нищая братия сумела превратить талоны в деньги и приобретать вино». Многие нищие отказывались от талонов, предпочитая брать копейку, чем талон в 3-5 коп. Талонные книжки постепенно вышли из употребления.

Несколько лет попечительство функционировало довольно успешно. Однако в дальнейшем сократилось число активных общественных деятелей, возникали трудности со сбором членских взносов, сокращался бюджет общества, что естественно отразилось на работе попечительства в целом. На этом фоне был поднят вопрос о закрытии попечительства и «передачи благотворительности в руки городского самоуправления»[11].

Пермские городские попечительства о бедных начали действовать еще в ноябре 1911 г. Первое общее собрание членов было созвано городским головой П.А.Рябининым. На нем был одобрен порядок деления города на участки, намеченный комитетом, которому и было поручено и открытие. В декабре 1911 г. были открыты участковые попечительства: Заимское, Никольское, Монастырское, Преображенское, Слудское, Феодосиевское, Петропавловское, Ильинское (впоследствии Ильинско-Михайловское). Первоначально они помогали бедным путем предоставления им жилья и здоровой пищи. Уже в первые месяцы работы оказалось много добровольцев заниматься благотворительностью, в том числе 375 человек активных работников и 1820 человек, которые, так или иначе, откликнулись на призывы попечительств. Почетными и пожизненными членами Пермского городского попечительства о бедных являлись пермский губернатор И.Ф.Кошко, епископ Пермский и Соликамский Палладий и другие видные общественные деятели. Однако в дальнейшем интерес горожан к делам попечительств начал падать, хотя сохранился костяк активистов, в результате чего работа была налажена. Попечительства организовали бесплатные столовые для детей и немощных, бесплатные горячие завтраки для бедных учащихся начальных школ города, в приютах и богадельнях призревали свыше 300 человек взрослых и детей, расходуя на это ежегодно около 20000 руб. Частично попечительства удовлетворяли просьбы бедняков и в поиске работы, предоставляя возможность работать в сапожных, столярных и других мастерских, которые действовали при попечительствах, а также открыв специальное «Бюро труда» с целью предоставления нуждающимся информации о работе и вакансиях. Попечительства предоставляли беднякам и бесплатную юридическую помощь через своих членов-адвокатов. С открытием навигации попечительства заручились поддержкой пароходных фирм и добились бесплатного или льготного проезда бедным. Общее управление делами попечительств осуществлял комитет, который возглавлял председатель, городской голова П.А.Рябинин. Комитет состоял из пяти членов, избираемых городской думой, председателей и представителей советов участковых попечительств.

Средства попечительств пополнялись за счет пожертвований, кружечного сбора, лотерей, столовой, благотворительных спектаклей

и т.д. По мере расширения работы увеличивался бюджет попечительств, который в совокупности в 1912 г. составлял 32667 руб. 66 коп., а в следующем – 39323 руб. 76 коп. Несмотря на сокращение числа добровольных помощников, деятельность попечительств была успешной. На ее эффективность, однако, влияли такие факторы как ограниченность средств, влияние пригородов, где проживало значительное количество нищих, несогласованность действий других благотворительных организаций города[12].

Для усиления финансовых возможностей совет попечительства обращался к губернской администрации с «просьбой о пособии на питание пришлых из других губерний крестьян из сумм продовольственного капитала». Некоторые отчисления в бюджет попечительства сделали общественные собрания: общественное и торгово-промышленное. Первое пожертвовало на помощь голодающим 700 руб., второе – 200 руб.[13].

В заключении хочется подчеркнуть, что опыт деятельности городских попечительств о бедных в начале XX в. свидетельствует о росте гражданского самосознания горожан в российской провинции. Так, очевидец писал в газетной заметке о мотивах вступления в Кунгурское попечительство о бедных: «многие искренне хотели отдать ему свой досуг, посвятить силы на пользу меньшего, неимущего брата», «хотели применить все способы рациональной борьбы с бродячим, часто пьяным и ленивым людом, и, с другой стороны, хотелось оказать поддержку там, где она действительно по тем или иным причинам необходима»[14].

Примечания:

Тевлина В.В. Российская империя и Запад: интеграция социальной политики. Архангельск, 2008. С.70-75.

[2] См.: Коробейников Ю.В. Исторический опыт осуществления общественной помощи нуждающимся органами местного самоуправления в России в 1864-1917 гг. Автореф. …дисс. канд. ист. наук. Ставрополь, 2003.

[3] Тевлина В.В. Российская империя и Запад: интеграция социальной политики. Архангельск, 2008. С.75-76.

[4]Гавриленко К.М. Современная благотворительность и ея задачи. Екатеринбург, 1917. С.3, 7, 43.

[5] Там же. С.43.

[6] Там же. С.46-47.

[7] Там же. С.47-51.
[8] Там же. С.59-61.
[9] Там же. С.66.
[0] Голос Урала. 1912. 10 июля. № 102. С.3.
[1]Там же. С.4.
[12] Отчет Пермского городского попечительства о бедных. С 27 ноября 1911 г. по 1 января 1914 г. Пермь, 1914. С.1-6.
[13] Пермь // Голос Урала. 1912. 21 марта. № 15. С.3.
[14] Голос Урала. 1912. 10 июля. № 102. С.4.

Калмыкова Виктория Михайловна

Свидетели жизни и трагедии: реликвии в фондах Музея святой Царской Семьи

В последнее время многое говорят о судьбе музеев, их предназначении и нужности вообще, принципах деятельности в будущем… Но что бы не происходило, музеи, хочется верить, никогда не перестанут выполнять главные свои функции: находить, изучать и сохранять и, наконец, представлять людям предметы, являющиеся носителями времени, свидетелями судеб отдельных людей и целых поколений.

Год 2018-й… Год столетия подвига Семьи Государя Императора Николая II, представителей Династии Романовых, их верных спутников. Именно сейчас большая часть предметов из фондов Музея святой Царской Семьи приобретает особый смысл и особое значение для наших современников. Благодаря этим предметам мы открываем неизвестные страницы не только в жизни Царственных Страстотерпцев, Алапаевских Мучеников и их верных спутников, но и страницы Отечественной истории, во многом затененной, скрытой от современников и потомков, попросту искаженной в течение XX в.

Наиболее пристальное внимание посетителей нашего Музея привлекают подлинные предметы, принадлежавшие Царской Семье, предметы, ставшие свидетелями заточения Семьи Государя Николая II в Ипатьевском доме в Екатеринбурге в 1918 г. Эти предметы вызывают особое, ни с чем несравнимое трепетное чувство прикосновения к святыням. Известно, что «вещи не молчат». Стоит лишь приглядеться к ним, углубиться в их историю, «послушать их» –

и они многое поведают о себе, о событиях, свидетелями и участниками которых являлись.

Одной из реликвий в фондах Музея святой Царской Семьи являются предметы, переданные как святыни Германской епархией в Россию для Храма-Памятника на Крови г.Екатеринбурга.[1] Архиепископ Берлинский и Германский Марк свидетельствует, что предметы были получены Германской епархией «…лет 25 назад от родственников генерала Дитерихса…»[2] и представляли собой «…остатки предметов, принадлежавших царственным детям, великим княжнам, изъятые из камина их комнаты в Ипатьевском доме белыми офицерами при расследовании обстоятельств цареубийства».[3]

Среди переданных Храму на Крови, а впоследствии – Музею святой Царской Семьи предметов находятся серебряная нательная Козельщанская икона Божией Матери, серебряная пряжка с туфельки одной из Великих Княжон, украшенная бриллиантами, две шпильки для дамских причесок, обувной гвоздь, булавка, фрагменты металлического сплава, текстильного изделия, зубной щетки, костяшки домино, керамического изделия.[4] Предметы расположены на мягкой подложке, находящейся в деревянной раме под стеклом. С момента поступления в Музей святой Царской Семьи рама не вскрывалась, но и при осмотре через стеклянную поверхность видны следы значительного обгорания, плавления предметов и их значительных повреждений.[5]

Сегодня для музея имеет большое значение не только экспонирование этих реликвий, но, прежде всего, их сохранение. Предметы не изымаются из рамы, где сформировалась определенная воздушная среда, экспонируются в витрине, не подвергающейся воздействию прямых солнечных лучей и большому количеству дневного света. Искусственное освещение витрины и всего экспозиционного зала является неярким, мягким, дополнительная направленная подсветка витрины используется крайне редко. В экспозиционных залах Музея поддерживается соответствующий температурно-влажностный режим.[6] Условия хранения реликвий имеют свои трудности: предметы объединены в замкнутом пространстве, но выполнены из различных материалов и имеют различные степени повреждений, а значит, требуется отдельный подход к каждому из этих предметов. Значимость правильного,

научно выверенного процесса хранения предметов, обнаруженных в камине Ипатьевского дома, заключается еще и в том, что данные предметы навсегда останутся одной из самых убедительных улик заказного массового убийства, следы которого большевики пытались уничтожить.[7]

В витринах Музея святой Царской Семьи представлены и другие реликвии – это предметы, ставшие свидетелями жизни Царской Семьи задолго до трагедии. В 2013 году в фонды Музея была передана в дар перчатка, принадлежавшая Великой Княжне Татиане. Предмет прибыл из Франции.[8] Перчатку сохранил гувернер Цесаревича Алексея Пьер Жильяр. Позже предмет хранился у дочери лейб-медика Евгения Сергеевича Боткина.

Летняя перчатка связана крючком из шелковой нити, цвет которой со временем потемнел. На кончиках пальцев перчатки видны следы ремонта разрывов нити, возможно выполненного руками Великой Княжны.[9]

Подтверждением того, что Дочерям Государыня Императрица Александра Феодоровна с ранних лет прививала любовь к рукоделию, служит и еще один предмет в фондах Музея святой Царской Семьи – это фрагмент детской шали, связанной ими для своего брата, Цесаревича Алексея.[10] Над изготовлением шали сестры трудились, видимо, сообща. Шаль связана крючком из шерстяной нити. Ее обнаружили в Ипатьевском доме, когда началось следствие по делу об убийстве Царской Семьи.[11] Тогда же были обнаружены и другие святыни, среди которых – икона Иверской Божией Матери, принадлежавшая доктору Евгению Сергеевичу Боткину.[12] Впоследствии святыни из Ипатьевского дома были доставлены по приказу А.В.Колчака офицерами Белой Армии в г.Владивосток, а затем на английских кораблях привезены в Великобританию.[13] С 1948 г. в Лондоне в течение трех лет служил протоиерей Русской Православной Церкви о.Николай Успенский. Он также являлся духовником Великой Княгини Ксении Александровны Романовой, сестры Государя Императора Николая II, которая эмигрировала из Крыма в 1919 г. вместе с матерью Государыней Императрицей Марией Феодоровной и жила в Великобритании до 1960 г. В Лондоне о.Николай крестил внучку Великой Княгини Ксении Александровны Ольгу Андреевну. В 1950 г., когда о.Николай уезжал с семьей из

Лондона в Австралию, Великая Княгиня передала ему на хранение шаль Цесаревича Алексея, икону святых Веры, Надежды, Любови и Матери Их Софии, столовые салфетки Государя Императора Николая II с фамильными вензелями, Иверскую икону Божией Матери, принадлежавшую Е.С.Боткину, а также другие личные вещи Царской Семьи.

В 2006 г. дочь о.Николая Надежда Успенская завещала святыни Царской Семьи дочери друга своего отца, Тамаре Вентура-Ладуске (Щегловой). В 2008 г. фрагмент шали Цесаревича, салфетка Государя Императора Николая II и другие реликвии были переданы в Музей святой Царской Семьи.[14]

Фрагмент шали и салфетка, являясь текстильными предметами, нуждаются в особом подходе к выбору условий их хранения и экспонирования. Соответствующий требованиям защиты материала температурно-влажностный режим, неяркое искусственное освещение, защита от воздействия прямых солнечных лучей, антипылевая и антимолевая обработка необходимы для сохранности таких предметов.[15] Однако идеальное соблюдение этих условий возможно в помещении фондохранилища, но экспонирование, тем более, длительное, в витринах с предметами, выполненными из другого материала, может нанести непоправимый вред реликвиям. Поэтому условия их экспонирования можно назвать особыми, с соблюдением кратких периодов пребывания предметов в экспозиции, дополнительной обработки текстильной поверхности предметов, поддержанием специальных режимов светового и температурно-влажностного режимов.

Музей святой Царской Семьи за 8-летний период своего существования сформировал богатые фонды, в которых хранятся и изучаются уникальные музейные предметы. Но специфика Музея, особенность, сложность и значимость его работы заключается в миссии сохранения для последующих поколений святынь и реликвий Отечественной истории. Предметы такого рода, связанные с подвигом Царской Семьи, можно увидеть в постоянных и сменных экспозициях Музея. Это рояль, клавиш которого касались руки Царственных Страстотерпцев; вещи приближенных Царской Семьи: открытки, написанные поваром Царской Семьи И.Харитоновым из Ливадийского дворца; вещи протоиерея Иоанна Сторожева,

служившего последнюю обедницу в Доме Особого Назначения 14 июля 1918 г.; предметы из Ипатьевского дома, ставшие свидетелями последних дней жизни Семьи Государя Императора Николая II: балясины от перил, полностью сохранившийся кирпич и фрагменты кирпичей из кладки стен, фрагменты чугунного декора камина, деревянный наличник или фрагмент внешнего декора дома (возможно, стен одной из хозяйственных построек), фрагмент чугунных перил (ограждения), фрагмент льняной скатерти, скатерть, выполненная в технике филейной вышивки, фрагменты багета, обрамлявшего когда-то картины на стенах залов, стул, находившийся в одной из комнат, фрагмент ствола одного из садовых деревьев.

Особое место в ряду святынь Храма-Памятника на Крови во имя всех святых в Земле Российской просиявших и Музея святых Царственных Страстотерпцев занимает икона Царственных Мучеников с молочным зубиком одного из последних детей Царя Мученика Николая и Мученицы Царицы Александры.[16] Эта икона была передана в 2007 г. протоиереем Владимиром Шибаевым и приходским церковным Советом храма Святителя Николая в Сен-Луи: «Мы очень рады, что по Промыслу Божьему Эта Святыня будет находиться в Екатеринбургской Епархии на месте убиения Святых Царственных Мучеников, святыми молитвами которых мы живем и надеемся, что их молитвами наша Родина явит себя миру, как Православная Держава, способная спасти весь мир от безбожия».[17]

Музей святой Царской Семьи, находясь на земле, обагренной кровью святых Царственных Страстотерпцев, выполняет свое главное предназначение – сохраняет святыни, реликвии, свидетельства той эпохи, о которой еще многое предстоит сказать историкам, многое понять и осознать нашим современникам и потомкам.

Примечания:

Музей святой Царской Семьи: МСЦС-ОФ-ЦС.

[2]Письмо Архиепископа Берлинского и Германского Марка Его Высокопреосвященству Архиепископу Екатеринбургскому и Верхотурскому Викентию. Мюнхен, 2008/Музей святой Царской Семьи – ОФ.

[3] Там же.

[4] Музей святой Царской Семьи: МСЦС-ОФ-ЦС.

[5] Там же.

[6]Единые правила организации формирования, учета, сохранения и использования музейных предметов и музейных коллекций, находящихся в музеях Российской Федерации (утв. приказом Министерства культуры РФ от 8 декабря 2009 г., № 842).
[7]Авдеев А. Николай Романов в Тобольске и Екатеринбурге//Убийство царской семьи Романовых. Свердловск, 1991. – С. 93 – 95.
[8] Музей святой Царской Семьи: МСЦС-ОФ-ЦС.
[9] Там же.
[10] Там же.
[11]Дитерихс М.К. Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале. М., 2008 – С. 324 – 327.
[12] Там же.
[13] Аничков В.П. Екатеринбург – Владивосток (1917 – 1922). М., 1998. – С.100 – 107.
[14] Музей святой Царской Семьи: МСЦС-ОФ-ЦС.
[15]Единые правила организации формирования, учета, сохранения и использования музейных предметов и музейных коллекций, находящихся в музеях Российской Федерации (утв. приказом Министерства культуры РФ от 8 декабря 2009 г., № 842).
[16]Письмо протоиерея Владимира Шибаева и приходского церковного Совета храма Святителя Николая в Сен-Луи (Франция) Его Высокопреосвященству Архиепископу Екатеринбургскому и Верхотурскому Викентию. Сен-Луи, 2007/Музей святой Царской Семьи – ОФ.
[17] Там же.

Карфидов Алексей Николаевич

Из истории создания музейного историко-культурного комплекса в историческом центре города Невьянска

Невьянск, как и Верхотурье – один из старейших городов Свердловской области. Кроме этого, казалось бы, что у Невьянска и Верхотурья может быть общего, ведь различий гораздо больше?

Основание Верхотурья (1598 г.) относится к первой волне заселения Урала русскими. Основание Невьянского завода (1701 г.) положило начало новому (промышленному) этапу освоения нашего края. Верхотурье представлял собой крепость, поставленную на Бабиновской дороге, некий форпост для продвижения русских переселенцев в Зауралье, своеобразные «ворота в Сибирь», выполняя

эту роль вплоть до отмены императрицей Елизаветой внутренней таможни. Невьянский завод, наряду с Каменским, стал в крае первым промышленным предприятием нового типа. Верхотурье, долгое время являясь крупнейшим населенным пунктом Северного и Среднего Урала, служил резиденцией воеводы – наместника царя в крае. Невьянский завод, построенный казной, а затем переданный Петром I тульскому кузнецу Никите Антюфееву (Демидову) на правах посессии, на несколько десятилетий стал «столицей» горного ведомства Демидовых на Урале. В XVIII – начале XX вв. Верхотурье был крупнейшим центром православия на Урале, в то время как Невьянский завод – известным центром старообрядчества. В первые годы советской власти Верхотурье утратил статус города, Невьянский завод же, наоборот, приобрел его.[1]

Но есть у Невьянска и Верхотурья нечто общее. Это сохранившиеся в историческом центре пусть и не в идеальном состоянии памятники церковной, военной, купеческой или промышленной архитектуры. Не удивительно, что на рубеже XX-XXI вв. именно эти два города стали примером активного воздействия областных властей, направленного на исследование и восстановление городских архитектурных памятников, повышение статуса местных музеев, пропаганду исторического наследия. Реставрация памятников истории Верхотурья началась в преддверии 400-летия со дня его основания, которое отмечалось в 1998 г. Через три года, в 2001 г. Невьянск отметил 300 лет своей истории, а Свердловская область – 300 лет крупной уральской металлургии. К этим двум датам были приурочены работы по воссозданию исторического центра старинного демидовского предприятия. Теперь по прошествии почти 15 лет с начала этих работ можно подвести некоторые итоги.

Непосредственная подготовка к 300-летию Невьянска началась 24 апреля 2000 г., когда Губернатор Свердловской области Э.Э.Россель издал Указ «О реставрации памятников промышленной архитектуры в г.Невьянске».[2] Предусматривались реставрация Невьянской наклонной башни, здания бывшей заводской электростанции, восстановление Спасо-Преображенского собора и создание на базе этих и других памятников музейного комплекса.

3 декабря 2001 г. согласно Указу Губернатора за №910-УГ было принято решение о присвоении городскому историко-краеведческому

музею статуса областного учреждения «в целях создания наилучших условий сохранения, изучения и использования недвижимых и движимых памятников истории и культуры города Невьянска, популяризации музейными средствами историко-культурного наследия, развития туристско-экскурсионной деятельности и инфраструктуры туристского бизнеса в городе Невьянске».[3] 4 марта 2002 г. Правительство Свердловской области приняло соответствующее Постановление.[4] Музей стал именоваться Невьянский государственный историко-архитектурный.

В эти годы он размещался в двухэтажном каменном здании бывшей вечерней школы (до революции – Гостиный двор). Первый этаж музея занимала историческая экспозиция, охватывавшая огромный период невьянской истории, начиная от археологических находок на территории края и заканчивая Великой Отечественной войной. В помещение бывшей вечерней школы экспозиция за несколько лет до этого почти без изменений была перенесена из здания бывшей Свято-Троицкой церкви, которое вернули верующим. Неудивительно, что к началу 2000-х гг. экспозиция нуждалась в обновлении.

После повышения статуса музея перед ним открылись новые перспективы. На баланс музея были переданы несколько памятников архитектуры, в том числе здание бывшей заводской электростанции начала XX в.[5] В нем и было запланировано открытие новой исторической экспозиции по истории Невьянского края в XVII – начале XX вв. Этому решению способствовало удобное местоположение здания для организации комплексного экскурсионного обслуживания (в историческом центре возле наклонной башни), а также наличие больших площадей под размещение экспозиции. Вокруг нового здания музея и наклонной башни Демидовых началось формирование историко-культурного комплекса, в который предполагалось включить еще несколько памятников архитектуры, а в будущем присвоить статус музея-заповедника. Сама территория комплекса получила название сквер Демидова.

Надо заметить, что первые планы по созданию музейного комплекса на территории старого демидовского предприятия («завода-музея») появились еще в 1920-е гг. Тогда уральский краевед

А.Словцов предложил идею о сохранении на Урале в первозданном виде старинного завода, выбрав для этой цели Невьянский завод.[6] В 1980-90-е гг. предложения о музеефикации отдельных архитектурных памятников или всего заводского комплекса старинных памятников высказывали директор механического завода В.В.Хохонов, главный архитектор города А.В.Нечхаев, директор музея истории Невьянского завода Н.А.Силина, директор городского историко-краеведческого музея А.С.Лянсберг и другие. Было подготовлено несколько проектов создания музейного комплекса.[7]

20 февраля 1995 г. комплекс заводских памятников XVIII в. «Старый Невьянский завод» Указом Президента РФ Б.Н.Ельцина за №176 был объявлен памятником федерального значения и включен в «Перечень объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения».[8]

Несомненно, центральным объектом существующего на данный момент историко-культурного комплекса является знаменитая наклонная башня Демидовых – уникальный памятник промышленной архитектуры Урала первой половины XVIII в. Массовые экскурсии на Невьянскую наклонную башню начались в 1994 г. В эти годы она находилась на территории механического завода, в результате чего, чтобы посетить знаменитый памятник архитектуры требовалось преодолеть ряд трудностей. На туристические группы оформлялись пропуска, затем туристы через центральную проходную по заводской территории с соблюдением всех правил безопасности следовали к башне, а после экскурсии тем же путем возвращались обратно. Естественно, шум от работающих цехов, проезжающий мимо заводской транспорт, трубопроводы, закрывающие обзор, залежи соляного раствора для котельной возле стен башни – все это не способствовало повышению качества экскурсий.

С началом работ по воссозданию исторического центра Невьянска демидовская башня была освобождена от производственных зданий, пристроенных к ней в советское время (котельная, электроцех), а проложенная в нескольких метрах от нее заводская железная дорога разобрана. Вместо деревянной лестницы, заменявшей несохранившийся первый каменный пролет крыльца башни, была воссоздана лестница под старину из аналогичных демидовской эпохе материалов. Сама Невьянская башня и прилегающая к ней территория

были выделены с территории завода, что позволило сделать памятник архитектуры доступнее для посетителей, и, как следствие этого, увеличить его экскурсионную посещаемость. Так, если в 1999 г. Невьянскую башню посетили 14819 туристов, то, например, в 2003 г. после завершения всех реставрационных работ на ней побывало уже 30213 посетителей.[9]

Следующим этапом стало создание на наклонной башне постоянно действующей экспозиции. Еще в 1980-е гг. на первом этаже Невьянской башни была открыта выставка гипсовых фигур «В подвалах Демидова», созданная местным скульптором А.Е.Надтокой.[10] Позднее выставка была перенесена на третий этаж, а в 2000 г. по причине ветхости закрыта. В 2003 г. на втором этаже Невьянской башни открылась экспозиция, посвященная невьянским и тагильским Демидовым.[11] В 2006 г. на четвертом этаже была создана экспозиция «Тайны Невьянской башни», рассказывающая о загадках знаменитого памятника, его исследователях и исследованиях.[12] Наконец, в 2011 г. на первом этаже открылась новая экспозиция фигур из прессованного пенопласта «В подвалах Демидова».[13] В настоящее время на наклонную башню Демидовых приходится самое большое количество экскурсий среди всех экскурсионных маршрутов, предлагаемых Невьянским музеем. Так, в прошлом, 2014 г. на башне было проведено 3628 экскурсий, которые посетили 45687 человек.[14]

Подобно тому, как наклонная башня символизирует демидовскую эпоху в истории Невьянска, так самым ценным памятником эпохи следующих заводовладельцев Яковлевых является Спасо-Преображенский собор – памятник архитектуры XIX в. К концу XX в. его облик претерпел огромные изменения – купола, колокольня и внутреннее убранство в советское время были утрачены. В самом здании размещался цех механического завода. Понадобилось время, немалые средства и усилия многих людей, чтобы возродить уникальный памятник церковной архитектуры. В 2000 г. начались работы по восстановлению храма. Заказчиком выступил благотворительный фонд «Старый Невьянский завод», в состав которого вошли представители Правительства области и руководители крупных предприятий (в 2001 г. преобразованный в «Наследие Демидовых»). Генподрядчиком строительства стало строительно-промышленное акционерное общество

«Среднеуральское управление строительства» (СПАО СУС), которое имело опыт проведения подобных работ. Позднее ему на смену пришло ЗАО «Корпорация «Атомстройкомплекс». Проект восстановления храма разработан главой фирмы «Терем» архитектором В.И.Симиненко. Контроль за ходом восстановительных работ осуществлял лично председатель Правительства Свердловской области А.П.Воробьев. Каждую субботу в Невьянске под его председательством проходили оперативки. Руководители отчитывались о выполненных работах на прошедшей неделе, совместно строили планы на следующую неделю. При этом совещания проходили не в кабинете, а прямо на строительной площадке, где их участники могли воочию увидеть результаты своих трудов.

19 мая 2001 г. в присутствии представителей правительства области, других официальных лиц и участников строительства архиепископ Екатеринбургский и Верхотурский Викентий освятил основание престола будущего Спасо-Преображенского собора. Началось возведение стен храма, куполов и колокольни. Затем мастера приступили к внутреннему обустройству храма. На купола были установлены кресты, а на колокольню подняты восемь колоколов, изготовленных мастерами фирмы «Катков и К» из г.Каменск-Уральский. Наконец, 19 августа 2003 г. в день Преображения Господня в присутствии Губернатора Э.Э. Росселя, Председателя Правительства области А.П. Воробьева, других официальных лиц, а также множества невьянцев и гостей города архиепископ Викентий освятил восстановленный Спасо-Преображенский собор. Храм вновь открыл двери для своих прихожан.[15]

За год до открытия Спасо-Преображенского собора в историческом центре на берегу пруда был установлен памятник Петру I и Никите Демидову. Памятник весом 8 тонн изготовлен из чугуна на Уралмашзаводе. Авторы: скульптор К.Грюнберг (автор «Черного тюльпана» в Екатеринбурге) и архитектор А.Мазаев. Надо сказать, что при работе над памятником основателям Невьянска скульптор прислушивался к мнению широкой общественности. В фойе Невьянского музея несколько месяцев были выставлены гипсовые макеты памятника (два варианта) и невьянцы, а также

приезжающие в город туристы могли выбрать понравившийся вариант и оставить запись в специальной книге. Впоследствии скульптор дорабатывал памятник с учетом этих мнений. Торжественное открытие памятника Петру I и Никите Демидову состоялось 19 июля 2002 г.[16]

После реставрации Невьянской башни и восстановления Спасо-Преображенского собора начались работы в здании бывшей заводской электростанции – памятнике промышленной архитектуры начала XX в. В марте 2009 г. на первом этаже отреставрированного здания, получившего название Музей истории Невьянского края, была открыта экспозиция «История Невьянского края в XVII-XVIII вв.» В ней представлены история заселения края русскими, строительство Невьянского завода, род заводовладельцев Демидовых и создание демидовского горного «ведомства» на Урале.[17] В 2012-13 гг. на втором этаже открылась экспозиция «По улицам старого Невьянского завода». В ней представлена история следующих заводовладельцев Яковлевых, отражена во всем ее многообразии жизнь заводского поселения, заводское производство, образование и здравоохранение, железнодорожное сообщение и др.[18] Как показывает практика, новая историческая экспозиция пользуется интересом у туристов. В 2014 г. только с экскурсией ее посетили 10511 человек.[19]

Историческая территория, Невьянская башня и Музей истории Невьянского края ежегодно служат местом проведения музейных праздников, в которых принимают участие невьянцы и гости города. Это «Широкая масленица», «Ночь музеев», «В день Последнего звонка», «Мамины субботы», «Демидовская елка».[20] Своеобразным смотром достижений музея стал, проводимый ежегодно в последнюю субботу августа, музейный праздник «День чествования Невьянской наклонной башни Демидовых». В его программе: открытие новых экспозиций или выставок, акция «Дары музею», ярмарка ремесел, различные мероприятия для семейных групп, музейный кукольный театр, театрализованные представления, посвященные юбилейным датам невьянской истории (например, в 2013 г. был представлен «Бенефис Саввы Яковлева», приуроченный к 300-летию со дня рождения невьянского заводовладельца) и многое другое. Наряду с сотрудниками музея в мероприятии принимают участие невьянские и иногородние музыкальные, театральные и шоу коллективы. В

вечернее время в наклонной башне проходят необычные театрализованные экскурсии «Легенды Невьянской башни». Проводимый с 2003 г., «День чествования Невьянской наклонной башни Демидовых» в настоящее время стал значительным культурным событием в жизни Свердловской области.[21]

Завершен первый этап воссоздания исторического центра города Невьянска. В планах реставрация и музеефикация остальных памятников архитектуры демидовского и яковлевского периодов, находящихся на старой площадке механического завода. Это Господский дом с подземными сооружениями, два доменных корпуса, плотина и некоторые другие. Хочется надеяться, что развитие уже существующего историко-культурного комплекса и воплощение в жизнь всех намеченных идей позволит создать в Невьянске интересный для туристов музейный комплекс, способный стать одной из главных достопримечательностей Свердловской области.

Примечания:

[1]На государевой дороге: Пелым. Верхотурье. Туринск. Туринская Слобода, под ред. Е.С.Зашихина. Екатеринбург, 2000; Невьянск. Свердловск, 1982.

[2]Указ Губернатора Свердловской области Э.Э.Росселя №200-УГ от 24 апреля 2000 г. «О реставрации памятников промышленной архитектуры в г. Невьянске».

[3]Указ Губернатора Свердловской области Э.Э.Росселя №910-УГ от 3 декабря 2001 г. «О создании областного государственного учреждения «Невьянский государственный историко-архитектурный музей».

[4]Постановление Правительства Свердловской области №127-ПП от 4 марта 2002 г. «Об учреждении областного государственного учреждения «Невьянский государственный историко-архитектурный музей».

[5]Постановление Правительства Свердловской области №676-ПП от 22 июля 2004 г. «О передаче областному государственному учреждению культуры «Невьянский государственный историко-архитектурный музей» объектов, расположенных по адресу: г.Невьянск, сквер Демидова».

[6]Архив государственного автономного учреждения культуры Свердловской области «Невьянский государственный историко-архитектурный музей» (в дальнейшем – ГАУК СО НГИАМ).

[7]Лянсберг А.С. Индустриально-ландшафтный парк «Старый Невьянск». Машинопись. 1999; Нечхаев А.В. Старый Невьянский завод. Машинопись. 2003; Хохонов В.В. Предложения по созданию музейного комплекса «Старый Невьянский завод». Машинопись. 2006. Архив ГАУК СО НГИАМ.

[8]Указ Президента РФ Б.Н. Ельцина №176 от 20 февраля 1995 г. «Об утверждении Перечня объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения».
[9]Отчет о работе Невьянского историко-краеведческого музея за 1999 год. Машинопись. 2000; Отчет о работе за 2003 год Областного государственного учреждения «Невьянский государственный историко-архитектурный музей». Машинопись. 2004. Архив ГАУК СО НГИАМ.
[10]Архив МИНЗ.
[11]Отчет о работе за 2003 год Областного государственного учреждения «Невьянский государственный историко-архитектурный музей». Машинопись. 2004. Архив ГАУК СО НГИАМ.
[12]Отчет о работе Невьянского государственного историко-архитектурного музея за 2006 г. Машинопись. Архив ГАУК СО НГИАМ.
[13]Отчет о работе за 2011 г. Машинопись. Архив ГАУК СО НГИАМ.
[14]Внутренняя статистика Невьянского музея за 2014 г. В электронном виде.
[15]От покаяния к возрождению, под ред.М.Е.Главацкого. Екатеринбург, 2003.
[16][Об открытии памятника Петру I и Никите Демидову] // Звезда №30, 26 июля 2002 г.
[17]Отчет о работе за 2009 год. Машинопись. Архив ГАУК СО НГИАМ.
[18]Отчет о работе ГАУК СО НГИАМ за 2013 г. В электронном виде.
[19]Внутренняя статистика Невьянского музея за 2014 г. В электронном виде.
[20]Архив ГАУК СО НГИАМ.
[21]События Свердловской области. Календарь-справочник. Екатеринбург, 2014.

Кашин Владимир Викторович

Трагедия на Ирбитском тракте 15 июля 1919 года

К концу 1918 года антибольшевистские армии и правительства установили власть и контролировали всю территорию Большого Урала. Восточный (внутренний) фронт проходил западнее Уральского хребта и крупных губернских центров, таких как Оренбург, Уфа и Пермь.

18 ноября 1918 года в самом мощном государственном образовании на территории бывшей Российской империи в результате военного переворота пришел к власти Верховный правитель России адмирал А.В.Колчак, чьи действия и программа жестко размежевали воюющие стороны. Армия, военная контрразведка, комендатура,

милиция, добровольные и карательные отряды разыскивали и задерживали, а специально созданные военно-следственные комиссии внесудебным порядком осуждали тысячи бывших красноармейцев, советских и большевистских деятелей, а также сочувствующих лиц. Кроме того, в ходе боевых действий было захвачено в плен значительное количество военнослужащих Красной армии.

Для их изоляции и содержания на Среднем Урале повсеместно создавались тюрьмы.

В Екатеринбурге были устроены два тюремных учреждения, которые быстро заполнялись.

В Нижне-Тагильском заводе пришлось заново организовать Арестный дом на 200–300 человек. По Сибирскому переулку (за Входо-Иерусалимским собором между Александровской и Шаминой улицами) подобрали двухэтажное помещение с подвалами и пристроем, которое ранее использовалось владельцами Поклевскими-Козелл для производства и складирования пива. Поначалу тюрьму звали «Гарнизонная Гауптвахта», через полгода неудачное наименование сменили на «Земский арестный дом» (ныне здание используется как административное АО «Аорта», пр. Ленина 4-б). В конце 1918 года с ростом количества арестованных потребовалось сооружение второго яруса нар. Для этого тагильская управа разрешила использовать бывшие полати в доме Уткина, после того как особняк освободился от постоя солдат 25-го Екатеринбургского полка Сибирской армии.

Арестные дома и помещения предназначались для содержания лиц на время следствия. Осужденные после приговора, должны были переводиться в специальные учреждения уездных и губернских центров. Крупнейшими являлись Екатеринбургский тюремный замок и Николаевская тюрьма в Нижне-Туринском заводе. Они, в свою очередь, пополнялись и тоже требовали разгрузки. Тогда «поезда смерти» увозили арестантов в Сибирь, чтобы оторвать их от местного населения и подавить волю к сопротивлению.

Николаевское исправительное арестантское отделение располагалось на правом берегу реки Туры в трех верстах от старого завода. Оно и получило свое название от Николаевского оружейного завода, основанного в 1852 году, но закрытого через десять лет по распоряжению правительства. В 1893 году здания были

восстановлены и составили комплекс из обширного трехэтажного корпуса и семи кирпичных домов на 800 арестантов. Ныне входит в территорию машзавода «Вента».

В нижнетагильской тюрьме содержалось более двухсот заключенных. Большинство из них проходило по делам, дознание по которым вела военно-следственная комиссия (ВСК). Судя по нумерации дел политической окраски (более 800), общее количество арестованных в Нижнем Тагиле превысило тысячу человек за 9 месяцев антибольшевистской власти. Из служебной переписки, содержавшейся в трофейных документах правительственных учреждений Временного Сибирского правительства, удалось выделить установочные и биографические данные более пятисот арестованных Нижне-Тагильской ВСК[1].

3 декабря 1918 года, разгружая тюрьму, старший унтер-офицер Юдин и десять конвоиров Добровольческого отряда доставили 55 арестованных из Н.Тагила в Екатеринбург. В феврале Арестный дом опять оказался переполнен, смотритель забил тревогу, требуя срочной отправки в Николаевскую тюрьму. Рапорта завхоза зафиксировали, что на 13 и 15 февраля было 211 и 215 арестованных соответственно. Отправки не было, а поступление людей продолжалось. На 24 февраля под стражей находилось уже 229 человек. Только в начале марта унтер-офицер Мартынов отконвоировал 25 арестованных на ст.Нижняя Тура согласно выданному комендантом «проходному свидетельству»[2].

Известно, что к апрелю 1919 года в Николаевской тюрьме содержались 42 тагильских военнопленных красноармейца, а в Арестном доме оставалось еще 39 бойцов Красной армии[3].

1 июля 1919 года Красная армия освободила Пермь, а через полмесяца весь Горнозаводской Урал был под контролем 3-й Советской армии.

Что же случилось с арестованными уральцами, томившимися под стражей?

Время колчаковской тюрьмы в Нижнем Тагиле истекло в полдень 13 июля 1919 года. Некоторых заключенных выпустили накануне, а 76 опасных с точки зрения Омского правительства были эвакуированы на подводах в город Ирбит[4].

Совершенно по-другому складывалась ситуация на севере уезда.

10 июля начальник Николаевской тюрьмы Смирнов запросил указаний руководства в связи с тем, что в Нижне-Туринском заводе полным ходом шла эвакуация. В то же время 90 подчиненных ему чинов продолжали удерживать 716 заключенных, а распоряжений, что делать с людьми и «ценным имуществом» не поступало. Комендант Верхотурского уезда ротмистр Есипов, чья резиденция находилась в Нижнем Тагиле, переложил решение этой проблемы на Военно-административное управление отступавшей Сибирской армии[5].

* * *

Два документальных свидетельства очевидцев тех событий открывают нам малоизвестные события трагедии, разыгравшейся на верхотурской земле в середине 1919 года.

Не дождавшись реальной помощи, руководство Николаевской тюрьмы приступило к самостоятельной эвакуации контингента. В отсутствие транспорта администрация была вынуждена сформировать три пеших этапа по двести-триста человек. О судьбе первого этапа, в который отобрали большевистский актив, по горячим следам рассказал свидетель Фокин в публикации газеты «Уральский рабочий» в августе 1919 года[6].

<…> 13 июля по Верхотурскому тракту на город Ирбит отправили первую партию в 206 человек <…>

При нашем выходе из тюрьмы начальник конвоя – лихой капитан, заявил: «Объявляю, что имею 3000 боевых патронов. Если вы пойдёте хорошо, то может быть, половину вас доведу до места назначения, а то…».

После этого внушения погнали. И погнали так, как скотину не гонят: в течение одних суток мы прошли от Нижней Туры до Верхотурья 68 верст!

Обессилевшие, задыхающиеся падали по дороге и их беспощадно прикалывали.

И когда стоны этих несчастных доносились до нас, конвойное начальство кричало: «Не оборачивайся! Назад не гляди! Из шеренги не выходить!»

И наставив штыки в спины, гнали нас вперёд.

В Верхотурье предполагалась дневка, но конвойное начальство, узнав о том, что красные наступают и что ими перерезан Ирбитский тракт, решило перебить всю партию.

Мы это поняли, мы чуяли свою гибель, и перед отправлением партии из Верхотурья между нами было условлено - прибегнуть к самоосвобождению и чтобы избежать расстрела, бежать в разные стороны по данному одним из нас сигналу.

Палачи, однако, предупредили (опередили - В.К.) *нас. Отведя партию от Верхотурья версты на три, конвойный начальник «распорядился». И вот замыкавший партию конный конвой стал с неистовством рубить шашками задние ряды, и тотчас же вслед за этим, когда задние ряды стали, спасаясь от шашек, пробиваться вперёд, и все ряды смешались, раздался первый залп <…>*

Большая часть товарищей пала на землю – и убитые, и те, что надеялись, лежа на земле, спастись от пуль.

Часть кинулась с дороги направо и налево на цепь конвоиров, смяли их и бросились в лес, тянувшийся по обе стороны тракта. Бросился и я. Вдогонку нам засвистали пули, но лес, к счастью, был густой и деревья мешали попадать в бегущих.

Тотчас после залпа раздалась команда конвоира: «Эй, вы, кто остался жив, вставайте! Дальше идём!» Уцелевшие поднялись, и вслед затем раздался второй залп <…>

Бежало нас не более 60-70 из партии в 206 человек.

Вот как описывает расстрел этапа в 1919 году тагильчанин Николай Ефимович Короваев. Свои воспоминания он записал в 1964 году[7].

<…> Во дворе построили колонну 205 человек, по 5 в ряд и предупредили, что при побеге одного будут расстреляны все стоявшие в ряду остальные четверо. Во дворе мы пробыли часа 3-4 <…>

Конвой состоял из 20 пеших солдат <…>

К вечеру вышли к полям, лес кончился, но мы увидели, что из леса еще вышли пешие солдаты человек 20, конные человек 30 и один станковый пулемет <…>

Это были дополнительные военнослужащие, которые шли параллельно этапу по лесу для предотвращения бегства арестантов. О подготовке побега упоминают оба источника. Однако и администрация тюремного учреждения знала об этих планах и настроениях от своих информаторов в среде заключенных. Именно этими обстоятельствами объясняется запоздание с выступлением колонны из Нижней Туры на несколько часов.

Переночевали в поле, с рассветом вышли далее, люди обессилели, стали падать, отставать, обессиливших людей конные рубили шашками или пешие прокалывали штыками <…>

В Верхотурье мы в тюрьме переночевали и к вечеру (так в тексте – В.К.) пошли далее <…>

Отойдя километров 5 от Верхотурья, нам объявили, кто плохо чувствует и не может идти, отставайте, сзади идут телеги и повезут на телегах. Прошли еще километров 5. Сзади раздался душераздирающий крик: «Товарищи, нас обманули, телег нет, отставших солдаты штыками и шашками рубят!» Оглянувшись на крик, я увидел окровавленного человека. Это послужило сигналом, и заключенных стали в упор расстреливать. Какое-то мгновение я стоял в оцепенении, и пришел в себя от голоса Сергея Антипова[*]*, он дергал меня за брюки и говорил: «Ложись, ложись, подумают, что убит». Я вырвался и бросился бежать, наскочил на конвоира, который из винтовки целился куда-то, правее меня, сшиб его и побежал по лесу и выбежал к реке <…>*

Как я оказался в реке, до сего времени не помню. Плавать я не умею. Опомнился, когда вода дошла мне по грудь. Пули шлепались в воду, местами впереди меня вода текла окрашенная кровью. Впереди крутой высокий берег, видел, что один поднялся почти до верху, сорвался и вновь скатился к воде. Забравшись на берег, оглянулся на какой-то миг, увидел на противоположном берегу трупы людей и конвоиров.

В лесу встретил первого Птахина[**]*, потом Ошиткова*[***] *и еще двоих <…>*

---

[*] Антипов Сергей Иванович – красноармеец, как и его брат Иван, арестован по делу № 76 Нижне-Тагильской военно-следственной

Выстрелы, хотя и редко, но слышались.

Н.Е.Короваев вспоминал, что спасшиеся беглецы заночевала в лесу. Наутро решили пробираться к своим малыми группами. Так, вместе с ним оказалось трое тагильчан Баженов, Птахин, Ошитков и примкнувший к ним Леня. Они устремились на запад, навстречу приближавшемуся фронту, ориентируясь на артиллерийскую канонаду. В дороге питались рыбой, ягодами и березовыми листьями, как менее горькими. К вечеру восьмых суток они вышли к красноармейскому караулу у железнодорожной будки. Далее до Туринского завода добрались пешком, из Туры до Кушвы ехали на лошади, а затем до Нижнего Тагила - поездом.

Предполагаем, что оба источника рассказали об одном и том же факте расправы над заключенными Николаевской тюрьмы, так как совпадает количество этапируемых людей с разницей в одного человека.

Есть расхождения и несовпадения деталей в рассказах обоих очевидцев.

Во-первых, Фокин не упомянул ночевку в поле. Однако специалисты знают, что только подготовленному человеку под силу преодолеть 60-70 километров за дневной переход. Скорость многочисленной пешей колонны замедляется вдвое, и понятно, что до Верхотурья арестанты не могли добраться без остановки на ночлег.

Во-вторых, не совпадают расстояние от города Верхотурье, где разыгралась трагедия. У одного это 3 километра, у второго – 10. Однако и это различие некритично и вполне объяснимо особенностями человеческой памяти.

В-третьих, Фокин никак не упоминал реку Туру при побеге. Однако сам он свидетельствовал, что арестанты разбежались в противоположные стороны от тракта, а значит, одна часть удалялась от реки.

Автор газетной публикации Фокин, кроме того, упомянул о судьбе второго и третьего этапов, составленных из остальных заключенных.

комиссией в октябре 1918 года, братья содержались в Арестном доме, затем были переведены в Николаевскую тюрьму.

Вторую партию вывели из Нижней Туры часов через восемь после нас, в ней было около 300 человек, большинство эвакуированные из Оханской тюрьмы.

С ними поступили проще: загнали в Монастырский сарай, находящийся недалеко от Верхотурья, заперли входы, ввели в полутёмный сарай конвой и перестреляли всех. В том числе 30 женщин и трех грудных младенцев.

Вывели позже из Нижней Туры и третью, последнюю партию, но об ее участи ничего не знаю.

Конечно, Советская власть не могла пройти мимо описанного трагического события. Примерно в 5 км от Верхотурья, с правой стороны Ирбитского тракта были захоронены в братской могиле жертвы «белого» террора и воздвигнут памятный знак. Мраморный обелиск на кирпичном фундаменте с металлической, покрытой бронзой, звездой был установлен 15 июля 1929 года в 10-летнюю годовщину расстрела. По неполным данным, местные жители нашли и захоронили более 60 человек. На обелиске была сделана надпись: «Память павшим в борьбе за освобождение трудящихся Урала; их светлая, преданная революции жизнь служила и будет служить призывом к борьбе за освобождение трудящихся всего мира»[8].

Тагильчанин Николай Ефимович Короваев (вариант Караваев) родился 18 мая 1900 года в Нижне-Тагильском заводе Верхотурского уезда в семье сцепщика вагонов Пермской железной дороги, который потерял на казенной службе ногу. Семья проживала в собственном доме по Кладбищенской улице. Николай окончил Пермское училище, и устроился телеграфистом на станции Тагил (1916). В его смену пришла эпохальная телеграмма из Петрограда об отставке царя в феврале 1917 года. Одним из первых он вступил в члены РСДРП(б) и даже был назначен комиссаром на железнодорожном телеграфе в 1918 году.

Осенью он отступил с частями Красной армии из Нижнего Тагила, исполнял обязанности начальника связи штаба 29-й дивизии и был взят в плен в «Красных казармах» 25 декабря в Перми.

Ему удалось бежать из плена и добраться до Нижнего Тагила по чужим документам. Однако он был вскоре арестован в доме родителей в январе 1919 года. Военно-следственная комиссия

постановила содержать его под стражей до окончания войны, как представляющего угрозу для государственного строя и общественного спокойствия. Весной того же года он был помещен в Нижне-Туринскую тюрьму.

После Гражданской войны Н.Е.Короваев окончил Саратовское военно-инженерное училище, работал в железнодорожном депо Нижнего Тагила. Доброволец и участник Великой Отечественной войны, сапер и телефонист был награжден медалями «За боевые заслуги» после форсирования Днепра и «За победу над Германией». На пенсию он вышел с поста директора Трамвайно-троллейбусного треста г.Элисты в 1960 году.

Личные воспоминания Н.Е.Короваева получили литературное продолжение, которое записал корреспондент многотиражки «Тагильский рабочий», член Союза журналистов СССР В.И.Костромин[*]. В 1970-е годы он несколько раз беседовал со старым коммунистом.

Н.Е.Короваев поведал газетчику, что спустя полвека решил поклониться праху расстрелянных узников вблизи г.Верхотурье.

Да, это стало для меня полной неожиданностью. Ехал-то я с одной целью – побывать на месте расстрела, еще раз на склоне лет пережить ужас той страшной бойни... Читал и вспоминал друзей, когда наткнулся на свою фамилию, изрядно удивился и сразу пошел к председателю Горсовета. Говорю ему, дескать, нехорошо имена живых людей отчеканивать на могильных памятниках. Председатель затылок почесал, подумал-подумал и взмолился: «Дорогой Николай Ефимович! Ну, представьте себе, ведь эту строку надо же будет сбивать – вид у обелиска испортится. А люди подумают, что это хулиганы набезобразничили...».

Послушал я его, да и махнул рукой – пусть остается все, как много лет[9].

[**] Птахин Владимир Николаевич, участник русско-японской войны, красноармеец, арестован по делу № 559 в конце 1918 года, затем этапирован в Н.-Туринскую тюрьму.

Оба источника и Фомин, и Короваев упоминают, что арестанты подготавливали побег во время пешего этапа, предполагая расправу. Но оба утверждают, что организованный побег не состоялся по различным причинам (сильный конвой, предательство, приготовленная засада), а бегство было инициировано начавшимся расстрелом ослабших и отставших арестантов.

По данным, предоставленным екатеринбургским историком М.И.Вебером, из 205 арестантов конвой доставил до места назначения 79 человек, а на месте происшествия остались лежать 52 трупа. По тюремным отчетам остальным заключенные проходят как бежавшие с этапа.

Памятник расстрелянным был установлен на месте трагедии, когда еще были живы участники и свидетели тех событий. Возможно, что сохранились другие материалы и документы в отношении массового расстрела 15 июля 1919 года на верхотурской земле. Необходимо и далее разрабатывать указанную тему для восстановления имен всех арестованных, как погибших, так и бежавших, а также достигших Камышловской пересыльной тюрьмы и учтенных в официальных документах колчаковской администрации.

Источники и литература:

[1]НТГИА. Фонд 404 «Нижне-Тагильская волостная земская управа (1917-1919)», 13 дел; фонд 405 «Управление коменданта Нижне-Тагильского завода и его окрестностей (1918-1919)», 49 дел; Прил. №8 Список арестованных с октября 1918 года по июль 1919 года / Кашин В.В. Белый Тагил. По трофейным документам Колчака. Нижний Тагил: Книжный дом «Хлопотовъ». 2018. С. 299-316.

[2]НТГИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 36. Л. 4об.; Д. 30. Л. 121; Д. 45. Л. 85.

[3]НТГИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 36. Л. 74 об.

[4]НТГИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 38. Л. 92.

[5]НТГИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 38. Л. 52.

[6] Фокин. По кровавым следам (страшная страничка) // Уральский рабочий, №3. 1919. 6 авг.

[7]Нижнетагильский городской музей-завод «Горнозаводский Урал» (НТМ-З). Ф. 14. Оп. 1. Д. 69.

[8]Войтенко А.А. На той далекой, на гражданской... Памятники и памятные места гражданской войны на Среднем Урале (1918–1919). Екатеринбург: БКИ. 2007. (Мемориалы и памятники ратной славы Свердловской области). С. 272-273; Неверов Л., Владимирский Д. Исторические памятники города

Свердловска и Свердловской области. Свердловск: Свердловское книжное издательство. 1962. С. 126.
[9]Костромин В.И. Черные сухарики. Нижний Тагил: Изд-во «Всем». 2013. С.40-41.

Кернер Валентина Фридриховна

«Каждый идущий за Богом обретает бессмертие»: к 100-летию подвига новомучеников и исповедников Екатеринбургской митрополии

Роман «Белая гвардия» М.А.Булгакова открывается фразой: «Велик был год и страшен по рождестве Христовом 1918, от начала же революции второй». Действительно, этот год был *страшен* для населения России. В результате унизительного выхода из Первой мировой войны страна потеряла территорию площадью 780 тыс. кв. км с населением до 30 млн. человек. Промышленное производство страны сократилось на 80%, добыча угля – на 70%, нефти – в 2 раза; были почти разрушены предприятия Донецкого угольного бассейна и Бакинской нефтяной провинции, сократилась выплавка чугуна, не обновлялась материально–техническая база транспорта и предприятий. Продовольственная диктатура большевиков привела к нехватке продовольствия в городах и резкому обнищанию крестьянского населения. Гражданская война расколола страну на две противоборствующие половины, принесла смятение, разруху, голод и смерть. Политика красного террора включала комплекс карательных мер, проводившихся против лиц, обвиняемых большевиками в контрреволюционной деятельности, и служила средством устрашения и уничтожения всех слоев населения. Репрессии против духовенства, казачества, дворян, интеллигенции нанесли колоссальный ущерб генофонду страны.

Большевики, несшие свою идеологию и понимавшие ее значение для упрочения власти, не терпели никакой конкуренции, и свою репрессивную политику в первую очередь направили против Церкви и духовенства. К концу 1918 года, по данным специальной комиссии Московской Патриархии, в целом по стране были казнены 3 тыс. священнослужителей и еще 1,5 тыс. – репрессированы (1, с. 138-139).

По всей стране происходил грабеж церковного имущества, закрытие храмов и монастырей, начала проводиться кощунственная кампания по вскрытию святых мощей. С репрессиями и грабежом сочетались административные меры: запрет на преподавание Закона Божия и религиозные процессии по улицам городов и сел, введение регистрации церковных мероприятий (для государственного контроля), изъятие литургических документов; началась конфискация церковных библиотек (2, с. 42-43).

Но 1918 год был *велик*: он дал России 262 новомученика и исповедника, пострадавших за Веру. Это Страстотерпцы Николай II Александрович, Император Российский; Александра Феодоровна, Императрица Российская; Алексий Николаевич, Цесаревич; Великие княжны Ольга, Татиана, Мария и Анастасия Николаевны; Страстотерпец Евгений Боткин, врач Царской Семьи; преподобномученицы Великая княгиня Елисавета Феодоровна, настоятельница Марфо-Мариинской обители и Варвара (Яковлева), инокиня; один митрополит (Владимир (Богоявленский); два архиепископа (Пермский, Черниговский); девять епископов (Тобольский, Сарапульский, Орловский, Селенгинский, Кирилловский. Верненский, Балахнинский, Соликамский, Белгородский); пять архимандритов и более 200 священников, диаконов, монашествующих и мирян.

В скорбном списке пострадавших за Веру в 1918 году стоят имена подвижников Екатеринбургской митрополии. Это – 4 протоиерея, 35 иереев, 7 диаконов, 3 монашествующих и 2 мирян. Как сказал о таких простых представителях русского духовенства Митрополит Калужский и Боровский Климент: «Это были обычные люди, такие же, как и мы, но их отличала особая духовность, доброта, отзывчивость, сердечность, широта русской души, напитанной тысячелетней христианской историей и культурой, вера в Бога и верность своим религиозным убеждениям. Они предпочли умереть, чем жить без Бога, без Христа» (3).

Такое огромное число пострадавших для одной Екатеринбургской епархии не случайно. Политика Красного террора, объявленная большевиками в сентябре 1918 года, на Урале развернулась уже с конца весны. Урал являлся эпицентром вспыхнувшей на всей территории России Гражданской войны. Именно Урал был одним из

центров антибольшевистского повстанчества, разгоревшегося как в городах и заводских поселках (специфика именно уральского региона), так и в крестьянских районах, пик которого, по заключению исследователей, оказался в пределах июня-июля 1918 года (1, с. 37, 214-216).

Из пострадавших в 1918 году церковно- и священнослужителей и мирян в июне было убито 16 человек, в июле – 17, в августе - 9, в сентябре - 4, в октябре – 2, в ноябре - 1 и 2 – неизвестно, скорее всего, в июне – начале июля этого года.

Документов 1918 года, связанных с убийствами лиц духовного звания, очень мало: обычно убивали без суда и следствия. В метрических книгах лишь некоторых церквей Екатеринбургской епархии мы находим скупые записи в графе «О смерти» служителей Церкви: «убит красноармейцами», «убит большевиками», «убит Красной армией» (4). О причинах и обстоятельствах их гибели известно очень немного. Можно лишь предполагать, что часть пострадавших церковно- и священнослужителей в июне-июле 1918 года могла быть обвинена в подстрекательстве к антибольшевистским выступлениям в заводских поселках и сельской местности, часть – в поддержке наступавшей Белой армии, а пострадавшие в августе-ноябре – это результат кровавых действий терпящей поражение за поражением Красной армии.

Русская Православная Церковь уже в 1918 году отнеслась к гибели своих сынов как к мученической кончине и предприняла первые шаги по увековечиванию их памяти. После занятия Екатеринбурга белогвардейскими войсками, скорее всего, по благословению епископа Екатеринбургского и Ирбитского Григория (Яцковского), в уральских уездах создавались списки убиенных лиц духовного звания и мирян, а также следственные комиссии по расследованию их мученической кончины. Но и эти следственные дела пока не обнаружены, кроме дела об убийстве иерея Николая Удинцева из села Коптеловское Верхотурского уезда (5, с. 22-29) и воспоминаний, входивших в состав утраченного дела следственной комиссии, разбиравшей одно из наиболее громких дел – расследование убийств на станции Синарская. На ней 10 июля после долгих мучений пострадали протоиерей Свято-Троицкого собора поселка Каменский завод Василий Победоносцев и священнослужители Сретенской

церкви села Колчеданское Камышловского уезда иерей Стефан Луканин, диаконы Георгий Бегма и Нестор Гудзовский (6). Владыка также благословил устраивать вечера скорби в память убиенных священнослужителей (и на некоторых присутствовал лично), собранные же пожертвования передавались их семьям.

Результатом такой многотрудной и кропотливой работы явился ряд документов, сохранившихся до наших дней. Так, в конце 1918 года из Екатеринбургского епархиального Совета Благочинному монастырей и общин архимандриту Ксенофонту (Медведеву), настоятелю Верхотурского мужского монастыря, было направлено циркулярное письмо (получено 4/17 ноября 1918 года) (7). В нем духовенству Екатеринбургской епархии было предписано совершать «в день усекновения главы Предтечи и Крестителя Иоанна молитвенное возношение о упокоении рабов Божиих…», а также дан список «приявших мученическую кончину от злодейской руки красноармейцев» священно- и церковнослужителей, состоящий из 20 человек.

В начале 1919 года был опубликован «Помянник» (8) − список расстрелянных и замученных большевиками в 1918 году священнослужителей и мирян Екатеринбургской епархии. Он предназначался для рассылки по приходам епархии «для поминовения убиенных». В него были внесены уже 46 человек, пострадавших за Веру. Среди них указаны имена трёх протоиереев, 32 иереев, семи дьяконов, двух монахов, одного псаломщика и одной просвирни. Позднее – мы не знаем, когда, − в документ от руки были вписаны фамилии еще 4 мучеников.

В апреле 1919 года Екатеринбургский епархиальный Совет прислал архимандриту Ксенофонту (Медведеву) еще один циркуляр (9). Он извещал Благочинного о постановлении Совета по докладу протоиерея В.Садовского, сделанному им 25 февраля 1919 года, о мерах по увековечиванию памяти пострадавших в 1918 году священнослужителей и мирян. Этот документ предписывал следующие мероприятия: 1. установление возношений в храмах за Богослужением «особых прошений о гонимых за Православную Веру и Церковь и о окончивших жизнь свою исповедниках и мучениках»; 2. совершение торжественных молений – поминальных и благодарственных; 3. установление «во всей России» ежегодного

молитвенного поминовения «в день 25 января или в следующий за ним воскресный день (вечером)…»; 4. проведение «в понедельник второй седьмицы на Пасху во всех приходах, где были окончившие жизнь свою за Веру и Церковь исповедники и мученики», крестных ходов «к местам их погребения, где совершать торжественные панихиды с прославлением в слове священной их памяти». Характерно, что в этом документе убитые в 1918 году служители Церкви и православные миряне уже названы «мучениками и исповедниками», а их память – «священной».

Советская власть на 70 лет лишила Русскую Православную Церковь возможности проводить канонизации подвижников благочестия. Но с 1980-х годов, в соответствии со словами святителя Димитрия Ростовского: *«Но чего достиг мир, ненавидя и убивая святых? Он погибнет сам, а они живут вовеки, и награда им – от Господа»,* произошел долгожданный перелом. В 1989 году была создана Синодальная комиссия по канонизации святых, в результате работы которой в 2000 году на Архиерейском Юбилейном Соборе был прославлен Собор новомучеников и исповедников Российских, в который входит поименно более 1700 человек. В Екатеринбургской епархии комиссия по канонизации святых была образована в 1995 году. Результатом ее работы явился список новомучеников и исповедников Екатеринбургской епархии, включающий 70 святых, пострадавших в XX веке, из которых 61 - принявшие мученическую кончину в 1918 году.

Использованная литература:

1.Вебер М.И. Антибольшевистское повстанчество на Урале в годы Гражданской войны (1918–1919) // Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Екатеринбург. 2014.

2.Васильева О.Ю. Церковь и Гражданская война: историко-религиозный аспект // Гражданская война на востоке России. Пермь, 2008.

3.Доклад Председателя Издательского Совета Русской Православной Церкви, митрополита Калужского и Боровского Климента на пленарном заседании Международной конференции «Подвиг новомучеников и исповедников российских в современной исторической литературе» // URL: http://eparhia-kaluga.ru/mitropolit-kliment/vystuplenija/2748-2013-01-26-10-09-36.html (обращение к ресурсу 04.09.2018).

4.ГАСО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 103. Л. 223об.-224; Оп. 18. Д. 375. Л. 280-281; Оп. 19. Д. 476. Л. 170об.-171; Оп. 20. Д. 50. Л. 210-212; Д. 470. Л. 141об.-142; Ф. 264. Оп. 1. Д. 11. Л. 132об.-133.
5.Легенда и быль об убийстве 25 июля 1918 года священномученика Николая Удинцева // Православие на Урале: связь времен. Материалы V межрегиональной научно-практической конференции. Екатеринбург. 2017.
6.Анчугов Д.М. Священномученик Василий Победоносцев. Некоторые факты биографии (отрывок из работы «Неполный анализ одной фотографии») // Вестник краеведа. Вып. 5. Каменск-Уральский. 2013.
7.ГАСО. Ф. 1. Оп. 6031. Д. 739. Л. 23−23 об.
8.ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 15835. Л. 50.
9.ГАСО. Ф. 01. Оп. 6031. Д. 739. Л. 40.

Кобец Ольга Владимировна

Повседневная жизнь главной улицы Екатеринбурга на рубеже XIX- XX вв.

Главная улица Екатеринбурга до революции носила название Главный проспект. В 1919 г. она была переименована в проспект Ленина. Любопытно, что первоначальное название улицы было Большая и официальным оно не являлось. Хотя в Екатеринбурге практически сразу же улицам стали давать официальные названия, но парадоксальным образом главная улица города официальное имя получила не сразу[1].

В истории Главного проспекта наиболее полно отразилась вся история города. С момента основания города Екатеринбурга и до революции 1917 года вся культурная жизнь города, развлечения и бизнес-интересы деловых людей города и екатеринбургской интеллигенции были сосредоточены на Главном проспекте или в его окрестностях. При этом все особенности жизни главной улицы города были связаны с особенностями жизни самого города.

Изначально в основу плана екатеринбургской крепости была положена строгая регулярность. Екатеринбург строился в подражание Санкт-Петербургу и приобрел такую же четкую планировку. Главный проспект образовал перпендикуляр с рекой. Первые екатеринбургские каменные дома также напоминали аналогичные строения Петербурга, выстроенные по «образцовым

проектам» с фасадами, оформленными просто и строго. Всё строительство шло согласно генеральному плану, разработанному де Генниным совместно с М.С.Кутузовым. С 1737 года в Екатеринбурге начали строить каменные гражданские здания, первым из которых стало здание Горной канцелярии, которое в перестроенном виде сохранилось до настоящего времени и находится на современной улице Ленина. Главная улица, проходя через плотину, связывала западную и восточную половину города. Улица застраивалась постепенно, вдоль Московской и Шарташской дорог. Московская дорога шла от парадных Красных ворот Екатеринбургской крепости, Шарташская – от Исетских ворот.

На Главном проспекте располагались главные площади города – Кафедральная, Екатерининская, Дровяная, Театральная. На Кафедральной площади стоял главный собор города – Богоявленский. На этом же проспекте располагалась Екатерининская церковь. Кроме этого, на Главном проспекте находились домовая Афанасьевская церковь, которая, правда, выходила в переулок и смотрела на реку Исеть, церковь во имя Святого Благоверного князя Александра Невского Алексеевского реального училища, домовая церковь во имя Покрова Божьей Матери в мужской гимназии и лютеранская кирха. Кирха располагалась между современными улицами К.Либкнехта и Луначарского.

В 1830 гг. по проекту известного екатеринбургского архитектора М.П.Малахова по оси Главного проспекта были устроены зеленые бульвары. Один отходил на запад от Успенской улицы (Вайнера), другой – на восток от Соборной (Пушкина). В 1880-е гг. с одной стороны плотины уже была разбит сквер, который получил название Плотинного или Железнодорожного. Второе название было связано с тем, что устроен был сквер любителем-садоводом Д.И.Лобановым, начальником железнодорожной станции Екатеринбург I. Ещё один сквер тянулся от Екатерининской площади в сторону Почтового переулка. Это был Нуровский сквер, названный по фамилии его устроителя, купца А.Н.Нурова, который в 1860-е гг. был городским головой. В конце XIX в. сквер арендовал садовод Ф.И.Дитрих, которому принадлежала в нем цветочная лавка[2]. Кроме этого на Главном проспекте существовал сад Горного училища.

Именно эти скверы были излюбленным местом прогулок горожан в XIX веке. В 1907 году бульвар на Главном проспекте был отреставрирован. Он стал новым «прогулочным» местом, особенно его участок от Кафедральной площади до городского театра. Как сообщают старые справочники, с четырех до семи часов вечера бульвар всегда заполняли толпы гуляющих3. Неоднократно предпринимались попытки уничтожить бульвар, но к счастью, он фрагментарно сохранился до сих пор.

Что касается других развлечений, то на рубеже веков стало модным катание на коньках. На городском пруду в зимнее время стараниями «Общества велосипедистов и любителей физического развития» устраивался каток4. Для популяризации катания Общество построило в 1911 г. на Гимназической набережной (набережная Рабочей Молодежи) специальный деревянный резной павильончик «в мавританском стиле», в котором конькобежцы могли взять напрокат коньки (за 20 копеек), погреться и перекусить[5]. В 1911 г. газета «Уральский край» писала, что «девятого января на катке Общества велосипедистов и любителей физического развития будет карнавал. Каток будет иллюминован и в семь часов вечера будет сожжен большой бриллиантовый фейерверк. Музыка с четырех дня. За лучший мужской костюм — приз серебряные часы, дамский - золотой кулон»[6].

На проспекте Ленина располагался также екатеринбургский ипподром. Ипподром был построен в 1885 г., о чем газета «Екатеринбургская неделя» сообщала следующим образом: «24 ноября на ипподроме, устроенном за городом по правую сторону Верх-Исетского бульвара, состоится первый рысистый бег»[7]. Сейчас на месте бывшего ипподрома находится площадь Коммунаров. В 1895-1896 гг. была проведена его реконструкция и расширение, обновлена беговая дорожка, построены центральный павильон и манеж, улучшены зрительские ложи, открыт буфет[8]. Официальное открытие павильона состоялось 13 августа 1895 г. Важнейшим новшеством стал тотализатор, который завсегдатаи мгновенно окрестили «тотошкой»[9]. Тотализатор позволил привлечь зрителя, что в свою очередь способствовало увеличению призов, количеству беговых дней и позволило разнообразить программу заездов.

Появление тотализатора сделало спорт аристократии зрелищем, интересным и доступным для всех жителей города.

Бега стали самым азартным и захватывающим зрелищем для горожан. В газетах того времени регулярно публиковались объявления и статьи о бегах, в которых указывалось количество заездов, время их проведения, клички лошадей с указанием лучшей резвости, показанной ими прежде.

Один из местных кинотеатров даже снял небольшой документальный фильм о бегах. В 1913 г. в газетах Екатеринбурга появилось следующее объявление: «Кинематограф «Художественный театр». Анонс: особенное внимание! Новость! На днях! Будут демонстрироваться снятые с натуры снимки – бега и скачки – на екатеринбургском ипподроме 13 августа 1913 года на призы П.Ф.Давыдова и А.Е.Степанова. Снимки вышли удачно и представляют всеобщий интерес»[10].

Помимо скачек на ипподроме проводились и другие зрелищные мероприятия. Например, 2 августа 1887 г. на ипподроме были проведены первые на Урале состязания велосипедистов. 27 июня 1911 года здесь демонстрировались первые в истории Екатеринбурга воздушные полеты. Их совершил один из пионеров зарождавшейся российской авиации Александр Васильев на моноплане «Блерио»[11].

Культурная жизнь города также в основном была сосредоточенна на Главном проспекте и прилегающих улицах. В начале XX века здесь располагалось два театра, четыре кинотеатра, клуб, три училища, две библиотеки, Уральское общество любителей естествознания.

Первый театр был построен в городе в 1847 году по проекту архитектора К.Г.Турского. В настоящее время это здание кинотеатра «Колизей». К тому времени местные богатые семейства уже прониклись интересом к театру. Новое здание было построено на средства Рязановых и К. Зрительный зал был рассчитан на 600 человек. С появлением в городе будущего оперного театра в 1912 году в этом здании обосновался кинематограф «Колизей».

В начале XX века театральная жизнь Екатеринбурга была достаточно насыщенной. Работал Верх-Исетский народный театр, Екатеринбургский музыкальный кружок, домашний театр Казанцевых. В городе часто давались симфонические концерты. Было необходимо здание, которое могло бы собрать под своей крышей всех

любителей театрального искусства. Место для нового театра было выбрано на Дровяной площади на Главном проспекте. Вначале здесь было построено здание цирка, но уже тогда, в конце XIX века, на официальном уровне не раз заходила речь о том, что площадь идеально подходит для организации городского театра. Но денег долгое время не находилось, и лишь в начале XX века был объявлен конкурс на лучший проект театра оперы для Екатеринбурга.

В конкурсе победил проект петербургского зодчего В.Н.Семёнова под девизом «Светлана». Строительство здания было закончено в 1912 году. Здание театра было рассчитано на 1200 мест.[12]. Здание, несомненно, является эклектичным, но очень эффектным. Что же касается строительной техники, то здесь нашли своё воплощение самые передовые достижения своего времени. Объём здания был выполнен из традиционного кирпича, но сами конструкции зрительного зала - уже и модного железобетона. Новое оригинальное конструктивное решение обусловило не только необычную форму здания, но и хорошую акустику. Любопытно, что название «Театр оперы и балета» появилось лишь в 1931 году, до этого это был просто городской театр.

Первым главным дирижёром театра стал итальянец Сильвио Барбини. Первый сезон открылся оперой Глинки «Иван Сусанин». В 1914 был поставлен первый балет «Волшебная флейта» Рикардо Дриго.

На Главном проспекте находилось также четыре кинотеатра «Буфф», «Лоранж», «Художественный» и «Городской театр», в 1914 г. переименованный в «Колизей» (перестроен из первого городского театра).

Кинотеатр «Лоранж» открылся в 1909 г. при участии фотографа В.Л.Метенкова.

В кинотеатре «Колизей» 7 (19) ноября 1896 г. состоялся первый в Екатеринбурге сеанс кинематографа. Проекционный аппарат установили на сцене, экран повесили на месте театрального занавеса. В действительности публике предложили сеанс не кинематографа, а биоскопа (аниматографа) Поля. Особого впечатления кино на зрителей не произвело, однако через год в Екатеринбург прибыли агенты синематографа братьев Люмьер, дали девять сеансов, и в городе начался «кинобум». После второго сеанса в городском театре

газета «Урал» писала: «Настоящий кинематограф представляет особый интерес сравнительно с теми, которые демонстрировались у нас зимой в театре и на пасхе в цирке. Смотря на эти «живые фотографии», зритель невольно забывает, что перед ним экран, а не действительность, и поражается гениальностью изобретателей…»[13].

Так что, когда в Екатеринбурге в 1912 году появилось новое здание театра, его арендовал мещанин И.Н.Волков для сеанса синематографа. Демонстрация фильмов в городском театре вообще проходила довольно часто.

Электро-театр «Художественный» (будущий «Салют») открылся 13 (26) октября 1912 г. и стал четвёртым кинотеатром Екатеринбурга. Информация об этом с фотографией здания была опубликована в городской газете «Голос Урала» за 13 октября 1912 г. Статья гласила: «В субботу, 13 октября открытие художественного электро-театра, бывший Варьете. Колобовская улица, дом Имщенецкого. Боевая программа картин, подробности в афишах»[14]. Рядом находилась гостиница «Пале-рояль», на её фасаде вывешивались и до сих пор вывешиваются киноафиши, хотя самой гостиницы в этом здании давно нет.

Такое количество театров и кинотеатров в провинциальном по тем временам городе объяснялось тем, что екатеринбургское чиновничество, дворянство, купечество, интеллигенция имели достаточно много свободного времени и денег, и с удовольствием разнообразили свой досуг.

Но основные театральные и музыкальные события проходили все-таки не на самом Главном проспите, хоть и в «шаговой» доступности от него – в зале Общественного собрания, в зале Маклецкого, в доме Расторгуевых-Харитоновых.

Собственно на Главном проспекте располагался только один клуб — Коммерческое собрание. Оно было открыто в 1906 году при «Обществе взаимного вспоможения приказчиков». Членами клуба были небогатые купцы, служащие на частных предприятиях, мещане и т.п. Вначале клуб арендовал половину второго этажа в «почтовом» доме на Главном проспекте (Ленина, 40), потом несколько лет занимал дом Певина на углу Главного и Вознесенского проспектов. В 1915 г. клуб начал деятельность в новом, специально построенном помещении рядом с кинотеатром «Лоранж». Газеты писали: «К 1

августа клуб Коммерческого собрания предполагает перейти из наемного помещения в свое собственное здание — вновь отстроенное по Главному проспекту рядом с кинематографом «Лоранж». Вестибюль сделан с колоннадами. В нижнем этаже предполагается поместить библиотеку, игральные залы, биллиардную и пр. В верхнем этаже — большой зрительный зал с громадными окнами в два просвета. С третьего этажа в зал выходят против сцены три балкончика, изящно отделанные… Рядом со зрительным залом — довольно обширное зало для столовой и буфета… Фойе почти нет, если не считать небольшой предвходной в зрительный зал комнаты…С внешней стороны здание клуба, большое и высокое, с балконом и парадными колоннами, производит благоприятное впечатление»[15].

В коммерческом собрании в 1913-1917 гг. действовала небольшая оперная труппа, ранее входившая в состав музыкального кружка. Но в целом развлечения были не столь их изысканными. Чаще в Коммерческом собрании играли в карты, лото и домино. Например, объявление в газете «Уральский край» за 1911 г. гласило: «В коммерческом собрании 11 марта состоится Музыкально-вокально-литературный вечер. Начало в 8 с половиной часов вечера. Игра в лото в большом зале»[16].

В мужской гимназии в 1870 г. открылось Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ). Городские власти дореволюционного Екатеринбурга предполагали построить на южной стороне площади за городским театром здание для музея УОЛЕ, но планам этим не суждено было сбыться.

Кроме этого на Главном проспекте располагались самые авантажные гостиницы и рестораны города.

Согласно раскладке акцизного сбора с трактирных заведений на 1883 г. в городе числилось 11 гостиниц, из них на Главном проспекте и рядом с ним находилось пять из них. В торгово-промышленных справочниках за 1910–1914 гг. упоминается семь гостиниц на Главном проспекте: «Пале-Рояль», «Венеция», «Центральные нумера», «Волга», «Номера Вундер», номера «Н-ков Атаманова», номера С.З.Валитова.

Некоторые из этих гостиниц существовали на начало XX века уже по 30–40 лет, в частности номера «нас-в Атаманова». В рекламе

номеров Атаманова 1910 гг. указывается, что они существуют с 1879 года[17]. Большинство заведений предлагало комнаты в пределах 75 копеек – двух рублей. «Пале-Рояль» стоил дороже – от 80 копеек до 4 рублей, номера Атаманова – от одного рубля до трех с половиной рублей18.

В рекламе и описании всех без исключения средств размещения имелись ссылки на возможность питания постояльцев. Часто при гостинице открывался ресторан, и тогда владельцы рекламировали «первоклассную кухню». Если же ресторан в гостинице отсутствовал, то «в номерах предусматривались одна комната для буфета и общая столовая»[19]. Иногда при этом было указание на низкую стоимость питания: «Можно иметь сытый, здоровый, дешевый стол» («Пале-Рояль»)[20]. При этом питание оплачивалось отдельно, хотя были возможны и варианты оплаты «комнаты помесячно с полным пансионом». Несмотря на наличие стола, гости могли питаться и на стороне.

Что касается инфраструктуры и услуг, то в начале XX в. общераспространенными были две вещи: телефон и электрическое освещение («электричество»). В гостиницах, содержавших ресторан, как правило, был бильярд. Часто в рекламе говорилось о наличии газет и журналов. Были и другие услуги, например, меблированные комнаты Атаманова рекламировали в 1912 г. «Омнибус на вокзал железн. дорог»[21]. В.М.Имшенецкий, владелец гостиницы «Пале–Рояль», нанял собственного извозчика и купил шестиместную карету, которая должна была заняться перевозкой клиентов с железнодорожного вокзала. Этой карете было суждено сделать всего лишь один рейс. В январе 1908 г. шестиместный экипаж не без некоего форса отчалил от «Пале–Рояля» и благополучно прибыл к вокзалу. Какое-то время привокзальные извозчики с недоумением взирали на неожиданного конкурента, а затем дружно атаковали карету. В считанные минуты она была опрокинута и лишилась всех стекол, а также ряда других деталей. Полиция не без труда остановила «привокзальных мстителей». Больше Имшенецкий не повторял подобных попыток: то ли он утерял веру в свободную конкуренцию, то ли более никто не соглашался стать извозчиком экипажа из «Пале–Рояля»[22].

Многие заведения подчеркивали, что комнаты «обставлены комфортабельно», «гигиенично», «на столичный и европейский образец», «чисты, светлы и дешевы»[23].

Здесь же, на Главном проспекте располагались трактиры и рестораны, в частности один из трактиров, принадлежащих «водочным королям» Поклевским-Козелл. В путеводителе по г.Екатеринбургу В.А.Весновского (1903 г.) указан ресторана В.П.Буцяновской на Главном проспекте (дом Скавронской).

Рестораны открывался в одиннадцать часов дня и работали до двух-трех часов ночи. Напротив городского театра находился Немецкий ресторан, который предлагал всем «желающим после оперы ужины до двух часов ночи».

Средняя цена обедов из трех блюд по карте в ресторанах Екатеринбурга в начале 1910 гг. варьировалась от 45 копеек до одного рубля 25 копеек. Цена обедов указывалась без вин и закуски, которая везде была очень дорога. Ужины были несколько дороже обедов. Посещение ресторана мог себе позволить служащий хорошей фирмы, квалифицированный педагог, врач, фельдшер, инженер, обер-офицер, средние и высшие слои чиновничества, даже высококвалифицированные рабочие.

Меню ресторанов включало блюда французской и российской кухни. На ресторанном рынке присутствовали и «специализированные» заведения, тот же ресторан «Немецкий». Немецкий ресторан предлагал не только вкусные домашние обеды, виноградные вина и крепкие напитки, но и Bier vom Fass (т.е. пиво в бочках). Во время ужинов (с 9-11 часов вечера), а иногда и обедов посетителям предлагали музыкальные программы в исполнении дамских струнных оркестров (рестораны «Россия», «Урал», «Немецкий»).

Главным памятником проспекта был памятник Александру II на Кафедральной площади. Кроме этого в Плотинном сквере стояли два бронзовых бюста на мраморных постаментах: «Основателю горнозаводского дела на Урале» – Петру I и «Основательнице города Екатеринбурга» – Екатерине I. Памятники были окружены деревянной оградой. У памятника Петру I высаживались белые махровые астры, а у памятника Екатерине – белые петунии[24].

Главный проспект стал свидетелем всех событий, проходивших в городе от момента строительства плотины и завода до тех решительных перемен, которые были связаны с Первой мировой войной и Октябрьской революцией.

Примечания:

[1]Корепанов Н.С. Первый век Екатеринбурга. – Екатеринбург, 2005. – С.50.

[2]Зорина Л.И. Улицы и площади старого Екатеринбурга. – Екатеринбург, 2005. – С.94.

[3]Мурзина И.Я. Культура Урала: очерки становления и развития региональной культуры. В 2-х томах. – Екатеринбург, 2006. – Т. 1. - С.79.

[4]Там же. – С. 95.

[5]Бухаркина О.А. 20 копеек – и ты спортсмен // Телешоу. – 2010. - № 7. – С.7.

[6]Яхно О.Н. Общественные развлечения в Екатеринбурге // Третьи Татищевские чтения. Екатеринбург. 2000. – С. 45.

[7]Екатеринбургская неделя. - 1885. - № 45.

[8]Весновский В.А. Путеводитель по Уралу [Текст] / В.А.Весновский. – Екатеринбург: Изд. В.Чекана, 1899.- С. 78.

[9]Екатеринбург: исторические очерки. – Екатеринбург, 1998. – С. 89.

[10]Микитюк В. Представляет всеобщий интерес // Столица Урала. - 2009. - №22. - С. 64.

[11]Зайцев В. Взлет с... ипподрома // Уральский рабочий. - 1999. - 21 авг. - С.3

[12]Матафонова Ю.К. Театральный Свердловск. – 1989. – С. 56.

[13]Урал. - 1897. – 12.11. – С. 6.

[14]Мультиплекс «Салют» и театр оперы и балета сегодня отмечают 95-летние юбилеи. 12.10.2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lenta66.ru/print/8312/ (дата обращения 29.12.2013).

[15]Зауральский край - 1915 - 28.07. – С.7.

[16]Уральский край. - 1911. – 10.03. – С.3.

[17]Весновский В.А. Екатеринбург в прошлом и настоящем. – Екатеринбург, 1903 (репринт). – Екатеринбург, 1991. – С. 23.

[18]Злоказов Л.Д., Семенов В.Б. Старый Екатеринбург: Город глазами очевидцев. – Екатеринбург, 2000. – С. 502.

[19]Плещева Г.И. В «Пале-Рояле» щами не пахло… // Известия Уральского государственного университета. – 1998. – №9. – С. 36.

[20]Весь Екатеринбург и горнопромышленный Урал: Торгово-промышленный справочник. 1912. – Екатеринбург, 1912. – С. 23.

[21]Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – С. 89.

[22]Воронцов А. Д. Прошлых времен «таксисты» // Наследие. – 2008. – №21. – С. 12.

[23]Плещева Г.И. Цит. соч. – С. 34.
[24]Микитюк В.П. Повседневная жизнь Екатеринбурга на рубеже XIX-XX веков: Очерки городского быта. – Екатеринбург, 2014 – С. 89.

Кузьмина Татьяна Игоревна

Концепция «Красная пятёрка. Музей комбрига А.К.Серова»

Много ли на сегодняшний день музеев в России, посвященных Гражданской войне в Испании или ее участникам? Мы хотим познакомить вас с проектом создания музея одного из самых популярных летчиков 1930-х годов, сталинского сокола, комбрига, Героя Советского Союза и участника Гражданской войны в Испании Анатолия Константиновича Серова на его родине. И с помощью музейных средств раскрыть перед вами короткую, но яркую жизнь прославленного летчика, в судьбе которого Испанская война сыграла значительную роль.

Почему «Красная пятерка»? Особое место в жизни Серова занимало непревзойденное пилотажное мастерство, благодаря которому он не знал поражений, защищая испанское небо от фашистских захватчиков. Возглавляя «Красную пятерку» истребителей И-16, Анатолий Серов неоднократно участвовал в воздушных праздниках на Тушинском аэродроме и пролетал во время первомайских парадов над Красной площадью. Урну с прахом разбившегося в учебном полете любимчика Сталин собственноручно захоронил в Кремлевской стене. О короткой, но очень яркой жизни летчика-героя расскажет экспозиция нового музея.

Идея создания музея нашего знаменитого земляка на его родине в городе Краснотурьинске Свердловской области не нова. В 1980 году в поселке Воронцовске, в доме, где родился герой, был открыт мемориальный музей. Он представлял собой традиционный мемориальный дом-музей, где воссоздана обстановка быта небогатой семьи горняка уральского поселка, а в нескольких комнатах располагалась информация о летчике-герое, в основном это был плоскостной материал – фотографии и документы. Формировать фонд героя для музея помогали его родственники – сестры и брат Анатолия. В основном это предметы мебели, фотографии, личные

вещи (всего 250 единиц хранения). В 2000 году музей был закрыт из-за низкой посещаемости. Экспозиция дома-музея «переехала» в исторический отдел краеведческого музея. Мемориальный фонд, комбрига Серова.

Сегодня пришло время переосмыслить подход к созданию музея летчика-героя, летчика, страстно влюбленного в небо, летчика с геройским характером. Сам музей должен быть под стать его характеру. А современные музейные технологии помогут воплотить самые дерзкие идеи.

Музей расположится в здании городской водонапорной башни, которая недавно передана Краснотурьинскому музею в оперативное управление. Вертикальная перспектива башни определила общую концепцию и построение экспозиции – это путь вверх: путь летчика в небо, от мальчишеской мечты до ее воплощения, карьерный путь от подручного сталевара из уральской глубинки до звания Героя.

Начиная с первого этажа – тверди земной, посетители начинают подъем по лестнице, все выше и выше, останавливаясь на смотровых площадках на разных уровнях. На площадках разместятся экспозиции, рассказывающих об определенном этапе жизни летчика.

Итак, поехали.

Фасад музея. Внешний вид башни утверждает основную идею музея.

Околомузейное пространство – памятник комбригу А.К. Серову.

На первом этаже – инфраструктурная группа – гардероб, фойе, санузлы, сувенирный киоск.

На первом этаже экспозиция «Парень из нашего города». Серов стал прототипом главного героя пьесы Симонова «Парень из нашего города». Название, как нельзя лучше, отражает тему рождения и проживания будущего летчика-героя в городах и поселках нашего края: Воронцовске, Покровске-Уральском, Богословске (Карпинске), Турьинских Рудниках (Краснотурьинске), Надеждинске (Серове) в 1910-1929 годах. В экспозиции будут использованы интересные факты из детства Тошки Серова: спасение младшего брата из-под копыт казачьих лошадей, «полет» с крыши бани на крыльях, неудавшийся побег в Америку, занятия спортом (футболом и лыжами), звездно-лыжные пробеги Надеждинск-Свердловск и Ярославль-Пушкино. Предметная часть экспозиции: сломанные

крылья, мебель семьи Серовых и др. Здесь же начинается тема самолетов Серова (моделей самолетов), которая проследует через всю экспозицию музея. С чего началась мечта – «Старенький Фарман», увиденный им над Богословском в детстве, и агитсамолет Уральского общества друзей воздушного флота. Погрузить посетителей в атмосферу того времени поможет видеостена (из мониторов 32”). Контент – ролик из архивных кинофотоматериалов СССР 30-х годов XX века.

Экспозиция «Огромное небо» (2-й этаж здания). Самый большой зал музея. При диаметре 10 м, высота его составляет 16 м. Но во всем объеме посетители смогут увидеть его только один раз – с самого верха. Мультимедийные экспонаты, расположенные на площадках, станут информационной частью экспозиции, а видеопроекции на противоположной стене-экране – эмоциональной.

Площадка 0 м. Середину зала занимает 3d инсталляция «Тверди земной», в форме круга. Это макет той земли, что открывалась Анатолию Серову с самолета. Макет поделен на четыре сектора, каждый из которых плавно переходит в другой:

1.Типичный пейзаж российской глубинки (уральской, где родился герой и рязанской, где он погиб): поля, луга, перелески, небольшая речка, мост, грунтовая дорога, лошадь с телегой, пасущиеся коровы и т.д.

2.Аэродромное поле с контрольно-пропускным пунктом, грузовые автомобили, вышка с наблюдателями, ангар, ряды самолетов Р-1 и У-2 на стоянках, летчики рядом с ними, аэродромная обслуга, аксессуары (бочки, ящики и т.п.), в центре поля – самолет, разбегающийся для взлета.

3.Железнодорожная станция со вторым и третьим путями. По железной дороге движется состав (паровоз, товарные вагоны, платформы; на платформах танки Т-26 и БТ-5, бронеавтомобили БА-10). У станции – зенитная батарея.

4.Железная дорога, пересекающая речку, уходит в город, в испанский город. Рядом с уцелевшими зданиями, здания с разрушениями и совсем руины. Бульвар и площадь с фонтаном. Прямо на площади – зенитная батарея. Людей в городе не видно: попрятались на время воздушного налета. Легковые и грузовые автомобили – без водителей и пассажиров. Только у зениток – орудийные расчеты.

Посетители передвигаются по кругу, постепенно осматривают макет. С помощью современных технологий мы сделаем экспозицию «живой», что, будет способствовать более глубокому погружению посетителей.

Площадка 3 м «Небесный тихоход». Осенью 1930 года учлет Серов был допущен к первому самостоятельному полету. Обучившись (с отличием) летать на «небесных тихоходах» Р-1 и У-2, был выпущен из школы летчиком-истребителем. На площадке – два сенсорных стола (один – информация по самолету У-2, второй – по Р-1); двигатель самолета У-2 в интерактивной витрине.

Площадка 6 м «Воздушные акробаты». В 1933 году звено Серова 26-й отдельной истребительной авиационной эскадрильи в Хабаровске, летавшее на истребителях И-5, освоило групповой высший пилотаж, за что было прозвано «воздушными акробатами». Опыт серовского звена был внедрен в военную авиацию. На площадке дополнительно к витринам с моделями самолетов, фото и другими экспонатами – сенсорный стол с информацией по самолету И-5.

Длиннофокусный проектор, отображающий на противоположной стене видеопроекцию «Воздушные акробаты», которая познакомит посетителей с фигурами высшего пилотажа, необходимыми для воздушного боя: наклонные и горизонтальные виражи, восходящие спирали, двойные и одинарные перевороты, ранверсманы (горки с поворотом), иммельманы (боевые развороты), пикирование, штопор и петля Нестерова с выходом в хвост неприятельского самолета.

Площадка 9 м «Сталинский сокол». Получивший в 1936 году назначение в НИИ ВВС РККА, Серов вошел в руководимую Коккинаки «Красную пятерку», что было уделом немногих: пилотирование истребителя в плотном строю требовало понимать ведущего на уровне подсознания. Серову это удавалось блестяще. Пилотажная группа истребителей И-16 «Красная пятерка» была под пристальным оком И.В.Сталина. На первомайском параде 1937 года «Красную пятерку», выполнившую девять петель подряд над Красной площадью, вел Анатолий Серов.

На кронштейне перед посетителями модель истребителя И-5 масштаба 1:5, выполняющего наклонный вираж. В витринах на площадке: модель самолета АИР-6 масштаба 1:72 в горизонтальном полете, модели И-2, АИР-14 масштаба 1:72, модели самолета И-16 в

стандартной окраске и окраске Красной пятерки НИИ ВВС масштаба 1:72 и плоскостной материал.

Площадка 9 м «Испанская командировка». «Над всей Испанией безоблачное небо!» – условный сигнал к началу фашистского мятежа против Испанской республики, прозвучавший по радио 18 июля 1936 года.

В мае 1937 года старший лейтенант Анатолий Серов отправился добровольцем на помощь испанскому народу, став асом военно-воздушных сил Родриго Матео. С июля 1937 года командовал эскадрильей И-15 «Чатос». Тогда же националисты перебросили под Мадрид группу бомбардировщиков Ju-52 из состава немецкого легиона «Кондор». «Юнкерсы» использовались для ночных налетов. Анатолий Серов, имевший опыт ночных полетов на Дальнем Востоке, стал инициатором «Ночного патруля» из истребителей 1-й эскадрильи. Ночью 27 июля Серов сбил Ju-52.

15 октября 1937 года Анатолий Серов участвовал в уникальной операции по уничтожению самолетов противника на аэродроме Гарапинильос. Две эскадрильи (Серова и Чиндосвинто) атаковали аэродром пулеметами и мелкими бомбами. Остальные четыре эскадрильи барражировали на случай появления неприятеля в воздухе, атаковали наземные цели. В результате около 60 вражеских самолетов было уничтожено или повреждено, подавлены зенитные батареи, уничтожены два истребителя, взорваны склады боеприпасов и другие постройки. Республиканцы потерь не имели. Это было первое в истории авиации применение истребителей для уничтожения вражеских самолетов на земле. Прилетая в республиканский штаб авиации, Анатолий выделывал в небе всякие «штучки» для семнадцатилетней переводчицы при группе советских военных советников Аделины Абрамсон. Композиция: модели самолетов И-15 и Ju-52 в масштабе 1:5 изображают атаку немецкого бомбардировщика истребителем Серова. На площадке витрины с моделями самолетов в масштабе 1:72, участвовавших в Испанской войне. С одной стороны – советских, с другой – фашистских. Во время осмотра зрителями композиции на стены идет проекция хроники документальных кадров Гражданской войны в Испании, республиканских плакатов, лозунгов и т.д. Затем включаются

видеопроекции, воспроизводящие сцены ночного боя и штурм Гарапинильоса.

16 м (мост) «Красная пятерка». На высоте 16 м через весь диаметр башни мост (две балки и железобетонное перекрытие). Мост будет стеклянным, чтобы ничего не мешало посетителям оценить высоту «своего положения» над главным залом музея, увидеть далеко внизу 3d-модель «тверди земной».

Композиция (1-й полукруг): на кронштейнах пять самолетов И-16 в окраске серовской «Красной пятерки».

Композиция (2-й полукруг): на кронштейне сорвавшийся в штопор УТИ-4 (учебная модификация И-16).

С площадки и моста виден внизу «типичный рязанский пейзаж», с воткнувшимся в землю самолетом.

Из старших лейтенантов Серов стал полковником. Взлет на четыре ступени в воинском звании! Такое могло случиться только при вмешательстве вождя. Вспомним девять петель «Красной пятерки» над Красной площадью, 15 сбитых самолетов, «крайслер», золотые часы и ходатайство испанского правительства. Полковнику Анатолию Константиновичу Серову присвоили звание Героя Советского Союза и назначили начальником Главной летной инспекции, ввели в состав Совета по авиации при Наркомате обороны СССР.

Женился он на восходящей звезде экрана Валентине Половиковой (звездой она стала под фамилией Серова). Новый, 1939-й, год Серовы встречали в Кремле, за одним столом со Сталиным.

В феврале Серову было присвоено воинское звание комбрига (генерал-майора). В апреле его назначили ответственным за подготовку и проведение первомайского воздушного парада. 1 мая Серов пролетел над Красной площадью дважды: ведущим группы истребителей и во главе своей семерки, «на красных самолетах были начертаны слова «Привет Сталину».

11 мая во время учебного полета погибли Герои Советского Союза Анатолий Константинович Серов и Полина Денисовна Осипенко.

14 мая на Красной площади состоялся многотысячный траурный митинг, после которого Сталин лично отнес прах Серова в Кремлевскую стену, также, как раньше, в декабре 1938 года, прах Чкалова.

18 м (бак) «Над уровнем неба». Нет предела стремлениям человека вверх, его мечтам о небе, как и у неба, нет границ: «Все выше и выше и выше!». В продолжение темы отрыва человека от Земли на самом высоком уровне башни – в баке, будет устроена интерактивная часть экспозиции. Это пространство будет использоваться для запуска кордовых моделей самолетов и демонстрации пилотажных фигур с помощью кордовых моделей. По периметру – авиасимуляторы, чтобы дети и взрослые могли испытать себя в управлении самолетами. Бак – это, прежде всего, игровое пространство, предназначенное для того, чтобы вовлечь посетителей в увлекательный мир полетов.

Название музея «Красная пятерка» в полной мере заиграет именно здесь. С помощью купольного экрана посетители станут участниками воздушного парада на аэродроме Тушино в 1938 году, где серовская «пятерка» произвела фурор, продемонстрировав мастерство высшего пилотажа.

Ленючева Светлана Валентиновна
Тишкина Людмила Григорьевна

Концепция «Президент-музей. Музей А.П.Карпинского

При составлении концепции мемориального музея А.П.Карпинского, мы поставили перед собой задачу создания неординарного современного музея. Одновременно руководствовались тем, чтобы наш музей не стал сухим музейным пространством, так как утверждение «музей – это храм» в XXI веке уже не актуально.

Музейное пространство поделено на несколько зон, посвященных знаковым событиям из жизни А.П.Карпинского. Каждый зал – это отдельный рассказ, отдельная история. Посетители могут сами выбирать последовательность знакомства с экспозицией, а не идти по заранее подготовленному маршруту.

В каждом зале в тач-панелях будет заложена составленная музыкальная программа из любимых произведений А.П.Карпинского. Посетители по желанию могут выбрать для себя музыкальное сопровождение.

В настоящее время в музейной практике наиболее востребована комбинаторная группа методов выработки проектных начинаний. Её

мы и будем придерживаться. Для создания экспозиции мы вычленили следующие типы музейной презентации:

1.Ретроспективная (традиционная) – строится как овеществленная летопись, в хронологическом порядке иллюстрирующая события документами, фотоматериалами, предметными реликвиями.

2.Инфраспективная (профильно-научная) – экспозиция, как экскурс в сферу знаний. Воздание должного ученому А.П.Карпинскому. Сегодня в нашей стране не подчеркнут вклад Карпинского-ученого в мировую науку.

3.Ультраспективная (лирическая) – специфика этой модели музейной экспозиции состоит в сдвиге акцентов из привычного историко-технократического фокуса в общезначимые, человеческие контексты.

Наша экспозиция сделана «на вырост», т.е. предполагает дальнейшее пополнение.

Входная зона

Предполагается оборудовать общую для Федоровского геологического музея и мемориального музея А.П.Карпинского входную зону и разместить ее на первом этаже. Здесь будут находиться касса и гардероб.

Лестничный пролет

На стене: на фоне земного шара барельеф А.П.Карпинского, вверху девиз из высказываний ученого – «Геологу нужна вся Земля», внизу его автограф.

Коридор

Пространство коридора является частью экспозиции. На стенах изображения пейзажей, городской среды, тематически связанных с каждым из залов. Например, рядом с Классной комнатой изображение кадетов, марширующих вдоль гранитных парапетов Невы. У раздела «Наука и практика» изображения Академии наук, здание Геолкома, сфинксов ит.д.

Экспозиция

Раздел 1. Дом управителя.

История горняцких родов ведет свое начало со времен Екатерины II. В Россию приезжали выпускники Фрейбергской горной академии – Вагнер, Грасгоф, Иосса, Меллер, мужское потомство которых получало образование уже в Горном корпусе Санкт- Петербурга.

Дворянский род Карпинских по семейному преданию, появился в России во времена царствования царя Алексея Михайловича.

Прадед Александра Петровича Михаил Федорович Карпинский был протоиреем Софийского собора г.Тобольска. Дед – Михаил Михайлович Карпинский уже был горным инженером. Его сыновья Петр Михайлович и Михаил Михайлович были направлены после окончания Горного корпуса в 1829 году в Богословский завод. К этому времени в гербе рода Карпинских добавилась символика, указывающая на их вклад в геологическую науку.

В то время начальником Богословского горного округа был горный инженер выпуска 1819 года Грасгоф Фердинанд Богданович. Ф.Б.Грасгоф начинал свою карьеру в Златоусте, где познакомился с Павлом Петровичем Аносовым. Для того времени обычным было породнение горных фамилий. Фердинанд Богданович женился на сестре П.П.Аносова Марии Петровне. В свою очередь их дочь Мария Фердинандовна Грасгоф стала женой Петра Михайловича Карпинского. В этих условиях возникла горная династия Карпинских, связанная родством с горными династиями Брусницыных, Грасгофов, Аносовых, Деви, Меллеров, Порецких, Редикорцевых, Таскиных, Фрезе и других.

В основе экспозиции будет лежать исторический (ретроспективный) подход.

В экспозиции будут размещены:

1.Электронная панель с информацией о дворянских и горняцких родах, гербы родов Грасгофов, Карпинских, генеалогические древа.

2.Макет-реконструкция дома управителя, где жила семья Карпинских и прилегающей территории на основе фотографических снимков и описаний. «Дом Карпинских стоял на углу нынешних проспектов Попова и Карпинского» (из письма Е.А.Поповой-Кьяндской к Е.А.Толмачевой-Карпинской). Напротив дома управителя стоял дом, где проживала семья Стефана Попова. И Александра Карпинского, и Александра Попова крестил один священник – Александр Кубасов. Здесь же будут размещены копии документов и фотографии того времени.

3.Реконструкция кабинета дома управителя, девичье платье Марии Фердинандовны, портреты родителей Александра Петровича,

мемориальные и эпохальные предметы, новоделы мундиров горных инженеров на манекенах.

Раздел 2. Аудитория (классная комната и дортуар)

Музей предполагается разместить в здании бывшего горного училища. Все помещения, где будут располагаться экспозиции – бывшие аудитории. В одном из помещений разместится экспозиция «классная комната и дортуар».

В экспозиции будут размещены:

1.Классная комната: Учебные столы, книжные шкафы и полки, учебные пособия. Интерактивная зона – «Шифровки природы», срез Земли, ящики с магнитными копиями ископаемых флоры и фауны. На стенах - портреты преподавателей А.Карпинского. Любимым педагогом Александра Петровича был профессор палеонтологии Василий Гаврилович Ерофеев, уроки которого определили склонности Карпинского. С особым увлечением он занимался восстановлением первоначального облика животного по ископаемым остаткам. Особенно его увлекали сложные формы – шифровки природы, которые палеонтологи называют проблематиками.

2.Дортуар: отгорожен от классной комнаты аркой. За аркой будет стоять кровать с табличкой А.Карпинский, перед кроватью табурет, рядом с кроватью комод для книг и туалетных принадлежностей, которые можно будет посмотреть, выдвинув ящики. Над комодом расположены копии документов об успеваемости. На табурете сложенный синий мундир кадета Корпуса горных инженеров. Рядом с табуретом – сапоги, носки которых вровень с передними ножками табурета. Здесь же зона наказания (деревянная лавка и розги) и фрагмент столовой (стол, сбитенник, стакан, булочка).

Раздел 3. «Чемодан»

За свою жизнь Александр Петрович много ездил. Самая первая его поездка – из селения Турьинские Рудники во младенчестве в Екатеринбург. Далее, вместе с братьями – с золотым обозом в Петербург для обучения в Горном корпусе, где товарищи по отделению дали ему смешное, но не обидное прозвище «Чемодан» за его низкую и плотную фигуру, почти квадратную. Прозвище определило всю его дальнейшую жизнь, наполненную многочисленными поездками.

В течение 16-ти лет Александр Петрович уезжал для экскурсирования (экспедиции) на Урал. Кроме полевых работ были

ежегодные поездки на геологические конгрессы в различные зарубежные страны и деловые поездки по России.

В экспозиции будут размещены:

1.Инсталляция полевых работ, геологические принадлежности,

2.Атрибуты путешествий (дорожные поклажи, сундуки, корзины). Самый главный экспонат – личный чемодан А.П.Карпинского с наклейками отелей европейских стран.

3.Карты поездок ученого, копии приглашений на конгрессы, электронный информационный киоск.

4.Макеты видов транспорта, на которых совершал поездки А.П.Карпинский. По городу президент Академии наук предпочитал передвигаться на извозчике, даже в 1930-е гг.

5.Сувениры, привезенные А.П.Карпинским из заграничных поездок.

Раздел 4. Наука и практика. «Геологу нужна вся Земля»

Из всех геологических разделов мы считаем самым привлекательным для посетителей область палеонтологии, в которой Александр Петрович сделал самые интересные открытия: Артинский ярус, аммониты, геликоприон, трохилиски. Палеонтология только частично представлена в Федоровском геологическом музее. Поэтому, в данном разделе наиболее подробно будет показана именно эта область геологии.

«Геологу нужна вся Земля». Эти слова часто повторял Александр Петрович. Он считал, что история Земли – как книга, в которой часть страниц вырвана, часть страниц написана на других языках. В своей научной и практической деятельности он пытался восполнить недостающие страницы, одна из них – «теория» о сходстве четырех материков. Карпинский всегда подчеркивал, что он не только геолог, но и горный инженер. На основе изучения фактического материала, он дал геологическую картину строения нашей страны. Александр Петрович стоял у истоков организации Геологического комитета, который был создан для изучения территории России и составления геологической карты.

В экспозиции будут размещены:

1.Фотоматериалы, научные труды, книги, макеты, копии документов,

2.Макет земного шара с подсветкой больших размеров, занимающий центральное место в экспозиции.

3.Копии наград А.П.Карпинского и памятных медалей.

4.5D-изображение геликоприона, окаменелости и макеты ископаемых животных.
5.Несколько информационных сенсорных экранов.
6.Большой экран с проектором для показа фильмов.

Раздел 5. «Я люблю, а значит, я живу»

Дочь Александра Петровича, его бессменный секретарь Евгения Александровна, писала: «Почти все мои родные и двоюродные бабки вышли замуж в возрасте не старше 16-ти лет, причем никаких разводов в случае неудачи не предусматривалось». Жизнь Александра Петровича была спокойной и размеренной благодаря своей спутнице Александре Павловне. У Карпинских было четыре дочери и сын, которых они очень любили.

Карпинский был прекрасным знатоком и ценителем искусства, особенно музыки и живописи. Одним из любимых композиторов был Вагнер, а художником – Репин. Александр Петрович сам играл на многих музыкальных инструментах и даже научные труды писал на крышке рояля, который стоял в спальне и заменял ему письменный стол.

Летний период семья Карпинских проводила на даче.

Карпинского называли «всесоюзным старостой науки». Кроме коллег-геологов, в их доме бывали писатели, поэты, художники, музыканты, юристы. В.И.Крыжановский писал: «Самое ценное наследство, оставленное мне отцом, была семья Карпинских».

В экспозиции будет представлен:
1.Мемориальный комплекс – предметы мебели, личные вещи, фотографии, письма, фотографии коллег с дарственными надписями, картины факсимильного воспроизведения, инсталляции. Растения: филадендроны, пальмы, агавы, розы, кактусы. Розы будут и в последующих залах как любимые цветы Карпинских.
2.Инсталляция: Дача на Сиверской. «Александр Петрович попивает домашнее кавказское вино, за ужином крепкий чай».
3.Электронный семейный альбом на основе подлинных фотографий.

Раздел 6. Зал памяти

«Таких людей немного, он соединял в себе поразительные знания с совершеннейшей простотой… у него была прекрасная душа, доброе сердце, большой ум…» (один французский ученый).

В экспозиции будут представлены в разных форматах объекты, носящие имя Карпинского: инсталляция – фрагмент кремлевской стены, бюст А.П.Карпинского, памятные книги. Экран для демонстрации фильмов, иконография Карпинского в произведениях мастеров изобразительного искусства.

Раздел 7. Гостиная. На чай к президенту

Александром Петровичем была введена традиция чаепития с основания Геолкома и была продолжена в Академии и никогда не нарушалась. Многие вопросы решались в Доме академиков в Санкт-Петербурге за столом, где собиралось более 20-ти человек. На столе вазочки с печеньем, баранки, сахарница.

Экспозиция будет интерактивной, в гостиной будут устраиваться камерные тематические вечера в традициях семьи Карпинских. Будут использованы: рояль, обеденный стол, нотные партитуры и другие мемориальные и эпохальные предметы.

Лобанов Дмитрий Алексеевич

Тобольские гарнизонные солдаты на строительстве крепости в Екатеринбурге. 1723-1725 гг.

Солдаты на строительство Екатеринбургский крепости были направлены на Уктус из Тобольска в начале 1723 г. Основанием для присылки солдат стала «Инструкция Генерал-Майору Генингу об исправлении медных и железных заводов» от 29 апреля 1722 г., согласно которой Генин мог «на первое время для строения и работ, на те заводы людей и прочее, что к тому делу принадлежит, требовать от Губернаторов и воевод»[1]. Первые четыре роты прибыли на Урал в конце февраля 1723 г. Роты эти, согласно документам, получили название Тобольский командированный полк. В полку на службе находились 2 капитана, 2 прапорщика, 8 сержантов, 4 писаря, 8 барабанщиков, 15 капралов, 1 ефрейтор и 500 солдат. Все офицерские должности в полку занимали бывшие шведские военнопленные: капитаны Иван Королевич (Ян Кралевич), Михайло Цей, прапорщики Карл Брант и Иван Утлин. Командовал полком командир 1 роты капитан Ян Кралевич[2]. 25 марта 1723 г. прибыли еще три солдатские и одна гренадерская роты в количестве 550 человек, под командой

майора Йоганна Бриксгаузена[3]. Майор Бриксгаузен, так же из пленных каролинов, стал командиром полка.

Главным документом, регламентировавшим жизнь и службу тобольских солдат в Екатеринбурге, стала составленная Генином инструкция – «Указ Его Величества Императора и Самодержца Всероссийского главному командиру, которой здесь обретается при батальоне Тобольского полку…»[4]. Согласно этой инструкции, предписывалось содержать солдат «как повелевается Его Императорского Величества всемилостивейшего нашего монарха военный регламент и артикул». Основной задачей солдат было несение караульной службы в Екатеринбургской крепости и на горных заводах, сопровождение караванов с железом и «денежной казной», пожарная охрана и строительство крепости и завода. Инструкция предписывала «стрелецкое обыкновение весьма скратить». Командир батальона (полка) находился полностью в подчинении Сибирского обер-бергамта.

Тобольский командированный полк имел единообразное обмундирование европейского покроя. Солдаты были одеты в кафтаны сермяжного сукна с васильковыми обшлагами и воротниками, сермяжные камзолы и штаны. Головными уборами были сермяжные с васильковыми отворотами картузы, у гренадер – гренадерские шапки[5]. Обмундирование не строилось при ротах централизовано, а солдаты получали от казны сукно[6]. Снаряжение составляли замшевые портупеи, патронные сумы с замшевыми перевязями, у гренадер гренадерские сумки и лядунки, урядники имели «урядничьи лядунки». Вооружены солдаты были фузеями со штыками и палашами московского дела, сержанты алебардами и пистолетами, капралы имели капральские полупики. У каждой роты имелись «знамя с гербами» и фурьерские значки[7].

Для работы от горного начальства солдатам должны были выдаваться рабочие кафтаны, штаны и обувь. Однако, солдаты получали рабочую одежду не в полном объеме, а нехватка обуви вообще была одной из главных проблем. 1 марта 1723 г. капитан Кралевич доносил Генину: «Сего 723 году по указу Его Императорского Величества откомандированы тобольского полку солдаты на работу для строения изб и полисады, где будет строиться новая крепость, да к четырем капралам бить сваи, а оным солдатам

для вышеписанной работы котов и штанов ничего не дадено, а без обуви им быть на работе вельми скучно, потому что босы ноги»[8].

Тобольский командированный полк находился на строительстве Екатеринбургской крепости до конца июня 1724 г., когда основные работы были закончены[9]. После этого большая часть солдат была возвращена в Тобольск, а в Екатеринбурге осталась одна рота во главе с произведенным в поручики Карлом Брантом. Рота эта стала основой для формирования горнозаводских войск на Урале.

Примечания:

ПСЗРИ. СПб, 1830. Т. VI. С. 667 № 3986

[2] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д.26. Л. 38

[3] Корепанов Н.С. Первый век Екатеринбурга. Екатеринбург., 2005. С.13

[4] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 33. Л. 20-23 об

[5] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 11, 123

[6] ГАПК. Ф. 218. Оп. 1. Д. 1. Л. 107

[7] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 11, 123

[8] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д.26. Л.44

[9] Корепанов Н.С. Указ. соч. С.19

Махмудов Альберт Рафилевич

Башкирские копи

Речь идет о любопытном, но малоизученном явлении – пермском рудном промысле, в аспекте вовлечения гайнинских башкир в сферу рудоискательства и рудодобычи. В первые годы строительства горных заводов башкиры-гайнинцы уклонялись от поиска рудных месторождений на своих землях, опасаясь колонизации, строительства городов, заводов и вообще русских поселений в их вотчинах. Позднее наиболее богатая и предприимчивая часть башкир поняла выгоду – самим добывать и доставлять руду на заводы за плату. Тем самым сущность частного рудного промысла состояла в том, что на своих вотчинных землях гайнинские башкиры отыскивали рудные месторождения, после добиваясь их отвода на свое имя, добывали руду, которую поставляли заводчикам по указной цене.

В источниках имеются сведения о том, что в начале 20-х гг. XVIII в. к тулвинским башкирам в д.Казмакты приезжал «рудокопии

комиссар» Иван Тряпицын, который велел башкиру этой деревни Кысыюту Ижбулатову приискивать руду и объявлять ему, за что обещал «государево жалование». После отъезда Тряпицына К.Ижбулатов занялся поисками руды и в скором времени приискал рудное месторождение по речке Гилгалбашу, притоке р.Тулва. Об этой находке он сообщил И.Тряпицыну, но последний в «том месте не промышлял». В декабре 1725 г. башкиры деревень Березники, Чувашей, Мостовая и Ишимово начали вести поиски и объявляли о находках нескольких источников медной руды по р.Тулве.

Последовательно набиравшая мощь рудоискательная деятельность башкир-гайнинцев в начале 30-х годов XVIII в. получает дальнейшее развитие. В 1730 г. братья Кысыют, Токтамыш и Сунтагул Ижбулатовы приискали рудное месторождение по реке Казмакты, притоке р.Тулвы. Через год об этом прииске они объявили демидовскому приказчику, который вскоре прибыл с группой рабочих и начал разрабатывать этот рудник. Демидовские люди, проработав некоторое время «неведомо для чего», покинули разработку.

Весной 1733 г. братья Токтамыш и Султангул Ижбулатовы объявили три образца руды, взятые на своих вотчинных землях по р.Тулве. Однако лишь один образец был годным для промышленной обработки. В начале июля того же года к тулвинским башкирам приезжал капитан Иван Берглин, которому Токтамыш Ижбулатов указал место выхода медной руды в 5 верстах от деревни Казмакты по небольшой речке, впадающей в р.Тулву.

9 июня 1733 г. башкир деревни Красный Яр Шавканай Батырев представил медную руду, которую приискал в полутора верстах от своей деревни по р.Тулве. В ноябре того же года он доношением объявил три места с выходом медной руды неподалеку от своей деревни, где изъявил желание добывать и поставлять руду за плату. Тулвинские башкиры из д.Березники Исянгул Чеваков, Зелбек Беклебаев, Асан Багышев, Бакей Чеваков и из д.Барды Сабак Мендубаев 24 декабря 1733 г. объявили три месторождения медной руды, приисканные ими в своей вотчине по р.Тулве. Все три прииска они отдали казне. Судя по сообщению башкирских рудоискателей, к рудным делам их подталкивала не только казна, но и средней руки пермские заводчики.

В середине XVIII в. башкиры-рудоискатели Гайнинской волости отыскали шесть медных месторождений и попросили, чтобы для плавки этих руд был построен казенный завод в их вотчине на речке Шермяйке. Но постройка казенного завода не состоялась, три рудника были приписаны к частным заводам Демидова, Осокина и Шавкунова, куда и производилась поставка руды башкирами. Между тем, башкирский старшина Туктамыш Ижбулатов с товарищами 20 ноября 1758 г. обратился к доверенному лицу обер-прокурора А.И.Глебова Осипу Стадухину с известием о том, что три из объявленных ими рудников не разрабатываются. Минуя берг-коллегию, обер-прокурор Александр Иванович Глебов 24 марта 1759 г. обратился в Сенат за разрешением на постройку медеплавильного завода на землях башкир Гайнинской волости и одного железоделательного завода на вновь открытых казенных рудниках вблизи Екатеринбурга. Обер-прокурор А.И.Глебов уверял, "что бес тамошних местах завод построен был, того и сами тамошних волостей башкирские старшины желают, и там письменное их показание при одной челобитной приложено". 2 апреля 1759 г. от Сената в берг-коллегию был дан указ на постройку медеплавильного завода в Уфимской провинции в башкирских дачах на одной из речек – Тулве, Шермяйке, Еркуле или Сыпе. Глебов обещал построить заводы "собственным коштом, не требуя из казны ни денег, ни приписки к тем заводам для работ положенного по указом числа крестьян". Берг-коллегия предписала пустить завод в действие в 4 года, дать на первое время разных заводских ремесленников.

Глебов ходатайствовал начать отмежевание от р.Шермяйки и провести межу по 50 верст во все стороны прямыми линиями. Однако канцелярия главного из заводов правления не могла исполнить эти указы и отвести земли Глебову, не имея письменного договора купли-продажи с башкирами. Тогда доверенный Глебова Стадухин в Кунгуре у крепостных дел заключил уступочную запись на отвод земель в радиусе 50 верст от завода и о поставке руды, которую представил 20 августа в канцелярию. Но оказалось, что запись на землю была дана подложно.

В октябре 1759 г. часть башкир Гайнинской волости, сотник Рянгула Ильин с товарищами, подали в Главное правление заводов челобитную с протестом против отвода их земель к Шермяитскому

заводу. В челобитной они указывали на то, что они отказывались от дачи подписи, однако ж по принуждению его, Стадухина, угрозами привесть в разорение, подписались в том только, что мы, как выше значит, в построении означенного позволенного завода указу Е.И.В. не противны". По свидетельству Рянгула с товарищами, заключение сделки было и невозможно, ибо толикого числа расстояния, то есть во все стороны от онаго завода по 50 верст, вотчины нашей нет". И действительно верстах к 12 к востоку от Шермяитского завода и верстах в 30 к северу начинался уже Кунгурский уезд; верст за 40 к востоку находился Уинский завод Шавкунова, построенный еще в 1749 г., в 30 верстах Ашапский завод Демидова, в 43 верстах Аннинский завод Чернышева. Мало того, в 50-верстный отвод должны были войти и город Оса с русскими селениями. Для того, чтобы не навлечь на себя исков, башкиры требовали исследовать это дело, а подложную запись уничтожить. Также башкиры жаловались на Стадухина, во-первых, в том, что по его приказанию пробирщик Шермяитского завода Попов совершил самовольно, от их будто бы имени купчую 23 августа 1759 г., по которой уступался за 10 рублей в вечное владение участок земли в 3 версты в длину и столько же в ширину. Стадухин построил ранее на этом месте самовольно винокуренный завод. Во-вторых, Стадухин заставлял башкир расчищать дороги от завода до Усть-Тунтора, Барды и к Кунгуру, и мостить мосты, денег же за эти работы не платил. Жалобы башкир и новый отвод земли к Шермяитскому заводу Горная канцелярия поручила разобрать Раздеришину. Назначено было отвести под завод земли четырехугольником по 25 верст во все стороны от завода, т.е. так, чтобы каждая из сторон четырехугольника была в длину в 50 верст. Этот отвод земли был закреплен указом Сената от 2 марта 1760 г., где также было указано 40-верстное расстояние между Аннинским и Шермяитским заводами разделить пополам. Башкиры снова сопротивлялись отводу, требуя, чтобы к заводу было отведено земель не более чем на 5 верст в окружности. Отвод не состоялся, так как 10 августа межевщики были согнаны с земель Тайнинской волости башкирами во главе с Мансуром Тимисевым. Только 11 сентября 1760 г. в присутствии члена Уфимской провинциальной канцелярии Зубова удалось заключить договор с башкирами на аренду земли по границам, превышающим 5-верстные нормы, но и далеко не 50-

верстным размерам. Однако в отвод Глебову, кроме земель Тайнинских башкир Уфимского уезда, вошли также часть земель Кунгурского уезда, а также многие рудники заводов Ашапского Демидова и Курашимского Осокина. Возникли споры, тянувшиеся долго. Лишь в 1784 г. берг-коллегия разрешила те рудники в Шермяитской даче, которыми заводчики Демидова и Осокина владели по особым договорам с башкирами и сроки по которым уже закончились, отдать Шермяитскому заводу.

В 1769 г. заводы Глебова купил Савва Яковлев. Во время пугачевского восстания Шермяитский завод был полностью разрушен и была утрачена подлинная запись башкир. Тогда приказчик Хохлов заключил в 1785 г. с башкирами Гайнинской волости новый письменный договор, значительно изменивший условия прежней записи. Пофунтовые деньги заменены арендной платой за землю по 20 рублей в год, а также определенно сказано, что "владеть землей до тех пор, пока оный завод будет в действии".

Со временем рудники башкирских рудопромышленников составили значительную часть сырьевой базы медеплавильных заводов Пермского горного округа. Особенно активную деятельность в этой сфере развернули башкиры д.Кояново. Всего с 1735 по 1807 гг. жителями этой деревни было добыто и поставлено на пермские горные заводы более 12 млн пудов медной руды. Рудопромышленник д.Кояново Исмагил Тасимов выступил инициатором основания в 1773 г. в Петербурге горного училища, преобразованного затем в Горный институт. Все это свидетельствует о значительной роли гайнинских рудознатцев и рудопромышленников в развитии медеплавильной промышленности Урала и России.

Литература:

1.Башкирские рудопромышленники Тасимовы / А.З.Асфандияров и др. Уфа, 2011

2.«Горная власть» и башкиры в XVIII веке (автор - составитель Корепанов Н.С.). Уфа, 2005

3.Документы и материалы по истории башкирского народа (1574-1798) (сост. И.М.Гвоздикова и др.). Уфа, 2012

4.Историческая записка о местности прежней Уфимской провинции, где был центр древней Башкирии. СПб., 1867

5.Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV, ч. 2. М.,1956

6.Сборник документов древней Шермяитской дачи. СПб., 1873
7.Чупин Н.К. О некоей исторической будто бы записке .// Сборник статей, касающихся Пермской губернии. Вып.1. Пермь, 1882
7.Шермяитский медеплавильный завод: из дачи в центр волости (сост. Махмудов А.Р.). Шермейка, 2009

Микитюк Владимир Петрович

Фирма Коробейниковых

На рубеже XIX–XX вв. на Урале широкой известностью пользовалась екатеринбургская фирма Коробейниковых, занимавшаяся производством разнообразной машиностроительной продукции и торговлей ею. Основателем фирмы был мастеровой Воткинского казенного завода Алексей Алексеевич Коробейников, который в 1854 г. по приказу Уральского горного правления был переведен из Воткинска на Екатеринбургскую механическую фабрику. Отмена обязательной службы на казенных горных заводах была использована А.А.Коробейниковым по максимуму. По одним данным в 1863 г., по другим данным в 1865 г., бывший мастеровой купил у одного из екатеринбуржцев небольшое кузнечное заведение, пополнив тем самым весьма внушительный по численности отряд владельцев кузниц[1].

Выходец из Вятской губернии не затерялся среди большого числа производителей почти однотипной продукции, хотя его заведение долгое время оставалось сравнительно скромным и по объему производства, и по оборудованию. В 1874 г. в нем имелся всего 1 кузнечный горн на 4 огня[2]. По-видимому, изделия кузницы Коробейникова отличались вполне хорошим качеством, что и позволило предпринимателю достичь коммерческого успеха, а заодно и продвинуться вверх по сословной лестнице. После отмены крепостного права Коробейников пополнил ряды екатеринбургских мещан, а 30 января 1881 г. он получил право именоваться екатеринбургским купцом 2-й гильдии.

Уже в начале 1880-х гг. А.А.Коробейников числился владельцем нескольких заведений. На Сибирском тракте у него действовало 4 кузницы, а непосредственно в Екатеринбурге, на Кузнецкой улице за

Коробейниковым числился механический и котельный завод, который в небольшом количестве производил гидротурбины, паровые котлы и машины, водоподъемные насосы, мельничные постава, а также всевозможные запчасти. Кроме того, завод постоянно рекламировал свои услуги в области производства котельных и кузнечных работ. К сожалению, документов, содержащих данные о времени основания механического и котельного завода и его оборудовании, пока не обнаружено.

Известно лишь, что осенью 1879 г. Алексей Алексеевич принял участие в торгах, на которых продавалось имущество монетного двора и казенной механической фабрики. 12 октября 1879 г. он направил в Уральское горное правление заявление следующего содержания: «Имею честь заявить, что на назначенное к продаже имущество монетного двора и механической фабрики, антрацит 560 пудов, в том числе мелкого с сором 110 пудов, 2 гидравлических насоса и дерево, состоящее из лож, которое я желаю купить и имею честь заявить на это цену на антрацит крупный 15 коп. за пуд, а за мелкий с сором 10 коп., за два гидравлических насоса 25 руб. и деревянные ложи за 10 руб.»[3].

Результаты торгов, длившихся по 1881 г., неизвестны. Однако даже из заявления А.А.Коробейникова видно: он претендовал на такое оборудование, которое никак не могло стать основным для механического и котельного производства. В силу этого, вопрос о времени, месте и количестве покупки оборудования, позволяющего исполнять механические и котельные работы, остается открытым.

Постепенно известность завода А.А.Коробейникова стала расти, а его продукция помимо Екатеринбурга начала пользоваться популярностью и в более отдаленных регионах. Иногда к Коробейникову обращались Пермские пушечные заводы и некоторые уральские металлургические предприятия. Нередко заказы были довольно сложными, что ставило А.А.Коробейникова в непростое положение, На его заводе не было опытных специалистов, способных спроектировать то или иное изделие, изготовить чертежи и т.д.

Впрочем, из этого положения Алексей Алексеевич нашел два выхода: один из них имел тактический характер, а другой почти стратегический. Для временного решения проблемы предприниматель стал обращаться к тем горным инженерам, которые были опытны в

проектировании и изготовлении чертежей. В частности, известен факт сотрудничества Коробейникова с инженером А.П.Кондратьевым. В 1880-х гг. Алексей Алексеевич заключил договор на сооружение паровых котлов для Богословского медеплавильного завода. Управляющий Богословского горного округа А.А.Ауэрбах вспоминал: «Котлы строились на месте в Богословске по проекту горного инженера Кондратьева екатеринбургскими механическими фабрикантами братьями Коробейниковыми из тагильского железа и выполнены очень хорошо»[4]. Ауэрбах, говоря о братьях Коробейниковых, несколько забегает вперед: в 1881–1887 гг. во главе завода стоял Алексей Алексеевич Коробейников, а не его наследники.

Привлечение А.П.Кондратьева было тактическим ходом, который давал лишь временное решение проблемы. Впрочем, этим ходом купец не ограничился: он еще в конце 1860-х гг. отрядил в Уральское горное училище сына Андрея, а затем отправил его за высшим образованием. По-видимому, он рассчитывал на то, что сын станет квалифицированным специалистом в разных областях, что облегчит производство сложной продукции. Это ожидание оправдалось не полностью.

Список клиентов Алексея Коробейникова не ограничивался металлургическими предприятиями. К нему охотно обращались золотопромышленные фирмы, которые вели добычу и на Урале, и в Сибири. Вероятно, это обстоятельство натолкнуло Алексея Коробейникова на мысль попробовать свои силы на ниве золотодобычи. 14 апреля 1877 г. он получил из Уральского горного правления свидетельство, дававшее разрешение на поиск и добычу золота на территории Оренбургского казачьего войска[5]. Однако его конкретных шагов в этой области выявить не удалось.

В целом, предприятие А.А.Коробейникова развивалось вполне успешно, что благоприятно отразилось не только на сословном статусе предпринимателя, но и его материальном положении. Известно, что уже в конце 1870-х гг. Алексей Алексеевич был владельцем собственного дома. Своим наследникам он оставил уже три домовладения, сосредоточенные на Кузнецкой (Кузнечной) улице. В усадьбу под №155 входили деревянный одноэтажный дом, флигель, службы и баня; домовладение №169 состояло из деревянного одноэтажного дома, 4 флигелей, бани и служб. Самой

крупной была усадьба под №163–165. В нее входили каменный трехэтажный дом, флигель, службы и баня. Именно на территории этой усадьбы располагалось механическое заведение[6].

По-видимому, последние годы жизни Алексея Алексеевича были омрачены тяжелой болезнью, в силу чего заводом и кузницами управляли сыновья – Андрей и Павел. Вероятно, по этой причине в разных источниках все чаще начинает упоминаться фирма братьев Коробейниковых, хотя формально владельцем дела оставался их отец.

В 1887 г. в Екатеринбурге состоялась Сибирско-Уральская научно-промышленная выставка. Экспозиция Коробейниковых привлекла внимание специалистов, один из которых оставил краткое описание фабрики: «Действие паровое – одна восьмисильная машина. Потребность в металлах для переработки такова: 5000 пуд чугуна и столько же железа. Из горючих же материалов употребляются: дрова в количестве до 100 куб. саж., древесный уголь до 100 казенных коробов и каменный уголь до 4000 пуд. При круглом годовом действии бывает занято от 30 до 80 рабочих. Окончательные фабрикаты суть: паровые котлы (до 100 шт.), паровые машины (от 15 в 6-8 сил), водоподъемные насосы (до 20 шт.), турбины (в небольшом числе) и прочие, также принадлежности к ним. Все эти изделия сбываются в города: Екатеринбург, Пермь и Оренбургскую и другие губернии, и Ташкент»[7]. Экспонаты Коробейниковых, выставленные в 1887 г., были удостоены горным департаментом малой серебряной медали «за различные механические изделия, пожарные трубы и вообще полезную деятельность в течение 10 лет»[8].

24 июля 1888 г. скончался Алексей Алексеевич Коробейников. 26 июля его тело после отпевания в Екатерининском соборе было предано земле на кладбище Ново-Тихвинского женского монастыря[9]. Некоторое время спустя после похорон наследники Алексея Алексеевича учредили товарищество «Братья Коробейниковы» и продолжили начинания отца. Для успокоения потенциальных клиентов в печати было помещено объявление, гласившее: «Братья Коробейниковы имеют честь довести до сведения, что после смерти отца их все дела механической фабрики продолжаются на прежних основаниях, без всяких изменений»[10].

Наследников у А.А.Коробейникова было немало. В частности, имелось не менее 6 сыновей – Андрей (1854–?), Василий, Иван,

Михаил (?–1895), Николай и Павел (1859–?). Были наследницы и по женской линии, в том числе вдова Мария Васильевна. Список членов товарищества не был постоянным, но ведущую роль в нем играли Андрей и Павел Коробейниковы. Уже упоминалось, что Андрей Коробейников учился в горном училище. За этот период сохранился один любопытный документ – прошение А.А.Коробейникова, адресованное директору училища Н.К.Чупину: «По домашним обстоятельствам я желал бы ныне сына моего Алексея Коробейникова, находящегося пансионером в Уральском горном училище, взять на жительство к себе домой. И потому покорнейше прошу Ваше Высокоблагородие уволить его из числа пансионеров и переписать в вольноприходящие ученики. По безграмотству и по повелению родителя Алексея Коробейникова сын его родной Андрей Коробейников руку приложил. 3 июля 1869 г.»[11].

Окончив горное училище, Андрей Коробейников пробовал получить высшее образование. По одним данным, он поступал в Петербургский технологический институт, по другим – в Московское императорское высшее техническое училище. Однако, что-то в вузе не заладилось, и купеческому отпрыску пришлось возвращаться домой без вожделенного диплома. Павел Коробейников также учился, но ему пришлось ограничиться получением начального образования в Екатеринбургском уездном училище.

Андрей и Павел, опираясь на помощь младших братьев, успешно руководили заводом и кузницами, используя при этом и отцовский опыт, и старые связи. В частности, они иногда сотрудничали с инженером А.П.Кондратьевым. В самом конце 1880-х гг. Коробейниковы получили заказ от владельцев Зигазинского металлургического завода на изготовление двойной паровой воздуходувной машины. «Она была проектирована мною, – писал А.П.Кондратьев, – по заказу известной механической фабрики братьев Коробейниковых в Екатеринбурге, принявшей на себя исполнение машины»[12]. Коробейниковы с помощью проекта и чертежей Кондратьева вполне успешно справились с заказом.

Несмотря на качественное и своевременное исполнение заказов, завод Коробейниковых оставался небольшим предприятием с относительно скромным оборудованием. В 1890 г. на заводе имелась 1 паровая машина в 6 л.с., 4 кузнечных горна, 1 вентилятор, 3

сверлильных станка, 2 пресса и 12 разных механических станков. На предприятии в этот момент трудилось 35 рабочих. Годовое производство в 1890 г. оценивалось в 24 тыс. руб.[13]

Расширению предприятия препятствовал ряд обстоятельств. Во-первых, братья не располагали таким капиталом, который позволил бы серьезно нарастить заводские производственные мощности. Во-вторых, спрос на машиностроительную продукцию в Урало-Сибирском регионе был подвержен сильным колебаниям, что делало сооружение крупного машиностроительного завода делом крайне рискованным. В-третьих, братьям с трудом удавалось приобрести нужное количество топлива, а также чугуна и железа. В-четвертых, в регионе имелось немало конкурентов. Например, только в Екатеринбурге действовали механически фабрики Ф.Е.Ятеса и братьев Береновых.

Все эти обстоятельства вынуждали Коробейниковых довольствоваться синицей в руках и постоянно искать выходы из сложных ситуаций, которые возникали с завидной регулярностью. В частности, ограниченность заводского оборудования нередко вела к тому, что братья не успевали или не могли изготовить все нужные детали. В этих случаях Коробейниковы обращались на соседние металлургические заводы, имеющие необходимое оборудование. Чаще всего братья сотрудничали с Верх-Исетским заводом. Так, 22 мая 1896 г. они отправили в контору этого завода следующее послание: «Прилагая при сем 2 чертежа, имеем честь покорнейше просить контору заводов отковать нам по означенным чертежам из мартеновского или же кричного, но лучшего металла, 2 штыка и 2 штока, наивозможно поскорее, в особенности нужны штыки, которые и просим приготовить вперед»[14]. В том же году Коробейниковы еще дважды обращались на Верх-Исетский завод: сначала они просили изготовить 2 валка из кричного или мартеновского металла, а затем им потребовались 6 валов из мартеновского металла.

Заказы на завод Коробейниковых поступали крайне неравномерно. Иногда их было очень много, а порой они поступали крайне редко. В 1897–1898 гг. предприятие получило много разнообразных заказов от железных дорог, золотых приисков и металлургических заводов. Часть из них были крупными, другие сравнительно скромными. Очень небольшой заказ сделал

Кизеловский завод Абамелек-Лазаревой. На заводе действовал подъездной железнодорожный путь, для которого потребовалось изготовить 2 стрелки с необходимыми деталями. Более крупный заказ поступил от Западносибирской железной дороги: сначала железнодорожники захотели получить разные металлические части для 52 семафоров и 15 стрелок, а затем еще 12 приборов для семафоров.

Разные заказы и по объему, и по сложности поступали от владельцев золотых приисков, в том числе от золотопромышленников, имевших прииски в Верхотурском уезде. От купца В.И.Шайдурова последовал заказ на изготовление 2 водоподъемных насосов с приводом и железными трубами, причем насосы должны были откачивать воду с глубины, достигавшей 45 аршин. Золотопромышленнику С.Г.Нейман заказ был более обширен. В частности, он заказал паровую горизонтальную машину в 12 л.с. и паровой котел «корнваллийской» системы в 16 л.с., а также главный привод и центробежный насос производительностью 2000 ведер воды в час. И тот, и другой золотопромышленник получили все заказанное уже к началу марта 1898 г.

Несколько дольше Коробейниковы провозились с исполнением заказа Белорецких металлургических заводов, что объясняется значительным разнообразием заказа. Заводам потребовались мостовой подвижный кран для прокатных станов на 600 пудов груза, рудодробилка системы «Блека», большой радиально-сверлильный станок, 14 стальных винтов с медными гайками для прокатных станов, а также паровой батарейный котел, поворотный кран для доменного цеха на 300 пудов и т. д.[15]

Прием к исполнению в 1898-1899 гг. большого количества разнообразных заказов объясняется желанием Коробейниковых максимально загрузить производственные мощности своего предприятия. Впрочем, это лишь одна из предпринимательских практик Коробейниковых. В случае получения крупного заказа из одного источника братья не проявляли особого стремления к поиску новых заказчиков. Правда, подобная ситуация была достаточно редкой, чаще всего Коробейниковы не отмахивались от заказов, независимо от их размера. Например, на стыке 1899-1900 гг. братьям

удалось заполучить заказ на 7 железных вагонеток для мартеновской фабрики Лысьвенского завода графа П.П.Шувалова[16].

Несмотря на то, что завод Коробейниковых не относился к числу крупных предприятий, его деятельность имела огромное значение для многих отраслей урало-сибирской промышленности. Этот неоспоримый факт нашел отражение в возведении Андрея Коробейникова в сословие почетных граждан. В конце 1901 г. Екатеринбургская городская управа получила уведомление о том, что император «соизволил пожаловать за общеполезную деятельность по горному ведомству владельца механического завода в г.Екатеринбурге екатеринбургского купца 2-й гильдии Андрея Алексеева Коробейникова – званием личного почетного гражданина»[17].

На рубеже XIX – XX вв. предприятие Коробейниковых работало более или менее успешно. Его годовое производство в денежном выражении колебалось от 50 до 100 тыс. руб., а трудовой коллектив состоял из 50-100 рабочих. К этому времени продукция Коробейниковых сбывалась в Пермской, Томской, Уфимской губерниях, а также Семипалатинской области[18]. Братья старались освоить производство новых механизмов и машин, в том числе начали изготовление отдельных частей для драг. Так, в начале 1900-х гг. Коробейниковы изготовили несколько дражных частей для золотого прииска фирмы «Трифон Савельев и С-вья», кроме того, на их заводе были склепаны черпаки для драги, установленной на Удерейском прииске. Со временем Коробейниковы стали производить небольшие драги, которые в основном уходи в Сибирь. В 1905 г. на их заводе были изготовлены 7 драг для одной красноярской фирмы, причем 5 драг начали работать в том же году.

Несмотря на отдельные успехи, предприятие Коробейниковых в начале 1900-х гг. испытывало очень серьезные трудности, вызванные затяжной экономической депрессией, поразившей всю империю. Еще одним мощным ударом для братьев стало проникновение на урало-сибирский рынок германских фирм, продукция которых была более качественной, нежели изделия уральских машиностроителей. Некоторое время братьям удавалось удерживаться на плаву, но, в конце концов, они разорились. 25 мая 1909 г. фирма Коробейниковых была признана несостоятельной, и по ее делам было учреждено

конкурсное управление, которое в 1911–1913 гг. организовало распродажу имущества должников. В 1915 г. конкурсное управление было закрыто, но Коробейниковым не удалось вернуться к предпринимательской деятельности.

Деятельность фирмы Коробейниковых лишь фрагмент общей истории уральского предпринимательства, но фрагмент крайне интересный и заслуживающий сохранения в памяти потомков.

Примечания:

ГАСО. Ф. 36. Оп. 1.Д. 90. Л. 118.

[2]Там же.

[3]ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. Д. 305. Л. 64.

[4]Ауэрбах А.А. О развитии горнозаводского дела в Богословском горном округе за последние семь лет, то есть с 1881 по 1888 год // Горный журнал. 1888. Т. 3. Кн. 7. С. 10.

[5]ГАСО. Ф. 24. Оп. 31. Д. 4045. Л. 287.

[6]Город Екатеринбург. Сборник историко-статистических и справочных сведений по городу с адресным указателем и с присоединением некоторых сведений по Екатеринбургскому уезду. Екатеринбург, 1889.С.455.

[7]Азанчеев Ю. Горнозаводской отдел на Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке 1887 года // Горный журнал. 1888. Т.4. Кн.12. С.326.

[8]Награды экспонентам Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки 1887 года в Екатеринбурге. Екатеринбург, 1887. С.19.

[9]ГАСО. Ф. 6. Оп. 9. Д. 834. Л. 158.

[10]Екатеринбургская неделя. 1888. № 32. С. 696.

[11]ГАСО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 14. Л. 174.

[12]Горный журнал. 1891. Т. 1. Кн. 3. С. 353.

[13]Орлов П.А., Будагов С.Г. Указатель фабрик и заводов Европейской России. Материалы для фабрично-заводской статистики. СПб., 1894. С.384.

[14]ГАСО. Ф. 72. Оп. 2. Д. 476. Л. 1.

[15]Уральское горное обозрение. 1898. № 10. С. 11.

[16]Н.Ш. Мартеновская фабрика в Лысьвенском заводе // Уральское горное обозрение. 1900. № 12. С. 5.

[17]ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 137. Л. 246.

[18]Приуральский край. Справочная торгово-промышленная книга, указатель и путеводитель по Пермской, Уфимской и Оренбургской губерниям и Уральской области. Уральск, 1902. С. 20.

Муллова Анна Сергеевна

Быт крестьян Урала в XVIII-XIX вв.

Изучение культуры и быта через сопоставление различного рода исследований позволяют понять процессы, влияющие на развитие и особенности того или иного времени. Наиболее интересным для любого человека является изучение его малой родины, местной специфики, особенностей протекания каждодневной жизни человека, ритуалы, символика, стили поведения, одежда, пища, то есть история быта и ментальности. В этом исследовании раскрыты особенности конкретного периода и конкретного сословия, а именно крестьян на Урале в XVIII-XIX вв. Для этого необходимо выявить специфику быта крестьян Урала, через процессы, которые оказали влияние на его становление и развитие.

Обратившись к разным источникам, раскрывающим понятие «быт», обнаружилось следующее: во всех определениях быт – это, прежде всего общий уклад повседневной жизни, который включает как удовлетворение материальных потребностей людей в пище, одежде, жилье так и обеспечение его душевного комфорта.

Среди исследователей занимающихся изучением быта встречаются различные интерпретации понятия: некоторые считают, что быт выглядит медленно и мало изменчивым, сопротивляющимся переменам. В книгах русских бытописателей XIX в. и советских этнографов прослеживается мысль о том, что быт представляет собой определенный жизненный сценарий, за пределы которого невозможно вырваться. Имеется и иная точка зрения на быт, где особое внимание уделяется значимости событийной истории, многообразию индивидуальных реакций на череду политических событий.

Условия жизни и быта всех категорий крестьянства Урала, определялись, прежде всего, его принадлежностью к тому или иному сословию. В ходе изучения литературы выявились следующие превалирующие сословия:

- преобладающей по численности и значению категорией на Урале были государственные крестьяне;
- второй по численности категорией крестьянства Урала были помещичьи крестьяне;

- церковно-монастырские крестьяне — третий по значимости разряд крестьян Урала;
- дворцовые крестьяне, численность на Урале которых была незначительна.

Жизнь крестьян, решение ими насущных проблем были тщательно регламентированы. В повседневной практике и быту крестьянин опирался на эмпирические знания, накопленные поколениями земледельцев и закрепленные в традициях и обычаях. В то же время крестьяне продолжали творить, искать новое, заниматься приспособлением орудий труда и их усовершенствованием, селекцией культур и выведением новых пород скота. Трудолюбие и уважение к своему и чужому труду, способность воспринимать прогрессивные элементы культуры других народов были также основными чертами психологии уральского крестьянина. Именно эти черты во многом способствовали мирному сосуществованию и развитию столь различных по быту, традициям, хозяйственному укладу этнических групп и народов.

О разнообразии этнических групп в Сылвенско–Иренском бассейне, можно узнать из трудов Г.Н.Чагина. Изучив огромное количество письменных источников, он смог в некоторой мере восстановить этнокультурные особенности Урала и других районов России. Особое внимание Г.Н.Чагин уделил уникальным источникам, содержащим сведения о нерусском населении Урала. Среди нерусского населения татары по численности занимали первое место. Удмурты также являлись полноправными жителями, они жили преимущественно в смешанной этнической среде – с татарами, марийцами, чувашами, общались и с русскими. Результаты исследования помогли в изучении культуры и быта, межэтнических отношений, соотношении общего этнического и регионального компонента, а также дали возможность проследить, как действовали на состояние этничности природная среда, расселение, язык, религия, культура.

В книге Г.Н.Чагина "Мировоззрение и традиционная обрядность русских крестьян Среднего Урала в середине XIX - начале XX века", предметом изучения стали мировоззренческие представления и поведенческие нормы уральского крестьянина, связанные с семейной

и личной жизнью, общественными праздниками и обрядами, приуроченными к определенным календарным циклам.

Особое место в изучении быта крестьян занимает церковь и её влияние на развитие крестьян Урала. В.В.Пундани в своей работе "Общественный быт государственных крестьян Урала во второй половине XVIII- первой половине XIX в." (1983 г.), сделал акцент исключительно на негативные стороны взаимоотношений уральских крестьян и церкви. Традиционными центрами, по мнению автора, вокруг которых вращалась внутренняя жизнь деревни, являлись церковь и кабак. Автор делает вывод: "Выявленные нами факты дают основание считать, что официальная церковь, ее обряды и установки не пользовались авторитетом у значительной части крестьянства государственной деревни Урала».

Таким образом, в результате изучения письменных источников Г.Н.Чагина, обнаружилось, что особенности быта многонационального населения Урала имели влияние на формирование быта, традиций населения Урала, а также на то, как складывался повседневный быт крестьянина.

Одним из ярких примеров крестьянского быта являются, крестьянские жилища, состояние которых, в полной мере, отражает материальный достаток их владельцев. В своей работе я постаралась найти отличительные черты домов всевозможных сословий.

Наиболее типичным для крестьян XVIII-XIX веков можно назвать избы-птицы, прикрытые широкими скатами крыш, словно птичьими крыльями. У русских старожилов земли Прикамской, как и у коренного населения, всё традиционное и символическое вокруг дома и внутри него пребывало в особом почёте. Почти все основные предметы домашнего обихода и бесхитростные украшения — деревянные, матерчатые, глиняные, железные, медные, костяные, кожаные — выдолблены, вырезаны, отлиты, откованы, разрисованы, расшиты изображениями птиц и зверей, деревьев и трав. Поэтому и сам дом, до краёв наполненный разнообразным изображением жизни, казался живым. При этом русская домостроительная техника XIX веке распространялась в среде манси, ханты, марийцев, удмуртов, татар и башкир. Известный фольклорист Н.Е. Ончуков, побывавший у манси, живших на Вишере, так отзывался об их жилище: «Изба обыкновенная, с иконами, столом в переднем углу, с лавками по

стенам и всей прочей, совершенно русской крестьянской обстановкой».

В городах, заводских поселках и крупных селах появлялось больше домов-пятистенков, началось строительство шестистенков. Богатые большесемейные хозяева заводили двухэтажные дома.

К середине XIX в. белые избы практически вытеснили курные, черные, которые сохранялись преимущественно в глухих местах, в основном на северо-западе.

Изменения в интерьере жилища были не слишком заметными. Новым было следующее: печь иногда ставили не в углу, а на середине избы, устьем к входу; отсутствие полатей; стены оштукатуривались или обивались обоями, украшались картинами и зеркалами. Даже в крестьянских домах появились стулья, табуреты, шкафы и кровати. Многие сельские и городские жители специализировались на изготовлении мебели.

Одежда представителей народов Урала сохраняла этническое своеобразие в большей степени, чем жилище. Продолжался процесс сближения с русским костюмом мужчин Коми, ханты, манси, удмуртов, одежда же башкир и татар менее других была подвержена изменениям.

Русское население тоже оставалось верным традициям. У женщин-крестьянок преобладал комплект с сарафаном. К середине XIX новые веяния проникают и в крестьянскую среду, женские головные уборы в селе стали вытесняться моршнями и наколками.

У женского заводского населения появились и новые формы одежды: парочка (юбка с кофтой) и платье, из верхней одежды — пальто, из головных уборов — наколка, шаль, косынка, из обуви — башмаки.

В питании жителей Урала особых изменений не наблюдалось. Правда, у охотников, рыболовов и оленеводов северных районов гораздо большее место стал занимать хлеб. Получили распространение картофельные блюда.

Рацион заводчан мало отличался от крестьянского. Из популярных у нижнетагильцев блюд упоминаются пельмени, а из напитков — чай, вошедший в обиход в конце XVIII в.

Праздники играли важную роль в сближении народов, поскольку в них могли участвовать люди разных национальностей. Запретов на

участие в них по этническому признаку (как и по сословному, территориальному и др.) на Урале не существовало. Праздничный эмоциональный настрой способствовал установлению взаимопонимания, дружеских взаимоотношений и, в конечном счете, культурному взаимообогащению.

Таким образом, в ходе изучения различных источников характеризующих быт крестьян Урала в XVIII-XIX вв. сделаны следующим выводам:

1.на характер быта огромное влияние имела принадлежность крестьян к определённому сословию;

2. особенности быта многонационального населения Урала имели влияние на формирование быта, традиций населения Урала, а также на то, как складывался повседневный быт крестьянина;

3.такие характерные примеры крестьянского быта, как жилище претерпело незначительное изменение в деревенских подворьях, и лишь в городе появились изменения во внутреннем убранстве жилищ.

Обе точки зрения исследователей на быт населения имеют место быть, так как выяснилось, что действительно быт может выглядеть мало изменчивым, сопротивляющимся переменам, но в то же время зависеть от событийности истории и многообразия индивидуальных реакций человека на череду политических событий.

Список источников:

1. Чагин Г.Н. Этническая ситуация в Сылвенско-иренском бассейне в XVII–XVIII веках (к проблеме формирования этнической карты Урала) // Вестник Пермского университета. Серия «История». Выпуск 2(22), 2013. – С. 5-11.

2. Чагин Г.Н. Мировоззрение и традиционная обрядность русских крестьян Среднего Урала в середине XIX - начале XX века. Пермь: Пермский госуниверситет, 1998 — 147 с.

3. Шатковская Т.В. Закон и обычай в правовом быту крестьян второй половины XIX века // Вопросы истории. 2000. №11−12.

Набиуллина Венера Рифкатовна

Госпитали Невьянска в годы Великой Отечественной войны

Тыл… С этим словом у нас непременно ассоциируется образ людей, которые вдали от фронта и передовых делали все возможное, а порой и невозможное, чтобы приблизить победу. Тыл не только отдавал – он принимал. Сюда, в тыловые госпитали, доставляли раненых. В Невьянске их было два.

Первый госпиталь был открыт 24 июля 1941 года на базе Смоленского военного госпиталя №2545. Его разместили в зданиях школ №1,2,3 и техникума. Переоборудовали здания в считанные дни. 20 сентября 1943 года госпиталь направлен в действующую армию в районе Смоленска, а в Невьянске 1 октября 1943 года был сформирован эвакогоспиталь №5924, который действовал до июля 1944 года. В мае 1985 года, к 40-летию Победы в Великой Отечественной войне, на зданиях школ №1,2,3 и техникума появились мемориальные доски.

1.Мемориальная доска на здании школы №1, в котором в годы Великой Отечественной войны размещались госпитали (г.Невьянск, ул.К.Маркса, 6)

4 мая 1985 года состоялось торжественное открытие мемориальной доски на здании школы №1. В этой школе в годы Великой Отечественной войны размещались два госпиталя: первый с августа 1941 под №2545 и второй с сентября 1943 под №5924. Этому событию предшествовала большая поисковая работа, проведенная учениками школы, среди которых особо можно выделить пионеров 5 класса со своим руководителем Ириной Дмитриевной Исаченко. Поиск шел в трех направлениях: ребята искали тех, кто трудился в госпитале во время войны, кто находился на лечении, кто помогал раненым. Один учебный год поисковой работы – и найдены десятки фамилий, десятки судеб. В открытии приняли участие представители горкома партии, горисполкома, горкома комсомола, механического завода, бывшие работники госпиталя, фронтовики, лечившиеся здесь в годы войны, преподаватели, школьники. Почетное право открыть митинг, было предоставлено первому секретарю горкома партии Геннадию Петровичу Пономареву. Он поздравил собравшихся с успешной работой поисковых групп. Отметил, что мемориальные доски будут установлены и на других учебных заведениях города, где находились отделения эвакогоспиталя. Педагогическому коллективу пожелал продолжать работу поисковой группы, чтобы в будущем

создать музей истории госпиталя. Затем на митинге выступили ветеран здравоохранения Е.М.Лаврова, бывший пациент госпиталя И.М.Башкиров, командир поисковой группы пионер Андрей Карзанов. По окончанию митинга, на могилу умерших от ран в госпиталях воинов была направлена делегация, чтобы возложить к подножию памятника венки.

2.Мемориальная доска на здании школы №2, в котором в годы Великой Отечественной войны размещались госпитали (г.Невьянск, ул.Самойлова, 2)

В мае 1985 года состоялось торжественное открытие мемориальной доски на здании школы №2. Надпись на памятной доске: «В этом здании с августа 1941 года до июля 1944 года находились эвакогоспитали №№2545 и 5924». Здание школы №2 строилось в течение 2-х лет, с 1937 по 1939 гг. Работу свою школа начала в 1939 году. Именовалась она неполной школой №12. В годы Великой Отечественной войны в школе размещался госпиталь. Учителям и учащимся приходилось заниматься в разных зданиях, приспособленных под школу. Уроки шли в три смены. С 1942 года учащиеся школы активно включились в тимуровское движение.

3.Мемориальная доска на здании школы №3, в котором в годы Великой Отечественной войны размещались госпитали (г. Невьянск, ул. Красноармейская, 13)

В мае 1985 года состоялось торжественное открытие мемориальной доски на здании школы №3. На мемориальной доске высечено: «В этом здании с августа 1941 года по июль 1944 года размещались военные госпитали №№2545 и 5924». На открытии была одна из медсестер, которая работала в этом госпитале. А дети учились в три смены в маленьких холодных помещениях. Ходили в госпиталь с выступлениями, дежурили там, писали письма под диктовку раненых… Обо всем этом вспомнили на открытии мемориальной доски, на здании школы №3.

4.Мемориальная доска на здании УрГЗК им. Демидовых, в котором в годы Великой Отечественной войны размещались госпитали (г.Невьянск, ул.Луначарского, 26)

В мае 1985 года состоялось торжественное открытие мемориальной доски на здании техникума. На мемориальной доске

высечено: «В этом здании с августа 1941 года до июля 1944 года находились эвакогоспитали №№2545 и 5924».

В годы Великой Отечественной войны города, находящиеся в глубоком тылу, не только производили все необходимое для фронта, они превратились в госпитали, где врачи и медсестры, буквально возвращали к жизни раненых бойцов. Урал не оставался в стороне. Будучи опорным краем Державы, он стал в годы войны здравницей, принимая эшелоны раненых. Согласно справке Свердловского облисполкома ВКП(б) «на сентябрь 1941 года в Свердловске и Свердловской области был организован 51 госпиталь с количеством коек 70839».

Буквально в первые дни войны в Невьянске начинает работу госпиталь. Перед его открытием в городе создается училище медицинских сестер, директором которого была Надежда Израилевна Гуревич. Первые 43 выпускницы-медсестры с честью выдержали экзаменационные испытания. Многие ушли на фронт, другие остались в тыловых госпиталях. С 1 августа 1941 года в Невьянске начинает работу госпиталь общехирургического профиля №2545 на 700 коек, располагавшийся в четырех зданиях – городских школ №№1,2,3 и техникума. Главный врач госпиталя Л.Н.Левандовский. Ежедневно под общим наркозом делали по пять-шесть операций. Согласно данным, хранящимся в музее школы №1, заведующая медицинской частью госпиталя Н.Г.Синицина, главный хирург – Б.А.Касаткин, врач – Н.В.Корешкова. Просуществовал госпиталь до 1 сентября 1943 года, 20 сентября он был преобразован в эвакогоспиталь №1845 и направлен в действующую армию.

Медсестра госпиталя №2545 Феня Башлиева-Одинцева вспоминала (из архива музея школы №1): «С 1943 года я работала в эвакогоспитале №2545. Начальником госпиталя была майор медицинской службы С.С.Сизова. Медсестры: Шура Лысенко, Шура Якушева из Смоленска, невьянские – Тося Левушина».

1 октября 1943 года в Невьянске был сформирован общехирургический эвакогоспиталь № 5924, направление – ранения верхних и нижних конечностей, ампутационный, также на 700 коек. Этот госпиталь действовал до 1 июля 1944 года, а затем выехал в город Сватово Ворошиловградской области. Начальником эвакогоспиталя № 5924 был А.А.Азарх, главный врач – Тучкинова,

заведующий медицинской частью – Шварцман, главный хирург – Игель, заведующая аптекой – Н.Ц.Бородина, зав. лабораторией – Мильтау, диетврач – Муниц, заведующая первого отделения – Елизавета Константиновна Калашникова, врачом-ординатором работала Е.М.Лаврова.

Опустели школьные классы. Они превратились в палаты, перевязочные, операционные. В формировании палат вместе со своими мамами принимали участие и ученицы: мыли пол, расставляли и заправляли кровати, устанавливали тумбочки, развешивали шторы. Людмила Сырова (Коршунова), ученица школы тех лет, рассказывала, как она и другие девочки собирали у жителей комнатные цветы для госпиталя, выбирая, конечно, самые лучшие, и не было случая, чтобы кто-нибудь отказывал им. И вот госпитали заработали.

Врач-ординатор Лаврова Елена Меркурьевна вспоминает: «Первые 25 раненых поступили 2 августа. Затем они стали прибывать регулярно, в разное время суток. Одних принимали на вокзале, и на подводах и машинах развозили по отделениям. Других доставляли в заводской тупик и отсюда распределяли по отделениям. Если партии раненых поступали ночью, то в работу включался весь персонал. Раненых мыли, одевали, кормили, распределяли по палатам, делали перевязки, оперировали. В госпитале действовала лечебница, созданная по инициативе врача Морозкиной, а также пункт переливания крови, который обслуживала сестра Дедюхина Н.А. Часто на операциях, когда необходима была кровь, медики тут же отдавали свою. Известным доктором стала Степанова-Вейхман. С ранеными проводилась лечебная гимнастика для восстановления движения рук и ног после операций. На излечении находились больные с ранениями конечностей. В первом отделении делали по 5-6 операций в сутки, а также опорные культи. Приезжавшие из Свердловска специалисты, проводили измерения для изготовления протезов рук и ног».

Подростки тех лет – К.Чайковский, М.Слюсарь, Т.Козлова, М.Волкова в одной из статей «Книги памяти» рассказывают: «На улицах появились раненые в байховых халатах, часто на костылях, в гипсе. Мы жадно слушали раненых, но рассказов о боях и подвигах не

было. Грустный ласковый взгляд…, и нас часто угощали сахаром, а иногда даже белым хлебом, которого дома не видели».

По воспоминаниям Анны Михайловны Моховой: «В нашей школе, как и в других, во время войны был госпиталь. И мы бегали туда к раненым. У каждой семьи был свой раненый, которого мы подкармливали. Много ли от двух козочек молока, но мама каждый вечер наливала нам чекушку молока, и мы несли ее раненому. Вспомнили ли они хоть раз малых, полуголодных детей, которые от всей души делились с ними последними крохами, помогали фронту?»

В архивах школы №3 хранятся воспоминания выпускницы 1940 года Зои Тетюцких. Вот, что она пишет: «В госпитале я работала с первых дней в течение шести месяцев. Работали мы с Зиной вне штата. И зарплаты, естественно, не получали. Работа начиналась с шести часов утра с пилки дров, потом вместе с работниками кухни ходили в школу №1, где был штаб и кухня, в нашем отделении была маленькая комнатка с плитой, где мы разогревали принесенное на завтрак, обед и ужин. Тяжелораненых обслуживали в палатах. Потом мыли посуду. Домой уходили в 9-10 вечера. Такая была напряженная работа. Целый день на ногах».

А вот другая ученица школы №3, встреча с которой произошла в январе 2015 года, Зоя Александровна Субботина (Бобкова) несколько по-другому вспоминает те военные годы :«Весной 1941 года я закончила пять классов. В начале лета уехала в пионерский лагерь на Каменном мысу. Здесь меня и застало известие о начале войны. Пришел папа и потихоньку рассказал, что фашисты бомбили советские города. Попросил пока никому из ребят не говорить. Но уже буквально на следующий день стали приезжать родители за ребятами, забирать домой. Тем летом, после лагеря, мы помогали совхозу «Уралзолото» на Забельном, поливали капусту. А осенью, 1 сентября пошли учиться в свою школу – тогда еще ее не заняли под госпиталь. Я это точно помню, ведь моя мама, Антонина Ивановна Бобкова, была директором, а жили мы на квартире, которая располагалась в пристрое школы. В августе 1941 года из Ленинграда прибыла эвакуированная учительница немецкого языка с сыном. Их поселили по соседству с нами. Так вот учительница эта, не помню ее имени, была очень хорошим преподавателем, уроки были интересными. Мне так понравился немецкий язык, а вела она у нас

уроки еще в здании школы №3, которое позже заняли под госпиталь. Это было летом 1942 года…». Вспоминает Зоя Александровна и то, как навещали школьники раненых бойцов в госпитале: «Наши девочки – сестры Галя и Нина Байбородины, Тамара Воронова очень хорошо пели под аккомпанемент гитары, сами и играли на гитаре. Так вот, они частенько ходили в госпиталь. Пели солдатам. Принимали участие и другие ребята, тоже пели, танцевали. Те раненые, кто мог ходить, собирались в холле на импровизированный концерт, а чтобы тем, кто не мог ходить, были лежачими, было слышно – открывали в палаты двери. Выступали перед бойцами и с различными сценками». В архивах Невьянского историко-архитектурного музея хранится фотография, на которой запечатлен один из таких концертов. Учащиеся школы №3 выступают перед ранеными в госпитале (1942 год) со сказкой «Репка». Кроме того, по воспоминаниям З.Субботиной (Бобковой), школьники помогали госпитализированным читать письма от родных, писать весточки домой, читали вслух книги.

О том, что в годы Великой Отечественной войны в Невьянске были организованы госпитали №2545 и 5924, знали учащиеся всех школ города. Именно они восстанавливали историю этих госпиталей, вели поиск тех, кто работал в них, кто лечился…

Вот, что вспоминает Лидия Анфимовна Рогожина: «Нас было три подруги: я, Лина Бархатова, Аня Колапова. Мы часто приходили после работы в госпиталь, размещенный в здании техникума. Читали раненым книги, газеты, приносили игры. Любимым местом отдыха больных был городской сквер, куда из всех отделений стекались раненые, и там всегда было многолюдно. Запомнили Соколянского с Украины, Федю Солдатова из Куйбышева, Петра Фроловича».

Часто этот госпиталь навещали учащиеся начальных классов школы №12 со своей учительницей Маргаритой Ивановной Мальковой. Раненые любили малышей, уводили к себе в палаты и долго не отпускали. Часто ребятишки устраивали концерты, пели и плясали. При школе №12 был создан хор, которым руководила Мария Павловна Баранова (она же была и аккомпаниатором). В госпитале ребята лихо и задорно отплясывали «Эстонскую польку», украинский «Гопак», «Лявониху». Любимыми песнями ребят были «Священная война» и «Катюша».

В 1942 году был направлен в госпиталь, что разместился в школе №1, политруком Виктор Григорьевич Юсов: он был ранен в ногу. После выздоровления воевал и погиб 30 января 1945 года под Кенигсбергом.

Елена Меркурьевна Лаврова не была на фронте, не слышала грохота снарядов и свиста пуль. Но она видела кровь и страдания тех, кто еще недавно был там, на передовой. С сентября 1943 года до мая 1944 года Елена Меркурьевна работала врачом-ординатором в госпитале, что размещался в здании школы №1. В 1943 году Елена Лаврова окончила Свердловский медицинский институт. Почти все однокурсники сразу ушли на фронт, а ее отправили в тыловой госпиталь. На руках было двое детей и… похоронка на мужа, Бориса, тоже врача, выпускника этого же института, погибшего в самом начале войны под Севастополем. «Работать приходилось с утра до вечера. В госпитале лежали в основном тяжелораненые с ампутацией верхних и нижних конечностей. Все классные комнаты школы оказались заполнены до отказа, в каждой стояло по 30-40 коек, расположенных так тесно, что меду ними было трудно пройти. Квалифицированных врачей тогда не хватало, в госпитале работало лишь несколько хирургов, эвакуированных из Львова. Начальником госпиталя была Елизавета Константиновна Калашникова. Медсестрами были: Елизавета Романовна Смирнова, Люба Белоусова, Лидия Шапошникова, Ася Охохонина. В день обычно делали по 70-75 перевязок и до двух десятков переливаний крови. И все-таки основным методом лечения оставались операции, к которым готовились особенно тщательно. Нагрузка на врача была 75-80 раненых. Раненые поступали в тяжелейшем состоянии, с обширными ранами. Тщательно изучалась вся первичная поэтапная документация. В госпитале широко применялись новейшие препараты того времени: сульфидин, красный и белый стрептоцид, физиотерапия. Самое главное – было необходимо вселить надежду на выздоровление, помочь раненым найти место в жизни, вернуть к общественно-полезному труду, т.к. большинство раненых нашего госпиталя получали инвалидность. Запомнился случай с раненым, который очень тяжело переживал свое ранение, психическая подавленность тормозила лечение. Но, выяснив, что он любил музыку, хорошо играет на баяне, через шефов приобретается инструмент. Играя

задушевные мелодии, он воспрянул духом сам и поднимал настроение своих товарищей».

Самоотверженно трудились медсестры. Среди них: Смирнова Е.Р., Иванова З.Н., Поспелова Л.Г., Штильман В., Одинцева Ф., Белоусова Л., Новикова Л., Ширяева З.К., Охохонина А., Мичкова Р., Богатырева А., Трифонова М.К., Спицына Н.Г., Малькова М.И., Константинова К.П., Широкова М., Фролова М.Н., Мявря Л., Родина В., Новак М.

Из воспоминаний медсестры госпиталя Спицыной Нины Григорьевны: «Я работала палатной медицинской сестрой в палатах №5, 6, 7 на втором этаже. В трех палатах было около 100-110 раненых. В мою обязанность входило выполнять все назначения врача. Делала уколы, перевязки, давала лекарства, кормила в палатах тех, кто не мог двигаться. Носили на носилках раненых на перевязки, на операции, мыли их. Помощником моим была няня, которую звали тетя Маша. Читали книги, писали письма домой, даже закручивали папироски (помню, у меня никак не получалось, тогда больные смеялись)».

Большую помощь в работе госпиталя оказывали девушки-сандружинницы. Для пополнения госпиталя средним медицинским персоналом в Невьянске были организованы курсы медицинских сестер, которыми руководила Гуревич Н.И. Занятия вели Хоробрых О.А., Тюленев М.Н., Коренькова Н.В., Полякова Т.А., Слобожанин И.С. Среди выпускниц курсов: Окалина З.И., ЛысенковаЕ.Д., Шубина К.Д., Непеина А.В., Константинова К.П., Напреенкова Н.И., Акатьева Е. и др. Ухаживали за ранеными и следили за чистотой в госпитале санитарки. Это Филяевских Т., Скороходова А., Карфидова Н., Зуева А., Жилик Н.Г. и др.

С организацией госпиталя медики были переведены на казарменное положение. Казармы находились в здании по улице Комсомольской. Медсестры и сандружинницы учились. Много времени уделялось военной подготовке. На занятия ходили с песней «Священная война». С помощью девушек и домохозяек, которыми руководила жена директора завода Бунина, были подготовлены помещения под госпиталь. Классные комнаты превратились в больничные палаты. Мыли полы, окна, белили стены, расставляли мебель, готовили операционную, подсобные помещения.

Окончили курсы сандружиниц в 1942 году Мария Георгиевна Солдатова и Анна Михайловна Морозова. Обе они работали токарями, а после работы шли в госпиталь, расположенный в школе №2, где перевязывали раненых. М.Г.Солдатова до сих пор помнит раненого матроса Колю Климко, который напевал:

«Ленинград не отдадим и славную столицу.
Через речку перейдем и станем на границу.
Не плач, не рыдай, моя дорогая.
Если в море утону, знать судьба такая».

Сегодня многое уже невозможно восстановить. Практически не сохранилось имен раненых, лечившихся в госпитале в здании школы №3 Невьянска, с каких фронтов они прибывали. Удалось разыскать в «Книге памяти» только две фамилии – Семен Владимирович Мандеблат. На фронте он был с первых дней войны, оборонял Киев, Харьков, Сталинград, Ленинград. В 1944 году, будучи раненым в третий раз, был направлен в Невьянск, в госпиталь, размещенный в здании школы №3. Василий Георгиевич Потаскуев был тяжело ранен в левую руку 16 сентября 1943 года под Оршей. Лежал в госпиталях Смоленска, Москвы, Павлова-Посада, затем был переведен в Невьянск. Лечился, а после работал шофером при госпитале: возил продукты из Нижнего Тагила вместе с экспедитором Редько. Василий Георгиевич помнит начальника госпиталя майора Азарха, главного хирурга О.Х.Игеля, начальника медчасти Л.А.Шварцмана, начальника продовольственной части Слуцкого, зав. продовольственным складом Семена Ваганова.

Интересен и тот факт, что с гастролями перед ранеными выступали не только учащиеся школ, но и почти профессиональные артисты – участники Невьянского драмтеатра, труппа которого работала на первом этаже клуба Мартьянова. Так (по материалам газеты «Звезда» от 8 августа 1996 года) в театре действовала концертная бригада, исполняющая сценки из спектаклей, фронтовые песни. С этой бригадой выступала аккордеонист Людмила Константиновна Никольская. В 1941–1944 годах Невьянский драмтеатр поставил 446 шефских спектаклей и концентров. Из них в госпиталях и воинских частях – 222, в цехах завода – 97, в посевную и уборочную кампании – 127. Одним словом, лечили не только

медикаментами, но и добрым словом, и позитивными эмоциями, и просто человеческим вниманием.

Не обходилось и без курьезов в те трагические дни. Так, в своих воспоминаниях невьянский краевед, тоже в свое время учившийся в школе №3, Василий Александрович Замоткин, пишет: «В годы войны в зданиях трех школ №1,2,3, техникума были госпитали. Чтобы облегчить состояние раненых, для них школьники и заводчане организовывали выступления, исполняли песенки, частушки, помогали, чем могли. Как-то после выступления двое дружков, усталые, решили отдохнуть на крыльце дома, да и уснули. Объезжавшие дежурные по городу думали, что они замерзли и умерли. У одного в руках была балалайка. Он ее так крепко держал, что не могли взять. Погрузили их и увезли в морг, где пареньки очнулись среди мертвецов, а дверь закрыта. Что делать? Надо как-то дать о себе знать. Один взял какую-то железяку и стал набрякивать, другой – играть на балалайке. О том, что кто-то в морге живой, сообщили в больницу. Уборщица пришла, открыла дверь – на нее и упали два мертвеца, которых к двери поставили оттаявшие смельчаки. Перепуганная женщина упала в обморок, а мальчишки выскочили – дуй не стой. Удрали! Хорошо, что в этот день была переходная смена, не было опозданий и прогула».

Многим раненым удалось спасти жизнь в Невьянских госпиталях, пусть искалеченные, но живые, они вернулись к родным, строили новую жизнь, создавали семьи, рожали и растили детей. Но были те, кто навсегда остался в Невьянске посмертно. Им не смогли помочь, их раны были слишком тяжелыми. Но память о них, оставшихся так далеко от своих родных, тоже хранится в Невьянске – на кладбище установлен памятный знак над братской могилой «Участникам Великой Отечественной войны, умершим от ран в госпиталях»…

9 мая 1975 года в 12 часов дня на городском кладбище на братской могиле открыт памятник солдатам, умершим от ран в госпитале г.Невьянска. На митинге выступил председатель Совета ветеранов войны, подполковник в отставке Юрий Петрович Башкатов, секретарь исполкома, участник Великой Отечественной войны Валентин Максимович Бобровников. Покрывало с памятника снял заместитель председателя горисполкома Дмитрий Дмитриевич

Арсеньев. На памятнике начертаны фамилии 10 похороненных в братской могиле бойцов.

На открытие памятника из городов Омска и Моздока приехали дети (дочь Серафима и сын Артем) сержанта Архипа Еремеевича Цатурова, проживавшего до войны в Северо-Осетинской автономной республике, умершего от ран в госпитале г.Невьянска 18 мая 1944 года и похороненного в братской могиле. Их приезд состоялся благодаря поисковой работе научного сотрудника музея Риммы Ивановны Плишкиной. Семья получила известие, что А.Е.Цатуров пропал без вести. Жена его умерла в 1943 году. Пятерых детей судьба раскидала по разным местам. Трое попали в детский дом. К сожалению, больше никого из родственников похороненных воинов найти не удалось.

Источники:

1.Архивы музея школы №1.
2.Воспоминания жителей Невьянска Воложанина В.С., Субботина З.А. и Скороходова Н.В.
3.Газета «Звезда»: 18 ноября 1975 г., №135; 15 мая 1980 г., №58; 7 мая 1985 г., №55; 23 августа 1988 г., №101; 6 мая 2011 г., №18; 9 апреля 2015 г., № 15.
4.Газета «Возрождение Урала» №46, 2014.
5.Материалы научно-практической конференции «Пятые Невьянские исторические чтения». Невьянск. НГИАМ, 2011.
6.Памятные места Невьянского городского округа. Невьянск, 2010.
7.Память. Том 2. Невьянцы на фронтах Великой Отечественной. Невьянск. ГКОУ СО «Невьянская типография», 2000.
8.Память. Том 3. Пусть помнит мир спасенный. Невьянск. ГОУП «Невьянская типография», 2001.

Новиченков Николай Николаевич

«Польский след» в истории Верхотурья

Часть I. Речь Посполитая и Верхотурье в XVII веке [1]

Город Верхотурье был основан в 1598 году по указу царя Федора Иоанновича, последнего царя из династии Рюриковичей, и на протяжении XVII века выполнял транзитно-транспортные и административно-военные функции, являясь перевалочной базой в ходе русской колонизации Сибири. Город был центром судостроения, центром горного освоения края, конфессиональным и пенитенциарным центром. Здесь находилась таможня на Главной (и единственно разрешенной) государевой дороге в Сибирь.

Далекий сибирский город в своей 420-летней истории отразил многие стороны русско-польских взаимоотношений XVII-XX веков. На протяжении всего XVII века Россия вела войны с Польшей за территории, некогда входившие в состав Киевской Руси. Большинство воевод, управлявших городом и уездом в это время, принимали активное участие в событиях так называемого «смутного времени» и последующих русско-польских войн. Так один из основателей Верхотурья, воевода Иван Воейков (царский стольник, чашник и опричник, участник Ливонской войны) в мае 1606 года участвовал в боярском заговоре под руководством князей Шуйских против Лжедмитрия I. Воейков умертвил самозванца, выстрелив в него из пищали. Верхотурские воеводы Барятинский Н.П., Пожарский –Лопата Д.П., Милославский Д.Н. освобождали от поляков Москву, сражались с гетманом Хоткевичем и отрядами пана Лисовского…

Причем, некоторые воеводы считали своими предками выходцев из Польши и Литвы. Так воевода Хрущов Ф.Г. имел польские корни. Родоначальник Хрущовых выехал из Польши в Россию в 1493 году и принял православие.

Были воеводы, которые попадали в Верхотурье не по своей воле и под конвоем.

Так, в 1619 году в Верхотурье сослан провинившийся перед новым русским царем воевода Иванис Ададуров. Его обвинили в сдаче города Дорогобужа польскому королевичу Владиславу.

С самого основания города он стал местом ссылки. Уже с мая 1598 года из Москвы приходят грамоты о ссыльных. Так в феврале 1599 года от имени царя Бориса Годунова сообщалось: «По нашему указу посланы с Москвы на Верхотурье опальные люди Литва и черкасы и немцы…»

В грамоте от 16 сентября 1604 года указывалось о доставке в Верхотурье «беглого литвина Ятцка Высятцкого».

После поражения восстания Ивана Болотникова в грамоте царя Василия Шуйского было написано о присылке в Верхотурье «Тульских сидельцев литвы, и немец, и угрян (венгров) семнадцать человек»…

Через Верхотурье в Сибирь направлялось большое количество «опальных» и «вязней» (пленных) и город стал крупным центром пересылки. Тобольский воевода князь Черкасский, которому формально подчинялся верхотурский воевода, получил из Москвы наказ: «для присланных вновь всех ссыльных людей на Верхотурье в пристойном месте сделать тюрьму крепкую». Так, в августе 1619 года из Москвы сообщалось о ссылке в Томск в службу «литвина» Мартынко Боржевицкого, которого должны были какое-то время содержать в Верхотурье, а затем сопроводить до места под конвоем.

Европейские наемники на польской службе, польско-литовские военные, взятые в плен, представляли большую ценность как специалисты в разных отраслях, не только в военном деле. Согласно царскому Указу 1664 года предписывалось обратить в православие и поверстать в службу сосланных в Сибирь польских и литовских людей. Часть «литовских» людей являлись выходцами с русских земель, вошедших в состав Польши, и были православными. Так, после получения указа, верхотурский воевода Колтовский пытался распространить его действие на проживавшего с 1659 года Верхотурье шляхтича Степана Станкеева. Получая жалованье от государства, Станкеев отказался служить. Воевода сократил жалование, используя это как способ давления на шляхтича. Станкеев пишет жалобы, объясняя, что он православный, а служить не может из-за увечья – «рука правая на бою в двух местах испробита».

Часть военнопленных, выбирая «из двух зол», шли на службу. Шляхтич Кунцеев Иван, польско-литовский «вязень» (пленный), был выслан в 1668 году на Верхотурье на службу в чине сына боярского. В 1687 году он мерил дорогу от Верхотурья до Пелыма.

Были случаи, когда бывшие военнопленные сами просились на русскую службу и желали остаться навсегда в России. Так, шляхтич Труш (Трушкевич) Ян (Иван) Андреев, польско-литовский «вязень» в 1666-1667 годах при очередном размене пленными с Польшей в

Разрядном приказе изъявил желание остаться в России. С 1668 года он нес службу в Верхотурье в чине сына боярского. Адам Каменский-Длужик, пленный, высланный для службы в сибирских гарнизонах, писал: «Прибыли мы в Верхотурье; город этот людный, живности и товаров под достатком имеет. Деревни большие, урожаи хорошие. Родится здесь все, кроме гречки, которой здесь не знают. Река Тура идет под Верхотурьем камениста и быстра…» Особенно поразила пана Адама работа верхотурских таможенников: «…мыто большое берут для царя. Купцов и воевод трясут, которые из Сибири едут».

Были случаи, когда бывшие враги России роднились с потомками тех, кто оказывал ожесточенное сопротивление русским столетием ранее. Так, сосланный в числе других «литовских людей» в Сибирь «иноземец» Андрей Бернацкий с 1649 года служил на Верхотурье. Свою дочь он выдал замуж за Семёна Андреевича Пелымского, праправнука воеводы Сибирского хана Кучума, князя Аблегирима. С 1654 года князь Пелымский был поверстан в дети боярские по Верхотурью.

Отражались на Верхотурском уезде и такие крупные внешнеполитические события, как окончание очередной русско-польской войны (1654–1667 годов) и размен пленными, учитывая, что таковых здесь всегда было много. Пленных «иноземцев» старались поверстать в службу и ссыльные часто занимали видные посты в воеводской администрации.

23 мая 1673 года из Москвы на Верхотурье была отправлена грамота: «От Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белыя России Самодержца, в Сибирь, на Верхотурье, столнику нашему и воеводе Федору Григорьевичу Хрущову да подьячему Савве Тютчеву. В прошлом во 175 году, по нашему великого Государя указу и по посолскому договору, велено на Верхотурье и верхотурского уезду в слободах и в деревнях, где сыщутся все вязни (военнопленные), от зачатия нынешния войны пойманные, духовные яко и мирские, шляхта и войсковые люди, старшие и молодчие, и челядь лезная, всякого чину и полу и богомолия люди, которые по указным статьям, по договору, похотять в сторону Королевского величества, прислать с Верхотурья к нам Великому Государю, к Москве, с нарочными гонцы; а которые похотят Полского народу вязни нам Великому Государю служить в

государстве нашего Царьского Величества, и тем приносити челобитные за руками, и давати им наше Государево жалованье в приказ, смотря по людем, и нашу государеву милость им объявить, что мы Великий государь тех Полских вязней, которые похотят служить нам Великому государю, пожалуем в чины и нашим государевым денежным и хлебным жалованьем, полными оклады, по их породе и службам; да о том о всем велено к нам Великому Государю отписать».

Кроме тех бывших военнопленных, кто решил вернуться на родину, были и те, кто «бежали с дороги, и померли и на реках потонули», не добравшись до места ссылки. «И ныне мы Великий Государь указали: которые иноземцы, по нашим Великого Государя грамотам, взяты с Верхотурья к Москве и которых не стало, и тех иноземцев оклады их, деньги и хлеб и соль, из окладу выложить и в их место ни кого не верстать». Подьячему Савве Тютчеву предписывалось составить роспись выбывших иноземцев и отослать в Сибирский Приказ окольничему Родиону Матвеевичу Стрешневу, «а другую такову же роспись, ты Савва за своею же рукою, впредь для спору, оставили на Верхотурье в Приказной избе».

В XVII веке в Верхотурье было две слободы, населенные выходцами из Польши и Литвы, так называемые «панские» слободы.

По «литовским спискам» вглубь России высылали также население с отвоеванных у Польши земель. Так, фамилия Литовские одна из старейших и достаточно распространенных в Верхотурском районе. Близ поселка Восточный до сих пор существует деревня Литовская.

Часть II. Ссыльные поляки в Верхотурье в XVIII-XIX веках

Бурный XVIII век с тремя разделами Польши, восстанием под руководством Тадеуша Костюшко – всё это пополнило ряды польских ссыльных в Верхотурье и в Сибири.

Упоминание о Верхотурье оставил побывавший в Сибири Людвик Сеницкий. Ссыльный участник Барской конфедерации[2] Константу Любич Хоецки называл Верхотурье «окном в Европу».

Но наибольшие следы оставил XIX век. Польские восстания 1830-1831, 1863-1864 годов наводнили Сибирь и Урал ссыльными поляками.

Наиболее обширные мемуары о пребывании в Верхотурье поляков относятся именно к XIX веку. Только польский предприниматель, ссыльный Леон-Станислав-Юлиан Крупецкий оставил множество писем с описанием Верхотурья. Родившись 15 апреля 1822 года в небогатой семье, к 60-м годам XIX века Крупецкий стал владельцем крупного состояния и сети магазинов колониальных товаров в Варшаве. В 1861 году в доме, который ему принадлежал, было совершено покушение на наместника Царства Польского[3].

Покушение не удалось, однако Леон Крупецкий, как подозреваемый, был заключен в крепость. Следствие не установило его вины, но как лицо, «могущее благодаря обширным связям дурно влиять на умонастроение масс», он был выслан в Верхотурье под надзор полиции. В Верхотурье Л.Крупецкий находился с декабря 1863 по январь 1865 года. Сохранилось шестнадцать писем к родным и друзьям, которые Леон Крупецкий отправил из Верхотурья.

Преодолев путь, ведущий через Псков, Новгород, Москву, Екатеринбург, Крупецкий достигает цели - места ссылки Верхотурья и видит «убогий городок с 4 тысячами жителей» В Верхотурье он встречается с земляками — ссыльными поляками, которых к тому времени в городе было около 50 человек. Крупецкий спокойно воспринимает случившееся с ним несчастье и пытается адаптироваться на новом месте. Выписывает из Европы газеты и журналы и отмечает хорошую работу местной почты (письмо идет шесть недель). Пребывание в ссылке в первое время использует как время отдыха: много читает, занимается духовными упражнениями. Однако очень скоро жалуется знакомому книготорговцу, что больше всего ему здесь мешает «отсутствие цивилизации». По примеру других ссыльных Крупецкий нанимает отдельный дом и начинает заниматься хозяйством. В ссылке он пытается продолжить свою предпринимательскую деятельность. Попытка устроиться работать при золотых приисках из-за его положения ссыльного оборачивается неудачей.

Самое обширное описание Верхотурья Крупецкий приводит в своем письме к отцу от 23 декабря 1864 г.:

«Хочу вам поведать о Верхотурье, которое лежит между непроходимыми лесами, летом полными трясин и болот, без дорог, а зимой недоступных из-за снегов и морозов. Земли эти до сих пор не

слишком изучены. По распоряжению правительства специальные отряды вырубают в лесах просеки в различных направлениях для изучения местности. До сих пор удалось вымерить 11 миллионов десятин леса, а сколько его всего – не известно. В тех лесах при множестве растущих деревьев нет дубов, грабов, кленов, ясеней и вязов. Фруктовые деревья в этой местности не растут.

В Верхотурском уезде действует около 60 золотых приисков, еще 200 ждут разработки. Из-за этих приисков, считавшихся самыми богатыми Пермской губернии, здесь же совершается большое число криминальных преступлений, до 13% от числа, совершаемых по всей Российской империи».

О жителях Верхотурья Крупецкий отзывался критически: «В тех сторонах людиска живут со дня на день, не заметил я в них тяги к науке и работе, которая могла бы улучшить их быт. Долгая холодная зима приучила их к безделью, однако эту заразу зачастую они переносят и на лето, так что круглый год длится это сладостное бездействие. Каждый из местных жителей после обеда обычно спит, потом походит немного, выпьет чего-нибудь горячительного и снова в кровать. Перед обедом работы имеет побольше, ведь нужно думать о хлебе насущном». Подобные критические замечания относительно жизни местного населения в провинциальных городах высказывал не только Крупецкий, можно их встретить и в воспоминаниях других ссыльных поляков Р.Блонского, Э.Фелинской, З.Кердея. Привыкшие к энергичным действиям, оторванные от привычных занятий и атмосферы, ссыльные иногда слишком критически относились к окружавшим их реалиям. В Польше, где капиталистические отношения начали развиваться гораздо раньше и быстрее, чем в России, жизнь российской провинции казалась дикостью. «Каждый житель города имеет несколько десятин земли и это является единственным их содержанием. Кроме церкви здесь стоит лишь несколько каменных домов. Если продать всю эту недвижимость, едва ли бы хватило на один дом Варшаве».

Однако Крупецкий отмечал, что положение крестьян и ремесленников в Верхотурье было не хуже, чем в Польше. «Крестьянам и ремесленникам за работу платят так же, как в Варшаве. Крестьяне живут зажиточно. Другим профессиям приходится трудно, так как кроме казенных владений других нет.

Земля здесь второго и третьего класса, но пшеницы озимой не сеют, а яровой сеют немного, так как не успевает дозревать». Удивляли Крупецкого способы хранения и обработки собранного урожая, при которых половина урожая пропадала. Об иных особенностях сельского хозяйства Верхотурья писал следующее: «Конную упряжь, несмотря на морозы, всю зиму держат под открытым небом. Трудно поверить, что коровы выдерживают тридцатиградусные морозы и еще дают молоко. Однако так есть. Кони здесь маленькие, но крепкие. Овец почти не держат, а тех, которых здесь видел, в конце марта были острижены, несмотря на стоявшие морозы. Скот здесь почти не держат. Мяса почти не употребляют, а потому оно дешево стоит. Гусей и уток не выращивают вовсе, привозят из соседних уездов уже битых. Рыбу продают лишь зимой, так как привозят издалека».

Как и других поляков, Крупецкого, строгого в вопросах религии, удивлял факт, что жители Верхотурья к религиозным практикам относятся поверхностно. Увидеть местного жителя за работой в воскресенье было обыденным делом.

Несмотря на критические замечания, Крупецкий старается относиться к местным жителям непредвзято, ищет то в их жизненном опыте, что впоследствии мог бы использовать на родине. Особым уважением Крупецкого пользуется чистоплотность россиян, которую он наблюдал и в избах, а особенно личная гигиена, касающаяся устройства и содержания всеми жителями бань.

В воспоминаниях Крупецкого приводятся любопытные примеры «цивилизаторской», как иронично пишет автор, миссии поляков. Ссыльные поляки внесли немало нового в развитие местного сельского хозяйства. Ввели в оборот неизвестные до того времени сельскохозяйственные орудия (особые конструкции цепов, кос, плугов и так далее), начали изготовление твердых сыров, занялись разведением огородных культур.

После года, проведенного в Верхотурье, Леону Крупецкому позволено было вернуться в Польшу. Там он занялся восстановлением пришедшего в упадок хозяйства и реализацией новых коммерческих предприятий. Впоследствии послужил прообразом главного героя романа Болеслава Пруса «Кукла» Вокульского. Скончался в 1875 году. Несмотря на планируемые еще в ссылке предприятия по доставке в Польшу товаров из Сибири, этих проектов не реализовал.

Россия стала эпизодом в его жизни, к которому он не возвращался, и лишь 16 писем с описанием Верхотурья свидетельствует о его пребывании на уральской земле.

Судьба многих других ссыльных поляков и литовцев до сих пор мало известна. Так, в 2017 году Институт всеобщей истории РАН и Институт истории Литвы запрашивали Верхотурский музей-заповедник о судьбе католического священника Клементия Кайро[4]. В 1863 году он был выслан из Виленской губернии в Верхотурье, где и умер в конце 1864 года, согласно записи в метрической книге римско-католической церкви города Перми (Верхотурский уезд в это время входил в состав Пермской губернии).

На основании циркуляра Департамента полиции от 28 мая 1863 г. Пермская губерния стала одной из 14 административных территорий, предназначенных для ссылки поляков, "обнаруживших противоправительственные стремления". Верхотурский уезд был одним из шести уездов губернии, ставший местом ссылки.

Количество сосланных в каждую губернию определялось правительством. В циркуляре от 28 мая 1863 г. количество ссылаемых в Пермскую губернию определялось в 131 человек, которых должны были распределять по уездам. Однако, уже в декабре 1864 г. пермский губернатор в письме к министру внутренних дел сообщает, что в губернии уже размещено 254 ссыльных поляка...

Помимо ссыльных, отправляемых под надзор полиции, существовала еще одна категория ссыльных – лица, приговоренные для отправки в арестантские роты гражданского ведомства. По социальному составу это были, в основном, крестьяне и ремесленники, по составу преступления – члены повстанческих отрядов, попавшие в плен в результате поражения. Ссыльных этой категории в Пермской губернии насчитывалось 330 человек. Всего ссыльных поляков различных категорий в Пермской губернии в 60-е гг. XIX в. насчитывалось около 760 человек. Большая часть сосланных были рядовыми участниками восстания. Среди них были представители разных слоев польского общества: дворяне, мещане, чиновники, военные, врачи, священники... Ссыльные поляки значительно ограничивались властями в личных и политических свободах. Бытовые и экономические условия их жизни были менее регламентированы. Все должны были раз в неделю отмечаться в

полиции, предоставлять для проверки свою корреспонденцию, не имели права носить знаков траура по поводу польских событий, конфедератки и металлические пряжки с гербом Польши и Литвы, владеть оружием, заниматься обучением детей и т.д. Условия пребывания ссыльных были различны. Про некоторых полицией сообщалось, что живут "...очень богато, привезли с собой множество прекрасных и драгоценных вещей, таких как ковры, серебро и даже золотые чайные ложечки". Существовала категория среднеобеспеченных лиц, которые снимали квартиру, оплачивали услуги приходящих лиц (стирку и приготовление обеда), иногда устраивали скромные приемы.

Большая часть ссыльных была лишена прав состояния. Однако власти позволяли ссыльным свободно распоряжаться средствами, не подлежащими секвестру или конфискации, к тому же ссыльные могли получать посылки и деньги от родных.

Немало было и таких ссыльных, которые оставались почти без средств к существованию. Пособие для ссыльного ("кормовые деньги") было незначительным (6 копеек в день), и чтобы жить, да еще с семьей, приходилось искать основные источники дохода, особенно тем, кто не получал помощи из дома.

Ссыльные поляки с разрешения городского начальства нанимались на заводы в качестве административных работников или в купеческие дома, в имения – "по письмоводству". Обширную практику имели врачи, немалым спросом пользовались фотографы. Некоторые ссыльные завоевали уважение среди предпринимателей и местной администрации.

За всеми ссыльными был установлен надзор: срочный или в подавляющем большинстве бессрочный, гласный или секретный.

Ссыльных постоянно перераспределяли по губернии, переводя из города в город. Так, 28 сентября 1867 г. кунгурский уездный исправник получил предписание: на основании распоряжения господина министра внутренних дел всех политических преступников, находящихся под надзором полиции в Кунгуре и не имеющих разрешение вернуться в Царство Польское, немедленно выслать в Чердынь и Верхотурье. Так, в Верхотурье были направлены Бронислав Соболевский, Карл Отрошкевич... Сообщается, что Соболевский задержался из-за болезни жены.

Несмотря на амнистии и окончание срока пребывания в ссылке, не все поляки стремились уехать на родину. В восточных регионах России, в отличие от западных областей, всегда недоставало добросовестных и образованных работников. Не найдя подходящей работы в Польше, некоторые бывшие ссыльные возвращались ради успешной карьеры и заработка.

Так, пермский архитектор А.Б.Турчевич, поляк по происхождению и католик, руководил постройкой православных соборов, в том числе крупнейшего Крестовоздвиженского собора в Верхотурском Николаевском монастыре.

Большинство поляков, попадая в ссылку, прекращали революционную деятельность. Все попытки обвинить их в каких-то протестных действиях, при расследовании оказывались лишь домыслами местной полиции, опасавшейся "крамольных" настроений среди ссыльных.

После 1870 г. массовый приток поляков в Пермскую губернию прекратился. Польская ссылка в Пермской губернии участников восстания 1863-1864 гг. заканчивается в начале 1890-х гг. Циркуляры Департамента полиции и пермского губернатора и рапорты уездных исправников (в том числе и верхотурского) в 1894-1895 гг. отмечают, что лиц, "отбывающих наказания за участие в польских восстаниях 1863 г.", в губернии нет. Однако и в последующие годы в Пермской губернии находились сосланные поляки. В пермских архивах, в частности, сохранились документы о высланных в Пермь участниках политических демонстраций 1894 г. в Варшаве.

Часть III. Поляки в Верхотурье в первой половине XX в.

В августе 1914 г. 38 государств закрутили гигантскую мясорубку, в которую оказались вовлечены 1,5 миллиарда человек. Лихорадка Первой мировой войны докатилась и до Урала. В 1915 г. первые эшелоны с военнопленными стали пребывать в Верхотурский уезд. Среди них были и поляки, служившие в австро-венгерских частях.

Распределением военнопленных ведала межведомственная комиссия при штабе округа в Казани. По "Наказу о содержании военнопленных..." предписывалось "строго следить, чтобы военнопленные не появлялись вне места работы и водворения или после 8 часов вечера в штатском платье и без охраны...". Однако в

практике российского плена четко прослеживались этнополитические мотивы: условия содержания пленных славян отличались от условий содержания собственно австрийцев, немцев, венгров. Различные послабления должны были "воспитывать в желательном для России духе". Пленные поляки, чехи, словаки содержались отдельно от остальных. В самом Верхотурье находились пленные австрийцы, немцы, венгры (115 офицеров и 1270 рядовых). Военнопленных использовали на вспомогательных работах: лесоперевозке, разгрузочно-погрузочных работах, строительстве, сельском хозяйстве.

Поляков и чехов можно было встретить на севере Верхотурского уезда в населенных пунктах Богословского горного округа: в Надеждинске, Турьинских рудниках, Богословске...

Февральская революция 1917 г. в России и свержение самодержавия отразились на судьбе военнопленных. С одной стороны, они получили больше прав, с другой – резко ухудшилось питание, увеличилось количество побегов.

После октябрьских событий в Петрограде все чаще стал подниматься вопрос об эвакуации военнопленных на родину (шли переговоры с Германией и её союзниками о сепаратном мире).

С мая 1918 г. при содействии Шведского Красного Креста началась отправка военнопленных из России. Большинство уехало, а тех, кто остался, закрутил вихрь начавшейся Гражданской войны.

На фотографии Верхотурского Николаевского монастыря, сделанной предположительно во второй половине 1917 г. или начале 1918 г. Войцех Кшысчак, 1884 года рождения. Населенный пункт, где он проживал – Слопнице Шляхецке, Лимановский повят, был в то время территорией Австро-Венгрии. Мирослав был призван в 1914 г. Служил капралом в 10-й роте 20-го пехотного полка. До родины он так и не добрался, последняя весточка от него была в 1918 г. с Кубани.

Советское правительство признало независимость Польши, однако в 1920 г. политическая ситуация в Польше и на Украине привела к советско-польской войне. Пленные поляки вновь оказались в Верхотурье.

Верхотурский лагерь начал свою работу с декабря 1920 года. Согласно акту от 5 марта 1921 года, лагерь располагался в гостинице

Николаевского монастыря. Но по постановлению исполкома данное помещение предполагалось для райкоммуны, а лагерь переводился в казармы, «под лагерь военнопленных не подходящие в смысле санитарного состояния и совершенно непригодные для жилья». В декабре в Верхотурье начинают перевозить польских военнопленных небольшими группами по 40-80 человек. Первая партия была отправлена в конце ноября и включала в себя 77 человек. Следующая партия состояла из 26 военнопленных, она прибыла в Верхотурье, согласно рапорту коменданта Верхотурского лагеря, 25 декабря 1921 года. Третья партия включала 58 человек и прибыла в Верхотурье 8 декабря. 11 декабря из Екатеринбургского губернского концентрационного лагеря №1 была отправлена еще одна партия, по спискам в нее входило 87 человек, но напротив 11 фамилий есть запись «не числить», и итоговая цифра составила 76 человек. 3 января 1921 года в Верхотурье прибыла еще одна партия из 61 человек, из них – 1 умер, 2 скрылись в дороге. После этого была еще партия из Екатеринбурга в количестве 81 человека. Последняя группа из Екатеринбургского лагеря выехала 2 февраля 1921 года. Кроме этого, была партия из Нижнетагильского концентрационного лагеря №2 в составе 25 человек от 22 февраля 1921 года. Таким образом, к началу марта, когда был составлен акт Комиссией по обследованию лагеря, в нем находилось 384 военнопленных-поляка. Общее количество поляков, отправленных в течение декабря-февраля в Верхотурье, по спискам, с учетом бежавших и умершего, составило 401 человек.

Труд был главной основополагающей советской пенитенциарной системы, но из-за отсутствия обмундирования польских военнопленных было невозможно использовать на производстве. Это отмечал еще заведующий подотделом принудительных работ А.М.Зверев в докладной записке от 4 ноября 1920 года. Среди польских заключенных были разные специалисты, которых можно было привлекать на работы, кроме того, некоторые хотели поступить в ряды Красной Армии. Проблему снабжения заключенных одеждой администрация старалась решать. В докладе А.М.Зверев объясняет, что подотдел принудительных работ делал запросы в Екатеринбургский Губэвак и в Главное управление принудительных работ, но ответа не получил. Губэвак 12 октября 1920 года только «ответил, что никаких мероприятий по снабжению лагеря не

делалось, согласно телеграмме Центрэвака от 16 августа сего года о прекращении снабжения лагерей всеми видами продовольствия, и что никаких распоряжений о снабжении их, кроме указанной телеграммы, не поступало». Однако, в докладе заведующего подотделом принудительных работ от 1 августа 1921 года указано, что по сметам на вещевое довольствие было получено из Окружного вещевого склада Уральского военного округа за 1920 год: шапок, гимнастерок, шаровар, кальсон, нательных рубах по 300, полушубков 357, валенок 354, лаптей 738, матрасов 200, портянок 600, полотенец 200.

Судьбу Верхотурского концентрационного лагеря №3 для военнопленных можно описать в нескольких предложениях: «На 1 октября 1920 года в лагере №1 содержались военнопленные поляки в количестве 542 человек, часть их, то есть те, которые были обмундированы, работали на лесозаготовках при Монетном лесничестве, близ города Екатеринбурга. 11 декабря 1920 года была отправлена первая партия военнопленных в город Верхотурье, где для них был открыт специальный лагерь, а впоследствии все военнопленные были сконцентрированы в этом лагере. 15 июня 1921 года все военнопленные поляки были отправлены на родину и лагерь окончательно ликвидирован».

Таким образом, можно сказать, что Верхотурский концентрационный лагерь №3, созданный для военнопленных поляков, был временным явлением, и после заключения Рижского мира все польские подданные покинули пределы России. В судебной практике молодого Советского государства это был фактически первый опыт содержания иностранных военнопленных под стражей. Поэтому польские подданные были приравнены в своих правах к осужденным и содержались согласно общепринятым принципам пенитенциарной системы в России.

Годы политических репрессий в СССР прошли по всей многонациональной стране железным катком. Были среди них и поляки. Не имели значения ни возраст, ни место работ. Вот список сотрудников Верхотурской детской трудовой колонии – жертв политических репрессий. Например – Зеленский Михаил Михайлович, 1907 г.р., поляк. Место рождения: Украинская ССР, Одесская область, Комидьяровский райн, с. Ламзаки. Проживал в Свердловской области в г.Верхотурье. Работал в трудколонии НКВД

чернорабочим. Арестован 7 октября 1937 года, осужден 10 ноября 1937 года. Мера наказания – 10 лет ИТЛ (исправительно-трудовой лагерь).

В ходе так называемого «освободительного похода Красной армии», когда в 1939 году были присоединены Западная Украина и Западная Белоруссия, в плен попало много польских военных. От нескольких пожилых верхотурцев я слышал рассказы о детях польских офицеров, которым меняли имена в детских домах Верхотурского района. Однако, документальных подтверждений этому пока нет.

Примечания:

[1]В 1569 году в результате Люблинской унии образовано единое польско-литовское государство Речь Посполитая.

[2]В феврале 1768 года по требованию России в Варшаве был подписан договор, согласно которому так называемые «диссиденты» (белорусы и украинцы) уравнивались в правах с католиками. При этом католическая религия признавалась господствующей в Польше. Россия, со своей стороны, гарантировала Польше незыблемость её государственного строя и шляхетских привилегий. Однако, патриотически настроенные круги польского общества создали в городе Бар конфедерацию, целью которой стала отмена равноправия «диссидентов». Начались вооружённые столкновения конфедератов с русскими войсками, дислоцированными в Польше.

[3]В статье Т.П.Мосуновой говориться о покушении на наместника Берга. Однако, в 1861 году наместником был князь М.Д.Горчаков, исполняющими обязанности: Сухозанет Н.О., Ламберт К.К., Лидерс А.Н. Граф Берг Ф.Ф. наместником Царства Польского стал в июле 1863 года. В сентябре 1863 года на него действительно было совершено неудачное покушение. Поэтому, ошибка либо с датой ареста, либо с именем наместника.

[4]Среди ссыльных часто встречаются имена католических священников. Так, в документах по Пермской губернии среди ссыльных упоминаются «неблагонадёжный духовный ксендз Корнелий Важинский», «высланный… под надзор полиции ксендз Кулявский», ксендз Зелинский… В 1857 году на жительство из сибирской ссылки препровождён ксендз Пётр Сцегенный, инициатор строительства католического костёла в Перми и создания кассы взаимопомощи для ссыльных поляков.

Литература:

1.Корчагин П.А. История Верхотурья (1598-1926). Закономерности социально-экономического развития и складывания архитектурно-исторической среды города. – Екатеринбург: «РГ – Урал», 2012.
2.Мосунова Т.П. Верхотурье глазами поляка (Быт русского населения XIX века по воспоминаниям Леона Крупецкого). – «Веси» №4, 2005 г., с.27-29.
3.Новиченков Н.Н. «…На Верхотурье в пристойном месте сделать тюрьму крепкую…»/История пенитенциарных учреждений города Верхотурье (1598-2010) – Екатеринбург: ИПЦ УрФУ,2012.
4.Новиченков Н.Н. «От Царя и великого князя всеа Русии… в Сибирь, на Верхотурье, воеводам нашим…» /Верхотурские воеводы XVII/ - Екатеринбург: ИПЦ УрФУ,2013.
5.Очерки истории и культуры Верхотурья и Верхотурского края: к 400-летию Верхотурья. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1998.
6.Пащина М.В. Верхотурский концентрационный лагерь №3. Бакунинские чтения: Материалы IV Всероссийской научной конференции, в 2-х тт. – Екатеринбург. АМБ, 2004.
7.Поляки в Пермском крае: очерки истории и этнографии. - Пермь, 2009г.

Погорелов Сергей Николаевич

«Музеи под открытым небом» и другие проекты. Возможности и формы сохранения и использования объектов культурного наследия (по материалам средне-уральских историко-этно-археологических исследований)

Вопросы выявления, изучения и сохранения разнотипных объектов культурного наследия всегда являются актуальными и проблемными. Рассмотрение и решение многих задач в этой сфере особенно в последние десятилетия обострилось до крайности. Часть из них вообще заходят в тупик. Определим некоторые направления и приведем ряд конкретных примеров.

До выхода Федерального закона №245 (2013 г.) в течение 150 лет понятие археологических памятников укладывалось в рамки палеолита – позднего средневековья (до XVII в.), после – границы стали плавающие – «все, что старше 100 лет». На сегодняшний день эти рамки – по 1915 г. Такое «странное» разграничение создало большие проблемы, как для археологов, так и для «обездоленных» этнографов, не говоря уж о любых строителях. К историко- или этно-

археологическим объектам относились различные объекты культурного наследия датируемые последними веками нашей эры. Условно они подразделяются на недвижимые и движимые. Первые это сооружения разной сохранности, от фактически целых или частично разрушенных материальных объектов сохранившихся на поверхности земли или в земле, и до следов в рельефе или стратиграфии, планиграфии, в том числе антропогенные прослойки культурного слоя. К движимым объектам, относятся артефакты любых размеров доступные к перемещению.

Большинство древних стоянок, поселений, святилищ, могильников после их изучения исчезают вследствие разборки культурного слоя. Следы от хозяйственных ям, столбовых конструкций, землянок, очагов, могил и даже незначительные каменные выкладки остаются на историческом месте, но уже бывшего памятника. И если он изучен полностью то эти объекты формально исчезают, как и памятник. Коллекция артефактов и созданная документация в течение трех лет передается в госфонды. Сам археологический памятник уже не памятник и соответственно не охраняется. Котлован от раскопа закапывается, место на уровне микрорельефа фактически изменяется. Ямы и прочие небольшие объекты становятся недоступными к осмотру.

Другая ситуация с древними городищами, курганами, святилищами на возвышенностях, в том числе на скалах, и в пещерах. После их изучения сохраняются площадные рельефные остатки – валы и рвы, сами курганы с большими каменными выкладками, скальные нагромождения или каменные сооружения, пещеры. Такие объекты, потеряв культурный слой и содержимое, остаются доступными к осмотру памятниками древней истории и могут быть включены в структуру своеобразного «музея под открытым небом», войти в историко-культурный туристический маршрут.

Историко-этнографические объекты, сейчас уже включенные в сферу археологии также могут стать объектами или «музеями под открытым небом». К ним относятся, например участки на месте старых заводов с их плотинами, каналами и иным технологическим рельефом, каменоломни, карьеры, шахты и прочие выработки полезных ископаемых, углежогные курганы, дороги разного оформления, фортификации типа валов, рвов, траншей,

мемориальные могилы и другие объекты имеющих характерный искусственный или видоизмененный природный ландшафт.

Но ряд старых историко-этно-археологических объектов часто не оставляют выраженного антропогенного рельефа, кроме порой незначительного культурного слоя, например исчезнувшие остроги, деревни, производственные комплексы, скиты, погосты и так далее. В таком виде они не могут быть «музеями под открытым небом». Но особо значимые, связанные с известными историческими событиями объекты культурного наследия, возможно, отметить памятными знаками и также включать в историко-культурные туристические маршруты. Большие возможности по выявлению и обозначению исторических мест имеют территории населенных пунктов и тем более городов. Установить памятные кресты на местах некрополей и уничтоженных церквей, или иные знаки на важных в истории зданиях, местах событий и тому подобное. Кроме того в мире известны образцы создания научно-экспериментальных, музейно-промышленных и прочих объектов включенных и в сферу туризма. Например, новодельные поселки каменного века или деревянные крепости средневековья. Там работают ученые и в тоже время в эксперименте может принять участие любой человек.

В разряд особых объектов надо отнести военные объекты. Места боев времен средневековья, восстания Е. Пугачева и прочие ранние, и вплоть до событий восстания 1905-1907 гг. уже сейчас являются археологическими объектами. Территория сражений Первой Мировой войны также стала археологической. В 2018 г. в эту сферу войдет и Гражданская война в России и соответственно на Урале. В отношении к этим объектам применимы те же варианты использования, что и к выше описанным. Траншеи, ячейки, блиндажи и даже скопление воронок на местах боев могут быть оформлены как «музеи под открытым небом», поля сражений могут быть обозначены памятными знаками. Сохранилось еще не мало братских и иных могил погибших в Гражданскую войну. Эти объекты надо охранять и реставрировать. Почти все они посвящены красноармейцам, поэтому выявлять и мемориализировать братские могилы белогвардейцев и иных жертв войны еще предстоит.

Такова обобщенная картина историко-этно-археологических объектов расположенных в частности на Среднем Урале, возможностей их выявления, изучения, сохранения и использования.
О потенциале, ресурсе этих объектов в нашем регионе, и что же происходит с ними в действительности, расскажем, приведя ряд примеров.

Повторим, что работа с ОКН важна не только для ученых, важнейшая задача это популяризация историко-культурного наследия среди граждан. При этом получая знания о прошлом через «продажу услуг», сами ОКН должны формировать у человека историческое мировоззрение, вызывать уважение к достижениям предков, воспитывать патриотическое отношение к большой малой Родине.
Что же мы можем предложить нашим землякам и гостям, в том числе и зарубежным. Какие «брендовые» исторические объекты у нас есть.

1. Начнем с древности. Например, мы просим показать нам наглядно, а не отдельные вещи в музеях, как жили первобытные аборигены Урала. Ответ – нет, показать не чего. На Западе уже десятки лет назад созданы натуральные копии древних поселений разных эпох. Ученые проводят там эксперименты, практически изучают, реконструируют далекую историю. В этих же поселках могут «по-первобытному» пожить любые туристы, семьей, школьной группой, индивидуально.

Последние 30 лет наши ученые бились с чиновниками за создание археологического историко-природного парка «Верховья р. Исеть». Это большая территория, где осью проходит река через ряд озер - Шитовское, Исетское, Верх-Исетский пруд. Здесь расположены более150 археологических памятников, не считая памятников природы и истории. История сохранила для нас античные понятия Геродота о Рифейских горах и легендарном племени Исседонов. И это еще одна причина для создания такого парка. Но чиновникам этого не надо.

Также был разработан проект «Учебно-научного этно-археологического поселка с возможностью использования его для исторического туризма. Такой комплекс должен был включать ряд поселений, в том числе эпохи камня, бронзы, раннего средневековья аборигенов и русский острог. Был разработан перспективный детальный бизнес-план. Кстати в центре древнейшего поселения

должна была быть установлена целая копия скульптуры знаменитого Шигирского идола из уникальных торфяниковых памятников Среднего Урала. Она была изготовлена, но вот уже 25 лет «погребена» в одном из древнейших заболоченных озер. Ведь чиновникам и это не надо.

2. Современный турист может задать вопрос – а покажите нам, как выглядели и действовали первые Уральские заводы Петра I, Демидовых, Яковлевых XVIII века? Но таких объектов не воссоздано. Наоборот последние следы исторического индустриального наследия добиваются ежегодно. Русской уральской металлургии более 300 лет, ну и где начало?

Мы разработали проект архитектурно-промышленного научно-исторического и туристического комплекса представляющего из себя русскую крепость-острог окружающую Уктусский завод, основанный в 1702 г. по Указу Петра I. Это завод железоделательный, медеплавильный, военный, лесопильный, кожеделательный. Он же первый в российской империи золотопромываленный. При этом реконструировалась плотина XVIII в., заполнялся водой заводской пруд, по нему передвигался барк, перевозящий короба с углем и рудой. Восстанавливался шлюзовой вешняк, он же мост, соединяющий дорогой часовню и каменный храм на разных берегах. Также строился ларь и ряд цехов по производству железа, меди, золота. В разных строениях располагались музейные залы, участки экспериментального производства и многое другое, что доступно и ученым, и туристам, и учащимся. Но чиновникам это не надо, как и крутому металлическому бизнесу.

3. Близкий, по сути, вопрос вновь задают любопытные туристы. А как выглядели знаменитые Уральские «чудские» копи, первые русские рудники железа, меди? А ведь на Урале впервые в России открыли рудное, а затем россыпное золото?! А кто это открыл, как это делалось? Но опять показать фактически нечего, услуга не оказывается (Березовчане пытаются).

А ведь нам и ряду любителей истории известны места, где сохранились старинные рудники, штольни, шахты. Мало того там и артефакты еще сохранились. У нас разработан проект не только научных изысканий, но и проект разработки специального историко-туристического маршрута по таким местам, которые можно

превратить в «музеи под открытым небом». Кроме того ряд ближайших к Уктусскому заводу железных, медных и золотых рудников можно оформить как архитектруно-промышленные, научно-экспериментальные, и естественно туристические комплексы. Но чиновникам это не надо, и бизнесу тоже.

4. Упомянем и наши работы по изучению и перезахоронению останков Великого открывателя россыпного золота России Л.И. Брусницына. Нам удалось впервые на Урале восстановить по черепу облик исторической личности мирового уровня, но уже 7 лет энтузиасты, краеведы г. Березовского не могут найти средства для создания металлического бюста государственного старателя. Вообще решить вопрос об его увековечивании, назвать его именем улицу, премию, медаль, да хоть что-нибудь! Воссоздать разрушенный в революционные годы начала XX в. его надгробный памятник, взять его под охрану, сделать мемориальным! И не только ему одному. Нам удалось найти могилы наших мэров – Городских голов Екатеринбурга, высших чиновников погребенных у нас – Помощников главного Горного Начальника Уральских и Сибирских заводов, и даже знаменитого ученого-энциклопедиста Н.К. Чупина. Но чиновникам это не надо и бизнесу тоже.

5. А покажите нам наглядно знаменитую архитектуру и материальную культуру известного горного и усадебного города Екатеринбурга, например, вновь спрашивает любознательный гражданин.

Да-а, вопрос. Ведь у нас в городе за 20 лет уничтожили не только практически всю историческую средовую застройку, но и за сотню историко-архитектурных памятников. Не так давно снесли одну из усадеб знатнейших купцов Рязановых на советской улице Салтыкова-Щедрина, оно входило в десятку первых (конец XVIII в.) каменных гражданских зданий Екатеринбурга. А как выглядит их большая усадьба на ул. Куйбышева? Даже единственная того же времени, территориально сохранившаяся усадьба купцов Расторгуевых с парком и прудом на Вознесенской горке, и то не восстановлена полностью. Ротонду снесли и не восстановили, подземный винный погреб со сводчатыми залами разваливается. А ведь этот дворец достраивал знаменитый уральский архитектор М.П. Малахов. Ведь его классика многим симпатичнее раскрученного сейчас практичного

конструктивизма. В начале XIX в. он возвел комплекс каменных зданий госпиталя Верх-Исетского завода – красота, но не сейчас. Здание уже много лет гниет под «временной» дощатой крышей, ведь старый купол давно снесли, а фасад завесили тряпичной картинкой. Не лучшая ситуация с монументальной Конторой Верх-Исетского завода, и другими памятниками.

Областной музей и не только обладает экспонатами последних столетий, но насколько интереснее и практичнее было бы осуществление проекта по созданию архитектурно-исторических музейно-туристических комплексов – кварталов «Старого города», где не только бы работали тематические музеи, традиционные промыслы, но и можно было бы пожить в крестьянском дворе, мещанском доме или дворянской усадьбе купца или горного офицера.

Но это чиновникам не надо, у них с бизнесом наверно свои дворцы и усадьбы имеются, где можно пожить в соответствующей обстановке.

Не стоит забывать наши исследования на месте Командирского двора первой половины XVIII в. Командира Уральских и Сибирских Заводов Н.Г. Клеопина. Мы собрали не только уникальную коллекцию артефактов, но и нашли хозяйственное бревенчато-плаховое сооружение 1720-х гг., с двумя коваными лопатами, лежащими под её полами, именно ими строили Екатеринбург. Сделать из объекта «музей под открытым небом» не удалось по известной причине.

Не смогли спасти от чиновников и строителей и две Главные усадьбы Командиров Г.В. де Геннина и В.Н. Татищева. Первую построил Геннин, используя для фундаментов собранные дикие камни, ведь каменоломен еще не было. Вторую отстроил Клеопин к середине XVIII в. уже на гранитных блоках – каменоломни работали. Почти весь археологический культурный слой территории усадеб уничтожили в 2010 и 2012 гг.

6. Да, кстати, опять вопрос к месту. А как действовали знаменитые Уральские каменоломни? Ведь не только малахитом мы были славны, но и яшмой, родонитом, мрамором, известняком. Ведь все шло на строительство Санкт-Петербурга и Московских дворцов и многого другого. А не забыть бы и главный камень Урала – гранит! Стены и фундаменты всех зданий, полы, лестницы, сводчатые

подвалы, столбы оград, брусчатая мостовая, плитчатые тротуары, подземные каналы ливневки, надгробные склепы и памятники, мосты и так далее – все из него.
Мы разработали проект не только по созданию музейной экспозиции, но и оформлению ряда каменоломен XVIII – XX вв. как «музеи под открытым небом». С возможностью научно-экпериментальных работ, то есть как для ученых, так и туристов. Но чиновникам это не надо.

7. Вдогонку вопросы, например о знаменитом Екатеринбургском – Исетском монетных дворах? А ведь мы откопали фундаменты строений Двора XVIII в. – «обыскательной комнаты», «амбара готовой продукции», медеплавильного цеха. Даже нашли тигель для плавки меди, кружки-заготовки для медной монеты и медную бирку с клеймом для пломбирования упаковок с готовыми монетами. Кстати найденные утерянные 100 лет назад останки – могилы Помощников Горного Начальника, принадлежат одновременно известным минцмейстерам Екатеринбургского Монетного двора – Ивану Фелькнеру и Ивану Колобову.

8. А именитая Екатеринбургская Гранильная фабрика? Ситуация такая же бесперспективная. Отмечу что сейчас «решается вопрос» об уничтожении могилы известного управляющего Фабрики генерала Вейца. Он еще покоится на многострадальном Втором Немецком кладбище на ул. Блюхера. Парк с могилами уже лет десять пытаются и даже частично уничтожают. Непосредственно сейчас «одержимые лютеране» хотят построить свою церковь на могилах единоверцев, за одним прихватив участки католиков и иудеев.

9. А сколько еще могил предков разрушили и осквернили, и продолжаем это делать. Вспомним первое «Заречное» православное кладбище Екатеринбургской крепости, также два Богоявленских, погост у Екатерининского собора, Успенский некрополь, древний Уктусский и другие. А недавно первое Нагорное Всехсвятское кладбище Верх-Исетского завода опять осквернили. Помянем и 14 наших мэров – Городских голов, и других представителей знаменитых купеческих родов ведь совсем недавно их могилы были осквернены и уничтожены с большой частью Старобрядческого Рязановского некрополя, что в квартале улиц Тверитина-Луначарского-Большакова.

Есть и несколько хороших примеров. Один из них. Мы нашли потерянную в революционные годы могилу настоятеля храмов Большого и Малого Златоуста, попечителя духовных училищ, многократного кавалера ряда орденов, гласного Городской думы, протоиерея награжденного золотой митрой – Иоанна Денисовича Знаменского (+1910 г.), и добились сохранения его могилы на историческом месте – рядом со старым храмом, и недалеко от нового. А вот создать из найденного нами и чудом сохранившегося от чудовищного взрыва алтаря с престолом Большого Златоуста – «музей под открытым небом» не удалось. А ведь был бы показательный объект – гранитные фундаменты шириной 2,75 м, глубиной 10 м, чем не «античные» развалины. Да еще находки бы выложили в музейном павильоне…

10. А идея создания историко-ландшафтного музея-заповедника «Старая Коптяковская дорога, место уничтожения и сокрытие тел царской семьи императора Николая II и его приближенных» раскачивается уже 24 года. Уже район Четырехбратского рудника с Ганиной ямой полностью застроили, не закончив научные изыскания. Старую Коптяковскую дорогу, идущую от железных рудников и углежогных мест к Верх-Исетскому заводу с 1726 г. – заасфальтировали, не проведя научных изысканий. Печальный Поросенков лог и окружающий лес с прахом царской семьи чуть не застроили современных кладбищем, отстояли пока.

Скоро круглая черная дата начала Гражданской войны на Урале. 1918 – 2018 гг. Попытка не разжигать национальную и гражданско-социальную ненависть пытаясь замолчать и забыть историческое прошлое? Сомнительное это дело. Мы разработали проект комплексного научного исследования всех мест связанных с этой войной на Среднем Урале. Предложили создать историко-туристический объект и маршрут. Один из «Музеев под открытым небом» должен включать оборудованные траншеи, ячеечные окопы, ночлежки, блиндажи, воронки от артиллерийских снарядов. При этом с возможностью пожить в таких условиях, и так далее. При этом создание этого планировалось в древнейшем городе нашей области – Верхотурье, где в 1918 г. произошло позиционное сражение, длившееся почти два месяца! Но чиновникам опять ничего не надо. А нам надо?

Катастрофических примеров множество, перечислены одни из самых печальных, и они в основном Екатеринбургские. Не лучше ситуация в других «уже» не исторических городах области.

Уральские специалисты, профессионалы – историки, археологи, этнографы, всю жизнь выявляющие, изучающие и сохраняющие нашу историю, богаты знаниями и могут разработать десятки интереснейших проектов и оказать помощь в их осуществлении. Эти проекты и созданные объекты помогут не только широко и всесторонне представить нашим гражданам все разнообразие культурного наследия, но и соприкоснуться с самой историей начиная от каменного века и вплоть до XX в.; не только пополнить знания о прошлом человечества и своих предках, не только воспитать гордость за достижения и преодоленные трудности наших предшественников, не только развить патриотизм по отношению к Родине малой и большой и так далее, но и на высоком и конкурентном уровне представить себя перед другими государствами и народами мира, при этом получая немалые материальные доходы от столь популярного направления в бизнесе, как туризм с историческим лицом. Но...

Подгорнова Элла Анатольевна

Николай II через призму уральских дореволюционных газет

Через старые газеты можно проследить всю жизнь страны или отдельного края. Сохранившиеся в СОУНБ им. В.Г.Белинского дореволюционные газеты, выпускавшиеся на Урале, отражают события как в бывшей Пермской губернии, так и в России в целом.

В работе с дореволюционными газетами возникли некоторые трудности. Во-первых, не все они оказались доступными из-за ветхости. Во-вторых, многие газеты оцифрованы и выдаются только в электронном виде. Для фиксирования информации приходилось фотографировать экран монитора. В-третьих, газеты формата А2, как оказалось, неудобно просматривать.

Тема семьи Романовых представлена в газетах довольно широко. Это и указы, назначения, выговоры, телеграммы Николая II, и основные события Царского двора, и богослужения, в которых

участвовали члены императорской семьи, и встречи Государя с иностранными послами, и многое другое. Особенно ярко и объемно отражено отречение Николая II и Великого Князя Михаила Александровича от престола и последующие за этим события, а также размышления о личностях императорской семьи и их окружения. Что интересно, до 2 марта 1917 года о Николае II и членах его семьи в газетах представлены, в основном, сухие факты, а после отречения – смелые и чаще негативные рассуждения об императоре и его окружении.

Для ознакомления с темой были рассмотрены следующие газеты: «Уральский край», «Екатеринбургская газета», «Уральская жизнь», «Зауральский край», «Екатеринбургская неделя». Я попыталась кратко охарактеризовать все газеты таким образом:

«Зауральский край» - политическая.

«Уральский край» - политики мало, много местных сплетен.

«Екатеринбургская газета» - много общественной информации.

«Екатеринбургская неделя» - единственная газета формата А4, выпускавшаяся один раз в неделю (а не ежедневно) и представляющая собой общественно-литературный журнал, хотя сама себя позиционирующая как политическая. К сожалению, в Библиотеке Белинского эта газета представлена только за конец XIX века.

«Уральская жизнь» - политическая газета, очень смелая и либеральная.

Нельзя сказать, что жизнь семьи последнего Императора раскрыта в уральских газетах полностью, но, в целом, эта тема представлена довольно широко. Во всех газетах тема Николая II и его семьи рассматривалась по-разному. Например, «Уральский край» довольствовался официальными сведениями, а в газете «Уральская жизнь» о семье Романовых представлены вполне либеральные рассуждения.

Пресса начала XX века мало похожа на современную. Во-первых, нет иллюстраций (фотографий), они стали появляться только в 1916-17 гг. Точнее, неплохо иллюстрированы рекламные объявления, а публикации визуально не оформлены. В то время было важно слово, оно читалось и воспринималось. Сейчас на первый план выходит визуальное восприятие, многим текст без картинки кажется слепым, нечитаемым.

Первая иллюстрация, которую я увидела в газете «Уральская жизнь» - это фотография цесаревича Алексея, напечатанная 25 января 1917 года (№20). А дальше почти в каждом номере была хотя бы одна иллюстрация. И, конечно же, для прессы это был прорыв.

Во-вторых, вся новостная полоса представлена в виде телеграмм. Сначала из Санкт-Петербурга с сообщениями об императоре, а также его Указы, затем из разных городов необъятной России, а в конце – из-за рубежа.

Например: *«Слухи о забастовке не прекращаются. На всех железных дорогах уже приняты меры к предупреждению могущей возникнуть забастовки. В Москве на вокзалах сосредоточены войска. В Петербурге на всех станциях железных дорог петербургского узла также сосредоточена усиленная охрана»*.

Телеграммы практически во всех газетах одинаковы. По-видимому, они централизованно отправлялись из Санкт-Петербурга во все концы России.

Одна страница полностью посвящена Уралу, в частности Пермской губернии: события, происшествия, новости. Нашла в уральских газетах информацию и о наших ближайших соседях – Верх-Нейвинском, Невьянске, Нейво-Рудянке.

Пресса столетней давности, как и современная, очень много писала о негативных происшествиях: убийствах, ссорах, склоках и пр. Почти каждый населенный пункт современной Свердловской области попал на страницы газет с подобной информацией.

В дореволюционных газетах довольно большую часть занимает реклама, она напечатала на двух страницах целиком – первой и последней. Газета формата А2 просто пестрит рекламой!

Последний Российский Император на страницах уральских газет представлен довольно скучно. Я разделила все статьи на несколько видов.

1. Указы Николая II (о назначении кого-либо на пост, о снятии с поста и т.д.).

2. Хроники событий (встречи с высокопоставленными лицами России и зарубежных стран, поездки и т.д.).

3. Благодарности кому-либо.

4. Награды.

5. Выделение денежных средств и пр.

На страницах уральских газет можно увидеть довольно много телеграмм, информирующих о богослужениях, в которых приняли участие члены царской семьи:

«6 января в Феодоровском Государевом соборе в Царском селе совершено богоявленское богослужение с водосвятием. Богослужение совершил митрополит Питирим с сослужении с духовником Их Величества протоиреем Васильевым и другим духовенством. Присутствовали: Государь Император, Государыня Императрица Елизавета Федоровна с Наследником Цесаревичем и Августейшими дочерьми» (Зауральский край. – 1917. – 7 янв. (№ 6). - С. 2).

«Петроград. 18 февраля. Их Императорские Величества Государь Император и Государыня Императрица Александра Федоровна с Их Императорским Величеством Наследником Цесаревичем и Августейшими Дочерьми, отговев на первой неделе поста, 17 февраля исповедались и 18 февраля приобщались Святых Христовых Тайн» (Уральская жизнь. – 1918. – 21 фев. (№ 40). – С. 2).

«2 января. Государь Император Высочайше повелел выдать из кабинета Его Величества двадцать пять тысяч рублей в распоряжение московского генерал-губернатора для выдачи пособий семьям офицерских, классных и нижних чинов войск и полиции, пострадавших при подавлении беспорядков в Москве» (Уральская жизнь. – 1906. - № 4. – С. 2).

«Ея Императорское Высочество Великая Княжна Ольга Николаевна назначается шефом Второго Кубанского пластунского батальона, коему именоваться впредь вторым Кубанским пластунским Ея Императорского Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны батальон» (Зауральский край. – 1917. – 10 янв. (№ 7). – С. 2)

«Сегодня Государю и Государыне Александре Федоровне в Александрии представлялись 32 ампутированных нижних чина, призреваемых в Мариинском приюте увеченных и ампутированных. Государь собственноручно неимевшим нижним чинам роздал знаки отличия военного ордена» (Уральский край. – 1906. – 13 июн. – С. 1).

«Товарища министра внутренних дел, почетного мирового судью Шацкого уезда Тамбовской губернии, Двора Нашего в должности егер-мейстера, действительного статского советника, князя Волконского всемилостливейше увольняем согласно прошению, от

первой из указанных должностей с оставлением в должности егермейстера. Николай» (Уральская жизнь. – 1917. – 6 янв. (№ 5). – С. 2).

Конечно, интереснее всего было изучить вопрос, каким образом в уральских газетах были отражены отречение Николая II от престола.

Для этого были рассмотрены газеты за 1917год, начиная с марта. К сожалению, из перечисленных газет в Библиотеке Белинского сохранены были не все.

Новость о вступлении на престол Государя Императора Михаила Александровича была выдана как объявление Пермского губернатора. В самой заметке говорится: *«Государь Император изволил подписать акт отречения от Престола с передачей такового Великому Князю Михаилу Александровичу. Его Величество выезжает сегодня примерно в 2 часа на несколько дней в ставку через Двинск»*. (Зауральский край. – 1917. – 3 мар. (№ 8. – С. 1).

Буквально на следующий день в этой же газете печатают известную телеграмму Председателя Государственной думы Михаила Владимировича Родзянко: *«Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано. Транспорт, продовольствие и топливо пришли в полное расстройство. Растет общее недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Частью войска стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить пользующемуся доверием составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно. Молю Бога, чтобы в этот час ответственность не пала на Венценосца»* (Зауральский край. – 1917. – 4 мар. (№ 50). – С. 2.

И тут же, в соседней колонке – сообщение о том, что власть окончательно перешла в руки Временного правительства и об аресте старого правительства.

И уже 5 марта «Зауральский край» пишет обращение: *«Граждане! Старая власть, приведшая нашу Родину на край гибели, более не существует. Все управление страной перешло в надежные и верные руки народных избранников – членов Государственной Думы»*. Далее идет восхваление нового правительства и призыв оставаться на своих местах и с удвоенной силой исполнять свое дело. *«Помните, граждане, без хлеба и снарядов нельзя спасти Родину»*.

Но можно заметить, что газета «Зауральский край» просто печатает информационные телеграммы, без эмоций, не высказывая своего мнения и не вступая в дискуссии, так сказать, осторожничает.

Газета «Уральская жизнь» не отстает и печатает развернутую статью «Политический переворот». Довольно грубо и хлестко звучат слова: *«Безответственное бюрократическое правительство отстранено от власти. Возврат к прошлому, видимо, уже невозможен… Ничтожная, в сущности, кучка авантюристов, сменявших друг друга на высших ступенях государственного управления не хотела сойти со сцены добровольно»* (Уральская жизнь. – 1917. – 4 мар. (№ 50). – С. 2).

Представлены в этом же номере и новости из разных городов о том, как восторженно восприняли Временное правительство: *«Газеты с новостью берутся нарасхват»*. И утверждается, что во всех городах полное спокойствие и безопасность.

А дальше газета «Уральская жизнь» буквально накидывается на старый режим, на Николая II, его семью. На страницах газеты начинают появляться уже не краткие информационные телеграммы, а развернутые статьи, появляется некий автор Антоновъ. Его статья «Монархия или республика» призывает отправить всех членов царской семьи за границу: *«Возврат к монархии в лице кого бы то ни было из рода Романовых. Или другого не мыслим»* (Уральская жизнь. – 1917. – 12 мар. (№56). – С. 2.

На этой же странице появляется еще одна циничная статья под названием «Перед падением династии Романовых». Названия глав говорят сами за себя: «Расправа с Дмитрием Павловичем», «Ненависть к царице», «Убийство Распутина».

В №57 от 14 марта «Уральская жизнь» пишет: *«Над Зимним дворцом вот уже третий день вместо императорского штандарта развевается красное знамя»*.

Причем, часто «Уральская жизнь» публикует романовскую тему на первой странице, по-видимому, даже вместо прибыльной рекламы. И тут приходит на ум интересный вывод, что газета, явно не упускающая прибыль, получала ее из другого источника за данные публикации.

Дальше в каждом номере появлялись одна за другой обличающие царскую семью статьи: и про влияние Александры Федоровны на

мужа, и про драгоценности Александры Федоровны, и даже обличительная публикация «Н.М.Романов о Николае II», где Великий Князь обвиняет императора в малодушии и бездействии; он отметил привычку Николая Александровича отмалчиваться («ничего не отвечать» на самые категорические заявления и «завершать аудиенцию обезоруживающей любезностью»).

Рассказывает «Уральская жизнь» и том, как царская семья пребывает в заключении с малейшими, я бы сказала, лишними подробностями, больше похожими на сплетни.

Появляются на страницах газеты и подробности о Григории Распутине, естественно, как антигерое. Только по заголовкам можно понять настрой авторов: «Николай II и его семья», «Романовы и Протопопов» «Царские холопы», «Имущество царской фамилии» и др.

Таким образом, из всех газет начала XX века, хранящихся в Библиотеке Белинского, газета «Уральская жизнь» очень быстро переключилась на новое положение в стране. И если все остальные газеты предпочитали отмалчиваться, а события 197-1918 гг. преподносить сухими фактами, «Уральская жизнь» довольно-таки быстро и смело перестраивается. В остальных газетах, кроме информации об отречении Николая II от престола, никаких обличительных статей не наблюдается.

В будущем хотелось бы изучить, как в уральских газетах был представлен расстрел Николая II и его семьи.

Попов Михаил Валерьевич
Суворов Максим Викторович

Создание и деятельность учительской организации Уральский педагогический союз (март – ноябрь 1917 г.)

Демократические преобразования, ставшие возможными в России в результате революции, обусловили создание профессиональных союзов, в том числе профессиональных организаций работников просвещения. До прихода к власти большевиков они имели общедемократический характер и пользовались поддержкой

большинства учительства. Стремление большевистского руководства расколоть общество по социальному признаку, подчинить деятельность образовательных учреждений достижению своих политических целей обусловили тот факт, что осенью 1917 г. учительские профсоюзы, созданные в апреле, заняли открытую антибольшевистскую, антисоветскую позицию. Это было характерным для деятельности учительских профсоюзов в регионах. Примером того, как развитие политических событий повлияло на настроения руководства учительских организаций и поддерживающего их большинства школьных работников является деятельность весной-осенью 1917 г. созданного в Екатеринбурге Уральского педагогического союза (УПС).

Исследование особенностей участия в политической жизни страны учительских организаций в первые месяцы революции (до прихода к власти большевиков) на примере екатеринбургского Уральского педагогического союза является целью настоящей статьи.

Начало созданию учительских профсоюзов в России связано с организацией в апреле 1905 г. Всероссийского учительского союза (ВУС)[1]. В конце 1905 г. из 200 тыс. учителей российских начальных училищ 12 тыс. являлись членами ВУС[2]. Весной 1905 г. были созданы местные региональные учительские организации на Урале, в том числе в Перми, Екатеринбурге, Вятке и других городах. Наряду с защитой профессиональных интересов школьных работников в условиях революции педагогические союзы видели роль учительства в широкой культурно-просветительной работе, организации народных чтений, участие в волостных сельских союзах, собраниях сельскохозяйственных обществ, в открытии новых и пополнении фондов действующих библиотек, через которые можно было распространять легальную литературу по политическим и социально-экономическим проблемам. Например, такая позиция отражена в постановлении съезда Союза учителей и учительниц Вятской губернии, который прошёл в августе 1905 г.[3]

Под названием Всероссийский союз учителей и деятелей народного образования профессиональная учительская организация просуществовала в стране с 1905 по 1909 гг. В годы первой русской революции (1905 – 1907 гг.) было проведено четыре съезда союза[4].

Революционные события 1917 г. всколыхнули российское общество, в том числе педагогическое сообщество, которое приняло активное участие в реформировании российского образования «... на началах свободы, демократизации и децентрализации»[5]. Для решения этих задач в апреле 1917 г. в Петрограде на Всероссийском учительском съезде, в создании которого приняли участие более 800 делегатов, был образован Всероссийский учительский союз и принят его устав[6]. Интересно, что инициативу в создании учительских организаций проявили учителя на местах, в том числе на Урале. В Екатеринбурге уже 26 марта 1917 г. в помещении Гоголевского начального училища состоялось собрание организующей группы учителей городских школ, которые избрали делегатов на учительский съезд в Москве[7]. В московском учительском съезде от педагогического сообщества Екатеринбурга участвовали учительница М.А.Прокофьева, а на Всероссийском учительском съезде в Петрограде – преподаватель гимназии – Н.Г.Годнев[8]. Эти педагоги были представителями созданного в Екатеринбурге Уральского педагогического союза, который считал себя региональным отделением ВУС.

Уже 3 апреля 1917 г. на втором общем собрании учителей Екатеринбурга, состоявшемся в здании реального училища, был заслушан доклад преподавателя мужской гимназии В.И.Бурдина о проекте устава Уральского педагогического союза и после обсуждения Устав с незначительными изменениями был принят. В Уставе были чётко сформулированы цели союза:

«1. Взаимодействие с целью улучшения духовных и моральных условий жизни и деятельности учащих (учителей – авторы), а также их правового положения;

2. Разработка вопросов школьной организации и содействие поднятию учебного дела на подобающую высоту;

3. Воспитательно-преподавательскую деятельность»[9].

В соответствии с принятым уставом, членами Уральского педагогического союза были «учащие и учившие в каких-либо учебных заведениях и лица, занимавшиеся обучением на дому, если эта деятельность являлась их профессией». Устав предусматривал принятие в состав союза в качестве филиалов однородных по целям учительских организаций вне Екатеринбурга, которые в местной

деятельности сохраняют свою самостоятельность. Уставом предусматривалась уплата членских взносов в размере трёх рублей[10].

В условиях эйфории послереволюционных месяцев под флагом демократических реформ в профессиональной учительской организации объединились люди с различными политическими взглядами. В качестве филиала к УПС присоединилась организация преподавателей екатеринбургских духовных учебных заведений. Здесь были и преподаватель екатеринбургской торговой школы, большевик Д.А.Киселёв и преподаватель естествознания и географии реального училища А.Н.Розов, впоследствии один из ярых сторонников белого движения. И всё-таки, большинство учителей Екатеринбурга и правление УПС во главе с его председателем – исполняющим обязанности инспектора екатеринбургского реального училища Е.Н.Строгиным были сторонниками политических свобод, демократизации и модернизации системы просвещения[11].

В то же время активисты УПСа были в большинстве своём революционерами, точнее допускали применение насильственных, революционных методов по отношению к своим политическим противникам. По их инициативе были отстранены от должности руководители Оренбургского учебного округа. Министру просвещения России от Учительского союза была направлена телеграмма, в которой утверждалось, что работа по созданию новой школы невозможна «при сохранении на местах прежнего порядка управления с лицами, совершенно несоответствующими предстоящим преобразованиям. Просить министра народного просвещения принять меры к полной реорганизации окружного управления»[12]. Член УПСа, работавший до революции заведующим геологической партией на Урале Павел Иванович Преображенский, вскоре был назначен товарищем (заместителем – авторы) министра народного просвещения во Всероссийском Временном правительстве, а во время Гражданской войны он длительное время занимал пост министра просвещения в правительстве А.В.Колчака.

Идея созыва Всероссийского учредительного собрания, которое решит все стоящие перед страной задачи была объединяющей в учительском сообществе. Однако после выступления В.И.Ленина с «Апрельскими тезисами» большевиками был принят лозунг перехода власти к Советам, вскоре он был поддержан и партией «левых»

социалистов-революционеров, поэтому представители этих партий летом 1917 г. вышли из Уральского педагогического союза. Руководство УПС в период с апреля по середину августа 1917 г. провело десять общих собраний членов этой организации. При этом в решениях собраний утверждалось, что главной задачей учительского союза является защита профессиональных интересов педагогов. В отчёте Совету Уральского педагогического союза в августе 1917 г. правление УПСа сообщает, что в этом направлении им была проделана следующая работа: «направлен доклад в Округ для ходатайства перед министерством о восстановлении в правах уволенных в 1906 г. без объяснения причин А.Н.Клиншиной и Е.И.Тютковой, учительниц I-й женской гимназии в Екатеринбурге. В Кыштыме, где происходили конфликты между одной учительницей и её ближайшими товарищами по работе, удалось устроить третейский разбор дела. Ещё два конфликта улаживаются»[13].

Члены Уральского педагогического союза приняли активное участие в культурно-просветительской работе и общественно-благотворительной деятельности. Например, в Кыштыме при деятельном участии активистов УПСа была устроена учебно-просветительная секция, вечерние классы для взрослых, площадка для детских игр. В Каслях была открыта школа грамоты для взрослых, организована раздача молока детям бедных воинов. На железнодорожной станции Екатеринбург I была открыта школа для взрослых и библиотека[14]. Педагоги выступали с лекциями для населения. Характерно, что наибольшей популярностью пользовались учительские лекции о введении в школьную жизнь новой орфографии и о новых подходах преподавания в школе истории[15].

К концу лета 1917 г. произошли изменения в составе и структуре учительского профсоюза – из него вышли представители профессиональных училищ, духовных заведений и преподающих на дому[16]. Оставшиеся в профсоюзе учителя общеобразовательных учебных заведений были разделены на секцию средних учебных заведений и высших начальных училищ и секцию начальных школ[17]. Руководство УПСа всегда рассматривало Уральский педагогический союз как организацию общеуральского уровня. Член правления профсоюза М.А.Прокофьева была направлена в Пермь для решения вопроса об объединении культурно-просветительной деятельности с

пермскими учителями[18]; М.Д.Чазов был командирован в Уфу на съезд работников просвещения[19]. В заседании Совета УПСа 29 августа 1917 г. участвовали представители филиалов Верх-Исетского, Кыштымского, Каслинского, Берёзовского, Верх-Нейвинского и Невьянского[20]. Однако екатеринбургский педагогический профсоюз оставался преимущественно объединением учителей городских школ. Так, в 1918 г. в Екатеринбургском уезде в различных учительских организациях состояло около 800 уездных школьных работников, а в Уральском педагогическом союзе всего уездных учителей было 60 – 70 человек[21].

Уральский педагогический союз поддержал проекты школьной реформы, которые были разработаны Государственным комитетом по народному образованию и внесены на рассмотрение Временного правительства, тем более что в подготовке проекта преобразований участвовало 15 представителей Всероссийского учительского союза, региональным отделением которого являлся УПС[21]. В качестве делегатов, на II съезде Всероссийского учительского союза в Петрограде от Уральского педагогического союза были направлены А.В.Прозоров и И.Ф.Шерлаимов[22].

Это соответствовало общей политической позиции УПСа, руководство которого, официально объявляя союз «непартийной» организацией, фактически осуществляло профессиональную работу «на платформе всемерной поддержки Временного правительства в деле осуществления широких демократических реформ...»[23]. В печатном органе УПС журнале «Учитель и школа» утверждалось, что для учительства необходимо «...осознание основной задачей момента совместной согласованной работы коалиционного Временного Правительства и Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов, как основных факторов государственного строя России до созыва Учредительного собрания»[24]. Однако от участия в работе Советов Уральский педагогический союз отказался, сосредоточив своё внимание на деятельности городского и земского самоуправления. Представители этих местных органов были введены в состав Совета УПС, по одному от Екатеринбургской городской думы и уездного земства[25].

На выборах в городскую думу Уральский педагогический союз поддержал Конституционно-демократическую партию. Однако среди

гласных в думе от партии кадетов была представлена лишь одна учительница – преподаватель Второй женской гимназии М.Л.Закожурникова. В то же время в этот орган местного самоуправления баллотировался преподаватель екатеринбургской торговой школы Д.А.Киселёв, член партии большевиков. В результате выборов в школьный комитет думы большинство голосов получили представители большевиков и их союзников – «левых» эсеров. Всё это свидетельствовало о расколе в учительской среде, о появлении среди учителей Екатеринбурга определённого числа сторонников большевиков и их союзников[26].

С этого момента Уральский педагогический союз занял ярую антибольшевистскую позицию. Д.А.Киселёв стал называть эту учительскую организацию «черносотенной»[27].

Конечно, неправомерно обвинять в «черносотенстве» сторонников демократических преобразований и созыва Учредительного собрания. В то же время негативное отношение к попыткам вмешательства Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов в деятельность общеобразовательных учреждений города вызывало негативную реакцию значительного числа членов учительского сообщества, поддерживаемого руководством УПСа. Первая попытка имела место ещё до прихода большевиков к власти, как раз накануне большевистского Октябрьского переворота. Это связано с конфликтом, произошедшим в октябре 1917 г. между ученическим коллективом и педагогическим советом Второй женской екатеринбургской гимназии.

Здесь под предлогом широкой демократизации системы образования радикальные идеи о предоставлении главной роли в управлении учащимся, вплоть до введения их представителей в состав педагогических советов с решающим голосом и численным преобладанием стали пропагандироваться преподавателем словесности Н.Г.Младовым. Такой «демократизации» председатель педагогического совета этого учебного заведения В.И.Кирцендель допустить не мог. Учитель математики Кирцендель не был активистом Уральского педагогического союза, не стремился заниматься политикой, но был твёрдым сторонником традиционных устоев и правил школьной жизни, порядка и ученической дисциплины. Н.Г.Младов был уволен с преподавательской

должности. Однако за молодого преподавателя вступилась часть ученического коллектива, в первую очередь гимназистки старших классов, которые на заседании родительского комитета гимназии совместно с педагогическим советом и представителями от учащихся 8 октября 1917 г. потребовали восстановить Н.Г.Младова в должности. На заседании некоторые из выступающих заявили о том, что позиция В.И.Кирценделя свидетельствует о приверженности старому режиму и таким преподавателям не место в свободной школе. В ответ педагогический совет Второй женской гимназии подал в отставку[28].

Конфликт начал приобретать политическую окраску. В этой ситуации в поддержку Н.Г.Младова и его сторонников среди гимназисток выступил Екатеринбургский совет рабочих и солдатских депутатов, что, по мнению многих учителей, было недопустимым вмешательством политических сил в сферу образования. 10 октября 1917 г. В.И.Кирценделя даже допросили в Следственной комиссии Екатеринбургского совета. Ученический союз решил в помещении Второй женской гимназии собрать общегородское собрание молодёжи в поддержку Н.Г.Младова. Однако попечительским советом этого учебного заведения использование здания гимназии (ныне это учебный корпус Уральского горного университета) для проведения собрания было запрещено. Тогда в конфликт вмешался Екатеринбургский комитет РСДРП(б). Л.И.Вайнер позвонил по телефону попечителю Второй женской гимназии и заявил, о том, что «если зало гимназии не будет предоставлено учащимся для их собрания, то таковое будет подвергнуто реквизиции»[29].

На состоявшемся 15 октября 1917 г. собрании учащихся Екатеринбурга и городского родительского комитета выступала ученица Второй женской гимназии – представительница Социалистического Союза Рабочей Молодёжи Римма Юровская (дочь одного из тех, кто принял участие в расстреле царской семьи в июле 1918 г.). Хотя влияние участников этого форума было существенным, в целом собрание, состоявшееся во Второй женской гимназии, приняло резолюцию общедемократического характера в поддержку Н.Г.Младова. Педагогический совет Второй женской гимназии, наоборот, был поддержан Уральским педагогическим союзом, в решении правления которого от 16 октября 1917 г. было заявлено:

«Полное игнорирование решений педагогической корпорации Второй женской гимназии и агитация среди учащихся, действия недопустимые и с профессиональной точки зрения – неэтичные»[30].

Таким образом, в борьбе за власть и влияние в обществе осенью 1917 г. большевики стремились противопоставить учащуюся молодежь учительской корпорации. Это не могло не вызвать противодействия педагогического профессионального сообщества.

После Октябрьского переворота, по мере становления советских государственных структур, в том числе руководивших просвещением, их противостояние с Уральским педагогическим союзом и учителями, находящимся под его влиянием, не считавшими законным установление власти большевиков и роспуск Учредительного собрания продолжало усиливаться, что, в конечном счёте, привело к тому, что екатеринбургская учительская корпорация и советские органы народного образования оказались во враждебных лагерях в ходе развёртывания на Урале широкомасштабной Гражданской войны.

Литература:

[1]Елисафенко М.К., Попов М.В. Кто ты, учитель, гражданин или государственный служащий? // Педагогическое образование в России. 2018. №4. С. 8
[2]Там же
[3]Там же
[4]См. Попова Н.В. К истории Всероссийского учительского союза. М., 1917; Дмитриев С. Первый Всероссийский // Народное образование. 1989. №
[5]Королёв Ф.Ф. Очерки истории советской школы и педагогики: 1917 – 1920 гг. М., 1958. С. 127
[6]Там же
[7]Уральская жизнь. 1917. 29 марта
[8]Уральская жизнь. 1917. 14 мая
[9]Зауральский край. 1917. 11 апреля
[10]Там же
[11]М.В. Попов, И.Л. Бахтина, Б.М. Игошев, И.М. Клименко. Общеобразовательные школы и учительство Екатеринбурга в годы революции и Гражданской войны (1917 – начало 1921 гг.). Екатеринбург, 2018. С. 12
[12]Зауральский край. 1917. 8 апреля
[13]Учитель и школа. Орган Уральского педагогического союза. Октябрь 1917. С. 10

[14]Там же. С.11
[15]Там же. С.13
[16]Там же. С.6
[17]Там же. С.21
[18]Там же. С.9
[19]Там же. С.10
[20]Там же. С.6
[21]Уральский рабочий. 1920. 28 сентября
[22]Учитель и школа. Орган Уральского педагогического союза. Октябрь 1917. С.6
[23]Там же. С.15
[24]Там же.
[25]Там же. С.17
[26]М.В.Попов, И.Л.Бахтина, Б.М.Игошев, И.М.Клименко. Общеобразовательные школы и учительство Екатеринбурга в годы революции и Гражданской войны (1917 – начало 1921 гг.). Екатеринбург, 2018. С. 16 – 17
[27]Киселёв Д.А. Екатеринбургская школа в 1911 – 1923 гг. // Екатеринбург за двести лет (1723 – 1923). Екатеринбург, 1923. С.237
[28]М.В. Попов, И.Л. Бахтина, Б.М. Игошев, И.М. Клименко. Общеобразовательные школы и учительство Екатеринбурга в годы революции и Гражданской войны (1917 – начало 1921 гг.). Екатеринбург, 2018. С. 20
[29]Там же. С.20 – 21
[30]Там же. С.21

Протасова Эльвира Евгеньевна

Введение всеобуча на Урале в 1930-е гг.: проблема обеспечения помещениями сельских школ

1930-е годы - сложнейшее время в истории нашей страны, связанное с «великим переломом», переходом к форсированной индустриализации и коллективизации сельского хозяйства. Большевистское руководство с первых дней рассматривало программу введения всеобщего обязательного начального образования как необходимое условие для формирования социальной

базы при проведении экономических мероприятий, с одной стороны, и стремление создать «нового человека» - с другой.

Начало активным мероприятиям в осуществлении всеобуча было положено декретом ВЦИК и СНК РСФСР «О введении в РСФСР всеобщего начального обучения и построения школьной сети» от 31 августа 1925 г. Предельным сроком для введения всеобщего начального обучения на всей территории РСФСР был определен 1933/34 уч. г., и в первую очередь в регионах, где это было возможным по состоянию местного бюджета, школьной сети, а также плотности населения. Однако, 25 июля 1930 г. ЦК ВКП (б) принял постановление «О всеобщем обязательном начальном обучении», в котором признал необходимым ввести повсеместно начальный всеобуч для детей 8—11 лет начиная с 1930/31 уч. г.

Грамотность деревенского населения Уральской области была значительно ниже городского. По итогам переписи 1926 г. грамотность среди населения Уральской области составила около 40%, а сельского только 34,4 %.[1] Только треть сельского населения Урала была грамотной. Особенно низким был процент грамотного населения в районах Северного Урала и Зауралья. Пополнение неграмотного населения шло из-за отсутствия всеобщего обязательного начального образования.

На Урале IX областная партийная конференция и VII областной съезд Советов приняли директиву за один-два года осуществить начальный всеобуч. Данные сроки для проведения столь глобальной программы были нереальными. Осуществление партийных и правительственных директив натолкнулось на ряд крупных проблем: недостаток финансирования, недостаток учителей, одна из центральных проблем - нехватка школьных зданий.

К финансированию школ стали привлекаться средства общественных организаций, колхозов, совхозов, промышленных предприятий. Для координации действий в городах и селах создавались штабы по всеобучу, при школах — комитеты содействия. Кроме того, в деревне в 1931 г. был введен новый налог — культжилсбор, часть которого шла на содержание школ.

Площадь классных и школьных помещений не соответствовала существовавшим в то время нормам. По данным на 1 декабря 1926 г. в школах Урала приходилось на одного ученика 0,008 кв. метра

классной площади при норме 1,5 кв. метра[2]. Школьная сеть была недостаточной, чтобы решить задачу введения всеобщего начального образования. Вопрос о помещения был очень острым. Всего в 1930/31 уч. году необходимо было открыть 15573 комплекта школ: 14640 комплектов школ 1 ступени и 937 комплектов для переростков. По выборочным данным, в 107 районах области вместо 8553 необходимых школьных зданий готовы на 1 сентября были только 2194.[3] Таким образом, даже учебные помещения, не говоря уже об общежитиях, не обеспечивались площадью. А ведь огромная масса детей нуждалась в общежитиях, так как создаваемые школы собирали детей из нескольких деревень и дети должны были приходить в школу за 5-10 км.

Поэтому, в начале 1930-х г. в основном расширение школьной сети происходило за счет приспособления уже имеющихся помещений под школы и освобождения школьных зданий, занятых не по назначению. В 1932 г. было освобождено по Уральской области и передано под школы 75, в 1933 г. - 40 зданий[4].

Для увеличения количества школьных помещений широко применялась практика выселения "кулаков". Постановление СНК РСФСР от 11 июля 1930 г. "Об использовании для школ и дошкольных учреждений конфискованных у кулачества домов" закрепляло эту практику законодательно. Методы проведения сплошной коллективизации, "раскулачивания", как правило сопровождались передачей домов "кулаков" школам. По выборочным данным в 124 районах Уральской области под школы к 1931 году было передано 1543 кулацких домов, в 110 районах организовано 879 общежитий[5]. Предполагаем, что если бы отсутствовал фонд "кулацких" домов, то введение всеобуча было бы невозможным, так как разместить школы в сельской местности было бы негде. Школьное строительство находилось на стадии зарождения. Средств на постройку новых зданий было недостаточно, даже отремонтировать старые здания было очень сложно. Трудно было достать обычные гвозди, известь. На совещании Уралобкома ВКП (б) по вопросу "О состоянии подготовки к всеобщему обучению" 19 августа 1930 г. рекомендовалось в административном порядке собирать по 2-3 гвоздя с каждого колхозника, не ждать гвоздей из области или даже из Москвы, а вырывать из старых заборов и

ремонтировать школу[6]. На первый взгляд заявление комичное, но оно как раз отражает положение дел со стройматериалами на местах в первые годы проведения кампании по всеобщему обучению, и административные требования из центра.

В 1927/28 уч. году на Урале, как и в других областях страны, был создан областной школьно-ссудный фонд, из которого стали выдавать ссуды для школьных новостроек. 22 февраля 1928 г. ВЦИК и СНК РСФСР предложили промышленным предприятиям включать школьные стройки в промышленно-финансовые планы. На основе этого постановления Уралмет, например, в 1928/29 уч. году запланировал строительство школ на сумму 100 тыс. руб.[7].

Требовались огромные средства на строительство новых помещений и на перестройку уже имеющихся площадей. А.Скоробогатов в статье "За всеобщее обязательное обучение", опубликованной в местном журнале "Просвещение на Урале " в 1930 г., пишет, что "по предварительным и очень грубым подсчетам на предстоящие три года пятилетки требовалось на новое школьное строительство примерно 50 млн. рублей. Местный бюджет и областная ссуда могли дать 8-10 млн. и то при условии чрезвычайного напряжения. 5-10 млн. составят ассигнования центра и уральской промышленности"[8]. Чтобы покрыть дефицит предлагалось организовать общественность, временно отказаться от типовых построек, потому что населению не под силу выдержать их стоимость, шире использовать кулацкие дома, закрываемые церкви и молитвенные дома, достройку школ осуществлять на средства населения [9].

В 1931 г по РСФСР на строительство школ было отпущено 82,6 млн. руб., а в 1933 г. - 126 млн. руб.[10] Однако, даже выделенные на постройку школ деньги не всегда использовались по назначению. Шла коллективизация и колхозам требовались трактора, удобрения. Форсированные темпы всеобуча требовали срочного изыскания средств. Типичными были случаи, как в Чусовском районе, когда деньги, выделенные для нужд школы, были потрачены на покупку скота [11].

Постановление Бюро Обкома ВКП (б) от 5 июля 1935 г. "О строительстве школ в сельской местности" обязывало привлекать к участию в строительстве школ колхозников и единоличников не

только тех колхозов и сельсоветов, в которых строятся школы, но и соседних с ними[12].

Ремонт школьных зданий тоже осуществлялся на средства колхозов и силами колхозников. Например, в Еланском районе в 1935 г. было отпущено по бюджету 8 тыс. рублей, а колхозы вкладывали 81 тыс. рублей на ремонт школ[13]. По областному и районным бюджетам ассигнования на ремонт школ составили 500 тыс. рублей в 1935 году, а в 1934 г. - 1 млн. руб.[14]

В сельских районах новое строительство велось за счет средств от самообложения и трудового участия населения. В 1935 г. было утверждено к постройке 70 школьных зданий на 8400 человек в сельской местности Свердловской области. На это строительство Совнарком СССР отпустил ссуду в размере 1 млн. 150 тыс. руб.[15]. Однако, на протяжении всех 1930-х годов для ведения строительства не хватало рабочей силы, стройматериалов, олифы, красок, отсутствовали в сельской местности квалифицированные специалисты по строительству типовых учебных зданий. Нехватка средств на строительство новых помещений приводила к тому, что здания строились с большим опозданием и большими недоделками.

За 1928-1933 годы на Урале увеличение числа классных комнат произошло за счет вновь построенных зданий на 26,9 %, возвращения школ – на 2,9 %, а также приспособления помещений под школы – на 70,7% [16].

В первой половине 1930-х годов начальные школы и общежития в сельской местности размещались, как правило, в двух-трех приспособленных зданиях (избах) с маленькими комнатами, где одновременно могли размещаться не более 10 человек, без коридоров. Перегруженность школьных помещений, недостаток общежитий, отсутствие в них элементарных санитарно-гигиенических норм (проживание в маленькой комнате недопустимого количества детей, дети спали по два человека на одном топчане, недостаточная отапливаемость помещений, отсутствие условий для выполнения домашних заданий и др.) приводило к росту инфекционных заболеваний (трахома, чесотка, тиф и др.) на протяжении 1930-х годов[17].

Надо отметить, что проблема проживания учащихся из других сел и деревень была решена лишь в ряде районов Урала: Мокроусовском,

где было 5 интернатов на 6 неполных средних школ, в Катайском – 6 интернатов на 8 неполных средних и средних школ, Миасском – 5 интернатов на 6 неполных средних школ, Куртамышском – 7 интернатов на 9 неполных средних школ. Но, в основном, сеть интернатов была недостаточной. В 1941 г. в Кушканском районе интернаты должны были иметь 13 школ, а имели только 4, в Мишкинском районе вместо 7 интернатов имелось только 2 и т.д. По Челябинской области в 1941 г. на 433 сельских неполных средних и средних школы имелось только 166 интернатов, в которых проживало 4 442 ученика[18].

По Юсьвенскому району Пермской области на 1940 г. неполные средние и средние школы не были обеспечены интернатами на 50 %, не где было разместить 472 ученика[19]. При отсутствии интернатов, общежитий детей расселяли по квартирам колхозников, где их часто использовали на домашних работах[20]. В большинстве интернатов не было столовых, кухонь, питание детей не было налажено. В 1941 г. учащиеся были плохо обеспечены даже хлебом, а колхозы, обязанные поставлять продукты интернатам, не обеспечивали их своевременно [21]. Поэтому дети уходили домой.

Можно говорить об огромных материальных трудностях при открытии сельских школ в 1930-е гг. Если в городах к началу осуществления программы существовала хоть какая-то начальная материальная база, то в деревне приходилось начинать с «нуля». Расширение сети общеобразовательных школ и интернатов для проживания происходило в большей степени за счет приспособленных зданий. Официальные сводки, областные отчеты не всегда отражали действительную картину. Официальные отчеты рапортовали о значительных успехах, а с мест приходили докладные записки об огромных трудностях, о недостатке финансирования. Поспешность в осуществлении программы всеобуча, отсутствие необходимых средств, материалов, квалифицированных строителей приводило к нарушению инженерных норм и требований.

В то же время, страх перед административными взысканиями, обвинениями во вредительстве часто приводил к припискам и фиктивности отчетов. Количество необходимых школьных зданий оставалось недостаточным, чтобы решить задачу введения всеобщего начального образования.

Примечания:

[1]Показатели состояния народного образования на Урале. Свердловск.1928. С.38.
[2]Там же. С. 9.
[3]Просвещение на Урале. 1930. № 9.С. 13.
[4]ЦДООСО. Ф.4. Оп.10. Д.181. Л.14.
[5]Просвещение на Урале. 1931. № 3-4. С. 15.
[6]ЦДООСО.Ф.4.Оп.8. Д.110. Л.61.
[7]ГААОСО. Ф. 283. Оп.1. Д.1009. Л.108.
[8]Просвещение на Урале. 1930. № 1-2. С. 49.
[9]ЦДООСО. Ф.4.Оп.8. Д.110.Л.61.
[10]ГАРФ.Ф. 2306. Оп.75. Д. 2440. Л.13.
[11]Просвещение на Урале. 1930. №9. С.13.
[12]ЦДООСО.Ф.4.Оп.13. Д.75. Л.75.
[13]ЦДООСО.Ф.4.Оп. 13.Д.433. Л.64-65.
[14]Там же. Л.65-65.
[15]Там же.
[16]Подсчитано по данным: ЦДООСО.Ф.4. Оп.11. Д.1228. Л.4.
[17]ОГАЧО. Ф.288. Оп.2. Д.203.Л.
[18]ОГАЧО. Ф.288-п.Оп.1. Д.39.Л.7.
[19]ГАНИОПДПО. Ф.105. Оп.6. Д. 230. Л.29.
[20]ЦДООСО.Ф.4.Оп.14. Д.409.Л.27.
[21]ЦДООСО. Ф.4.Оп.33. Д.211.Л.2.

Пудовкин Сергей Игоревич

Верхотурье 1918 – начало противостояния

Весной 1918 года в связи с заменой органов старой государственной власти новыми органами, изменением законодательства и внедрением декретов Советской власти начинается обострение классовой борьбы. Естественно в Верхотурье, как крупнейшем духовно-религиозном центре Урала, первым вступило в борьбу духовенство. Поэтому органы Советской власти пытаются нейтрализовать священников, призывавших к свержению

нового строя[1]. Из постановления №332 от 18 апреля 1918 года: «Я, комиссар юстиции Сушков, при Верхотурском уездном Исполнительном комитете Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов рассмотрев воззвание Священного Собора Православной церкви, распространяемого Благочинным первого округа Верхотурского уезда священником Петром Никулиным при надписях для исполнения. Нашёл: что воззвание Священного Собора в том виде, каким оно изложено и которые распространял священник Никулин, носит характер черносотенной погромной подпольной агитации с призывом вражды населения против социалистов, что в настоящее время может служить только на руку контрреволюции, а по сему постановил: священника Никулина предать суду Революционного Трибунала за распространение черносотенного воззвания, а до суда содержать его под стражей в Верхотурской тюрьме, о чём ему объявить»[2].

В этот же день, точно такое же постановление, словно под копирку, было издано и по делу другого священника Сергея Вышегородского[3]. В конце апреля был оглашён приговор за №16 от имени Российской Федеративной Республики: «30 апреля 1918 года революционный трибунал Гороблагодатского округа, рассмотрев дело гражданина «священника» *(так в тексте – авт.)* Вышегородского Сергея, обвиняемого в чтении с церковной кафедры воззвания от Екатеринбургской Духовной консистории от 27/14 марта 1918 года за №2383 и за подписью Благочинного священника Петра Никулина за №487, нашёл, что настоящее воззвание прочитанное священником Вышегородским, носит явно контрреволюционный характер, а потому этим воззванием можно поднять массы Ново-Лялинского завода против настоящей Государственной Советской власти, а в частности против Ново-Лялинского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов. Усматривая всё вышеизложенное, приговорил: согласно инструкции Революционного Трибунала отдела 2 параграфа 3, удалить священника Вышегородского из пределов Верхотурского уезда. Председатель трибунала Мальцев И., заседатели: Сечеин, Казанцев, Посягин, Козлов, Попорез, Дерябин. Секретарь: Егошин»[4].

С началом восстания чехословацкого корпуса в мае 1918 года, классовая борьба в Верхотурском уезде продолжает нарастать. Революционный трибунал рассматривает не только новые дела, но

принимает к исполнению и дела за прошлые годы. «…5 июня 1918 года комиссар юстиции при Верхотурском уездном Совдепе рассмотрев следственное производство, присланное Екатеринбургской следственной комиссией о священнике Африкане Богомолове нашёл:

1) В следственном материале есть данные, которые могут послужить поводом к обвинению священника Богомолова в принадлежности его к Охранному отделению Департамента полиции. Только весь этот материал требует тщательной проверки и добычи дополнительных данных из административного отдела ГубСовдепа, аккумулировавшего все материалы бывшего Охранного отделения.

2) Для проверки и оценки деятельности в период революции в 1917 – 1918 годах о священнике Африкане Богомолове необходим вызов целого ряда лиц: Шустова, Клековкина, Корнеева, Разсанова, Синявского, как лиц знающих Богомолова. На что требуется дополнительное время.

3) Хотя священник Богомолов в следственных комиссиях Надеждинска и Екатеринбурга упорно защищается от возводимых обвинений в пользовании жандармскими приёмами… Разве добыча фотокарточек и наводка на характеристики людей принадлежащих к революционным организациям говорит в пользу Богомолова? Кроме его заявления комиссару юстиции Сушкову, что он совершенно никаких отношений к охранке не имеет. Между тем Богомолов сознаётся, что добывал необходимые данные по делу Павлинова, где только возможно – от урядника до Дирекции Округа.

4) Кроме того в деле есть маленькая оценка Богомолову со стороны Надеждинского Совдепа и который категорически отказывается защищать Богомолова от обвинений в контрреволюции. На основании изложенного совершенно нет определённых данных к прекращению следственного производства.

Постановили: священника Африкана Богомолова предать суду Революционного Трибунала по обвинению в том, что состоя на службе духовным лицом, Богомолов пользовался жандармскими приёмами, которые создали целый ряд репрессий против высланных в административном порядке лиц. Они были сняты на фотографии вместе со священником Павлиновым, фотографию обманным путём изъял из фотолаборатории священник Богомолов. Мерой пресечения

против уклонения от следствий суда избрать выдворение священника Богомолова на жительство в Верхотурский монастырь. Всё следственное производство препроводить в уездную следственную комиссию»[5].

В дальнейшем трагический мартиролог священников павших в братоубийственной войне продолжал расти. С 21 июня 1918 года в Меркушинской волости началось крестьянское восстание, направленное против мобилизации в Красную армию. В ходе него были убиты большевики Иканин и Смирнов. Вскоре восстание было подавлено, а поскольку среди руководителей восстания был священник Михаило-Архангельской церкви Константин Богоявленский, то карательным отрядом был проведён показательный расстрел его и церковного старосты Никиты Худякова[6]. Вскоре жертвами красного террора стали ещё несколько священнослужителей.

С начала лета 1918 года работа Уездного Совета всё больше сосредотачивается на военных вопросах. 23 мая в Верхотурье создаётся организация РСДРП(б) в которой на тот момент числилось 33 человека, председателем был избран Т.Скрябин. Что касается Уездного Совета, то он одновременно выполнял и функции Верхотурскогого городского совета, фактически являясь уездно-городским. Для борьбы с противниками Советской власти исполком Совета принял решение создать военно-революционный суд: «Собранием членов партии большевиков от 3 июня 1918 года постановлено создать военно-революционный суд в составе 5 лиц из военного штаба Красной Армии, из 3-х лиц членов партии коммунистов-большевиков и 2-х членов партии левых социалистов-революционеров. Вследствие чего признано необходимым, чтобы через 48 часов военно-революционный суд функционировал. В состав суда входят: Ершов, Краузе, Бабулин, Полуэктов и Шулепов»[7]. На следующий день было распространено объявление о введении в уезде военного положения: «Настоящим доводится до сведения граждан города Верхотурье и всего уезда, что ввиду обнаруженных контрреволюционных разговоров в уезде, весь Верхотурский уезд объявляется на военном положении и вся власть по борьбе с контрреволюцией переходит к военному комиссариату, для чего Исполнительный Комитет Верхотурского Уездного Совета

организует с 4 июня 1918 года Чрезвычайную следственную комиссию и Военно-революционный суд. В состав следственной комиссии вошли товарищи: Постников, Гасилов, Бессонов. Объявляя об этом, предупреждаю, что лица, ведущие контрреволюционную агитацию или явно не признающие Советскую власть, а так же распускающие нелепые слухи, против существующего революционно-демократического и социалистического строя будут немедленно арестовываться и передаваться в Военно-революционный суд»[8].

Основная масса населения Верхотурья была достаточно индифферентна и далека от политической борьбы, не имела сколько-нибудь чётких политических симпатий и антипатий. Первая попытка организовать сопротивление новой власти оказалась непосредственным следствием разгона Учредительного Собрания в Петрограде. 8 (21) января 1918 года группа чиновников и интеллигентов Верхотурья организовала стачечный комитет в защиту Учредительного Собрания. По городу были расклеены обращения комитета, призывавшие всех служащих уезда к проведению забастовки в поддержку Учредительного Собрания, бойкотированию власти местного Совета и возвращению её незаконно распущенным земским учреждениям. Председателем стачечного комитета стал В.Я.Бахтеев, а его заместителем В.А.Ардашев. Определённую пикантность ситуации придавал тот факт, что Виктор Александрович Ардашев, известный в городе нотариус и член партии кадетов, был двоюродным братом В.И.Ленина (матери Ленина и Ардашева были родными сёстрами). Руководители стачечного комитета Бахтеев и Ардашев были арестованы красногвардейцами и отправлены в Екатеринбургскую тюрьму, здесь при странных обстоятельствах Виктор Ардашев был убит при попытке к бегству[9]. В дальнейшем аресты инакомыслящих были продолжены.

В этом плане показательно дело Бориса Васильевича Пигулевского. 7 мая 1918 года Верхотурский горотдел Совета Рабочих и Крестьянских депутатов выдал ему удостоверение за №921 в котором говорилось: «Предъявитель сего Борис Васильевич Пигулевский, учитель Верхотурской мужской гимназии является лицом надёжным для взятия на поруки учителя Александра Сергеевича Грязнова находящегося в Екатеринбургской тюрьме»[10].

Удостоверение ему выдал заместитель (товарищ) председателя Горсовета Поляков. Комиссар юстиции Сушков, узнав об этом, 1 июня 1918 года в своём послании председателю уездного Совдепа писал: «Сообщаю вам для сведения, что ваш товарищ по председательскому креслу в Горотделе гражданин Поляков выдал удостоверение гражданину Пигулевскому на право получения на поруки гражданина Грязнова, вследствие чего явилось возвращение в город Верхотурье Грязнова и Пермякова, в то время как здесь в городе Верхотурье раскрывается целая банда контрреволюционеров. Прибытие гражданина Грязнова в город Верхотурье не говорит в пользу спокойствия в городе. А посему считаю, что гражданин Поляков косвенно виновен в прибытии гражданина Грязнова в город Верхотурье. Я прошу возложить всю ответственность и последствия по тюрьме, событиям в Верхотурье на гражданина Полякова»[11].

Таким образом, Николай Павлович Сушков, как комиссар юстиции, что называется «умыл руки» переложив всю полноту ответственности за освобождение контрреволюционных элементов на городской Совдеп. Дальнейшие события Гражданской войны показали, что Сушков был прав. Пигулевский активно сотрудничал с колчаковским режимом и служил гласным Верхотурской городской думы. В июле 1920 года он был арестован чекистами, но через 1,5 месяца (!) признан невиновным и выпущен на свободу. 1 декабря 1937 года Б.В. Пигулевский особым совещанием при Народном комиссаре внутренних дел СССР за преступления предусмотренные статьями 58-7 и 58-10 часть 1 и 58-11 УК РСФСР был приговорён к 8 годам ИТЛ. Умер в заключении 18 мая 1943 года[12]. Таковы были печальные итоги противостояния начавшегося в далёком 1918 году.

Примечания:

[1]Цитируемые документы приводятся в минимальной авторской правке и приближены к современной орфографии.

[2]НТГИА. Ф.9. Оп.1. Д.10. Л.18.

[3]Там же. Л.23.

[4]Там же. Л.37.

[5]Там же. Л.51.

[6]Борисов А.Г. Верхотурское духовенство в годы политических репрессий. Екатеринбург, 2018. С.8.

[7]НТГИА. Ф.9, Оп.1, Д.10, Л.49.

[8]НТГИА. Ф.9, Оп.1, Д.10, Л.57; Борисов А.Г. Верхотурье в годы революции и Гражданской войны. 1917-1922 гг. (изд.2-е). Екатеринбург, 2017. С.59,64.
[9]Очерки истории культуры города Верхотурье и Верхотурского края. Екатеринбург, 1998. С.150-152.
[10]НТГИА. Ф.9, Оп.1. Д.10. Л.56.
[11]Там же. Л.55.
[12]Борисов А.Г. Верхотурье в годы революции и Гражданской войны (изд.2-е). Екатеринбург, 2017. С. 230.

Пудовкин Сергей Игоревич
Мальгин Константин Андреевич

Новые факты из истории Гражданской войны на Урале по материалам Нижнетагильского городского исторического архива

В этом году исполняется 100 лет с начала гражданской войны. Интерес к этому событию у исследователей и просто у любителей отечественной истории не угасает и в наши дни. Поэтому выявление новых исторических источников, связанных с этим неоднозначным событием XX века, представляет несомненный интерес. В Нижнетагильском городском историческом архиве нами отработаны материалы двух фондов, которые содержат документы, способствующие выявлению новых фактов, связанных с событиями гражданской войны на Урале. В нашем случае, это фонды Р-188 и Р-189, представляющие собой итоги работы комиссии по делам бывших красногвардейцев и красных партизан при исполкоме Висимского районного Совета и Нижнетагильского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, которые начали свою работу в 1931 году. Задачи обеих комиссий – проверка документов граждан – бывших красногвардейцев и красных партизан, проживающих на территории Висимского и Нижнетагильского района и города, и установление фактов службы в рядах Красной Гвардии и участия в партизанском движении в годы гражданской войны 1918-1922 годов.

Документы нижнетагильской комиссии впервые приняты на госхранение в декабре 1935 года в количестве 853 дел, затем в

сентябре 1960 года ещё два дела, в 1976 году при проверке на наличие обнаружено 14 дел, у которых ранее не были учтены литерные номера. Новая опись Р-189 в данное время включает 894 дела за 1931 – 1935 годы. Увеличение количества на 25 дел стало возможным за счёт выявленных документов и формирования новых личных дел.

Документы комиссии красногвардейцев и красных партизан, проживающих на территории Висимского района, поступили на госхранение в марте 1936 года в количестве 361 дела. В 1980 году опись фонда Р-188 в количестве 361 дела усовершенствована, уточнены фамилии, имена, отчества. Был составлен акт на выделение к уничтожению на три дела. Новая опись включает 358 дел. В настоящее время фонды Р-188 и Р-189 включают только личные дела бывших красногвардейцев и красных партизан. Описи дел были усовершенствованы: каждое личное дело разобрано полистно, уточнены фамилия, имя и отчество, в некоторых личных делах были обнаружены анкеты и документы красногвардейцев и красных партизан, которые были переоформлены в новые личные дела. Все дела подшиты вручную в новые обложки и пронумерованы, а также разобраны по алфавиту, опись перепечатана, составлен заглавный лист. Нами при работе над фондами Р-188 и Р-189 выявлено ещё несколько анкет красногвардейцев, не учтённых в описи. Работа над документами содержащихся в личных делах красногвардейцев позволило выявить ранее неизвестные детали гражданской войны на Урале, и особенно малоизвестные страницы боёв на тагильском направлении в августе-сентябре 1918 года. Особенно примечательна здесь роль Висимского батальона под командованием М.А.Баклыкова, сформированного из рабочих Висимо-Шайтанского, Черноисточинского, Висимо-Уткинского металлургических заводов и приисковых рабочих. Этот батальон, действуя в глухой горно-лесистой местности, прикрывал правый фланг третьей Особой бригады В.К. Рейхардта, прикрывавшего Лысьвенское направление, и левый фланг первой бригады Ж.Ф.Зонберга прикрывавшего тагильское направление. О многих неизвестных фактах из боевой жизни Висимского батальона рассказывают его участники. Данные воспоминания были написаны для проверки в комиссии красногвардейцев, публикуются впервые и представляют несомненный интерес [1].

Из воспоминаний **Бушуева Исаака Дмитриевича**: «Я, Бушуев И.Д., был кассиром Нижнетагильских платиновых приисков с 1909 года. При отступлении красных войск, где я был добровольцем, спасал имеющийся при районной кассе металл – платины 2 пуда 7 фунтов и деньги, предназначенные для расчёта рабочих, которые они не успели получить при быстром наступлении белой своры. Их я рассчитывал уже в Перми. Как я охранял государственные имущества подтвердят охранник Песков Алексей Васильевич, руководитель по отправке платины Малинин Александр Васильевич, командир отряда Рассадников Павел Иванович, комиссар отряда Зашляпин Дмитрий Васильевич и секретарь Баклыкова Таисья Фотиевна. В сентябре 1918 года мы прибыли в город Пермь и областное управление Урала откомандировало меня в город Петроград для сдачи платины, там я пробыл 5 дней. Далее меня откомандировали в город Курск в распоряжение Губпродкомиссии товарища Рязанова. В Курске я пробыл 15 дней, развозил деньги по станциям, на которые крестьяне из окрестных сёл подвозили продовольствие. Для оплаты продуктов был на станциях «Обоянь» и «Деревни» и городе Льгов. 15 ноября меня назначили старшим кассиром в городе Щигры, там я пробыл до наступления войск Деникина. Отступал вместе с нашим продотрядом, далее мы получили распоряжение отступать до станции «Касторная». Не доезжая до реки Касторная, мост белыми был взорван и наш поезд остался по ту сторону реки. Поднялась паника. На 500 крестьянских подводах мы отошли на другую железную дорогу, где соединились с силами Губпродотряда. С этого времени мы были всё время на колёсах. Исключительная продснабжение наступающей красной армии было сосредоточено в городе Козлове, а после налёта казаков Мамонтова в 1919 году в Тамбове и Орле.

В это время Урал был освобождён от Колчака, и в «Известиях» было напечатано распоряжение В.И.Ленина, что жители Урала могут выезжать туда немедленно. Я подал заявление губпредкому товарищу Рязанову и, несмотря на протесты продкомиссаров Булгакова и Пушкаренко, мне выдали военный литер на поезд и 26 сентября я выехал на Москву, 10 октября 1919 года был уже на родине на прииске «Красный Урал»» [2].

Вспоминает **Голицин Павел Андреевич** 1881 года рождения, уроженец посёлка Черноисточинск: «Я был добровольцем

Черноисточинского отряда Красной Гвардии с 15 июля 1918 года, дело было ещё при Борисове Степане Прокопьевиче (командир отряда до августа 1918 года. – прим. Авт.), в это время формировался Висимо-Шайтанский батальон Баклыкова Михайлы, куда мы и влились. Начались бои, в первую очередь поехали на Утку Демидова, (в настоящее время село Усть-Утка на берегу реки Чусовой. –прим. Авт.). Утка была уже занята белыми, нам пришлось сделать наступление на село Утка и выбить белых из таковой. На другой день снова открылся бой, мы не могли удержаться и пришлось отступать обратно. Отступали до Черноисточинска и дальше до Тагила. Я, Голицин, заболел и был назначен с буржуйским имуществом как провожатый до города Перми. В городе Перми не помню сколько был времени, до приезда Телегина Ивана Алексеевича, каковой меня отправил в город Кушву. Там мне пришлось вступить в первый Крестьянский полк в 3-ю роту. Пришлось принять бой под деревней Кутькиной под Верхотурьем. Командиром у нас был Оплетин Василий Ильич. После боёв пришлось отступать до реки Чусовой. Откуда наш полк пошёл на город Лысьву, я и ряд других товарищей были оставлены для охраны транспорта под командой товарища Болодурина. Стояли, как запомнилось, суток девять, до момента, когда была обстреляна станция «Чусовая» и был взорван железнодорожный мост. Нам пришлось отступать на город Усолье. В полной панике я, Голицин, и мой товарищ Киселёв очутились в городе Усолье в 22-м Кизеловском полку, с каким и хотели пройти через деревни до города Перми. Но нам это не удалось и мы попали в плен в районе деревни Красной. В декабре 1918 года, не помню какого числа, мы были препровождены обратно до станции «Чусовой». Дорогой мы были разуты и раздеты, принимали всякие избиения и издевательства. На станции «Чусовой» пришлось принять кару от белых из шомполов и нагаек. После чего мы были направлены в город Екатеринбург. Не помню, сколько времени мы сидели, после чего нас направили в город Ирбит, это было уже в 1919 году в апреле, когда из Ирбита нас направили в город Актюбинск, где нас тоже били и под арестом гоняли на работу. В августе месяце представился удобный случай – удалось убежать до города Самары, где встретил своих знакомых красноармейцев бывших в резерве автопарка Туркестанского полка. Я вступил туда для охраны и прослужил в

автопарке до мая 1920 года, по болезни был уволен домой сроком на 2 месяца. Через 2 месяца поехал на врачебную комиссию в Нижний Тагил, был признан больным и освобождён по чистой» [3].

Дайбов Иван Павлович 1885 года рождения, уроженец Висимо-Шайтанского завода, член ВКП(б) с 1918 года: «Участвовал в создании Висимо-Шайтанского батальона, с 13 мая 1918 года помощник комиссара батальона по продовольственному снабжению, принимал участие в боях с августа 1918 года, был оставлен Баклыковым М.А. при Совете рабоче-крестьянских депутатов, где работал до самого отступления из Висима. Участвовал в боях за Тагил, после падения станции Сан-Донато уехал в Казань, где влился в 45-й Астраханско-Сибирский полк. Принимал участие в боях на фронте по реке Каме. В 45-м Сибирском полку очень сильно простыл и получил ревматизм (45-й полк начал формироваться в городе Астрахань 20 ноября 1918 года, затем переведён в Казань. – прим.авт.). Был отправлен после тяжёлой болезни в госпиталь города Нижний Новгород, где пролежал с 12 января по 15 июля 1919 года. После чего военной комиссией был освобождён от воинской службы по статье 25 «А». Когда ехал из лазарета Нижнего Новгорода в Нижний Тагил все подтверждающие документы у меня были украдены» [4].

Вспоминает **Зашляпин Дмитрий Васильевич:** «Я родился в Висимо-Шайтанском заводе в 1895 году. До 13-летнего возраста учился в школе. С 14 лет пошёл работать по найму на приисковые работы. Отец и мать тоже работали там. Работал каталем в шахтах, забойщиком и на других приисковых работах. В 1915 году был взят в старую царскую армию, служил в таковой до 2 января 1918 года. В 1917 году находясь в Румынии в 4-м Сибирском корпусе, в 7-м отдельном артиллерийском дивизионе в июле месяце вступил в партию Большевиков. В старой армии с момента вступления, вёл работу председателя партийного комитета седьмого дивизиона и был выборным командиром артдивизиона. Из Румынии с дивизионом отступил в Одессу, где его и расформировал. Сам работал в РумЧерОДе по формированию добровольных красноармейских частей против выступивших вместе с румынами и немцами войск генерала Щербакова. По сдаче Одессы, 6 февраля 1918 года приехал домой, на платиновые прииски (ныне посёлок Уралец). С трудом

поступил на службу в приисковую охрану. В сформированном тогда отряде Красной Гвардии встал на учёт в партогранизацию и стал работать по оздоровлению партогранизаций от меньшевистского засилия, что удалось быстро сделать благодаря здоровому ядру нашей парторганизации. В результате проделанной работы, выбираюсь председателем парткомитета, и уже с новым составом провожу реорганизацию охраны в боевую красногвардейскую единицу. Туда же вступил мой брат Зашляпин Александр Васильевич, 1900 года рождения, командиром был выбран Падуков Андрей Фёдорович. Я же избираюсь военным комиссаром приисков, участвовал в боях наших отрядов под Уткой Демидовой, Шайтанкой. Осенью 1918 года, после отступления из Нижнего Тагила, распоряжением высшего командования перебрасываюсь в город Сарапул, в прифронтовую полосу, для организации райвоенкомата в городе Буранове, где работал до апреля 1919 года. При отступлении оттуда, был назначен комиссаром отдельного рабочего батальона в городе Вятка. В 1920 году отзываюсь из армии распоряжение ВСНХ (Горным Советом Главзолото). Был назначен управляющим Нижнетагильскими платиновыми приисками. В 1921 году перешёл на работу председателем райкома горнорабочих Нижнего Тагила. С работы снова был взят в армию в политотдел 169 бригады города Тюмени. В 1922 году работал в составе ревкомиссии по демобилизационным работам. С 1928 года ответственный секретарь Берёзовского райкома партии. В 1933 году вернулся домой и назначен заведующим Висимским райлесхозом, где сейчас и работаю. Мой брат Зашляпин А.В., боец РККА умер от тифа 8 мая 1920 года в Томской больнице №2» [5].

Вспоминает **Кононов Василий Иванович**: «Я родился в Висимо-Уткинском заводе 20 марта 1898 года в семье рабочего. В 1906 году поступил в сельскую школу, где обучался до 1909 года. Семья переехала на жительство в Висимо-Шайтанский завод, где я начал работать у старателей. Проработал до 1913 года и перешёл на работу в контору Павло-Анатольевского прииска деревни Захарова. В 1916 году перешёл работать на драгу №7, где работал до 1917 года в качестве механика. В 1917 году был призван в царскую армию и зачислен в лейб-гвардию гренадерский полк, воевавший на Австрийском фронте. Оттуда был демобилизован 20 марта 1918 года.

Прибыв обратно, работал на драге №7, потом в приисково-военной охране, где и прослужил до 17 июня 1918 года. Сдал оружие и совместно с охранником Григорием Холодиловым уехал в город Н.Тагил, где 18 июня 1918 года зачислен в эскадрон под командованием Ивана Зубакина, входивший в отряд Меринова.

Во время пребывания в отряде принимал участие в боях против белых банд в окружающей местности Нижнетагильского уезда и по реке Чусовой. 29 или 30 августа 1918 года с Сергеем Быковым был направлен для организации обоза, с которым по распоряжению Губисполкома 17 сентября 1917 года из Нижнего Тагила выехали в город Пермь, где обоз и всё имущество было передано в распоряжение Губисполкома. В ноябре мы поступили в распоряжение казачьей сотни 260-го Петроградского полка, (в тот момент ещё 17-й Петроградский полк, его казачья сотня сформирована в городе Кушва – прим.авт.) где принимали участие в боях на Восточном фронте поблизости от железной дороге по направлению Н.Тагил – Пермь – Вятка. В период отступления конечным пунктом нашего отхода была река Чепца. Мы оттуда потом перешли в наступление против Колчака. Почти по тому же направлению местности, по которой отступали, т.е. Глазов – Оханск – Пермь – Кын – Серебрянка – Висимо-Утка – Висимо-Шайтанск – Н.Тагил и далее. Подойдя к Ишиму, часть войск 3-й армии была перекинута под Южный фронт на Врангеля. По дороге, за Воронежом, я заболел сыпным тифом и отстал от части. Был направлен на излечение, по окончании которого из Перми был направлен в свою часть в апреле 1920 года. Известно, что на Польском фронте нас постигло полное поражение, в частности от нашей казачьей сотни осталось 3 всадника. Они мне встретились в отделе снабжения штаба 3-й армии, где я был оставлен в обозе ввиду слабого здоровья. Там я прослужил до 20 декабря 1920 года, после чего был командирован на работу по специальности на драге №7, где проработал с 10 января до 17 августа 1921 года. Вновь ушёл в армию, служил в Нижнем Тагиле в телеграфной роте третьего телеграфно-телефонного дивизиона. Вследствие обострения болезни был освобождён и уволен с оставлением на учёте. С 20 июня 1922 года поступил служить в рабоче-крестьянскую милицию Нижнего Тагила. Службу в милиции продолжал до 1930 года, после чего перешёл на счётную работу в Висимскую группу счётоводом.

Добавлю, что в 1918 году, по занятии территории приисков войсками Колчака, мой младший брат был снят с работы на драге №7 и совместно с матерью был выселен из занимаемой квартиры. Проживая в Висимо-Уткинске в период правления Колчака, мать подвергалась приводу в следственную комиссию четыре раза, но благодаря сочувствию председателя следственной комиссии Архипова осталась в живых, т.е. не была подвергнута расстрелу» [6].

Вспоминает **Кононов Илья Васильевич** 1885 года рождения, уроженец Висимо-Шайтанского завода, кандидат в члены ВКП(б): «До революции я работал на платиновых приисках. 15 июня 1918 года я ушёл с прииска с драги №6, поехал в Нижний Тагил, где вступил в отряд Шаронова (первый сибирский стрелковый полк, входивший в 3-ю бригаду Рейхарда – прим. Авт). Наш добровольческий отряд под командованием Шаронова пошёл на фронт на Лысьвенское направление, в селе Усть-Утка я был командирован в Висимо-Утку со срочным пакетом. Оттуда с Висимо-Уткинским отрядом я поехал в Сулём, где и случился бой. Там я был ранен в правое плечо. Из боя я выбыл и прибыв в Висимо-Уткинск, был направлен комиссаром отряда Виктором Соколовым на излечение в лазарет в Нижний Тагил. Пробыв на излечении один месяц, я был направлен оттуда в город Пермь. Там я закончил лечение и поступил добровольцем в Петроградский флотский отряд. Полк был отправлен на фронт под Кушву и мы с боями отступали до станции «Калино». Когда белые отрезали станцию «Калино» наша часть и некоторые другие попали в плен. Сначала мы были отправлены в Лысьву, где просидели 5 дней, а затем в Ирбит, там я просидел 6 месяцев. Затем был отправлен в Сибирь на станцию «Тайга». Через некоторое время мне удалось убежать в партизанский отряд Константина Рогова, где я провоевал 3 месяца. Сейчас молюсь за конвоира старика, с которым был отправлен, он сам согласился идти вместе со мной, когда мы пошли в отряд товарища Рогова. В отряде нас сразу спросили: «откуда и как попали?». Я, конечно, обрисовал своё положение и пожелал вступить в отряд, мне сразу выдали оружие. В отряде я провёл около 3-х месяцев, мы делали громадный ущерб белым своими налётами, уничтожая все виды припасов. Так действовали до прибытия главных сил Красной армии.

Когда пришла красная армия, мы вместе с отрядом Рогова прикомандировывались в 30-ю стрелковую дивизию, где я угадил в 3-й лёгкий артдивизион (3-й лёгкий артдивизион, начал формироваться на основании предписания инспектора 5-й армии за номером 574/202 от 05.02.1920. Командиром дивизиона назначался будущий генерал Леонид Александрович Говоров. Дивизион входил в состав 51-й стрелковой дивизии под командованием В.К.Блюхера. Во второй половине сентября 1920 года 3-й лёгкий артдивизион участвует в боях на Каховском плацдарме, в конце октября – начале ноября 1920 года штурмует Перекоп, освобождает Севастополь. – прим. Авт.) Мы были направлены вдогон белых и дошли до самой монгольской границы. Затем мы были отправлены на Врангелевский фронт, где пришлось сражаться на Перекопе, там я был контужен. По окончании войны с Врангелем, меня уволили по демобилизации в 1921 году. Все документы я сдал в Тагиле в военкомат» [7].

Вспоминает **Акинфеев Степан Фомич**, член ВКП(б) с 1930 года: «Родился в Нижнем Тагиле в 1883 году, отец – старатель, воспитывался у дедушки, в 9 лет пошёл учится. С 12 лет пошёл работать к кустарю. Платили вначале 3 копейки, затем 5, 7 и 12 копеек за день. 15 апреля 1896 года я поступил на Выйский медеплавильный завод, где проработал до 1918 года. В 1905 году во время забастовки был арестован Федькой Камухой. 20 июля 1918 года ушёл добровольцем в Красную армию, был причислен к первому советскому красному полку (одно из названий первого сибирского полка Шаронова. Прим. – авт.), он был направлен на Кунгурский фронт. Затем нас перебросили в 4-й Василеостровский полк, были на прикрытии артбатареи. 12 ноября 1918 года был взят в плен, поскольку был ранен в левую ногу. Был направлен в город Екатеринбург, а оттуда во Владивосток. Нас не довезли и выгрузили в городе Чита, где я лежал в местном лазарете. Потом был направлен в читинскую тюрьму, где заканчивал лечение в тюремном лазарете. 21 февраля 1919 года мы были освобождены и направлены в бывшие лагеря германских военнопленных. Освободила нас 321 человек блядка атамана Семёнова. С ней мы познакомились через его адъютанта, который лежал вместе с нами в читинском лазарете. Она нас направила домой на Урал. 12 июня 1919 года я приехал в Тагил и зашёл к Тимофею Солдатову, а оттуда уже пошёл домой. 13 июня

1919 года я был вновь арестован белыми и сидел в тюрьме у собора, (Тагил был освобождён от белых только через месяц – Прим. Авт). Со мной сидел Крылов Дмитрий, Францева Анна Павловна, Уесднова Анна Петровна, всех не помню. Показаниями соседа Лапина Афанасия был освобождён из тюрьмы, после этого заболел тифом и до отступления белых лежал в лазарете Красный Крест. Когда мой врач узнал, что белые отступают, сообщил моей жене и она тотчас увезла меня из больницы. Когда поправился, был выбран председателем комиссии по Выйскому заводу, членом горсовета и членом военной комиссии. Тогда председателем горсовета был Носов Василий Романович, а военной комиссии Зенков Илья Агапыч» [8].

Из автобиографии **Аксёнова Гавриилы Евгеньевича** 1887 года рождения: «Родился 24 марта 1887 года. Отец – рабочий Нижнетагильского металлургического завода, мать – домохозяйка. Окончил начальную трёхлетнюю земскую школу. Пошёл работать разнорабочим к кустарю-лудильщику, где проработал до 18 лет. Затем перешёл на Нижнетагильский завод, на литейный цех. Проработал до 21 года, в 1908 году был взят на военную службу в царскую армию, которую отбывал в Петербурге. После окончания службы в 1912 году вновь поступил на завод, где проработал до 18 июля 1914 года, после чего был мобилизован на империалистическую войну. Провоевал по 1916 год и был уволен по болезни. Вернувшись из армии, сразу поступил на Нижнетагильский завод в феврале 1917 года. Был назначен цеховым старостой. С марта 1917 года вступил в Советскую боевую дружину, оттуда ушёл в красную армию, участвовал в боях за Н.Тагил и Пермь, был ранен – лечился в Самаре. В конце 1919 года вернулся в Нижний Тагил и поступил на завод, в 1920 году был избран в завком. В настоящее время на должности председателя заводской комиссии НТЗМ, член бюро райкома ВКП(б) Нижнего Тагила». (Приписка - утонул в 1927 году в Тагильском пруду) [9].

Из воспоминаний **Андреева-Козина Павла Дмитриевича**: «В мае 1918 года вступил в ряды Красной Гвардии, в отряд железнодорожников при станции Нижний Тагил к красному командиру – партизану Анатолию Крылову. Там же был назначен на охрану Кушвинского моста. Затем переброшен на станцию «Сан-Донато», к её коменданту Дмитрию Крылову. Отступили из неё в октябре 1918 год на станцию «Гораблагодатская». Во время боя под

станцией «Сан-Донато» я отступал последним с частью ребят из Камышловского полка, это может подтвердить красноармеец Василий Князев и помощник коменданта станции «Сан-Донато» (фамилию не помню), с которыми мы вместе переплывали реку Тагил. Затем был на Верхотурском фронте, где так же выполнял все распоряжения командования, это может подтвердить Терентий Долгоруков. Потом меня назначили на станции Гораблагодатская в специальный железнодорожный полк. В ноябре был переведён в 1-й уральский Коммунистический железнодорожный батальон. Все стычки по железной дороге с противником мы выдержали и не одной станции без выстрела не сдали. Отступая, у станции «Левшино» мы оказались в тылу у белых ввиду взятия ими города Перми. Из их тыла мы выбрались полностью своей частью. С 1919 года назначен в 36-й железнодорожный дивизион – это могут подтвердить Константин Бирюков и братья Мокровы. Был в этой железнодорожной части в ходе наступления на Колчака вплоть до станции «Слюдянка». Откуда в 1920 году был переведён в 16-й железнодорожный полк и в 1922 году демобилизован. В 1922-1925 годах служил в правлении Металлического треста, в 1925-1926 годах служил в ГПУ станции «Нижний Тагил». Все приказы командного состава всегда выполнял и шёл туда по распоряжениям, где я был особенно нужен РККА [10].

Архипов Иван Николаевич родился в 1888 году в городе Н.Тагил, закончил сельскую школу, проживал по улице Маловогульская-Поперечная, дом 13. Автобиография: «В 1917 году состоял на службе в резерве конной милиции до мая 1918 года. С мая 1918 года на Нижнетагильском заводе начал формироваться кавалерийский Алексеевский отряд. В него я вступил со своей собственной лошадью. Сразу был направлен с этим отрядом в Висимо-Уткинск, и далее в деревню Боронское 18-20 километров от Висимо-Уткинска, ловили белую банду. Таким образом, дело повторялось 4 или 5 раз, после ликвидации банды в Висимо-Уткинске мы снова прибыли в Нижний Тагил, где и находились до осени 1918 года. Осенью при занятии станции «Таватуй» белыми войсками, я был направлен на станцию «Верхнейвинск». Мы «работали» совместно с 3-м Горным полком, командиром которого на тот момент был житель села Шайтанка товарищ Дрягунов Александр. Совместно мы отступали по полотну железной дороги до станции «Лая». Из Лаи мы

были направлены в распоряжение командира дивизиона товарища Алексеева. Погрузили своих лошадей на станции «Баранча» и отправились на Верхотурский фронт. В восьми или десяти километрах от станции «Верхотурье» приняли участие в бою с белой бандой. Бой прошёл для нас неудачно и мы отступили до деревни Ванюшино. В деревне Ванюшино нам повстречался отряд конницы под командованием Сергея Алексеева, который стал «работать» вместе с нами. Из деревни Ванюшиной нас тоже вытеснили и мы отступили на посёлок 73 и далее до Троицкого рудника. В Троицком мы приняли бой. Из Троицкого рудника мы отступили до деревни Ёлкино, оттуда были переброшены на Промыслы, с Промыслов на Нижнюю Туру, затем на Верхнюю Туру, потом перешли по направлению к станции «Азиатская», по полотну железной дороги отступали до станции «Ляды». По поездке в Пермь вернулся ни с чем наш обоз за продуктами, так как Пермь уже была занята белой бандой. Нас направили через реку Чусовая на Уральский кордон, что в километре от железной дороги по направлению влево. С кордона мы двинулись на деревню Муллы, отбили атаку противника от Перми, его чуть оттеснили и далее отступали по железной дороге до станции «Вознесенская» (ныне станция Верещагино – прим. Авт.). От станции «Вознесенская», в километре от железной дороге вправо есть село Вознесенское. Там мы, Алексеевский кавдивизион, влились в 4-й Уральский полк товарища Филиппа Акулова. Наш отряд стоял от села Вознесенского в 5 километрах в деревни Хрустали. Оттуда мы были выбиты белой бандой и оттуда отступали до станции «Верещагино» и до самого Глазово. Далее из Глазово отошли до станции «Ардаши», где наши эскадроны были распределены по деревням. Я стоял на отдыхе в деревни Полудёнка, затем нас переформировали на станции «Ардаши» и влили в Путиловский стальной кавалерийский полк.

Не доходя 80 километров до Вятки, мы начали наступать обратно, и гнали белую банду до самого Ялуторовска. Первым Путиловским кавалерийским полком командовал Иван Иванович Зубакин, наш бывший командир эскадрона. Из Ялуторовска мы были направлены на отдых в Шадринск, наш эскадрон стоял в 18 километрах от Шадринска в деревне Жеребёнкова, оттуда я и был демобилизован домой, как достигший установленного возраста. Прибыв домой, снова поступил на службу в милицию в 1919 году и служил до 1923 года. В

1923 году работал в чрезвычайно-следственной комиссии под руководством председателя исполкома Мартьянова и комиссара Сергея Кузнецова. Далее поступил на Лебяжинский рудник, где работал с 1925 по 1929 год на лошади. С 1929 года работал на Тагилстрое, а с 1932 года на Вагонстрое» [11].

Вспоминает **Бельтюков Николай Диомидович**: «В Тагиле я был в Красной гвардии с 10 октября 1917 года по 25 февраля 1918 года, т.е. 5 месяцев. С 25 февраля 1918 года я был откомандирован в район города Воткинск для организации комитетов деревенской бедноты. Мною была проделана очень большая работа. Не было почти никакой деревни, где бы не было комбеда. Там я одно время тоже состоял в рядах Красной гвардии. При восстании белых в Воткинске, начавшимся 14 июля 1918 года, я попал в плен, бежал, скрывался. 2 ноября 1918 года меня свои выручили, я был отбит Красной армией. 7 апреля 1919 года меня, как специалиста-вагонного мастера откомандировали в Москву. В Москве меня назначили мастером в Воронеж, в вагонные мастерские, для приведения в порядок вагонного парка. Здесь мне тоже с работы и на работу приходилось ходить с винтовкой. Т.е. там настроение местных жителей было чисто контрреволюционное. 24 июля 1919 года я вернулся в Нижний Тагил. Моё участие в Красной гвардии подтверждается свидетельскими показаниями и эвакуационными документами, так же может подтвердить товарищ Бабин [12].

Вспоминает **Бельтюков Фёдор Диомидович:** «Родился 8 июля 1893 года в деревне Кабанова Сарапульского уезда, в бедной крестьянской семье, где и проживал до 1905 года. В 1905 году я приехал в Тагил, где работал у подрядчика Калинина, в кондитерской у Мецгера и у Селиванова, а после в тагильском заводе плотником в столярно-плотницком цехе, вплоть до германской войны. С октября 1914 года и по май 1916 года служил в царской армии. Был на фронте. С 6 мая по 2 декабря 1916 года лечился в госпитале города Петрограда вследствие ранения в левую руку, катара лёгких и малокровия вследствие плохого питания на фронте. За время пребывания в госпитале был слушателем бухгалтерских курсов. Вследствие перенесённых ранений был освобождён от дальнейшей службы. Вернувшись, в Тагиле работал в артели хлебопёков, а после февральской революции перешёл на службу тагильского общества

потребителей в качестве заведующего хлебопекарней. 12 марта 1918 года я был избран народным судьёй 12 участка. В партию, РСДРП я вступил в марте 1917 года. В июле мы отошли влево, а в сентябре оформились как организация РСДРП/б/ (большевиков), меньшевистской работы я не нёс, а с первых дней организации Красной гвардии в марте 1917 года я вступил в таковую.

В марте 1918 года мы разоружили меньшевиков и эсеров, в июне во время налёта невьянских бандитов я был на Верхотурском уездном съезде народных судей, на второй день я со сколоченным в Верхотурье отрядом приехал в Тагил, здесь меня назначили дежурить при штабе Красной гвардии с двумя помощниками Кочецовым и Кармановым. В 1917 и 1918 годах я, как член комитета партии, до времени отступления из Тагила вёл партийную работу в частях Красной армии. 2 октября 1918 года я эвакуировался в город Пермь, откуда товарищ Сафаров меня направил в село Дебессы в распоряжение формируемой Особой Вятской дивизии, где я был назначен следователем при ревтрибунале.

При взятии нашими частями в ноябре 1918 года Воткинского завода, я переехал в Воткинск и принял дела нарсуда 4-го участка, а 10 февраля 1919 года я был избран председателем Сарапульского ревтрибунала. В этой должности я пробыл до июня 1919 года, по день ликвидации трибунала. 24 июля 1919 года я возвратился в Тагил и был среди организаторов Тагильского ревкома, воссоздал правление общества потребителей и организовал народный суд. 1 августа 1919 года приступил к разбору дел в должности нарсудьи, проработав на ней до 10 марта 1922 года. Затем я перешёл на кооперативную работу, т.к. был избран председателем правления мурзинского потребительского общества. В августе 1925 года я снова возвратился в Тагил и работал в качестве инструктора Тагильского Окрселькредсоюза. Ввиду ранений, полученных на империалистической войне, психоневрастении и аневризмы лёгких переведён на пенсию с 14 марта 1930 года» [13].

«Я, **Баранов Иван Васильевич,** уроженец Нижнего Тагила, 2-й части (ныне Пролетарская 50), сын рабочего-горняка. Отец с малых лет и до смерти работал на медном руднике. Я родился 1 мая 1895 года в 4-й части Тагила, улица Балагуровка, 11. До 8 лет находился на иждивении отца. В 8 лет поступил в народную школу, окончил

таковую в 12 лет в 1907 году. С 1907 года пошёл работать по найму к Ивану Ефимовичу Серебрякову, в ковшечное производство. Там в лудильном цехе проработал до 1910 года. С 1910 года пошёл работать в Нижнетагильский металлургический завод, учеником токаря в механический цех и проработал токарем до 1915 года. С 1915 года служил в старой царской армии, 2-я запасная батарея Казанского военного округа. Был на фронте до 1917 года, в декабре 1917 года поехал в краткосрочный отпуск, но в старую армию более не возвращался. В последних числах мая 1918 года поступил добровольцем в Красную армию в артиллерийскую команду. В июне 1918 года на общем собрании был выбран руководителем артиллерийской команды. В конце июня 1918 года штабом Средней Уральской дивизии и товарищем Вайнером был назначен командиром Первой отдельной батареи Среднеуральской дивизии. В первых числах июля того же года со своей батареей выехал на фронт. В последних числах августа 1918 года, согласно распоряжению штаба Среднеуральской дивизии, переброшен командиром бронепоезда. Воевал в полосе железной дороги под Верхним Тагилом, Невьянском, Нижним Тагилом, Кунгуром. За боевые отличия был награждён форменным кожаным костюмом. Во время отступления 4 октября 1918 года мною бронепоезд был взорван на станции Тагил, после чего я был назначен командиром бронепоезда №12. В 1919 году был переброшен в Нижний Новгород начальником второй запасной команды отдела Центра брони Восточного фронта. В 1920-м году был болен, лежал в больнице, комиссией был назначен рядовым красноармейцем в Первый армейский полк. В июне 1920 года был отозван в Нижний Тагил в уголовный розыск, где работал агентом 1-го разряда по 1921 год, с 1921 по 1925 инспектором УГРО, с 1925 по 1927 год начальник архивно-секретной части и помощник начальника уголовного розыска. С 1927 года работал на руднике им. III интернационала в качестве десятника. С 1929 по 1930 год заведующий подённо-хозяйственного цеха, позднее был переведён на должность прораба по труду 2-го строительного участка. С 1932 года на должности заведующего учётно-распорядительного отдела Тагилкомбината, член ВКП(б) с 23 ноября 1923 года [14].

Басанин Константин Фёдорович 1899 года рождения, проживающей в Нижнем Тагиле улица 1-я Басанина, дом 3. «Я

вступил в мае 1918 года в штаб Красной гвардии на транспорте Пермской железной дороге. Штаб находился у станции Нижний Тагил, в казённом белом доме внизу, около станционных путей. Хорошо помню своих товарищей Локтева, Починкова и других. Первоначально военному делу обучались около ипподрома под руководством Ивана Захарова, в это же время недели две охраняли штаб. После этого были переброшены на Салдинскую улицу в дом Треухова, стоявший напротив каменного Куликовского дома. Оттуда через несколько дней были отправлены на ликвидацию Висимо-Шайтанского восстания, я принимал участие и в бою около села Большие Галашки. По возвращении был переброшен на станцию «Шайтанка» («Монзино») на охрану, разводящим у нас был Тяшков Алексей. Оттуда был переброшен на станцию «Азиатская» для перевозки снарядов из Туры в Нижний Тагил, потом был на станции «Верхотурье» Богословской железной дороги. Из Верхотурья переброшен на станцию «Карелино», где я выбыл из строя. Первоначально находился в санитарной летучке 17-го Петроградского полка, стоявшей на станции «Гора Благодать». Оттуда направлен в лазарет станции «Бисер» и далее перевезён в госпиталь города Вятка. Имел три операции по наращиванию кожи тела врачом Барановым. Совместно со мной лежал в госпитале Алексей Сорокин с Выи, бывший извозчик. После выхода из госпиталя, служил в железнодорожном батальоне. Совместно с товарищем Поляковым был оставлен для формирования 2-го ЖД батальона. Совместно с товарищем Поляковым был оставлен для формирования 2-го ЖД батальона. Батальон сформирован не был, а была сформирована «Первая техническая уральская железнодорожная дружина». Штабом 29-й стрелковой дивизии взамен Полякова командиром дружины был назначен Евграф Мехряков. Я был его заместителем, наша дружина специализировалась на ремонте и восстановлении ЖД транспорта с выездом на разные участки. Я в ней служил около года, с августа 1919 года согласно приказу НКПС был переброшен на прорыв депо Екатеринбурга. Всё это могут подтвердить братья Макровы Анисий и Александр, Головизин Василий, Малышев Фёдор, Локтев Дмитрий, председатель горсовета Терентий Долгоруков [15].

Как мы видим, приведённые нами воспоминания разнообразны по стилю и содержанию. Но все они содержат богатый исторический

материал, который помогает историку глубже почувствовать специфику эпохи гражданской войны.

Примечания:

1Приводимые ниже воспоминания участников гражданской войны даны в соответствии с оригиналом. Внесены минимальные исправления в орфографию источника.

[2]НТГИА. Ф.188. Д.28, Л.5-7

[3]НТГИА. Ф.188. Д.43, Л.1-3.

[4]НТГИА. Ф.188. Д.46, Л.2.

[5]НТГИА. Ф.188. Д.63, Л.2-5.

[6]НТГИА. Ф.188. Д.97, Л.3,3об,6,7,8.

[7]НТГИА. Ф.188. Д.99, Л.5,6.

[8]НТГИА . Ф.189. Д.3, Л. 2-3.

[9]НТГИА . Ф.189. Д.4, Л.1-3.

[10]НТГИА . Ф.189. Д.17, Л.1-5,5 об.

[11]НТГИА . Ф.189. Д.28, Л.1,2.

[12]НТГИА. Ф.189, Оп.1, Д.52, Л.4, 4об, 3.

[13]НТГИА. Ф. 189, Д. 53, Оп. 1, Л.2,3.

[14]НТГИА. Ф. 189, Д. 41, Оп. 1, Л.3,3 об.

[15]НТГИА. Ф. 189, Д. 46, Оп. 1, Л.6.

Садовников Олег Алексеевич

Место захоронения Максима Михайловича Походяшина

Цель моего исследования: выяснить, почему нет документа о месте погребения М.М.Походяшина и как отдавали последние почести при погребении в XVIII веке.

Частный случай вызвал в 1722 году общее распоряжение Петра I. Петр хоронил умершего князь–кесаря Федора Юрьевича Ромодановского в Георгиевском монастыре. Генералиссимусу нужно было отдать воинские почести при погребении, но войскам негде

было развернуться из-за множества памятников на могилах в монастыре. И 12 апреля 1722 года был издан указ «Об уравнении в Москве и в городах надгробных камней с поверхностью земли». Это было первым шагом к ликвидации кладбищ при церквях[1]. Ознакомимся с этим указом.

«3965. - апреля 12. Именный. – Об уравнении надгробных камней с поверхностью земли. Обретающиеся в Москве и в городах у приходских церквей, так же и в монастырях, положенные над гробами погребенных тамо человеческих телес камни, которые лежат не уравненно с землею, окопав, опустить в землю такою умеренностию, дабы оные с положением места лежали ровно; а которое о погребенных тамо известие на краях оных камней вырезано, то требующим позволить вырезать на поверхностях тех камней….и впредь так неуравненно с землею камней над погребаемыми не класть; понеже те камни неуборно и неприлично положенные наносят святым церквам безобразие, и в случающемся около тех церквей хождений чинять препятие. … что и в других местах случается, чего ради оное камней с землею сравнение от Синода учинить без отлагательства.».[2]

В следующем 1723 году, 10 октября, Петр I в связи с улучшением застройки Москвы, издает новый указ для всех городов: «О непогребении мертвых тел, кроме знатных персон, внутри городов и об отвозе оных в монастыри и к приходским церквам за город». Преосвященный Феодосий объявил этот указ Синоду: «Его Императорское Величество указал: в Москве и во всех городах мертвых человеческих телес, кроме знатных персон, внутрь градов не погребать, а погребать их в монастырях и приходских церквах вне градов».[3]

Обратим внимание, что общих больших кладбищ, как сейчас, тогда ещё не было.

С тех пор, хотя «знатных персон» и погребали внутри города, но обычно «под спудом» (под полом церкви), а кладбища при них превратились в церковные дворы, на которых церковный притч, строил себе избы и другие строения.[4] « …проклят пред Господом тот, кто восставит и построит город сей Иерихон; на первенце своем он положит основание его, и на младенце своем поставит врата его» (Библия книга Иисуса Навина 6:25).

Каменные плиты на кладбищах при церквах, согласно указу, опустили в землю до уровня её поверхности, но взамен стали ставить над могилами деревянные будки для чтения Псалтыря над усопшими в течение 40 дней. Узнав про будки, Петр I 26 октября 1723 года издал новый указ:

«4339. –Октября 26. Именный, объявленный Синоду Преосвященным Феодосием.- О непоставлении над погребаемыми при церквах мертвецами никаких для чтения Псалтыри будок.

Его Императорское Величество указал: над погребаемыми при церквах мертвыми никаких будок для чтения Псалтыри не ставить, но читать оный во внутри церквей или в пределах, или притворах церковных». [5]

Петр I, в связи с реформой церкви, прямо вмешивался в служение православных священников на церковных кладбищах, изменяя его и закрывая эти кладбища в городской черте. Исследуя эти законы можно увидеть, как захоронение знатных персон с кладбищ при церквах перешло под пол в церкви, во внутрь церкви перешло и чтение Псалтыря над умершими. Петр I во всей своей деятельности ставил интересы государства, как он их понимал, выше интересов частных лиц. Петру I удалось осуществить в начале XVIII века полное подчинение церкви дворянскому государству, решительно ослабив позиции церкви в области идеологии, ликвидировав патриаршество на Руси.[6] Все это вело к противлению и невыполнению многими православными указов Петра, реформировавшего церковь по своему усмотрению. Петр долгое время верил в силу своего указа, сопровождаемого угрозой жесткого наказания, и к концу своей жизни, видя не выполнение многих указов, несмотря на наказание ослушников и повторение указов, сказал: « Всуе законы писати, аще их не исполняти».[7]

После пожаров 1748 года в Москве Императрица Елизавета Петровна построила себе в селе Покровском новый каменный дворец и новый Головинский деревянный дворец в Лефортово. Длительное пребывание Елизаветы Петровны в селе Покровском и в Лефортово вызвало в соседних Немецкой и Басманной слободах строительство вельможами тоже дворцов, а средним и мелким дворянством – каменных и деревянных домов. Улицы, прежде довольно пустынные, теперь стали оживленными, густо застроенными, и разрешенное ещё

Петром I погребение за городом при церквах и монастырях, причиняло много неприятностей. Елизавета Петровна очень боялась смерти и всего, что напоминало о ней, и запретила хоронить при церквах по большим улицам Немецкой и Басманной слобод и другим, где она проезжала. Для погребения было образовано первое в Москве большое кладбище «При убогом доме за Мещанской слободой» (Убогий дом, то есть кладбище для убитых на улице и никем не опознанных мертвецов).[8]

Указ о запрете хоронить дан был Сенату 2 июля 1748 года и гласил: « Об отводе в Москве за Мещанскою слободою места на поле для кладбища». И повелела Елизавета Петровна «…от сего времени мертвых не погребать и старыя все могилы заровнять и склепы незасыпанные землею засыпать, а впредь тех приходов обывателям мертвых своих погребать в поле, и для того отвесть удобные места…в стороне от проезжих больших дорог и в отдалении от жилья по разсмотрению, а для Русских, где отведется, построить церковь небольшую…чтоб не в поле, но при церкви по Христианской должности оныя погребения были».[9]

Так знать в лице Императрицы в угоду личным интересам, могилы заровняла и склепы засыпала, устроив новое общее большое кладбище для католиков, лютеран, реформаторов и русских православных, хотя ранее все хоронили своих мертвецов при своих приходах. Но Петр III, коронованный немец на русском престоле, отменил запретительные указы Елизаветы Петровны о захоронении и указом 13 июня 1762 года разрешил католическому, лютеранскому и реформатскому кладбищам в Немецкой слободе быть на прежних местах.[10] Указ этот был объявлен Сенату Генерал-Прокурором Глебовым «Его Императорское Величество Всемилостивейший Государь Всевысочайше, по челобитной Московского Лютерского Пастора Минау указать соизволил: Католицкое, Лютерское и Реформатское в Москве в Немецкой слободе кладбище в прежних при церквах их имеющихся местах строить, и мертвых тех законов людей на тех кладбищах погребать дозволить»[11]. Если сравнить, как Елизавета Петровна о русских мертвых пеклась, и как немец Петр III о своих немцах по челобитной духовенства немецкого заботился, то можно сделать выводы, что знати и духовенству в XVIII веке, было не

все равно, где и как будут похоронены их единоверцы. Атеистов как сейчас тогда не было.

Свои коррективы в вопросах погребения в обществе внесла чума («моровая язва»), которая свирепствовала в Москве в конце 1770 года и особенно в 1771 году, закончившаяся в ноябре 1772 года. Отныне было запрещено хоронить в городе при церквах. Бывшие при церквах кладбища превращены в площадки возле них, получившие впоследствии название «ограды». Запрещение Синода хоронить при церквах распространилось на все города. Кладбища велено было делать «за городом, на выгонных землях, где способнее», причем было объяснено, что при таких кладбищах должны быть и церкви. Со своей стороны Сенат 24 октября 1771 года предписал губернаторам исполнять это распоряжение, а указом от 19 мая 1772 года потребовал, чтобы эти кладбища учреждались в удобных местах, на расстоянии от последнего городского жилья не менее 100 сажен и не более 300 сажен. Предписав изложенное, Сенат потребовал от духовных властей, «чтобы усопшие, кроме тех кладбищ, кои на выше описанном расстоянии отведены будут, в других местах отнюдь похороняемы не были»[12].

Итак, где должны были похоронить купца, заводчика, благотворителя Максима Михайловича Походяшина, имевшего в роду своем и служителей церкви? К моменту смерти Походяшина хоронить в городе на кладбище при церкви было нельзя, это являлось нарушением закона, на это никто не пошел бы – ни его сыновья, ни духовенство, ни местная власть. Если хоронить за городом на общем кладбище, то чести в этом ни умершему Походяшину, ни его сыновьям не будет, это понимали все, слишком знатная персона был Максим Михайлович, что подтверждают и «Очерки истории СССР», т.9 «Вторая половина XVIII века», стр. 251: «В 50-х годах XVIII века среди купцов также появились монополисты-откупщики, часто в силу богатства добивавшиеся дворянского звания… Среди них нужно отметить, Демидовых, Лазарева, Логинова, Барышникова, Мещанинова, Хлебникова, Кузьму Матвеева, Зубкова, Турчанинова, Походяшина».

Там же, в «Очерках», я обнаружил что у Походяшина в Коми был не один, а три железоделательных завода. Отдать последние почести умершему близкому человеку большая ответственность. Думаю, что

духовенство, в лице местных служителей, более всего чувствовало на себе ответственность за выбор места погребения. Походяшин и церкви построил, и благотворил церкви, и родню имел среди служителей церкви, был единоверцем православных.

Некоторые церкви, построенные на деньги купцов, были их усыпальницей, как пирамиды у фараонов. Откуда это началось? Император Константин, сделавший христианство государственной религией, в IV веке приказал построить базилику на кладбище, на месте, где, как считалось, был погребен в 67 г. н.э. Апостол Петр, казненный Нероном. Впоследствии на этом месте был воздвигнут собор святого Петра, и знатных людей, которые хотели быть ближе к могиле Петра, хоронили под полом собора[13]. В эпоху Возрождения в Европе продолжали строить церковные здания на могилах прославленных людей[14]. Хоронили под полом в церквах и монастырях знатных людей и в России в XVIII веке. В Верхотурье под полом собора нашли погребенного младенца из знатной семьи. Хоронить под полом, под спудом, это древняя традиция высокой почести у католиков и православных. Поэтому я считаю, что было принято решение похоронить М.М.Походяшина в здании церкви Иоанна Предтечи, в притворе под спудом. «Подспудный» означает тайный, неявный, скрытый. С учетом всех вышеизложенных обстоятельств могли и не существовать официальные записи о месте погребения Походяшина. Необходимо провести исследования под полом притворов и трапезных всех соборов, храмов, церквей, монастырей в Верхотурье.

Примечания:

[1]Сытин П.В. История планировки и застройки Москвы. Т.1. С.209-210. М., 1950.
[2]ПСЗРИ, VI, 3965.
[3]ПСЗРИ, VII, 4322.
[4]Сытин П.В. Указ. соч. С. 215.
[5]ПСЗРИ, VII, 4339.
[6]Академия Наук СССР. Русское государство в XVIII веке. Сборник статей. М., 1961. С.329
[7]Сытин П.В. Указ. соч. С.232.
[8]Сытин П.В. Указ. соч. С. 298-299.

[9]ПСЗ, XII, 9512.
[10]Сытин П.В. Указ. соч. С.316.
[11]ПСЗРИ, XV, 11.568.
[12]Сытин П.В. История планировки и застройки Москвы. Т.2. М., 1954. С.49.
[13]Владович С.В. Ватикан. С.19, 31. М., 2001.
[14]Черняк В.З. Уроки старых мастеров. С.148.

Сазонова Эмма Константиновна

Клепининых славный род

Деятельность помещиков Клепининых по основанию и развитию населённых пунктов южной окраины Сысертского района Свердловской области сравнима с деятельностью Демидовых.

Род Клепининых происходит от Анашки Микитина сына Клепинина из Кеврольского уезда Кушпальской волости Архангелогородской губернии с 1667/68 года. Кеврольский уезд – это тысячи десятин непроходимых лесов, глухих, пустынных мест, поэтому за XVII-XVIII века оттуда на Урал перебралось более «двух тысяч людей мужеского пола с чады и домочадцы». По самым скромным подсчётам, это составляло более десяти тысяч человек. Ананий был бригадиром первоклассных плотников, за владение этой бригадой боролись Демидовы, верхотурский воевода и стольники. Кроме того, Ананий часто работал с плотинными мастерами, что подчёркивает его высокое мастерство. Члены этой большой родни жили в Быньгах, Невьянске, Алапаевске, но большинство проживало в деревне Лягушиной, где они были первопоселенцами, поэтому её чаще всего называли «Кляпина» (ныне село Родники Артёмовского района). Почти все работники были грамотными и часто представители этого рода становились учётчиками, приказчиками, дьяками.

Внук Анашки, Григорий Иванов сын Кляпинин, стал основателем дворянского рода Клепининых

Подъяческий сын Григорий Иванович Клепинин, родившийся в 1755(1756) году с семи лет находится при обучении грамоте в школах для определения на службу. Его служебная карьера была успешной: в 1789 году он становится горным исправником, а в 1793 году покупает 7500 десятин земли у помещицы Горбуновой и становится

помещиком. На имя жены Настасьи Андреевны Клепининой он покупает 150 душ женского пола и 120 душ мужского пола в Нижегородской, Саратовской, Симбирской и Пензенской губерниях. По приказу энергичного, делового и дальновидного Григория Ивановича, прежде всего, построили плотину и выкопали пруд, на берегу которого расположились мельница и винокурня. Старожилы уверены, что речку назвали Боёвкой, потому что пруд был выкопан за одно лето, быстро, по-боевому. Григорий Иванович не хотел быть просто помещиком, сельским хозяином, поэтому в Красноуфимском уезде на берегу небольшой речки Тюи открыл стекольный и поташеваренный заводы, а в Николаебоевском – винокуренный.

Крестьянам в Николаебоевском Григорий Иванович Клепинин выделил участок земли на правом берегу речки Боёвки, этот край до сих пор зовётся «Дарёнкой», старожилы скорее укажут, где находится Дарёнка, чем улица Чапаева. Сам помещик поселился на левом берегу речки, недалеко от Челябинского тракта. Кто из помещиков построил дом, часть которого сохранилась до наших дней, неизвестно, но старожилы рассказали, что первый этаж был каменный, второй – деревянный. Сейчас в первом уцелевшем этаже находится местная АТС. Просторные помещения с небольшими окнами, в одном из которых помещик, сын Андрея Григорьевича, Андрей Андреевич устроил школу для крестьянских детей, потому что школы были только в Щелкуне и Новоипатово. Из-за этого ребятишкам из Николаевского (так называлось село в 50-70-х годах 19 века), приходилось или проходить пешком 12 вёрст в день или жить на квартирах в Щелкуне. На берегу пруда стоит старинный дом, очевидно, в нём жил управляющий. Следующие дома были построены позже, скорее всего, после революции. Рядом с бывшим домом помещиков находилась барская конюшня на 17 денников. При колхозе и совхозе она служила складом. Стены из самодельного кирпича после распада совхоза сломали для своих нужд местные жители, растащили и железо, которым было покрыто здание, это железо – явно демидовское: конюшне около двухсот лет, а оно не проржавело, вот предприимчивые селяне и воспользовались дармовщинкой

Григорий Иванович понимал, что успешно работать на более чем десяти тысячах гектаров крестьяне, живущие только в Никольском, не

смогут, поэтому он разрешил крестьянам самим выбрать места для поселения вниз по течению реки Боёвки. Часть крестьян остановилась в трёх верстах от главной усадьбы, их поселение долгое время называлось Новая Деревня, остальные ушли ещё дальше. В XX веке, при создании колхозов, деревню переименовали. Расположенная в верховьях речки Боёвки, она получила название Верх-Боёвка.

Была поздняя осень. Забравшись на невысокую гору, крестьяне решили зимовать здесь, благо, кругом стоял дремучий лес, было удобно рубить избы. Между собой они решили, что покамест здесь поживём, так родилась деревня Покаместная. Весной оказалось, что в лесах вокруг деревни много полян с богатой чернозёмами землёй. Деревня быстро разрасталась, внизу, под горой на берегу речки Боёвки, у небольшого озера мыли золото. Золотодобытчика звали Ипат, поэтому и деревня, позже село, назвали Ипатово, но в верховьях реки Багаряк уже была деревня с таким названием, и, очевидно, после постройки храма Михаила Архангела село приобрело приставку «Ново», которая срослась с корнем и образовала название села Новоипатово.

Деревня Андреевка была последним населённым пунктом помещиков Клепининых. Основанная в 1813 году деревня носила первоначально название Теняк по названию озера, на берегу которого она расположена. В сороковых годах XIX века в деревне построили часовню во имя Андрея Первозванного, и стала деревня называться Андреевкой. До сих пор говор коренных андреевцев не похож на уральский: они говорят плавно, мягко, певуче. Крепостные крестьяне, привезённые сюда, селились рядом со своими земляками. Так в деревнях появились края, носившие названия тех мест, откуда привезли крестьян. После смерти Григория Ивановича управление имением легло на плечи Настасьи Андреевны и его сына Андрея, подпоручика артиллерии.

Клепинин Андрей Григорьевич (1797–1868). Православный. С 14 января 1816 г. фейерверкер 4-го класса учебной роты лейб-гвардии артиллерийской бригады. С 28 июня 1818 г. в чине прапорщика назначен в 57-ю батарейную роту, с 18 апреля 1819 г. офицер 2-й лёгкой роты 4-й артиллерийской бригады. 9 января 1821 г. уволен от службы по домашним обстоятельствам. С 20 декабря 1823 г. в отставке в чине подпоручика артиллерии. Потомственный дворянин

Клепинин Андрей Григорьевич, 1797 года рождения прапорщик батарейной роты, 17 октября 1830 г. утверждён Оренбургским дворянским депутатским собранием в личном военном дворянстве и внесён во вторую часть дворянской родословной книги. В 1844 году Андрей Григорьевич подал прошение на право иметь собственный дворянский герб, которое было одобрено в 1845-1846 гг. 12 января 1844 г. подал прошение о возведении в потомственное дворянство, которое получил в 1860 г. Занимался делами имения в Екатеринбургском уезде, руководил деятельностью конного и стекольного заводов, а также Николае-Боевской винокурни, продукция которой поставлялась в казённые магазины, в том числе, в Челябинск. В конце 1850-х гг. сдал винокурню в аренду А.Ф.Поклевскому. Мировой посредник по Екатеринбургскому уезду с 18 мая 1861 г.

Клепинин Николай Андреевич (24.04.1841 – 03.05.1905, Пятигорск). Православный. Сын личного дворянина, с 1860 г. потомственный дворянин Оренбургской губернии, помещик. Совладелец имения, расположенного в Екатеринбургском уезде, в котором имелись винокуренный завод и мельница. Винокурня находилась в аренде у А.Ф.Поклевского. Она была остановлена в конце 1850-х гг. и долгое время находилась в списке недействующих предприятий. Николай Андреевич окончил 2-ю Казанскую гимназию (1858) и получил аттестат, в котором было сказано: «приём его, как оказавшего отличные успехи при отличном поведении в студенты юридического отделения Казанского университета без всяких экзаменов». Но Николай Андреевич смог окончить только 4 курса юридического факультета Казанского университета, учёбу пришлось оставить из-за обострившейся болезни – врождённого порока сердца. Вернувшись домой, Николай недолго сидел без дела: начавшаяся эпоха реформ царя-реформатора Александра 2, целиком захватила либерально настроенного двадцатилетнего юношу. В 1875–1877 гг. занимался антрепризой в Екатеринбургском городском театре. Николай Андреевич создал хорошую труппу, но из-за финансовых затруднений отказался от этой работы. Постепенно общественная деятельность стала ведущей для беспокойного, стремящегося быть полезным обществу, человека. С 29 января 1865 г. – кандидат в мировые посредники по Красноуфимскому уезду, с 6 июля 1865 г.

мировой посредник по Оханскому уезду, с 12 сентября 1869 г. мировой посредник по Екатеринбургскому уезду. Через пять лет, с 1870 года Николай Андреевич принимает непосредственное и активное участие в создании и становлении органов земского самоуправления. Уже на первом собрании вновь созданной земской управы Николай Андреевич избирается членом управы, а в октябре 1871 года на втором собрании его единогласно избирают председателем управы. Он занимает эту должность в течение тридцати двух лет. Одновременно с ним членом управы был и уральский писатель Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк. Николай Андреевич проявил себя хорошим организатором, его отличали умение ладить с людьми, широкая образованность, понимание проблем простых людей снискали Клепинину широкую известность и уважение среди самых разных слоёв населения. Окунувшись с головой в организаторскую работу, Николай Андреевич сумел многого добиться. Обеспечив Управу работоспособными кадрами, он сделал её весьма эффективным органом. Несмотря на несовершенство механизма финансирования земских органов, Николай Андреевич и его коллеги приложили немало усилий для увеличения числа больниц, библиотек, учебных заведений. Многое делалось для предотвращения пожаров: земство стремилось создать в наиболее крупных деревнях пожарные дружины и пожарные обозы. Стремясь помочь крестьянам улучшить обработку земли, земство стало практиковать продажу по относительно низким ценам различной сельскохозяйственной техники, которая вначале проходила публичные испытания.

В 1887 году Николай Андреевич принял предложение, исходившее от Уральского общества любителей естествознания, возглавить кустарный отдел Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки. Он состоял членом УОЛЕ с 1881 года. Работая над комплектацией кустарного отдела, он привлёк к этому делу большое количество кустарей Екатеринбургского уезда, добился поддержки выставки со стороны губернского земства, что в конце концов, сделало кустарный отдел одним из наиболее полных и интересных. УОЛЕ, отмечая его заслуги, нашло возможность сделать следующую констатацию: «Н.А.Клепинин принимал великое участие в устройстве обществом выставки». Тратя большое количество

времени и сил на выполнение своих обязанностей, Николай Андреевич постоянно сталкивался и с внешними ситуациями. Одна из таких ситуаций была связана с неурожаем 1891 года, который сделал реальной угрозу голода для большинства крестьянского населения Екатеринбургского уезда. Николаю Андреевичу пришлось руководить сложнейшей работой по обеспечению продовольствием и посевным материалом «свыше ста тысяч душ голодающего населения». Ценой неимоверных усилий совместно с уездными гласными и государственными чиновниками ему удалось предотвратить массовый голод. Один из его современников писал: «верный хранитель светлых традиций, завещанных великой освободительной эпохой, земец первого призыва и первый мировой судья, Николай Андреевич не мог не страдать, видя, как шло какое-то как будто стихийное разрушение, которое, казалось, не оставит от великих реформ камня на камне».

Несмотря на все преграды, обильно встречающиеся на пути русского общественного деятеля, Николай Андреевич продолжал работать, сохраняя верность тем идеалам, которые зародились у него в эпоху реформ Александра II. Он успевал усердно трудиться на посту председателя уездного земства, неутомимо защищал интересы уезда на собраниях гласных Пермского уездного земства, активно участвовал в заседаниях попечительских советов реального училища и женской гимназии и других, членом которых он являлся. Например, 3 октября 1887 года он был избран распорядителем драматического отдела кружка. Являясь страстным поклонником драматического искусства, Клепинин часто участвовал в концертах кружка, а также в постановке драматических спектаклей. Начало нового века принесло Николаю Андреевичу серьёзные огорчения. Болезнь сердца становилась всё тяжелей, а врачи всё настойчивее советовали ему отказаться от активной деятельности и уйти на покой. После долгих раздумий он решил последовать совету лечащих врачей и 21 сентября 1904 года отказался от должности председателя уездного земства. Оказавшись не у дел, Николай Клепинин отправился к сыну Андрею на Кавказ, чтобы пройти курс лечения, но болезнь зашла слишком далеко и 3 мая 1905 года он скончался. Николай Андреевич Клепинин, отдавший общественной деятельности свыше 40 лет, являлся одним из известнейших земских деятелей Урала конца XIX-начала XX века.

Клепинин Андрей Андреевич (01.12.1855 – 09.09.1911, Пермь). Окончил 6 классов Екатеринбургской мужской гимназии и Михайловское артиллерийское училище. С 16 ноября 1873 г. фейерверкер из вольноопределяющихся. С 22 декабря 1875 г. прапорщик 39-й артиллерийской бригады. 4–5 мая 1877 г. участвовал во взятии крепости Ардаган, позднее принял участие в ночном штурме Эрзерума, а также был участником ряда других сражений. С 5 апреля 1879 г. переведён в Кавказскую гренадерскую бригаду. 3 сентября того же года назначен командиром 2-й полевой батареи. С 19 октября 1879 г. командир 1-й полубатареи 4-й батареи той же бригады. С начала 1880-х гг. в отставке: совладелец Никольского имения, бездействующей винокурни и мукомольной раструсной мельницы, которая в 1879 г. при одном рабочем дала 12 500 пуд муки. К 1906 г. она обветшала и была ликвидирована. За Клепининым сохранились только земельные угодья – 1149 десятин земли (1906). Скорее всего, эта перемена в жизни связана с тем, что брат Николай был избран гласным Екатеринбургского уезда и назначен председателем городской управы. Андрей Андреевич всерьёз занялся сельским хозяйством. Особое внимание уделяет выращиванию пшеницы и овса. На одной из сельскохозяйственных выставок он был награждён малой медалью Департамента земледелия «За хорошее качество семян пшеницы, овса, 4-х сортов, гороха, и размола пшеничной муки». Участковый мировой судья по Екатеринбургскому уезду (1882–1893), земский начальник разных участков Екатеринбургского уезда (1893–1907). гласный Екатеринбургского уездного (1882–1911) и Пермского губернского (1894–1911) земств. По выбору Екатеринбургского земства попечитель Никольской и Тиминской земских школ, член попечительского совета Екатеринбургской женской гимназии (24.05.1895–1904). С 15 декабря 1906 г. член Пермской губернской земской управы и заступающий место председателя управы. Член попечительского совета Пермской Мариинской женской гимназии (1906–1911), член губернского по земским и городским делам присутствия (1907–1911), член правления Пермского отделения Крестьянского поземельного банка (1906–1911), член губернской землеустроительной комиссии (1909–1911).

Памятником для братьев Клепининых является земская больница, построенная в Никольском в 1901-1906 годах. Решение о

строительстве больницы на южной окраине Екатеринбургского уезда было принято на собрании Земской Управы под предводительством председателя Управы Николая Андреевича Клепинина 7 октября 1900 года. Членами комиссии были А.М.Симанов, доктора Русских и Баженов, брат Николая Андреевича Андрей Андреевич Клепинин, гласный Екатеринбургского земства. Именно он предложил отдать участок собственной земли в Никольском, по заниженным ценам братья продали лес и кирпич на строительство зданий больницы.

В семье Николая Андреевича и Надежды Николаевны Клепининых было семеро детей. Все дети получили образование, все стали настоящими гражданами своей страны. **Александр Николаевич** (13.09.1868 – 02.04.1933) после отъезда отца и дяди стал управлять имением, совмещая с работой в уездной земской управе и должность гласного уездного земства. Александр Николаевич, занимаясь делами имения, особое внимание уделял огородничеству. Выращивая огурцы, капусту и помидоры, он использовал передовую американскую технологию и американские сельскохозяйственные орудия. Именно он уезжал со своей семьёй и просил крестьян ничего не ломать.

Иван Григорьевич Иванов, знаменитый на всю округу печник, в детстве часто бывавший на барской усадьбе и игравший с дворянчиками в деревенские игры, вспоминал: «За барским домом по берегу пруда раскинулись барские огороды. Чего там только не было! А сад какой! Теплицы, оранжереи. Там даже южные фрукты росли. Мы, конечно, выполнили просьбу барина с точностью до наоборот: стекло всё перебили, а помидорами кидались, есть-то боялись, думали, что это отрава». Наталья Александровна Абрамова была нянькой у детей Андрея Николаевича. Она с теплотой вспоминала барыню Ольгу Петровну: «Барыня меня учиться посылала, говорила, что неучёной плохо жить, да я не пошла, боялась работу потерять. Барыня добрая была. Мы даже стирали с ней вместе: я в корыте простое бельё, а она кружева, кофты и платья из батиста, маркизета». Иван Григорьевич Иванов тоже припомнил, как он дал барчуку Вовке ножик, а тот руку сильно порезал. Нянька Наташка на меня закричала, а барыня – нет, просто руку перевязала.

Николай Николаевич (1896 – 1936) окончил в 1895 году отделение природознания физико-математического факультета Санкт-

Петербургского университета, учёный-почвовед, с 1903 года трудился в Крыму. Занимался изучением почв Крыма, им составлена карта почв, которая до сих пор используется агрономами Крымского полуострова. Участвовал в работе Таврической учёной архивной комиссии, члены которой отобрали из 150000 архивных дел 10 тысяч дел, которые передали в губернский архив. При ТУАК был открыт музей древностей. Занимался геологией и геоморфологией, разрабатывал туристические и экскурсионные маршруты Крыма. Создал Крымскую областную опытную станцию по полеводству в селе, которое сейчас носит его имя.

Андрей Николаевич (4.10.1871 – 1954) после окончания Петербургского университета по специальности гражданских инженеров трудится архитектором в Кисловодске. Именно по его проекту построены знаменитые Кисловодские нарзанные ванны. Инженер Клепинин так идеально рассчитал толщину стен, что зимой в ваннах тепло, а летом прохладно. Архитектором Клепининым построено множество зданий в Кисловодске, В 1994 году Андрею Николаевичу было присвоено звание Почётного гражданина Кисловодска.

Борис Николаевич Клепинин (1873 - 1932). Окончил Ново-Александровский институт сельского хозяйства и лесоводства. Деятельность Бориса Николаевича была направлена на реализацию «Программы развития России», разработанную Петром Аркадьевичем Столыпиным. С 1905 года до своего ареста в 1931 году трудился в организациях, занимающихся вопросами переселения, обустройства жизни переселенцев и землеустроительством на Дальнем Востоке, привлёк к работе В.К.Арсеньева, исследователя Дальнего Востока, автора книг «Дерсу Узала» и «В дебрях Уссурийского края». **Дочь, Вера Николаевна,** была актрисой, ученицей Мейерхольда.

Сын Андрея Андреевича, Сергей, офицер, был первым поручиком из Пермской губернии, погибшим в октябре 1914 года на фронте. После эмиграции в 1920 году Андрей Николаевич, его жена Софья Александровна и их сыновья, Николай и Дмитрий, жили в Югославии, затем, после долгих скитаний и лишений перебрались во Францию.

Николай Андреевич (1899 – 1941). Принимал участие в Гражданской войне в рядах Добровольческой армии как офицер

Лейб-гвардии Конно-гренадерского полка. Стал писателем. В 1927 году вышла книга Клепинина «Святой и благоверный князь Александр Невский». В 1928 году редактором газеты «Евразия» стал Сергей Яковлевич Эфрон. Клепинины дружили с семьёй Эфронов-Цветаевых где-то с середины 1920-х гг., всё время снимали жильё рядом. В 1937 году Клепинины и Эфрон бежали в СССР. 28 июля 1941 в пересыльной орловской тюрьме, как французских шпионов «расстреляли групповым расстрелом» супругов Клепининых, С.Я.Эфрона и Эмилию Литауэр. По другим сведениям, восходящим к сокамерникам, расстрелян из Клепининых был только Николай Андреевич, а супругу его держали в тюрьме в Москве, где она и умерла, по-видимому, после объявленной голодовки с требованием получить сведения о состоянии здоровья её матери.

Дмитрий Андреевич (1904 – 1943) окончил в Париже Свято-Сергиевский православный институт и стал священником. Один из основателей культурно-просветительской организации помощи русским эмигрантам «Православное дело». Принимал активное участие в деятельности французской организации «Сопротивление», выдавал евреям справки, свидетельствующие об их православном крещении, чем спасал их от концлагерей. Организовал Комитет помощи заключённым концлагеря Компьен. Был выдан предателем и казнён в лагере Бухенвальд в феврале 1943 года. От государства Израиль отец Дмитрий был удостоен звания «Праведный между нациями». В 2004 году канонизирован Константинопольской патриархией и причислен клику святых. Настоятель церкви Покрова Святой Богородицы в Париже объявил о присвоении Дмитрию Андреевичу Клепинину звания «Праведник народов мира».

В заключение своего сообщения я хочу сказать, что жители поселений, основанных Клепининими, гордятся тем, что хозяевами этих сёл были настоящими патриотами России, с которых мы должны брать пример и следовать в жизни их принципам.

Сильченко Иван Сергеевич

К вопросу о снабжении милиционеров Екатеринбургской губернии в 1919-1923 гг.

Революционные события и последовавшая за ними Гражданская война явились одними из ключевых событий в отечественной истории XX века. Определение особенностей внутренних взаимоотношений в рамках формировавшегося советского общества может не только способствовать глубокому анализу исторических процессов, но и выявить закономерности, необходимые для функционирования современного социума.

Наиболее ярким показателем общественных противоречий в момент формирования органов власти может являться вопрос снабжения советского милиционера в 1919–1923 гг. В этот период сотрудники органов охраны правопорядка являлись связующим звеном между властью и населением, а особенности их снабжения отражали не только общегубернские, но и общегосударственные тенденции.

На территории Екатеринбургской губернии милиция начала формироваться в июле 1919 г. после организации на Урале работы органов чрезвычайной власти[1]. В это же время была формализована структура губернских органов охраны правопорядка. Екатеринбургская губернская милиция находилась в тройном подчинении. На государственном уровне Губмилиция подчинялась Главной милиции республики (Главмилиции). Руководящим органом Главмилиции являлась коллегия, включавшая одного представителя ЦК ВКП(б), представителя ЧК и сотрудника милиции[2].

На первоначальном этапе главными проблемами формирования органов охраны правопорядка являлся дефицит подходящих кадров, низкий уровень заработных плат милиционеров, а также недостаточный объем снабжения сотрудников униформой, снаряжением и вооружением. Подобные трудности были вызваны глубоким социально-экономическим кризисом Екатеринбургской губернии и низкой эффективностью деятельности органов власти. Несмотря на то, что согласно постановления Наркомгоста от 20 октября 1918 г., снабжение милиции входило в обязанности местных военных комиссариатов, органы охраны правопорядка обеспечивались по остаточному принципу.

В конце 1919 – начале 1920 г. около 80% личного состава милиции было не вооружено, а из имеющихся винтовок неисправными была почти половина[3]. К тому же, наличное оружие

было морально устаревшим. В одном из отчетов начальника Алапаевской милиции 8 января 1921 г. указывалось: «Милиционеры вооружены винтовками «Бердан», которые на морозе заедают. Бандиты и дезертиры вооружены иностранными винтовками и бомбами»[4]. Помимо длинноствольного оружия недостаток ощущался в пистолетах и револьверах, которые были необходимы для вооружения командного состава и сотрудников Уголовного розыска.

Не лучшим образом складывалась ситуация со снабжением милиционеров униформой, снаряжением и продуктами питания. Не хватало сапог, гимнастерок, шаровар. Милиционеры не только не имели единообразия в униформе, но иногда ходили в лаптях или босиком[5]. В одном из докладов начальник губернской милиции П. Г. Савотин писал: «Невозможно строго спрашивать даже с самых сознательных милиционеров об исполнении долга перед пролетарской революцией, когда милиционер не имеет ничего»[6].

По причине тяжелого экономического кризиса финансовые расходы на милицию были минимизированы. Первоначально отсутствовали командировочные расходы, и рабочие визиты в уезды милиционеры оплачивали самостоятельно. Не хватало канцелярских приборов, чернил, а для ведения рабочей документации организовывался сбор старых бланков и чайных оберток.

Уровень дохода не позволял сотрудникам милиции обеспечивать свои семьи продуктами питания. Иногда, в поисках пропитания милиционеры вынуждены были после основной службы подрабатывать на «черных работах». Заработная плата не выплачивалась на протяжении трех-четырех месяцев, а покупательная способность сотрудников на фоне огромных объемов инфляции постоянно уменьшалась.

Зарплаты сотрудников управлений милиции разных уровней по состоянию на апрель 1920 г. представлены в таблице 1[7].

№	**Наименование должности**	**Основной оклад. Руб.**	**Оклад с премией. (25%)**
Управление губернской милиции.			
1	Начальник губернского управления милиции.	3 700	4 688

2	Секретарь управления милиции	3 300	4 125
3	Делопроизводитель (помощник секретаря управления милиции)	2 700	3 375
Подотдел общей милиции.			
4	Начальник общей милиции (он же заместителя начальника губернской милиции)	3 500	4 375
	Инспекторский подотдел		
5	Начальник (инспектор)	3 500	4 375
6	Секретарь	2 900	3 625
7	Делопроизводитель (помощник секретаря)	2 700	3 375
8	Делопроизводитель (корреспондент	2 700	3 375
9	Статистик	2 700	3 375
10	Помощник инспектора	3 300	4 125
11	Конторщик	2 100	2 625
	Районная милиция		
12	Начальник района	3 100	3 875
13	Помощник начальника	2 900	3 625
14	Делопроизводитель	2 400	3 000
15	Машинистка	2 300	2 875
16	Конторщик	2 100	2 625
17	Курьер	2 540	3 175

Как видно из таблицы, средняя заработная плата сотрудников аппарата управления Екатеринбургской милиции составляла 2 500 руб. без премиальной части и 3 411 с премией. В то же время рыночная цена на муку в середине 1919 г. на Урале колебалась в районе 120 руб. за пуд, а ежемесячный рост цен превышал 20–30%[8].

Согласно декрету от 3 апреля 1919 г., милиция должна была обеспечиваться красноармейским пайком, однако на практике милиционеры получали продукты питания не в полной мере. Осенью

1920 г. Окружным совещанием Приуральского военного округа были установлены цены на продовольственные, приварочные, табачные, мыльные и фуражные товары по Екатеринбургской губернии[9]. Так, в сентябре 1920 г. на каждого милиционера было выделено по 17,25 руб. На данную сумму сотрудники органов охраны правопорядка могли приобретать продукты питания и предметы первой необходимости в специализированных магазинах. Перечень товаров делился на оклады, а отпускные цены для милиционеров устанавливались местными властями и были значительно ниже розничных. Так, на сентябрь 1920 г. «провиантный» оклад, включавший 72 золотника муки и 19 золотников крупы отпускался по цене 1,74 руб., (при розничной цене 179 руб.), «приварочный» оклад, состоявший из 34 золотников мяса, соли, перца, овощей, масла, или сала, по цене 1,21 руб. (при розничной стоимости 1 280 руб.), стоимость «чайного» оклада составляла 1,18 руб. (при розничной цене 4 440 руб.)[10]. Также отдельно выделялись «табачный» и «мыльный» оклады. В целом суммы, отпускаемые на снабжение милиционеров, являлись достаточными для приобретения продовольственного пайка, однако, как правило, в специализированных точках продажи отсутствовала большая часть из указанного перечня. К тому же расчетные месячные нормы основных продуктов питания (муки, крупы и мяса) в метрической системе составляли 533, 25 гр., что явно являлось недостаточным[11].

Недостаточный уровень снабжения явился причиной увеличения численности преступлений среди сотрудников милиции, большинство из которых было связано с присвоением чужого имущества мошенничеством, растратами, продажей казенной собственности. К тому же, бедственное положение служило причиной частой смены кадров: в целях поиска лучшего места из рядов охраны правопорядка сотрудники часто уходили в другие сферы деятельности.

Стоит отметить, что экономические и бытовые проблемы сопровождали не только рядовых сотрудников, но и милицейское начальство. Так, в августе 1921 г. заместитель начальника политического секретариата милиции Екатеринбургской губернии А. Войцеховский в записке в губернский исполнительный комитет писал: «Я поставлен в безвыходное положение. Имею только одну шинель и больше ничего. На ней приходится и спать и в ней же

ходить. Нет посуды, не в чем сварить для себя обеда, нет ни чашки, ни стакана»[12].

Низкая эффективность работы органов милицейского снабжения вызывала вопросы руководства и приводила к частой их проверке. Так, на основании обследования отдела снабжения 10 января 1922 г. был опубликован приказ. В документе особое внимание уделялось тому, что большинство территориальных переводов личного состава не закреплялось в приказах и ведомостях. Также указывалось на то, что личный состав при переводах из одного территориального подразделения в другое не имел обмундирования и снаряжения. В одном из отчетов П.Г.Савотин отмечал: «Процветает продажа, как комсоставом, милиционерами, так и агентами угрозыска выдаваемых им казенных вещей и обмундирования, чему способствует полное отсутствие учета имущества и клеймения вещей»[13]. В связи с этим начальнику снабжения милиции губернии было предписано пересмотреть кадровый состав всех отделов снабжения, а «за хаотичное состояние снабжения милиции на местах» предать суду руководство Каменской, Ирбитской и Камышловской милиции.

В дополнение к данному приказу были изданы и разосланы в региональные управления милиции правила выдачи обмундирования командному составу, милиционерам и агентам Уголовного розыска. В соответствии с правилами отменялись любые сроки носки униформы, а зимнее обмундирование выдавалось только лишь на холодное время. В собственность милиционеров униформа и снаряжение не переходили, а образцы, пришедшие в негодность, сдавались в хозяйственные органы по специальным актам. Также отдельно отмечалась необходимость исключительно бесплатной выдачи униформы и снаряжения, как комсоставу, так и рядовым милиционерам.

На протяжении 1921 г. вопрос снабжения милиционеров пытались решить путем назначения шефских организаций, которые должны были оказывать посильную помощь городским и уездным отделам. Однако, губернские организации также находились в состоянии кризиса и подобный метод не смог хоть как-то улучшить уровень снабжения милиционеров.

На протяжении 1922 г. уровень обеспеченности милиционеров продуктами питания, снаряжением и вооружением не изменился. Все

также проявлялась острая необходимость в винтовках и пистолетах, не хватало униформы, продуктов питания и средств гигиены. 26 января 1922 г. был отменен срок носки всех видов милицейского обмундирования. С этого момента сотрудники милиции самостоятельно должны были исправлять свою униформу, которая при увольнении передавалась иным кадрам[14].

Совокупность мер, предпринимаемых руководством для нормализации снабжения милиции в 1919–1921 гг., не способствовала решению проблемы. Во-первых, экономический кризис, проникнувший во все сферы, не позволял получить материальные ресурсы от сторонних организаций, а во-вторых, система снабжения, имевшая привязку к отчислениям центральных милицейских органов, не являлась гибкой и не могла учесть региональные особенности.

Курс на улучшение снабжения был взят осенью 1922 г., после перехода милиции Екатеринбургской губернии на местное снабжение. Если до этого момента обеспечение губернской милиции производилось за счет центральных органов власти, то с данного периода весь спектр задач по удовлетворению материальных потребностей уездной и губернской милиции переходил к Советам разных уровней. Такая система не только позволила оперативно решать хозяйственные вопросы региональных милицейских подразделений, но и способствовала общему улучшению материального положения органов охраны общественного порядка Екатеринбургской губернии[15]. Подобные изменения привели к росту материальной обеспеченности сотрудников охраны общественного порядка, однако общий экономический кризис не позволял оперативно решить проблему.

В целях поддержки милиционеров январе 1923 г. для сотрудников органов охраны правопорядка были введены кассы взаимопомощи. В задачи касс входило оказание материальной помощи милиционерам в случаях стихийных бедствий и тяжелых болезней. Также ссуды могли выдаваться на приобретение предметов широкого потребления, таких, как одежда, обувь, мебель, посуда и т.д. Пополнение кассы осуществлялось из ежемесячных взносов, составлявших не менее 1% от зарплаты члена кассы, также на нужны оперативной экономической помощи передавались суммы штрафов, выписанных милиционерам за трудовые провинности[16].

К середине 1923 г. общее экономическое состояние отделов милиции Екатеринбургской губернии оценивалось руководством, как «удовлетворительное, или выше удовлетворительного»[17]. Однако, полностью решить вопросы снабжения милиционеров и обеспечить приемлемый уровень их заработной платы удалось только к началу 1930-х гг., после перевода органов охраны общественного порядка на общегосударственный бюджет[18].

С лета 1923 г. в милиции Екатеринбургской губернии были запущены процессы переформирования, нацеленные на создание новой трехзвеньевой системы подчинения. Осенью 1923 г. было завершено формирование новой административно-территориальной единицы – Уральской области. Структура милиции также изменилась. Органы охраны общественного порядка Екатеринбургской губернии были расформированы и, совместно с кадрами других регионов, были взяты за основу при создании новой милиции Уральской области.

Примечания:

Шведов В. В. Формирование структур управления органов милиции на Среднем Урале (1919-1924 гг.) // Историко-педагогические чтения. 2004. №8. С. 2.

[2]ГАСО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 167. Л. 1.

[3]ГАСО. Ф. Р - 511. Оп. 1. Д. 180. Л. 37.

[4]НГТГИА. Ф. 19. Оп. 1 Д. 36. Л. 18.

[5]ГАСО. Ф. Р - 511. Оп. 1. Д. 180. Л. 39.

[6]Там же. Л. 36.

[7]Там же. Л. 90.

[8]Нарский И. В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: Росспэн, 2001, с. 256.

[9]Государственный архив в г. Ирбит. Ф. Р-21. Оп.1. Д. 2. Л. 24.

[0]Там же.

[1]Там же.

[2]ГАСО. Ф. Р - 9. Оп. 1. Д. 490. Л. 74.

[3]Там же.

[4]Государственный архив в г. Ирбит. Ф. Р-21. Оп.1. Д. 2. Л. 210.

[5]ГАСО. Ф. Р - 9. Оп. 1. Д. 490. Л. 190.

[6]Там же. Л. 18.

[37]Там же. Л. 21.
[48]Шведов В.В. Социальное и материально-техническое обеспечение сотрудников милиции и Уголовного розыска Уральской области (1920-е – первая половина 1930-х гг.). Электронный научно-практический журнал «Гуманитарные научные исследования». Электронный ресурс. URL: http://human.snauka.ru/2015/11/12973 (дата обращения 22.05.2018)

Скробов Виктор Семёнович

Исследование военно-исторического опыта Гражданской войны на Урале в научной литературе 1956 - 1986 гг.

В настоящей публикации автор намерен продолжить освещение боевого опыта, приобретённого на Урале обеими противоборствующими сторонами в годы Гражданской войны. Объектом исследования является научная литература 1956-1986 годов издания. В имеющихся на данную тему историографических работах оперативно-тактический и стратегический опыт военных действий освещён фрагментарно, в качестве второстепенного объекта изучения.

Дальнейшее развитие военно-историческая тематика Гражданской войны на Урале получила в 1956-1986 гг. Конкретные её сюжеты освещались как в обобщающих трудах, так и в специальных

[***] Ошитков Терентий Федорович, 1882 г. рождения, проживал в собственном доме по ул. Тагильской, 72, доброволец РККА, член РСДРП(б), арестован в октябре 1918 года, после рассмотрения ВСК дела № 99 этапирован в марте в Николаевскую тюрьму.

[*] Костромин Виталий Иванович, 1938 года рождения, после срочной службы в Советской армии окончил Нижнетагильский педагогический институт с отличием, по направлению ОблОНО стал директором новой Верхотурской школы №1 и успешно завершил долгострой в 1960-е годы. После напряженных лет на ответственной должности, а также инфаркта в 30 лет, сменил род деятельности и стал журналистом. В настоящее время владеет издательством и возглавляет редакцию рекламного еженедельника «Всем» в Н.Тагиле.

работах. Обратимся вначале к трудам по истории Гражданской войны в целом.

При активном, в большинстве случаев определяющем участии военных историков Москвы, увидели свет весьма содержательные научные исследования. Было завершено многотомное издание «История Гражданской войны в СССР». Первые два тома этого труда вышли в свет ещё в предшествующий период, в 1935 и 1942 годах, последующие – 3, 4, 5 тома – в 1957-1960 годах. В трёх последних томах освещались военные события в стране после победы Великой Октябрьской социалистической революции до октября 1922 года. Именно в них раскрыто содержание основных этапов Гражданской войны на территории всей страны, включая Урал, дана характеристика наиболее крупных операций Красной Армии.

В третьем и четвёртом томах этого фундаментального издания имеются новые научные сведения о вооружённом противоборстве на Урале. Они свидетельствуют об особенностях борьбы с белоказаками в Оренбургской губернии, о первых боях с чехословацкими легионерами, о длительных и напряжённых военных действиях Красной Армии против вооружённых сил адмирала Колчака. Характерно, что уральская персоналия пополнилась рядом имён активных участников Гражданской войны, предпринята попытка раскрыть их военное искусство и тактическое мастерство. Руководителями авторских коллективов этих томов явились авторитетные учёные нашей страны: Ю.П. Петров (3-й том), С.Н. Шишкин (4-й том), Н.Ф. Кузьмин (5-й том).

Издание заключительных томов «История Гражданской войны в СССР» по времени совпало с выходом в свет авторских работ на данную тему[1]. Их авторы: Г.Г.Алахвердов, А.Е.Антонов, Г.В.Кузьмин, Н.Ф. Кузьмин, С.Ф.Найда, М.В.Рыбаков, Л.М.Спирин, Н.И.Шатагин – сумели не только в яркой, образной форме дать краткое изложение фундаментального пятитомного труда по истории Гражданской войны, но и по ряду важных сюжетов темы высказать личную точку зрения, сформулировать новые положения. Написанные в связи с этим книги С.Ф.Найды, А.Е.Антонова, Г.В.Кузьмина явились шагом вперёд в изучении вооружённой борьбы на фронтах Гражданской войны.

В начале 1960-х годов в ведущих военных академиях страны были подготовлены пособия по истории войн и военного искусства. Авторские коллективы этих изданий возглавили крупные военачальники Советской Армии: Маршал Советского Союза И.Х.Баграмян, Главный маршал бронетанковых войск, доктор военных наук П.А.Ротмистров, а также авторитетные военные историки И.Е.Крупченко, В.Г.Позняк, А.А.Строков. Эти работы были существенно дополнены исследованиями по истории оперативного искусства и стратегии. Труд по стратегии вышел под редакцией видного полководца периода Великой Отечественной войны К.К.Рокоссовского. Книгу по истории военного искусства написал генерал-майор В.А.Семёнов. В Свердловске обобщённая работа о Гражданской войне вышла в 1969 году под редакцией видного учёного О.А.Васьковского[2].

Существенный вклад в изучение военно-исторического опыта Гражданской войны в целом по стране внесли научные конференции, посвящённые юбилейным датам со времени её окончания. Наиболее полно актуальные вопросы боевых действий войск и военного искусства нашли своё отражение в материалах всесоюзной научной конференции, посвящённой 50-летию окончания Гражданской войны в СССР[3]. Конференция состоялась в июне 1972 года в Москве. В её работе приняли активное участие военные историки, прежде всего научные сотрудники созданного в 1966 году Института военной истории.

На пленарном заседании с содержательным докладом о стратегическом руководстве вооружённой борьбой в годы Гражданской войны выступил начальник института П.А.Жилин. На конференции в числе других была создана секция, участники которой анализировали опыт боевых Красной Армии и военного искусства. С одобрением были встречены на секции научные сообщения военных историков института Н.Н.Азовцева, С.Д.Гусаревича, П.Н.Дмитриева и других. Прозвучала на конференции и местная тематика, в том числе уральская. Однако опыт вооружённого противоборства на Урале был представлен лишь отдельными фрагментами докладов и научных сообщений[4].

Крупным шагом вперёд в обобщении военных событий Гражданской войны явился двухтомный труд «Гражданская войны в

СССР» – результат напряжённого плодотворного труда сотрудников Института военной истории под руководством Н.Н.Азовцева[5]. После длительного перерыва появилось научное исследование, в котором на строгом языке военной лексики излагаются события вооружённой борьбы в стране с октября 1917 по октябрь 1922 г. Чётко выдержан оперативно-стратегический и тактический смысл труда: в двух книгах продуманно освещается соотношение сил и планы противоборствующих сторон, конкретно раскрывается ход и исход основных операций, даётся взвешенная оценка достижениям военного искусства.

Авторы труда не ставили перед собой цель исследовать региональный аспект военной истории. Но каждый факт Гражданской войны, затронутый ими, имеет чётко выраженные временные и географические границы. Вследствие этого в данном сочинении достаточно активно и продуманно освещается уральский материал, начиная от борьбы белоказаков Оренбургской губернии и заканчивая крупными операциями Красной Армии в 1919 году, которые привели к поражению противника на территории региона.

Накануне выхода в свет второго тома «Гражданской войны в СССР» была опубликована добротная монография видного военачальника, доктора военных наук, генерала армии М.А.Гареева[6]. В книге всесторонне исследована военно-теоретическая деятельность М.В.Фрунзе, с именем которого связаны выдающиеся победы Красной Армии в годы Гражданской войны, в том числе на уральской земле. В монографии М.А.Гареева на высоком профессиональном уровне анализируются Бугурусланская, Белебейская и Уфимская операции, деятельность М.В.Фрунзе в качестве командующего Южной группой армий Восточного фронта и на посту командующего этого же фронта. М.А.Гареев особо отмечает военное искусство М.В.Фрунзе в Уфимской операции, высокий авторитет командующего в войсках, его близость к людям, личную храбрость на поле боя.

В 1970-90-х годах успешно развивалось издание военно-энциклопедических работ. За сравнительно короткий срок увидела свет «Советская военная энциклопедия» в восьми томах, выдержала переиздание энциклопедия «Гражданская война и военная интервенция в СССР», был издан «Военный энциклопедический

словарь»[7]. При внимательном изучении этих публикаций можно обнаружить немало конкретных и полезных сведений по истории Гражданской войны в целом и по интересующей нас теме исследования. Изложенные энциклопедически кратко, эти материалы не только обобщают предшествующие исследования, но и побуждают научную мысль двигаться дальше, ко всё более глубокому и объективному постижению истины Гражданской войны. Немало интересных фактов содержат военно-энциклопедические издания о событиях вооружённого противоборства на Урале, об операциях Красной Армии и войск Колчака, о развитии отечественного военного искусства.

В 1956-1986 годах вышло в свет большое количество трудов, в которых история Гражданской войны исследовалась по отдельным регионам страны. Их авторы, раскрывая ход военных событий, стремились показать специфику и особенности тех или иных районов. Из опубликованных работ на материалах Урала опыт военных действий затрагивается в трудах как московских, так и местных авторов. Специалистов по гражданской и военной истории. Это книги и статьи москвичей Л.М.Спирина, А.А.Спасского, А.П.Ненарокова, Г.Х.Эйхе[8]. В работах местных уральских историков, особенно в трудах доктора исторических наук, профессора Олега Андреевича Васьковского и в коллективной монографии «Гражданская война и иностранная интервенция на Урале» (Свердловск, 1969 год), в научный оборот введён большой документальный материал по теме исследования.

Позднее местные авторы опубликовали две книги «Урал в гражданской войне», «Революция защищается»[9]. Они были опубликованы в 1989 году, к 70-летию победы в Гражданской войне.

Другая группа работ освещает частные вопросы вооружённого противоборства на Урале. Это исторический очерк С.П.Кесарева, А.Н.Королёва, С.П.Пичугова «Особая бригада»[10], статья С.Н.Шишкина «Об организации и проведении контрнаступления Южной группы Восточного фронта». Автор углублённо работал над этой темой ещё в период создания академического курса истории военного искусства, увидевшего свет в 1952 году, и особенно во время подготовки четвёртого тома «Истории гражданской войны в СССР», при написании которого С.Н.Шишкин возглавлял авторский

коллектив. В большой по объёму статье дан обстоятельный анализ разработки плана и организационной подготовки контрнаступления, подчёркнута личная роль М.В.Фрунзе в этот напряжённый период вооружённой борьбы. С использованием дополнительного документального материала С.Н.Шишкин раскрывает каждую из операций контрнаступления Южной группы. В сложившихся схемах освещения военно-исторических фактов стало меньше субъективных оценок, больше реализма в отражении сложных и напряжённых коллизий вооружённой борьбы. Это особенно относится к Уфимской операции, упорные бои за овладение которой завершились крупным успехом советских войск Южной группы Восточного фронта[11].

Своеобразным продолжением данной темы явилось учебное пособие военного историка П.Ф.Ващенко, посвящённое форсированию крупной водной преграды советскими войсками в ходе Уфимской операции. Автор обстоятельно рассматривает боевые действия на подступах к реке Белая, раскрывает опыт начдива 25 стрелковой дивизии В.И.Чапаева, части которого первыми сумели преодолеть водное пространство. В этой обстановке командующий Южной группой войск М.В.Фрунзе принял решение перенести направление главного удара с правого фланга на левый, где обозначился успех 25 стрелковой дивизии. Удачно раскрыто в пособии тактическое мастерство красноармейцев этой дивизии на заключительном этапе операции. Ожесточённые контратаки противника были отбиты, цель операции достигнута: Уфа и прилегающие с востока к городу районы были очищены от белых. Контрнаступление Южной группы войск переросло в общее наступление Восточного фронта. Это и другие пособия полковника П.Ф.Ващенко служили подспорьем в профессиональном становлении военных историков, в подготовке которых он многие годы принимал непосредственное участие[12].

Существенные фрагменты интересующей нас темы затронуты в статьях-предисловиях. В начале рассматриваемого периода вышла в свет статья активного участника Гражданской войны на Урале генерал-полковника Ф.И.Голикова. В качестве предисловия эта работа была помещена в книге известного уральского писателя П.П.Бажова «Бойцы первого призыва», опубликованной вторым изданием в 1958 году. И в статье Ф.И.Голикова, и в книге

П.П.Бажова речь идёт об истории 253 и 254 стрелковых полков 29 стрелковой дивизии Третьей армии Восточного фронта. Это были стойкие боевые части, мужественно сражавшиеся на Урале в 1918–1919 годах. Но если в книге П.П.Бажова, написанной в литературно-мемуарном стиле, показан процесс формирования полков, даны яркие характеристики их бойцов и командиров, особенно в боевой обстановке, то статья Ф.И.Голикова носила совершенно иной характер. Это военно-историческое повествование, содержащее тактический анализ главным образом боевых оборонительных действий двух уральских красноармейских полков. Ф.И.Голиков, воевавший в составе 253 стрелкового полка, используя профессиональную военную лексику, раскрывает суть боевых действий в районах Егоршино, Нижнего Тагила, Кушвы, на пермском направлении. Текст статьи снабжён четырьмя схемами, дополняющими словесное описание эпизодов и фактов вооружённой борьбы[13].

В 1965 году вышли в свет воспоминания Ф.Г.Копытова «В боях на Северном Урале». Предисловие к этой книге написал авторитетный уральский историк О.А.Васьковский. В предисловии удачно раскрыты социально-политическая и экономическая обстановки в районе боевых действий, основные этапы становления красноармейских полков, ход вооружённой борьбы на Северном Урале. Особо подчёркнута роль профессионального революционера Б.В.Дидковского в организации первых военных формирований и политическом воспитании бойцов. Предисловие О.А.Васьковского значительно повысило познавательную ценность воспоминаний Ф.Г.Копытова, внесло посильный вклад в изучение военной истории Урала, особенно в северных районах региона[14].

Во второй половине 1980-х годов были опубликованы три военно-исторические статьи в качестве предисловий к сборникам документов. Содержание статей, как и самих сборников, имеет самое непосредственное отношение к Гражданской войне и военному искусству на Урале. В лучшей из статей, принадлежащей перу доктора исторических наук, профессора Н.Н.Азовцева, проанализирована военная деятельность М.В.Фрунзе на Восточном фронте с 31 января по 15 августа 1919 года. Именно здесь, как считает Н.Н.Азовцев, раскрылся его военный талант. За полгода своего

пребывания на Восточном фронте в должностях командующего армией, группой армий, а затем фронтом М.В.Фрунзе организовал и провёл ряд операций, в результате которых потерпели крупное поражение основные силы Колчака, а их остатки отброшены за Урал[15].

Две другие статьи, авторами которых являются военный историк В.О.Дайнес и видный архивист Т.Ф.Каряева, обращены к документальным изданиям о Второй и Пятой армиях Восточного фронта. В лаконичной форме в статьях освещён сложный процесс формирования этих объединений, дана краткая характеристика проведённых ими операций. В их числе наиболее значительные наступательные операции на территории Урала: Белебейская, Златоустовская, Челябинская (Пятая армия), Ижевско-Воткинская, Сарапуло-Воткинская, Пермская (Кунгуро-Красноуфимская) и Екатеринбургская (Вторая армия).

Бойцы и командиры этих армий, подчёркивается в статьях В.О.Дайнеса и Т.Ф.Каряевой, продемонстрировали в ходе боевых действий высокое мастерство и личное мужество, внесли достойный вклад в развитие отечественного военного искусства. В связи с этим в предисловиях названы имена командующих армиями М.Н.Тухачевского, В.И.Шорина, начдивов В.К.Блюхера, И.К.Грязнова, А.Я.Лапина, К.А.Неймана, А.В.Павлова (Пятая армия), В.М.Азина, Г.И.Овчинникова (Вторая армия) и других видных командиров.

Обобщая наблюдения над литературой 1956-1986 годов, необходимо в качестве частного вывода отметить весьма значительный прогресс в изучении интересующей нас темы. Военные и отчасти гражданские историки с большей объективностью, с привлечением новых источников стали рассматривать ход Гражданской войны на Урале, дали посильное описание операций Красной Армии. Вместе с тем, военная история отдельных регионов не стала пока объектом пристального изучения. Ещё меньше внимания уделялось боевым действиям и военному искусству противника Красной Армии на востоке страны[16].

Обобщая итоги изучения данной темы, есть возможность отметить, что военные события на Урале в 1917-1919 гг. всё активнее привлекают внимание историков гражданского и военного профиля.

Есть надежда, что полученные научные результаты в будущем найдут отражение в комплексных военно-исторических исследованиях.

Примечания:

[1]Кузьмин Г.В. Гражданская война и иностранная интервенция в СССР. Военно-политический очерк. М., 1958.; Найда С.Ф. О некоторых вопросах истории Гражданской войны в СССР. М., 1958; Краткая история Гражданской войны в СССР/Г.Г.Алахвердов, Н.Ф.Кузьмин, М.В.Рыбаков и др. М., 1960; Антонов А.Е. Боевой восемнадцатый год. Военные действия Красной Армии в 1918 – начале 1919 гг. М., 1961 и другие.

[2]История военного искусства: В 8 тт. М., 1960. Т.4; Васьковский О.А., Молодцыгин М.А., Ниренбург Я.Л., Плотников И.Ф., Скробов В.С. Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. - Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство. Свердловск, 1969, 391 с.

[3]50 лет разгрома интервентов и окончания Гражданской войны в СССР // Научная сессия, июнь 1972. Секция 2: Вооружённые силы Советской республики в годы Гражданской войны. М., 1972.; Из истории Гражданской войны и интервенции. 1917-1922 гг.: Сб. статей. М., 1974. В.С.Скробов. Проблемы военной деятельности Коммунистической партии на Урале (октябрь 1917 г. - 1920 г.). Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство. Свердловск, 1973, 299 с. (монография по материалам докторской диссертации).

[4]Там же.

[5]Гражданская война в СССР: В 2 т. М., 1980-1986.

[6]Гареев М.А. М.В.Фрунзе — военный теоретик: Взгляды М.В.Фрунзе и современная военная теория. М., 1985.

[7]Советская военная энциклопедия: В 8 тт. М., 1976-1980. (Первый том энциклопедии опубликован вторым изданием в Москве в 1990 г.); Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1983.; Изд. 2-е. М., 1983.; Изд. 2-е. М., 1986.

[8]Спирин Л.М. Разгром белогвардейских армий на Урале летом 1919 года // Исторические записки. Т.56. М., 1956.; Он же. Участие трудящихся Урала в строительстве Красной Армии (1918 г.) // Из истории борьбы советского народа против иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции в 1918 г.: Сб. статей. М., 1956.; Он же. Разгром армии Колчака. М., 1957; Спасский А.А. Третья армия. Пермь, 1958.; Ненароков А.П. Восточный фронт. 1918. М., 1969.; Эйхе Г.Х. Уфимская авантюра Колчака (март-апрель 1919 г.). М., 1960.; Он же. Опрокинутый тыл. М., 1966.

[9]Лучевников П.С. Гражданская война на Южном Урале (1918-1919 гг.). Челябинск, 1958.; Васьковский О.А. Из истории гражданской войны на Урале. Свердловск, 1961.; Рощевский П.И. Гражданская война в Зауралье. Свердловск, 1966.; Плотников И.Ф. Десять тысяч героев: Легендарный рейд уральских партизан во главе с В.К.Блюхером. М., 1967.; Он же. Героическая эпопея Уральской партизанской армии Блюхера. Уфа, 1986.; Гражданская война и иностранная интервенция на Урале / О.А.Васьковский, М.А.Молодцыгин, Я.Л.Ниренбург, И.Ф.Плотников, В.С.Скробов. Свердловск, 1969.; Капцугович И.С. Прикамье в огне Гражданской войны. Пермь, 1969.; Машин М.Д. Оренбургское и уральское казачество в годы Гражданской войны. Саратов, 1984.; Революция защищается: Взгляд сквозь годы / О.А.Васьковский, Б.Н.Ефремов, Я.Л.Ниренбург и др. Свердловск, 1989.; Урал в Гражданской войне / О.А.Васьковский, Я.Л.Ниренбург, И.Ф.Плотников и др. Свердловск, 1989. (В книге использованы материалы В.С.Скробова и М.А.Молодцыгина).

[10]Кесарев С.П., Королёв А.Н., Пичугов С.Г. Особая бригада: Исторический очерк. М., 1962.

[11]Шишкин С.Н. Контрнаступление Красной Армии на Восточном фронте против Колчака (апрель-июнь 1919 года) // Решающие победы советского народа над интервентами и белогвардейцами в 1919 году: Сб. статей. М., 1960.

[12]Ващенко П.Ф. Форсирование водной преграды и овладение крупным городом с ходу соединениями Туркестанской армии в Уфимской операции. М., 1991.

[13]Голиков Ф.И. История боевых полков // Бажов П.П. Бойцы первого призыва. Свердловск, 1958.; Васьковский О.А. Предисловие // Копытов Ф.Г. В боях на Северном Урале. Свердловск, 1965.; Азовцев Н.Н. Предисловие // М.В.Фрунзе на Восточном фронте: Сб. документов. Куйбышев, 1985.; Дайнес В.О., Каряева Т.Ф. Предисловие // В боях рождённая: Боевой путь Пятой армии (1918-1920): Сб. документов. Иркутск, 1985.; Они же. Предисловие // Вторая армия в боях за освобождение Прикамья и Приуралья. 1918-1919: Документы, Устинов, 1987.

[14, 16]Там же.

[15]Азовцев Н.Н. Предисловие // М.В.Фрунзе на Восточном фронте: Сб. документов. Куйбышев, 1985. С.14.

Тарабаева Елена Валерьевна

Забота о детях, оставшихся без попечения родителей в Сысертском районе в XIX-XX вв.

Во все времена в любой стране мира всегда появляются дети, оставшиеся без попечения родителей. Чаще всего, причины бывают схожими: смерть родителей, отказ от ребёнка сразу после рождения, неизлечимая болезнь ребёнка или матери, материальная невозможность содержать ребёнка. В некоторых странах или у отдельных народов, например, народов Кавказа, детей, оставшихся без попечения родителей, всегда берут в семьи, у них вообще не существует детских домов.

В традициях нашего народа на первом плане тоже была передача детей в семьи родственников, но и в прошлые века, как у нас, так и в других государствах, заботу о сиротах и подкидышах брали на себя церкви и монастыри. В средние века стали создаваться приюты и дома призрения для бездомных и одиноких детей. Вопрос о государственной помощи детям, лишённым опеки родителей, был впервые в нашей стране поставлен в начале XVIII века. Чаще всего, они содержались на средства благотворителей, а во второй половине XIX века приюты и другие учреждения такого типа содержались на средства земств.

После революции, Гражданской и Великой Отечественной войн и в настоящее время детей, оставшихся без попечения родителей, стало такое количество, (например, в начале XXI века, в нашей стране их было более 700 тысяч человек), что их может содержать, в основном, государство.

В связи с этим были созданы интернаты и детские дома. В наши дни самый большой процент детей, оставшихся без попечения родителей, составляют социальные сироты – это дети, у которых родители лишены родительских прав – они или ведут асоциальный образ жизни, или осуждены.

В этой работе отражена история создания и развития системы по защите жизни и здоровья детей, оставшихся без попечения родителей в Сысертском районе в течение полутора веков.

Приют для девочек Д.П.Соломирского

Самым известным в нашем районе был приют Дмитрия Павловича Соломирского, хозяина Сысертских заводов (в это объединение входили Сысертские и Полевские железоделательные

заводы, а также прииски по добыче золота, драгоценных и поделочных камней). Приют был открыт в 1857 году по инициативе сестры Дмитрия Павловича Ольги Павловны, содержание приюта взял на себя брат. Дмитрий Павлович был образованным человеком, учёным-орнитологом, он не только изучал жизнь птиц, но и делал превосходные чучела, коллекция которых хранится в Свердловском областном краеведческом музее, много занимался благотворительностью.

В Сысерти, где жил сам, он основал приют для девочек в возрасте от 2-5 лет до 16-17 лет. Девочки в приюте содержались по семейному типу: это могли быть родные сёстры и девочки из разных семей. Каждая семья-группа состояла из девочек разных возрастов, самая старшая девочка должна была следить за младшими, а для самой маленькой девочки она, по существу, заменяла мать или няню: кормила, купала, стирала на малышку, играла и гуляла с нею.

Кроме того, девочки помогали кухарке на кухне: готовили еду, пекли хлеб, стряпали. Девочек учили сервировать стол, делать заготовки, печь торты, пирожные. Они учились в Сысертской школе, посещали церковь, пели на клиросе. Полученные за пение деньги тратили по своему усмотрению.

При приюте было своё подсобное хозяйство, (лошади, коровы, овцы, птица) был конюх, который ухаживал за животными, а старшие дежурные девочки помогали ему: доили коров, кормили их. Кроме того, в приюте была своя сапожная мастерская, где девочки учились чинить обувь. Каждая из них училась шить и кроить одежду, вязать, вышивать и уметь выполнять всю домашнюю женскую работу. Девушки, воспитанные «по-господски», умели красиво одеваться, содержать в чистоте дом и детей, принимать гостей.

В 16-17 лет девушку выдавали замуж, приютки были завидными невестами: хорошими хозяйками, с приданым (каждой выдавалось по 100 рублей[5], шуба и летнее пальто, валенки, ботинки, ткань на постельное бельё, пуховая шаль, две подушки, перина). В день сватовства всех девочек выводили в зал, девушки на выданье стояли

[5] На эти деньги можно было купить хорошую корову, дом, пуд говядины стоил 15 -20 копеек, пуд крупчатой муки – 3 копейки (пуд – 16 кг).

отдельно. В назначенный час приходили женихи. Девушек выдавали строго по очереди – вначале старших. Чтобы взять именно ту, которая понравилась, специально приходили вместе, и каждый мог жениться именно на избраннице. Знакомились с девушками в церкви, в саду, на праздничных гуляниях.

Даже после того, как Д.П.Соломирский разорился и вынужден был в 1912 году продать свои заводы, он содержал приют до 1918 года. После революции, когда у него забрали дом, Дмитрий Павлович жил в Екатеринбурге, голодал, ночевал, где придётся. Чаще всего его подкармливали бывшие приютки, жившие в Ново-Тихвинском монастыре.

Детский дом на Черкаскуле

Черкаскуль – небольшое поселение, заимка Арамильского заводчика Злоказова на берегу озера Окункуль. Жители работали на пяти небольших заводиках по производству стеклянной посуды для аптек и строительного кирпича (до 1934 года, до образования Свердловской области, Черкаскуль относился к Екатеринбургскому уезду Пермской губернии).

В 1919 году заводики закрылись, в поселении начался голод, много людей умерло от тифа, который в 1920-е годы свирепствовал по всей России. Злоказов уехал, а дом, где он жил, приезжая в Черкаскуль по делам и на отдых, опустел.

В начале 1920 года там стали собираться бездомные беспризорные ребятишки. Заходить и жить в самом доме они побоялись, поэтому поселились на чердаке. Они ловили рыбу в озере, побирались, а чаще воровали картошку и овощи в огородах у жителей.

В начале осени 1921 года их обнаружила Нина Ивановна Леднева. Она была дочерью управляющего у Злоказова. В их семье было шестеро детей, Нина окончила Кыштымскую гимназию, мечтала стать учительницей. Обнаружив голодных, грязных, простуженных и завшивленных ребятишек, Нина сразу перевела их жить в господский дом, вымыла в бане, переодела в чистую, оставшуюся от прежних хозяев одежду, накормила тем, что сумела собрать у местных жителей. После этого девушка поехала в Сысерть, чтобы получить разрешение на открытие детского дома, в котором она проработала до

1923 года. Все эти годы дом существовал не на средства государства, а на пожертвования жителей окрестных сёл и деревень, а, кроме того, за счёт своего подсобного хозяйства и огорода, который обрабатывали сами дети. Из рассказа внучки Нины Ивановны Натальи Александровны Ледневой, мы узнали, что после того, как детей перевели в другие детские дома, Нина осуществила свою мечту – всю жизнь работала учительницей начальных классов в Щербаковке, Андреевке и Никольском.

Школы-коммуны 1920-х гг.

Во время Первой мировой войны, революции, Гражданской войны и голода 1921-1922 годов появилась огромная масса безнадзорных, беспризорных, бездомных детей. Голодные, больные, грязные дети, вынужденные воровать, способные на убийство, они представляли реальную угрозу для страны. Руководители государства, понимая это, приложили немало сил и средств, чтобы дети не оставались беспризорными. По всей стране создавались детские дома, носившие в то время название «трудовая коммуна», «красная коммуна». По существу, это были детские дома с трудовым обучением. Голодная, полуразрушенная страна мало что могла дать этим детям.

В Сысерти было две таких школы. Первая – за кладбищем, в здании, где в годы Великой Отечественной войны и после неё жили тяжелораненые инвалиды, у которых не было родных или с которыми они не имели связи по разным причинам. Партийные и исполнительные органы периодически проверяли состояние дел в этих Трудкоммунах. 6 декабря 1925 года на заседании Сысертского райисполкома обсуждался вопрос «О работе Сысертской школы Трудкоммуны: «В ней дети разных возрастов содержатся без распределения по возрасту и полу. Помещения школы содержатся в грязном виде, имеется масса насекомых, нет смены одежды, обуви, постельного белья. Питание скверное, хлеб выдаётся сырой, мясо – редкостное явление. Заведующий школой Кустарёв Т.Е., член ВКП (б), в обращении с детьми груб, сажает детей, раздетых догола, в холодный погреб или чулан, привязывает раздетых детей к верхним балкам в сарае. Такой случай был с учениками Космаковым и Трофимовым. Имеющиеся при школе пять воспитательниц приходят в школу только к обеду, дежурного воспитателя нет, на дежурстве

дети предоставлены сами себе. 7 октября сего года в 1 час дня школу посетил врач и никого из взрослых не застал». Принятое решение: Кустарёва Т.Е. от работы освободить и объявить выговор с занесением в учётную карточку[6].

« В Сысертский райисполком

Заявление

Сысертский детский дом находится в весьма плачевном состоянии: почти нет дров, еды, совсем нет керосина. От посторонних людей случайно узнал, что в райисполком привезли 15 литров керосина. Убедительно прошу дать нам хотя бы четверть (3 литра), темнеет рано, дети боятся даже по комнатам ходить, а туалет на улице. Прошу в просьбе не отказать». (Подпись неразборчива).

Кроме этой школы-коммуны в Сысерти был ещё один детский дом, располагавшийся в 1927 году по улице Ленина, (№ дома не сохранился). Под №2 в последующих записях в Сысерти фигурирует детский дом на Воробьёвской заимке.

Из личного дела Атманских (Мухлыниной) Зои Николаевны следует, что с 4 апреля 1921 года по 13 мая 1923 года она работает воспитателем в Сысертских детских домах, а затем в 1925-1926 годах трудится воспитателем в Сысертском дошкольном детском доме. Теперь детей не только разделили по возрастам, но и малолетних детей выделили в самостоятельный детский дом.

Детские дома в годы Великой Отечественной войны

В 1941 и 1942 годах в Сысертский район были эвакуированы дети из Москвы, Ленинграда и других городов. Многие из них остались сиротами, поэтому были открыты детские дома в Арамили, Кашино, Ключах, Верхней Сысерти, Больших Сидельниках. В Сысерти к уже существующим домам были добавлены ещё другие здания. Кроме того, для ослабленных детей младшего школьного возраста и дошкольников был открыт санаторный детский сад с круглосуточным пребыванием детей. В нём тоже находились дети-сироты. Он

---

[6] - Текст взят без изменения в Сысертском отделении ГАСО (Ф.155, оп.1, д.48). Выговор с занесением в учётную карточку был серьёзным наказанием : при повторном выговоре могли исключить из членов ВКП(б).

располагался по улице Быкова, дом 13. В некоторых случаях в семьях, где мать не могла содержать своих детей, она просила устроить их в детский дом. РайОНО решал и другие вопросы. Например, художественный руководитель Потапов обращается в РайОНО с просьбой разрешить ему взять на воспитание из Кашинского детского дома Кручинина Володю, «который имеет большое сходство с моим сыном, погибшим в Воронеже. Семейное число: я и бабушка, которая будет за ним ухаживать. Обязуюсь воспитывать его как своего родного ребёнка».

После войны в Советском Союзе официально насчитывалось 650 тысяч сирот. Государство взяло на себя заботы о передаче имущества по наследству детям-сиротам. Они были освобождены от обязательных поставок мяса и яиц полностью, а молока на 50% до достижения детьми шестнадцатилетнего возраста, если наследством являлись животные и птица. Во время войны детские дома находились на частичном самообеспечении: сами заготовляли дрова, сажали картошку и овощи, вели подсобное хозяйство, собирали грибы и ягоды.

В архивах В.Колегова были обнаружены фотографии, рассказывающие о жизни детей в Сысертском детском доме: существовал хор, ребята ходили в походы по окрестностям Сысерти, работали кружки лепки из глины, танцевальный, активно работала пионерская дружина.

После войны часть ребят, у которых нашлись родные, разъехались в разные места, но для большинства Сысерть стала второй родиной.

Страницы истории Сысертского детского дома

К началу 1990-х годов в Сысертском районе остро встал вопрос о беспризорных детях. Приютов в Двуреченске и Арамили явно не хватало. Откуда они появились, эти «лишние» дети? Перестройка, потеря работы, жилья, полугодовые задержки зарплаты сделали своё чёрное дело: семьи, особенно молодые и многодетные, стали распадаться. Родители, потерявшие всякие ориентиры в жизни, то бросались в пьянство, то просто оставляли своих новорожденных детей в больнице, то уезжая на заработки, оставляли их одних или с родственниками. Такое положение не могло не тревожить руководство района, и в первую очередь, начальника Управления

образования А.В.Мельникову. Со свойственной ей энергией она взялась за создание детского дома в Сысерти. Проблемы с помещением не было: садики не были заполнены даже наполовину.

26 ноября 1994 года детский дом принял первых 46 ребят. Трудностей, конечно, было много, но главная из них – отсутствие финансирования и продуктов. Денег катастрофически не хватало, а если и появлялись, то найти нужные продукты было непросто. Иногда Александра Викторовна сама лично, под свою ответственность брала продукты в долг, благо, она человек известный, и ей доверяли.

С первых дней существования детского дома был создан опекунский совет, которым бессменно руководит Ирина Александровна Анисимова. В совет вошли руководители предприятий, бизнесмены – все, кто мог реально помочь и постоянно помогает детскому дому. Благодаря такой важной для нас поддержке, мы ежегодно отдыхаем на море – в Сочи, Туапсе, Анапе. Каждое лето наши ребята ездят в местные лагеря отдыха, причём на две, а то и три смены. Шестой год подряд КЗФ проводит хоккейный турнир на приз детского дома, который стал мероприятием областного масштаба. Нашу команду регулярно возят на тренировки в Двуреченск, администрация завода приобрела для хоккеистов коньки и форму. На все праздники наши старшие друзья привозят нам подарки, устраивают чаепитие с вкусными тортами. Семь лет назад группа «Чайф» подарила нам автомобиль «Газель». Ежегодно самые активные наши ребята и те, кто хорошо учатся, ездят на ёлку в Кремль и резиденцию губернатора Свердловской области. В каникулы нам организуют увлекательные поездки на базу «Белая лошадь», интересные экскурсии по городам России. Наши ребята активно участвуют в краеведческих конференциях, геологических олимпиадах, конкурсах различного уровня – муниципальных, областных и российских. Андрей Шахтёров был победителем конкурса «Отечественная война 1812 года», который проводил журнал «Мурзилка», Алёша Митрофанов получил диплом победителя за рисунок, посвящённый 700-летию со дня рождения Сергия Радонежского. Этот конкурс проводил Московский Ставропигиальный мужской монастырь. Воспитанники детского дома ведут волонтёрскую работу: поздравляют с праздниками и дарят сувениры, сделанные своими руками, ветеранам села.

За 23 года существования детского дома в его стенах воспитывались 283 ребёнка. Они поступали к нам в разном возрасте, по разным причинам, некоторые уходили под опёку, часть возвращалась в кровные семьи, но большинство получали общее среднее образование и получали специальности в разных учебных заведениях. Первые наши выпускники давно стали взрослыми, создали свои семьи, живут, трудятся и растят своих детей, у них хорошо налаженная жизнь, в которой они мужественно преодолевают трудности, которые выпадают на их долю.

Произошли изменения и в жизни самого детского дома. В Сысерти родилось много детей, мест в садиках не хватало, остро встал вопрос: куда переводить детский дом. Между Двуреченском и Новоипатово выбор пал на Новоипатово, и в 2006 году детский дом переехал. С одной стороны, мы получили более просторное, перестроенное под наши нужды помещение, но с другой – встал вопрос с кадрами: далеко не все бывшие работники решились ездить на работу за 42 км. В Новоипатово нет ни клуба, ни медпункта, очень плохая разбитая дорога – всё это мешает ребятам посещать кружки, секции, более интересно проводить свой досуг. В 2016 году, через десять лет после переезда, все детские дома России передали в Министерство социальной политики и реорганизовали в Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних Сысертского района. У работников Центра несколько изменились обязанности, но в целом главное – забота о детях, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, осталась. На сегодняшний день в Центре воспитывается 32 ребёнка в возрасте от 4 до 16 лет, кроме того, мы ведём работу с выпускниками прошлых лет, не достигших 18 лет и обучающихся в профессиональных училищах и колледжах. На все каникулы они приезжают к нам, педагоги Центра следят за их учёбой. Социальный педагог обеспечивает работу по предоставлению жилья выпускникам, накоплениями на их сберкнижках. Содержание каждого ребёнка обходится государству в 770 тысяч рублей. Все нормативы по питанию, одежде, обуви, постельным принадлежностям и другим предметам, обеспечивающим хорошие бытовые условия, строго соблюдаются.

Кроме нашего Центра, в Арамили имеется приют временного содержания детей, где дети живут от нескольких дней до нескольких

месяцев. Сюда чаще всего привозят детей, чьи родители не лишены прав, но дети по разным причинам находятся в ситуации, опасной для их жизни и здоровья, при улучшении ситуации родители забирают детей домой. Здесь же содержатся дети, не получившие направления в Центры области. В приют принимают и детей по заявлению мамы, если по каким-то причинам она не может сама содержать детей, срок пребывания не может быть более полугода.

В заключение я хочу сказать, исходя из своей двадцатилетней работы в Центре, что детские дома не исчезнут и в будущем, потому что в любое время обязательно будут дети, нуждающиеся в опеке государства.

Тетерин Вадим Игоревич

Организация работы Пермского уголовного розыска в 1930-ее гг.

Охрана правопорядка, защита граждан является одной из важнейших задач государства. Преобразования, происходящие сегодня в области правозащитной деятельности, построение правового гражданского общества, и, прежде всего, реформирование правоохранительной системы, заставляют обращаться к историческому опыту нашего государства, который приобретает в этих условиях особое значение. Поэтому становление и развитие милиции (полиции) в России до сих пор вызывает интерес историков, юристов, краеведов. Проблеме возникновения милиции на территории Пермской губернии было посвящено несколько крупных работ, среди которых стоит выделить диссертацию В.К.Довгяло[1] и монографию В.М.Руцкина[2]. Однако в этих и других работах анализируется, прежде всего, опыт дореволюционной деятельности, а также становление собственно советской милиции. Уголовному розыску, к тому же в такой политически сложный период как 1930-е гг. внимание не уделяется. Существующий на сегодня обширный историографический комплекс по этому периоду посвящен, прежде всего, репрессиям и связанными с ними репрессивными органами и пенитенциарной системой. Уголовному розыску и борьбе с преступностью на территории современного Пермского края в 1930-е

гг. исследователи практически не уделяли внимания. Вместе с тем, это значимый этап в общей истории уголовного розыска в Прикамье.

На территории Пермской губернии окончательно сформировать органы милиции, в том числе отдел уголовного розыска, удалось только к октябрю 1918 г. Это совпало с формированием единой системы уголовно-розыскных органов РСФСР. В губернию было прислано «Положение об организации уголовного розыска», утверждённое Коллегией НКВД РСФСР 5 октября 1918 г. Пермское отделение уголовного розыска начало своё существование 22 ноября 1918 г. «для охраны революционного порядка путем негласного расследования преступлений уголовного характера и борьбы с бандитизмом». С этого момента начинается история советского уголовного розыска на территории Пермского края, столетний юбилей которого отмечается в этом году.

Это было тяжелое время становления уголовного розыска. И все же благодаря личной ответственности и энтузиазму руководству Пермского губернского отдела уголовного розыска удалось сформировать квалифицированный коллектив, который смог противостать вызовам времени. Если первые годы были крайне тяжелыми, то уже с начала 1920-х гг. началась новая страница в работе Пермского уголовного розыска.

В этот период была развёрнута активная борьба с многочисленными уголовными бандами, наследием Белого движения в Пермской губернии. Города и села были наполнены разного рода уголовными элементами. Регулярно поступали сообщения о кражах, разбойных нападениях и т.д. Жизнь в губернии была неспокойной. Обращало на себя внимание большое число детской преступности. По официальным данным, почти треть преступлений (30,3%) совершалась подростками. Результатом работы стало создание работоспособной системы органов уголовного розыска. Но уже в 1930-е гг. налаженная работа была нарушена. Повлияли на это и политическая обстановка в стране в целом, и особенно административные изменения, которые произошли на территории Прикамья.

В тридцатые годы территория современного Пермского края входила в состав Уральской, а с 1934 г. – Свердловской области. Руководство уголовным розыском располагалось в административном

центре области. Тем не менее, пермские сыщики продолжали славные традиции, заложенные в предыдущие годы. Новым начальником уголовного розыска в Перми стал А.И.Куликов. Он прошел весь путь от оперуполномоченного до начальника отдела, при этом всегда проявлял личное мужество и острый ум.

В это время значительно расширяются полномочия и возможности милиции. С одной стороны, это вело к общему снижению преступности в регионе. С другой стороны, в это время обозначилась негативная тенденция – на общем фоне уменьшения числа преступлений росло количество тяжких правонарушений.

Остро стоял в это время вопрос о разграничении полномочий. Регулярно собирались съезды и совещания региональных руководителей. Отдел милиции НКВД решал в это время вопрос о передаче дознаний по всем делам уголовного характера из органов милиции в органы уголовного розыска[3]. В результате нескольких совещаний это разграничение было реализовано, что позволило повысить эффективность в расследовании уголовных дел.

В то же время, для нормальной работы уголовного розыска необходимо было расширение штата. Поэтому из Перми регулярно шли телеграммы в Свердловск. Этот вопрос был даже поднят на уровне Уральского областного исполнительного комитета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Но чиновники пошли на это только за счет сокращения других милицейских должностей. Более того, было получено предписание о сокращении административно-управленческих расходов на 20%[4]. Показательна простая цифра – к началу 1930-х гг. в штате уголовного розыска Пермской городской милиции состояло всего три конных сотрудника[5]. И это на всю территорию большого города, где только-только появился трамвай, а конный транспорт оставался главным средством передвижения горожан. А инспекторов и агентов уголовного розыска по штату для Пермского округа было определено всего 14 человек, в то время как в соседнем Свердловском округе 22 человека[6].

Все это обостряло и так неспокойную ситуацию в Пермском округе. Появление новых банд, убийства, грабежи – все это стало возможным в связи с громоздкостью и неповоротливостью оперативно-следственных аппаратов управления. Слишком большая

территория не позволяла эффективно и быстро реагировать на все преступления. Повлияла на рост преступности и развернувшаяся в Прикамье коллективизация.

Тем не менее, и в это время были раскрыты несколько громких дел. Так, в тридцатые годы в Перми орудовала целая банда врачей, за деньги выдававшая «липовые» справки и больничные листы. За отдельную плату любому могли поставить нужный диагноз. Пермские сыщики смогли вывести на чистую воду нечистоплотных эскулапов, напрочь забывших о клятве Гиппократа. А ведь это время индустриализации, стремительного роста промышленности на Урале. И такие врачи создавали условия для оттока рабочей силы в такое сложное для страны время! Тем особенно ценна операция пермского уголовного розыска.

А вот еще одно громкое дело – умерщвление младенцев. На железнодорожной платформе обнаружили мальчика и девочку – близняшек. Оставили их на верную смерть, якобы, пассажиры проезжавшего поезда. Но по собранным уликам удалось установить, что преступниками стала местная семья. На общем совете (даже старенькая бабушка принимала жестокое решение) и приговорили младенцев к смерти, дабы избежать семейного позора. Но уголовный розыск блестяще решил эту сложную задачу.

Наконец, одним из самых громких дел этого периода стала ликвидация банды в Ординском районе, которой руководил бежавший из мест заключения рецидивист по кличке Санко Медвежонок. Преступники грабили только что созданный колхоз и бедняцкие хозяйства района, отбирая у них зерно. Этого бандита знали все жители, он не раз безнаказанным уходил от погони, шел на рискованные преступления. В итоге он был подстрелен агентами Пермского уголовного розыска и скончался в лесной избе, а банда его была окружена и ликвидирована.

В 1936 г. сотрудники уголовного розыска из Перми стали известны на весь Советский Союз. Только они под руководством А.И.Куликова смогли поймать группу рецидивистов Скумбрина и Игошина, долго грабивших правительственные учреждения по всей территории СССР. Такая их успешная преступная деятельность объяснялась отсутствием координации между отделами уголовного розыска по всему Союзу.

Для сотрудников Пермского окружного уголовного розыска в эти годы регулярно проводились специальные занятия для повышения общего уровня сотрудников. Была даже разработана специальная программа «внешкольных занятий»[7]. Программа этих курсов была рассчитана на 85 часов, что превышает даже современные стандартные программы повышения квалификации. На занятиях слушатели изучали технику уголовного розыска, в том числе распознавание следов человека (руки, ноги, зубы, пальцы, ногти и т.д.), технику производства осмотров места преступлений, регистрацию преступлений и даже отдельное занятие по фотографии. Особое место в программе занимала теоретическая работа по уголовному и уголовно-процессуальному кодексу. Наконец, нашла свое место в этих курсах и боевая подготовка. Она включала в себя стрелковое дело и занятия джиу-джитсу. Некоторых сотрудников Пермского уголовного розыска могли направлять на курсы или практику в административный центр – Свердловск в 1-ю Свердловскую школу младшего начсостава милиции, или даже в Омск, во 2-ю школу среднего комсостава милиции и уголовного розыска. В результате такой программы росли профессиональные качества пермских сотрудников уголовного розыска.

В свою очередь, в Пермь на практику и для усиления местного штата регулярно присылались следователи из других регионов страны. Например, по линии уголовного розыска в Пермь были направлены три студента Иркутского государственного университета[8]. Здесь они стажировались три месяца, после чего вернулись назад в Иркутск.

На смену А.И.Куликову в 1938 г. на пост начальника уголовного розыска вновь созданной Пермской области пришел Аркадий Иванович Кунгурцев, который возглавлял эту службу вплоть до 1941 года, когда он был отправлен на фронт. Аркадий Иванович родился 19 марта 1904 года в г.Курган в крестьянской семье. В Кургане же он проучился в церковно-приходской школе, так и не закончив её, там же с 1916 г. работал служащим в страховом агентстве. Его жизнь круто поменялась в годы Гражданской войны. Уже в 1919 г. он был принят в члены ВКП(б) с номером билета 2639317. До 1921 г. продолжалась его служба в армии, после чего он был направлен в ряды милиции. Службу нес сначала в родном городе, затем был переведен в

Челябинскую область, потом в Свердловскую. Так он и кочевал с одного места на другое, а партия перебрасывала его туда, где особенно нужно было усиление в борьбе с бандитизмом. Наконец, в 1937 г. он попадает в Чусовой, где стал начальником городской милиции, а с 1938 начальником уголовного розыска Пермской области.

За время нахождения на посту начальника уголовного розыска коллеги отмечали его усердие и трудолюбие. Он постоянно продолжал учиться, занимался самообразованием. В 1936 г. закончил университет в Свердловске. На протяжении всего срока службы в Перми занимался общественной работой. В результате, в декабре 1939 г. он с абсолютным большинством победил на выборах в Пермский городской Совет депутатов трудящихся[9], что служит безусловным показателем его заслуг. Начальство также отмечало его работу, в том числе борьбу с бандитизмом в крайне тяжелое и неспокойное время в конце 1930-х гг. За безупречную службу Кунгурцев был награжден в разное время именными часами, револьвером и кожаной кобурой, именной грамотой от 1939 г. «за борьбу с преступностью»[10].

Таким образом, в изучаемый период благодаря принимаемым мерам по совершенствованию деятельности службы уголовный розыск Пермской (а с 1940 года – Молотовской) области представлял собой хорошо организованный аппарат. Большой вклад внесли руководители отделов уголовного розыска. Благодаря их работе удалось ежегодно показывать хороший процент раскрываемости преступлений и даже работать на их предупреждение. Особенно ярко результаты работы уголовного розыска в 1930-е гг. проявились уже в годы Великой Отечественной войны.

Примечания:

Довгяло В.К. Становление и развитие органов милиции на территории Пермской губернии (Февраль 1917 - март 1921 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2004. – 296 с.

[2] Руцкин В.М. История милиции Пермского края. Пермь: Издательский центр «Титул», 2013. – 440 с.

[3] ГАПК Ф. р.115. Оп. 1. Д. 81. Л. 12.

[4] ГАПК Ф. р.115. Оп.1. Д. 158. Л. 196.

[5] Там же. Л. 254.

[6] Там же. Л.262-263.
[7] ГАПК Ф. р.115.Оп.1. Д. 78. Л. 9-10.
[8] ГАПК Ф. р.115. Оп. 1. Д. 158. Л. 189.
[9] ГАПК Ф. р.176. Оп. 8. Д. 1113. Л. 8об.
[10] Там же. Л. 4об.

Фомичёв Игорь Алексеевич

Надеждинский сталерельсовый завод в годы Первой мировой войны

Ввиду выявившейся в начале войны нехватки снарядов в русской армии и других видов снаряжения с лета 1915 года все уральские частновладельческие заводы были привлечены к работе на оборону. Не миновала сия участь и Надеждинский сталерельсовый завод, где начали строить снарядный цех. 19 сентября 1915 года директор Надеждинского завода барон Таубе по поручению Преосвященного Серафима, епископа Екатеринбургского отправил Государю Императору телеграмму: «Преосвященный Серафим Екатеринбургский освятил сегодня первую мастерскую нового снарядного цеха, строящегося на Надеждинском заводе Богословского округа, и возжёг пламя в печах мастерской со Святой молитвой об успехе дела, начатого за Царя и Отечество. От лица 6 тысяч служащих и рабочих беру на себя смелость повергнуть к стопам Вашего Императорского Величества верноподданнические чувства всех трудящихся на заводе на защиту Родины и возносивших Господу Богу горячие молитвы о здравии Вашего Величества и даровании победы нашему доблестному воинству, предводимому своим Царём»[1]. В ответной телеграмме Государь Император выразил свою благодарность рабочим и служащим завода.

27 октября 1915 года на основании постановления Председателя Особого совещания Главное артиллерийское управление заключило контракт с Богословским горнозаводским обществом на изготовление в период с 1 февраля 1916 года по 1 января 1917 года 100 тысяч штук стальных фугасных бомб к 6-ти дюймовым гаубицам и 150 тысяч штук линейных фугасных бомб к 48-ми линейным гаубицам. Договор подписали председатель правления Богословского горнозаводского

общества статский советник Александр Александрович Половцов, директор-распорядитель общества горный инженер, коллежский советник Рудольф Федорович Цейдлер, начальник главного артиллерийского управления генерал-лейтенант Маниковский, начальник 1-го хозяйственного отдела генерал-майор Петровский[2]. Надеждинский завод приступил к выполнению заказа на несколько месяцев позже указанного срока. По этому поводу в письме начальнику Главного артиллерийского управления директор завода барон Таубе писал: «Общество, впервые получившее заказ на снаряды, должно было организовать всё снарядное производство в полном объёме, то есть построить и оборудовать прессовую, закалочную, снарядно-токарную мастерские. К тому же необходимо было получить своевременно оборудование, по преимуществу от заграничных фирм – пресса, насосы, станки, сталь и т.д. Заказанные Обществом в Дании пресса у фирмы «Нильсен и Винтер» не представлялось возможным получить своевременно по обстоятельствам военного времени и Обществу пришлось построить таковые четыре штуки своими, весьма ограниченными механическими средствами на Надеждинском заводе. Благодаря этому прессовая мастерская стала работать и выпускать штампованные стаканы в начале марта 1916 года в количестве с избытком, обеспечивавшем производство снарядной мастерской. Заказанные Обществом первоначально в августе и октябре 1915 года станки в количестве 414 штук, из коих 200 штук заказаны были Русскому паровозостроительному обществу в Харькове, а остальные в Дании (115) и Америке (99), стали поступать в Надеждинский завод со значительным опозданием. Русское паровозостроительное общество, обязавшееся закончить поставку всех 200 штук станков к маю 1916 года, в действительности к этому сроку поставило лишь 40 штук, поставив остальные в ноябре 1916 года. Заказ из Дании вместо 15 марта начал поступать на завод лишь с мая по ноябрь 1916 года. С таким же опозданием прибыли станки из Америки. Ограниченность Надеждинского завода в механических средствах, а равно недостаток в квалифицированных рабочих – токарях и слесарях, недостаток в инструментальной стали и, особенно самозакаливающейся (быстрорежущей), в значительной степени тормозили производство[3].

В связи с военным производством Надеждинск становится административным центром Богословсого горного округа. В декабре 1915 года из Богословска сюда переезжает администрация БГО. Для инженеров и их семей недалеко от железнодорожного вокзала построили жилой посёлок, получивший название Богословский. В 1 линии Старого посёлка (ул.Октябрьской революции, 4) возвели административный корпус БГО. Развитие снарядного производства требовало привлечения на завод специалистов в области изготовления боеприпасов. В 1915 году на завод из Петрограда прибыл инженер по производству броневой стали И.И.Субботин, он заведовал цехом термической обработки стали. В первых числах апреля 1916 года приезжает инженер Балтийского судостроительного завода Ладан, возглавивший снарядный цех. В снарядных мастерских помимо местных рабочих трудились высококвалифицированные рабочие Балтийского, Обуховского и Путиловского заводов, командированные в Надеждинск Главным артиллерийским управлением. Вместе с ними работали солдаты из батальона 1-го Туркестанского инженерного полка, прибывшие в Надеждинск из Перми 20 декабря 1916 года[4].

Осенью 1916 года в Надеждинск из Риги эвакуировали машиностроительный завод Общества братьев Клейн. «Германское машиностроительное акционерное общество братьев Клейн» было основано в 1897 году немецкими промышленниками и владело крупным машиностроительным заводом в Риге. На нём производились паровые машины, паровые насосы, гидравлические прессы, оборудование для доменных печей, прокатные станы. В начале войны завод национализировали и передали Богословскому акционерному обществу, с условием в пятимесячный срок пустить его оборудование. Эту задачу предстояло решить группе инженеров во главе с С.С.Постниковым. Через некоторое время Сергей Семёнович был назначен главноуправляющим Богословским горным округом. О нём известно следующее. Родился в 1870 году, коллежский советник. В 1895 году окончил Петербургский горный институт. В феврале 1897 года причислен к горному департаменту и направлен на Александровский завод Брянского акционерного общества. С апреля 1904 года работал на инженерных должностях в машиностроительном Обществе братьев Клейн в Риге. Затем до января 1918 года служил главноуправляющим БГО. С августа 1918 года товарищ (заместитель)

управляющего министерством торговли и промышленности Временного областного правительства Урала. С декабря 1918 года – Главный начальник Уральского края. 25 марта 1919 года подал прошение об отставке. С мая 1919 – доверенное лицо по делам семи уральских горных округов. С августа 1919 года – управляющий делами и имуществом Богословского горнозаводского акционерного общества и Алтайских угольных копей в Томской губернии. В 1920 году жил во Владивостоке. В 1921 году эмигрировал в Китай. Проживал в Шанхае, потом переехал в Германию. Дальнейшая судьба неизвестна.

Второй контракт с Главным артиллерийским управлением Богословское горнозаводское общество заключило 26 апреля 1917 года. На этот раз договор предусматривал изготовление 6-ти дюймовых стальных фугасных гаубичных бомб в количестве 208 тысяч штук в течение мая-августа 1917 года по 25 тысяч штук в месяц, и в сентябре-декабре 27 тысяч штук ежемесячно на сумму 13728000 рублей. От Главного артиллерийского управления в Надеждинск прибыл прапорщик В.Водзиновский, исполняющий обязанности артиллерийского приёмщика. Изготовленные бомбы направлялись на снаряжение в Сергиевский завод (г.Самара). В акте приёмки прапорщик писал: «Принятые бомбы изготовлены во всём согласно чертежей и инструкций из материалов надлежащих качеств, мною осмотрены, где следует смазаны, лакированы, снабжены деревянными втулками и прижимными винтиками, имеют установленные клейма и признаны годными для службы и укупорены в деревянные ящики»[5].

Помимо расходов на основное производство администрация завода поддерживала и инфраструктуру посёлка. Так, в смете общих расходов Надеждинского завода на 1916 год были заложены следующие суммы:

медицина – 16390 рублей (жалование служащим, пособия семействам мобилизованных солдат, прислуга, медикаменты, содержание больных, отопление, освещение, погребение, канцелярские принадлежности, отопление квартир медицинского персонала),

телефоны служб и учреждений – 1791 рубль,

гостиница и дом для приезжих – 8498 рублей,

пожарный обоз – 5325 рублей,

церковь – 1898 рублей (жалование причта, сторожа, отопление, разный мелкий ремонт),

мечеть – 1039 рублей (жалование причта, сторожа, мелкий ремонт),

школа – 698 рублей (жалование сторожа, отопление, освещение),

клуб, театр, библиотека – 1482 рубля (жалование библиотекаря, сторожа, отопление, освещение),

полиция – 15273 рубля (жалование пристава, канцелярские расходы, отопление, освещение),

дворово-ремонтная служба – 18352 рубля (жалование служащим, рассыльным, трубочистам, печникам, стекольщикам, уборщицам),

баня – 8029 рублей (жалование прислуге, кочегарам, отопление, освещение, мелкий ремонт),

прислуга при квартирах старших служащих – 8556 рублей,

отопление и освещение заводских квартир, водоснабжение новых домов в лесничестве, содержание ключника – 28225 рублей,

чистка площадей и содержание в чистоте завода – 2500 рублей,

ассенизация – 8900 рублей (очистка помойных ям, завалка нечистот, очистка дворов, могилы для животных),

содержание дорог, тротуаров и канав – 84650 рублей

ремонт домов служащих – 126166 рублей,

охрана завода – 34616 рублей.

Отдельной строкой в смете была прописана сумма на содержание технического бюро (чертёжной) завода – 21250 рублей, куда входило жалование служащим и рассыльным[6]. В техническом бюро работали: заведующий Соколов Николай Владимирович; инженеры Чиняков Александр Григорьевич, Быляев Анатолий Петрович, Кутуков Николай Петрович; чертёжник-конструктор Горбунов Алексей Павлович; чертёжники Щапов Владимир Алевксандрович, Александров Андрей Акимович, Калеватов Владимир Филиппович, Зюзин Вячеслав Алексеевич, Шелепов Аполлон Алексеевич, Кунавин Геннадий Александрович, Боровских Иван Иванович, Космин Виктор Всеволодович, Пастухов Борис Николаевич, Пермяков Николай Сергеевич, Сычёв Владимир Ерофеевич, Фурит Иван Иванович, Аверьянов Пётр Владимирович, Суворов Николай Максимович, Сухоросов Леонтий Амосович, Милехин Николай Аркадьевич,

Светлаков Александр Васильевич, Ченцов Николай Петрович, Жуков Фёдор Андреевич, Еремеев Пётр Алексеевич; ученики Карпов Павел Александрович, Тетерин Виктор Митрофанович, Полуэктов Андрей; военнопленные Карл Стефанг, Бенедикт Иосиф, Штимац Иосиф, Щербоут Вилли, Антал Герои, Чех Франц, Хафт Иосиф, Франк Стефан[7].

Наряду с военным производством, сталерельсовый завод изготовлял стальные рельсы, осевую заготовку, сортовое и кровельное железо, прокатывал металл для Главного артиллерийского управления, Главного военно-технического управления, Министерства путей сообщения. Продукция завода поступала на Коломенские заводы, Николаевскую, Китайско-Восточную, Томскую и Северную железные дороги. Стальные рельсы типа 3А, 4А применялись на Омской, Самаро-Златоустовской, Забайкальской и Пермской железной дорогах. Но в первую очередь в больших объёмах завод выпускал артиллерийскую сталь. Так, например, из-за больших заказов на данную продукцию в 1916 году прокатка рельсов была остановлена на неопределённое время. Снарядная сталь 126 х 126 мм, 154 х 154 мм и 78 х 78 мм отгружалась для Русского общества, Пермских заводов, Лысьвенского завода, заводов Лесснера, а также для прессовой фабрики Надеждинского завода. На Тульском оружейном заводе из надеждинской стали производили пулемёты, винтовки, револьверы и взрыватели. Осевую заготовку в основном приобретали Коломенский машиностроительный, Брянский рельсопрокатный, Невский судостроительный, Сормовский и Камско-Воткинский заводы. При хватке металла на заводе она прокатывалась, как правило, из слитков, непригодных для артиллерийской стали из-за недостаточной твёрдости. Производительность Надеждинского завода за 1-й квартал 1916 года составила в пудах:

	январь	февраль	март
выплавка чугуна	460573	606874	619078
выплавка мартеновской стали	663066	735684	969205
стан 850:			
прокатка снарядной стали	278885	235832	420187
прокатка снарядных и ружейных блюмсов	45402	101660	74753
прокатка взрывательных блюмсов	53422	50206	19636

прокатка осевых блюмсов	3167	13090	6227
стан 450:			
прокатка сортового железа	12629	406	4653
прокатка сутунки	68695	64712	75791
прокатка снарядной стали	–	17877	22294
прокатка ружейной стали	9509	12976	30540
прокатка взрывательной стали	25422	34644	16834
прокатка шанцевой стали	23298	–	306
стан 320:			
прокатка сортового железа	–	–	1858
прокатка взрывательной стали	5538	4197	5935
прокатка ружейной стали	18160	18132	15880
прокатка проволоки	20901	32904	32485
прокатка обручного железа	–	–	1658
производство фасонных отливок для собственных нужд	4720	3965	5567[8]

Соответственно в декабре на Надеждинском заводе выплавили чугуна – 570873 пуда, мартеновской стали – 594249, прокатано снарядной стали – 126624, взрывательной стали – 11483, легковесных рельсов – 31412, поволоки (катанки) – 46108, осевой заготовки – 10926, сортового железа – 19260. Уменьшение производительности завода и несвоевременное выполнение заказов по снарядной стали было вызвано рядом причин. Инженер отдела по испытанию и освидетельствованию заказов Министерства путей сообщения на заводах Богословского горного округа Н.К.Петров 7 декабря 1916 года писал уполномоченному по Уральскому району председателя Особого совещания по обороне государства: «Имею честь сообщить, что главнейшими причинами опоздания в исполнении Надеждинским заводом заказов на артиллерийскую сталь были: 1)недостаток металла на заводе, 2)имевший место в ноябре сего года при наступлении морозов недостаток каменного угля при отсутствии его запасов в заводе. Для устранения первой причины необходимо увеличение выплавки чугуна пуском шестой, ныне не работающей, доменной печи, для чего нужно усилить заготовку дров и угля, построить новые углевыжигательные печи, увеличить средства для перевозки руды и горючего в завод. Последний имеет все данные для увеличения выплавки чугуна: богатые лесом дачи для пользования горючим,

хорошо оборудованные рудники с большими залежами железных руд и стоящую без работы шестую доменную печь со всем её оборудованием. К пуску этой печи необходимо округу подготовиться (увеличить заготовки сырых материалов и горючего), что потребует необходимого времени и, притом, может быть продолжительного, так как упущено летнее время, наиболее удобное для постройки углевыжигательных печей. До осуществления работы шестой доменной печи увеличение выработки снарядной стали могло бы быть достигнуто путём прекращения на заводе выплавки металла для проволоки и сортового железа. Прокатку этих изделий можно осуществлять из слитков, доставляемых с других заводов. Проволочный и сортовой металл могут изготовлять заводы, имеющие фосфористые чугуны, не пригодные для выделки снарядной стали, но годные для мягкого металла. Чугуны же Надеждинского завода, как мало фосфористые, наиболее целесообразно было бы использовать для артиллерийской стали. Прекращение производства проволочного и сортового железа может дать увеличение выплавки снарядной стали до 70-90 тысяч пудов. Ее поставка Надеждинскому заводу с других заводов невозможна. Увеличению производства снарядной стали могло бы содействовать отдаление сроков поставки 2 млн пудов проволоки по заказам Главного военно-технического управления от 4 августа 1916 года. Опоздание поставок снарядной стали к 1 ноября сего года превысило 1 млн пудов, потому меры к усилению металлургической деятельности завода являются необходимыми. Второй причиной опоздания в поставке Надеждинским заводом снарядной стали был недостаток каменного угля, вызвавший остановку прокатки с 5 по 12 и с 22 по 25 ноября. Недостаток каменного угля на заводе был вызван тем, что при наступивших морозах понизилась работоспособность рабочих по добыванию угля (китайцев). Суточная потребность в каменном угле на Надеждинском заводе за последнее время, благодаря расширению завода, значительно возросла, каменноугольные же копи своевременно не увеличили в достаточной мере свою производительность. Кроме того, выбыли в ремонт два паровоза Богословско-Сосьвинской железной дороги, понизив тем пропускную способность последней»[9].

Со своей стороны заводоуправление и администрация БГО предпринимали все меры, дабы нарастить мощности производства

снарядной стали. На Богословские копи было завезено дополнительное оборудование, приобретено для нужд БСЖД два паровоза из Америки. Тем не менее, на железной дороге количество паровозов для обслуживания нормальной работы завода являлось недостаточным, что оставалось одной из главных причин низкой производительности предприятия. В отношении малой производительности Богословско-Сосьвинской узкоколейной железной дороги Уполномоченный по Уральскому району 22 декабря принял решение создать комиссию при Особом совещании по обороне государства для обследования положения дел на БСЖД с целью оказания помощи Богословскому горнозаводскому обществу. По завершению работы председатель комиссии горный инженер Шурупов в январе 1917 года составил следующий рапорт: «Богословско-Сосьвинская узкоколейная железная дорога составляет главнейшую артерию округа, питающую заводы Надеждинский и Богословский материалами и горючим. Дорога состоит из: 1)главного пути Богословск – Надеждинский завод, протяжением 42 версты, 2)линии Надеждинский завод – станция Морозково, 32 версты, 3)Волчанской линии станция Шахта – Покровский рудник, 59 вёрст, 4)Воронцовской ветки Воронцовский рудник – станция Горевая, 14 вёрст. Кроме этого, имеются ответвления на Турьинские медные рудники, Григорьевские углевыжигательные печи и Черноярскую речную пристань. Указанная сеть обслуживает почти все рудники округа, каменноугольные копи (Богословские и Волчанские), углевыжигательные печи. Также по ней идут грузы, приходящие на Филькинскую пристань и обратно. Подвижной состав БСЖД на 20 января 1917 года состоял из вагонов крытых товарных – 46 штук, паровозов поездных и маневровых – 29, коробок – 93, платформ – 187, вагонов служебных – 6, решёток буроугольных – 90, древесноугольных – 54, лесных – 77, дровяных – 295. Сырые материалы и горючее (руда, флюс, каменный уголь и большая часть дров и древесного угля) подвозятся в Надеждинский завод по БСЖД. От провозоспособности её зависит размер работы этого завода. В 1916 году привезено в Надеждинский завод по БСЖД грузов 65 млн 300 тысяч пудов, из которых 56,6 млн пудов составляли сырьё, материалы и горючее, а 8,7 млн пудов – разные другие грузы. Наибольшая производительность БСЖД наблюдалась в июне 1916 года. В этом

месяце привезено 7,18 млн пудов грузов, а наибольшая суточная доставка грузов (302186 пудов) была 1 июня 1916 года. Наибольший суточный подвоз зимой в январе 1917 года наблюдался 2 января – 210921 пуд, и 6 января – 218019 пудов. Судя по этим цифрам, при надлежаще принятых мерах вполне возможно увеличить провозоспособность дороги до 73 млн пудов. Но насколько это увеличение будет надёжно при продолжительной работе дороги – можно судить по следующим данным. На 20 января 1917 года на дороге имелось 29 паровозов, из них 11 (то есть 38%) были в ремонте. Паровозы уже в настоящее время перегружены работой и дальнейшее усиление их работы сократит их срок службы. Резерва паровозов нет, новых приобрести негде. В паровозах и ранее, ещё до начала войны, ощущался недостаток, когда с ростом Надеждинского завода за последние 5-6 лет к нему требовался усиленный подвоз материалов. Ещё в 1913 году окружным инженером Северо-Верхотурского горного округа было обращено внимание на недостаточную провозоспособность БСЖД. За последние годы, как обычное явление, с наступлением зимних морозов на дороге наблюдалось усиленное выбытие в ремонт паровозов и, вследствие этого, сокращение подвоза грузов в Надеждинский завод, снижавшее его производительность. При существующей потребности завода в большом количестве материалов, дорога не только не создавала запас последних на заводе, но иногда не удовлетворяла текущую потребность завода в сырых материалах и горючем. Не далее, как в текущую зиму – в ноябре, декабре и январе наблюдались периодические остановки прокатных мастерских и прессовой завода из-за неподвоза каменного угля в потребном количестве. Недостаток паровозов на дороге, трудность содержать их в исправности при перегруженности их работой и при невысоком техническом уровне обслуживающего паровозы персонала, что не отрицает и заводоуправление, последнее, тем не менее, не озаботилось приобрести своевременно достаточное количество новых паровозов. Восемь паровозов, полученных в 1916 году, нельзя считать достаточными, как показали итоги работы дороги в 1916 году. На основании вышеизложенного, вопрос об увеличении грузового движения по БСЖД представляется комиссии в следующем виде. Усиление провозоспособности дороги может быть лишь мерой временной, так как при невозможности приобрести

новых паровозов, при усилении работы существующих приведёт к быстрому выходу из строя последних, что в ближайшую зиму следует ожидать массового выбытия паровозов в ремонт и, как следствие, падение провозоспособности дороги до ничтожных размеров. Единственным исходом для надёжного подвоза в завод материалов является разгрузка БСЖД постройкой ширококолейного подъездного пути от Надеждинского завода к Богословским каменноугольным копям, протяжением 40 вёрст. Путь этот даст возможность вывозить до 12 млн пудов, а при усиленном оборудовании копей – и больше каменного угля, в том числе из округа для продажи. Кроме того, путь этот желательно провести через Ауэрбаховский и Воронцовский железные рудники, чтобы руда в завод шла с означенных рудников также по широкой колее. При надлежащей энергии постройка пути к копям может быть произведена в 2-3 летних месяца»[10].

Несмотря на трудности, завод продолжал выполнять военный заказ. Как уже говорилось выше, к 1 января 1917 года, согласно контракту, заключённому с Главным артиллерийским управлением, завод должен был произвести 150 тысяч 48-линейных стальных фугасных бомб и 100 тысяч 6-дюймовых стальных фугасных бомб. Из общего количества 48-линейных бомб в феврале 1917 года изготовили 58196 штук, в марте – 70949, в мае – 103768, в июне – 110623 штуки, в ноябре их число достигло 147355 штук. Контракт удалось выполнить только в декабре месяце, когда численность произведённых снарядов достигла 150000 штук. Что касается производства снарядов к 6-дюймовым гаубицам, их динамика была следующей: из 100 тысяч по контракту в феврале произвели 35714 штук, в марте – 46317, в мае – 81935. полностью контракт удалось выполнить в июле месяце[11]. Главными причинами отставания от графика производства служили неопытность рабочих, дающих малый выход бомб со станка (3 штуки), и недостаточное количество станков (работало до 145 станков).

О нелёгких условиях, в которых приходилось выполнять военный заказ, докладывал уполномоченному Особого совещания по обороне государства окружной инженер Северо-Верхотурского горного округа. В его записке от 24 января 1917 года говорилось: «За последнее время на Надеждинском заводе БГО стояли прокатная, прессовая и снарядная мастерские, из семи домен работало только

три. Остановка произошла из-за неподачи узкоколейной Богословско-Сосьвинской железной дорогой руды, дров, угля и бурого угля. Принимаются меры к улучшению создавшегося положения. Причины уменьшения производительности остаются те же, какие были раньше. На них необходимо вновь обратить внимание, чтобы в будущем устранить такие явления, как почти полная остановка деятельности важнейшего на Урале Надеждинского завода., а именно:

1)Крайняя недостаточность перевозочных средств Богословско-Сосьвинской узкоколейной железной дороги. БСЖД пришла в такой вид, что она свершено не в состоянии перевести всего потребного заводу количества грузов. Паровозы настолько износились, что всякие неблагоприятные климатические явления, как последние морозы, влияют на них так, что они не в состоянии провести даже половины тех грузов, которые по своей мощности должны были бы перевозить. Из-за морозов и произошли указанные остановки разных мастерских. Но в данном случае сильные морозы отразились в большей степени и на рабочем персонале. Так, из 100 машинистов заболело 35 человек. Кроме того, грузчики – военнопленные и китайцы, из-за морозов не в состоянии были нагружать и разгружать вагоны, почему в последних получился громадный простой. Правда в мае месяце эта дорога получила шесть новых паровозов и в конце 1916 года ещё два американских, но восемь паровозов оказалось недостаточно. Эти паровозы дали возможность продолжить деятельность заводу до конца года, иначе бы без них в середине лета завод остановился совсем. К середине декабря и началу января и эти паровозы оказались уже разбитыми. В резерве никаких годных паровозов в Богословском депо никогда не было. Для приведения паровозного хозяйства в порядок необходимо приобрести 10-15 новых паровозов, но достать их негде. Не в лучшем виде и вагонное хозяйство. Приобрести вагоны тоже крайне затруднительно, а своими средствами построить невозможно. Непреодолимая трудность приобретения подвижного состава для этой дороги заключается и в том, что ширина колеи этой дороги – единственная в мире, и подвижной состав всякой другой узкоколейной дороги для этой не годится. Для неё должны делаться специальные вагоны и паровозы, почему при настоящих условиях улучшить перевозочные средства этой дороги совершенно невозможно. Выход из создавшегося положения может быть только

один. Это постройка новой, притом ширококолейной, дороги. Дорога эта должна быть проведена от станции Надеждинский завод через Воронцовский и Ауэрбаховский рудники до Богословской каменоугольной копи. Протяжение её около 42 вёрст. Построить её возможно в 2-3 месяца и даже скорее, если постройку разбить на несколько участков. Выгода этой дороги крайне существенна. Она приняла бы на себя перевозку до 20 млн пудов угля с копи, 22 млн пудов железной руды, до 5 млн пудов известняка и 3 млн пудов других грузов. Эти условия создали бы возможность довести выплавку чугуна на Надеждинском заводе до 12-15 млн пудов, то есть почти вдвое против выплавки 1916 года. Для остающегося на узкоколейную дорогу груза наличный подвижной состав был бы вполне достаточен. При существовании ширококолейной железной дороги с копи можно было бы направлять уголь для потребностей пермской железной дороги и даже для казённых округов – Гороблагодатского и Мотовилихинского. Стоимость этой дороги, во всяком случае, не превзойдёт стоимости построенных снарядных мастерских Надеждинского завода и весь расход мог бы быть возвращён в один год. Словом, необходимость постройки новой дороги настолько ясна, что совершенно не требует особых доказательств.

2)Производство 48-линейных и 6-дюймовых снарядов ещё не доведено до нужного предела, ибо нет достаточного количества ни рабочих, ни служащих, хорошо ознакомленных с этим делом. Ввиду вышеизложенного, Надеждинский завод, несмотря на его огромный ресурс, не в состоянии удовлетворить в срок предъявляемые к нему требования по наращиванию выпуска снарядов для нужд обороны[12].

Из 208 тысяч штук 6-дюймовых стальных фугасных бомб по контракту, подписанному 26 апреля 1917 года с Главным артиллерийским управлением, к 1 января 1918 года изготовили только 75 тысяч штук[13]. Помимо действующих контрактов, Богословское горнозаводское общество ещё 11 ноября 1916 года подписало с Главным артиллерийским управлением ещё один договор за №327 на изготовление 12-дюймовых стальных фугасных бомб в количестве 12 тысяч штук. Однако, завод к выполнению заказа так и не приступил из-за недостатка оборудования, так как из 115 станков, заказанных в

США, в июле 1917 года во Владивосток прибыло 56. До Надеждинска их так и не довезли.

За добросовестный и усердный труд в годы Первой мировой войны 411 рабочих и служащих Надеждинского сталерельсового завода были удостоены государственных наград. В связи с выходом России из войны, в феврале 1918 года завод полностью прекратил выпуск военной продукции. В годы Первой мировой войны на заводе работали талантливые инженеры и техники, чей труд обеспечивал в невероятно сложных условиях нормальную деятельность предприятия. Расскажем о некоторых из них. Заводом руководил Евгений Александрович Таубе. Он родился в 1872 году в городе Витебске в семье потомственного дворянина барона А.Таубе, инженер-металлург. Окончил Александровский кадетский корпус (1890 год) и Горный институт в Петербурге (1895). С 1895 по 1897 год работал инженером на Видлицком чугунолитейном заводе в Олонецкой губернии, 1897-1907 – начальник доменного отдела Донецко-Юрьевского металлургического общества, 1907-1917 – директор Надеждинского сталерельсового завода, после Февральской революции – занимал ответственный пост в Комаровском обществе в Петрограде, 1918-1919 – инженер научно-технического управления Высшего Совета Народного Хозяйства, 1919-1923 – заместитель начальника технического отдела Главного угольного комитета (Главуголь), 1923-1929 – член правления синдиката «Уралмет» и консультант Госплана. С 1922 года – представитель Богословского треста в Москве. Проживал по адресу: ул.Большая Молчановка, д.32, кв.2 [14]. До 1917 года Евгений Александрович владел денежными вкладами, акциями БГО и другими ценными бумагами в Азово-Донском банке на общую сумму 300 тыс. рублей, вместе с двумя братьями был совладельцем имения Речица около Брест-Литовска, разрушенного во время Первой мировой войны, а вместе с сестрой С.А.Гравис владел дачей в селении Бровск Лужского уезда.

Поносов Илья Васильевич родился в 1868 году в Александровском заводе Пермской губернии в семье мастеровых. С 16-ти лет работал чертёжником на Александровском, Невьянском и Суксунском заводах. С 1894 года на строительстве доменных печей Надеждинского завода, после их пуска – смотритель цеха. В 1905-1916 годах заведующий доменным производством. В 1907 году после

убийства Прахова до приезда барона Таубе несколько месяцев исполнял обязанности директора Надеждинского сталерельсового завода. С 1916 года – заведующий хозяйственным отделом БГО. Владел акциями Богословского общества на сумму 20 тыс. рублей, имел в частной собственности дом в Перми. Член партии кадетов. Был церковным старостой Спасо-Преображенского собора. Эвакуировался с белыми в Томск. В 1920 году вернулся в Пермь, работал заведующим доменным отделом Пермского металлургического треста. В 1923 году по приглашению председателя Богословского треста М.К.Ошвинцева Илья Васильевич снова приехал в Надеждинск на должность начальника доменного цеха. Проживал по адресу: ул. Загородка, д.18, кв.2.

Воробьёв Василий Васильевич родился в 1874 году в Покровской слободе Самарской губернии в семье мещанина. В 1894 году окончил Саратовскую мужскую гимназию, в 1899 году – физико-математический факультет Петербургского университета, а в 1904 году – Горный институт. Инженер-металлург, специалист в области мартеновского дела. С 1904 по 1907 год работал заведующим мартеновским цехом Кулебакского завода в Нижегородской губернии и Сулинского завода на Дону. С января 1908 года по апрель 1917 года заведовал мартеновским цехом Надеждинского завода. Входил в число акционеров БГО. Имел дом в Екатеринбурге. Состоял членом кадетской партии. Как опытный специалист был приглашён на службу в Кузнецкое каменноугольное и металлургическое общество («Капикуз») на строительство Кузнецкого металлургического завода. С 1922 по 1926 год – на Надеждинском заводе в должности заведующего мартеновским цехом. В 1926 году перешёл в Уралгипромез, где участвовал в проектировании Магнитогорского металлургического завода. Проживал в Свердловске по адресу: ул. Белинского, д. 10, кв.11.

Субботин Иван Иванович родился в 1878 году в деревне Зелень Кимрского уезда Тверской губернии. Окончил Политехнический институт в Петербурге, инженер-металлург. Депутат 1-й Государственной думы. В 1915 году работал на Путиловском заводе в Петербурге ассистентом профессора Беляева, приглашён правлением БГО в Надеждинск как специалист по броневой стали, на должность заведующего закалочными мастерскими снарядного производства. С

7 марта 1917 года заместитель председателя Надеждинского Комитета общественной безопасности, с 29 марта – его председатель. Лидер местных кадетов. С октября 1918 года – заведующий мартеновским цехом. Эвакуировался с белыми в Томск. В апреле 1920 года вернулся в Надеждинск, занимал должность технического руководителя (главного инженера) завода. Способствовал возвращению на завод старых специалистов, опираясь на которых удалось восстановить предприятие. В марте 1924 года Субботин переехал в Москву на завод «Серп и молот».

Романов Михаил Михайлович родился в 1860 году в Тамбовской губернии в семье зажиточного крестьянина. Инженер-механик. С 1915 года заведующий снарядными мастерскими Надеждинского завода. Состоял в рядах кадетской партии. После Февральской революции покинул Надеждинск. В 1922 году по приглашению администрации Богословского треста Романов вернулся обратно, занимал должность главного механика завода. С января 1925 по 1928 год работал в Москве заведующим штамповочным отделением на заводе «Серп и молот», главным механиком на восстановлении Константиновского завода в Донбассе и на Одесском металлургическом заводе, после чего был заместителем начальника механического цеха завода «Андре-Марти» в Николаеве. В годы НЭПа владел банями и домом в городе Николаеве. В ноябре 1927 года арестован Одесским ОГПУ по обвинению в бесхозяйственности, пять месяцев содержался под стражей, после чего был освобождён. В ноябре 1928 года опять вернулся в Надеждинск, работал заведующим кузнечно-механическим цехом. Проживал по адресу: ул.Загородка, д.15, кв.2.

Соколов Николай Владимирович родился в 1885 году в Новгороде в семье учителя. Инженер-металлург. С 1910 по июль 1919 работал заведующим техническим бюро Надеждинского завода. Член кадетской партии. Эвакуировался с белыми в Томск. Работал инженером в «Капикуз». После падения власти Колчака «Капикуз» преобразован в «Сибуголь». В 1922 году вернулся в Надеждинск на прежнюю должность. С 1925 года в Уралгипромезе. Участвовал в проектировании Магнитогорского металлургического завода. Проживал в Свердловске.

Будилович Юрий Александрович родился 24 февраля 1879 года в Санкт-Петербурге в семье учителя русского языка и словесности, по

национальности – поляк. Вскоре семья переехала в город Холм Люблинской губернии. В 1897 году Юрий окончил мужскую гимназию и поступил на юридический факультет Киевского университета. В 1900 году перевёлся на тот же факультет в Московский университет. В 1902 году арестован по делу о студенческих беспорядках, в марте выслан на четыре года в Якутию. В ссылке находился с июня 1902 по август 1903 года. По специальной амнистии возвращён домой, в город Холм под надзор полиции. Ввиду запрещения въезда в Москву, государственный экзамен сдал в 1904 году при Петербургском университете. Осенью того же года поступил на металлургическое отделение политехнического института в Петербурге. После окончания института в 1911 году принят на службу в Надеждинский завод заведующим углежжением. В Надеждинском заводе прослужил до весны 1919 года. После национализации БГО, с января 1918 по март 1919 года работал директором сталерельсового завода. С приходом новой администрации округа уволен со службы, с апреля 1919 года – юрисконсульт Верхотурского уездного земства, вместе с которым был эвакуирован при наступлении красных в город Томск. С апреля 1920 по октябрь 1923 года – заведующий техническим отделом Государственного совета народного хозяйства в Тюмени. В 1923-1928 годах – главный инженер Алапаевского горнозаводского округа. С мая 1928 по апрель 1930 года – главный инженер планового отдела правления «Уралмета». С апреля 1930 по март 1931 года – заведующий группы качественных сталей правления «Уралмета» (с марта 1931 - «Востокстали»). Проживал в городе Свердловске по адресу: ул.Обсерваторская, дом 83.

Также в годы войны на заводе служили: Янушкевич Карл Иосифович (горный инженер, заведующий огнеупорным цехом), Чернецов Александр Павлович (заведующий листопрокатным цехом), Саенко Дмитрий Афанасьевич (горный инженер, заведующий железнодорожным цехом), Соколовский Виктор Петрович (горный инженер, заведующий рельсопрокатным цехом), Александров Сергей Николаевич (горный инженер, заведующий газоэлектрическим цехом), Звайне Карл Карлович (заведующий лесопильным цехом), Бобров Иван Егорович (заведующий дворовым цехом), Мессерле Карл Васильевич (горный инженер, помощник заведующего

доменным цехом), Чусов Василий Степанович (чертёжник доменного цеха), Банников Леонид Фёдорович (чертёжник мартеновского цеха), Ивановский Александр Аркадьевич (чертёжник механического цеха), чертёжники прокатного цеха – Кучин-Кривобоков Николай Иосифович, Лузин Иван Васильевич, Медведев Иван Васильевич, Свиридов Пётр Иванович, чертёжники газоэлектрического цеха – Рождайкин Иван Иванович, Каменский Иван Яковлевич, техник при закалке Толмачёв Алексей Дмитриевич, инженеры мартеновского цеха – Исаев Василий Васильевич, Яновский Михаил Васильевич, Емельянов-Тарасов Николай Михайлович, инженеры прокатного цеха – Шадрин Николай Николаевич, Зыгарь Андрей Алексеевич, калибровщик Коргиберг Альберт Августович, помощник калибровщика Шилков Николай Алексеевич, помощник начальника газоэлектрического цеха Каменский Михаил Дмитриевич, мастер литейной Пряхов Георгий Ильич, мастер токарной Рыбкин Алексей Михайлович, слесарные мастера – Шилонцев Николай Ильич, Валялов Павел Ефимович, Горн Карл Алексеевич, Шматов Василий Петрович, мастера котельной – Кудрявцев Пётр Егорович, Александров Алексей Матвеевич, кузнечный мастер Кулёв Лавр Максимович, модельный мастер Полуэктов Иван Яковлевич, смотритель Коптяковских печей Савелов Михаил Александрович, смотритель Филькинских печей Попов Владимир Иванович[15].

Примечания:

[1]ГАСО. Ф.45, оп.1, д.233, л.55.
[2]ГАСО. Ф.45, оп.1, д.696, л.243.
[3]Там же. Л.3.
[4]АОАСГО. Ф.Р-20, оп.6, д.104, л.21.
[5]ГАСО. Ф.45, оп.1, д.242, л.10-11.
[6]ГАСО. Ф.45, оп.1, д.431, л.104-113.
[7]Там же. Л.264.
[8]ГАСО. Ф.73, оп.1, д.382, л.74.
[9]ГАСО. Ф.73, оп.1, д.385, л.1-3.
[10] Там же. Л.8-9.
[11]ГАСО. Ф.73, оп.1, д.869, л.11,12,14,15,23.
[12]ГАСО. Ф.73, оп.1, д.385, л.11-13.
[13]ГАСО. Ф.73, оп.1, д.874, л.2.
[14]ГААОСО. Ф.1, оп.2, д.43941, т.8, л.15об.
[15]ГАСО. Ф.45, оп.1, д.431, л.292, 393, 398.

Черноухов Эдуард Анатольевич

Врачи Богословского казённого горного округа в первой половине XIX в.

В немногочисленных работах по истории медицины на дореволюционном Урале имеются минимальные сведения о врачах, служивших на казенных горных заводах. Биография и деятельность ни одного из них до сих пор не стала предметом для специального исследования, что во многом объясняется особенностями источниковой базы. В абсолютном большинстве дошедших до нас материалов дел сведения о медицинском персонале горных заводов занимают второстепенное место, заключены в состав самой различной документации: всевозможных описаний и отчетов, переписке с органами управления горнозаводской промышленностью и т.п.[1]

Нами выявлены более 80 врачей, служивших на казенных горных заводах Урала в первой половине XIX в. Уже систематизированы сведения по их образованию, квалификации, месту службы[2], а также ее срокам и условиям, преимуществам и недостаткам, в сравнении с частными хозяйствами[3]. В этой работе введенные в научный оборот материалы будут дополнены, обобщены и расширены на примере Богословского горного округа.

Этот самый северный из казенных горных округов Урала, расположенный на территории Верхотурского уезда, имел явную специфику: служба здесь считалась особо тяжелой, из-за суровых климатических условий и контингента работников. Это нашло яркое отражение во многих источниках. Так, горный начальник Богословского округа М.И.Протасов в 1840 г. писал, что цинга здесь постоянная болезнь, а сосланные сюда работники «истощают свои силы порочной жизнью»[4]. Сам Матвей Иванович, сын уральского врача Ивана Васильевича Протасова (1768–1805)[5], был прекрасно знаком со спецификой округа. Он служил здесь с января 1825 г., сразу после окончания Горного кадетского корпуса. Поэтому привлечь на службу в Богословский округ квалифицированных врачей, особенно в условиях их хронического дефицита во всем регионе в первой половине XIX в., было сложной задачей.

Для этого традиционно использовались доплаты к жалованию. Так, служивший здесь с 1796 г. в госпитале Турьиских рудников штаб-лекарь Герасим Сергеевич Носов имел персональную надбавку. Она повысила его жалование до 400 руб. Однако он настойчиво добивался перевода в уездные врачи и в 1801 г. получил желанное назначение в Верхотурский уезд[6].

Проект горного положения 1806 г. предписывал иметь госпиталь в каждом поселке при казенном предприятии с числом работающих на его производствах более 200 человек. В нем должен был служить как минимум один аттестованный врач (ст. 678, 680). Эти ключевые нормы горного законодательства действовали на всем протяжении первой половины XIX в. Количество врачей для казенных горных заводов Урала определяли штатные положения.

В следующее десятилетие в Богословском округе оставалось всего два врача. Штаб-лекарь Григорий Максимович Громницкий (1764 г.р.), получивший образование в военных госпиталях, служил в Богословском округе три десятилетия с 1797 г. В качестве поощрения он был переведен в Златоустовский казенный округ с более мягким климатом[7]. А лекарь Макар Григорьевич Балановский (1771–1818) служил в госпитале Турьинских рудников с 1796 г. до своей смерти, так и не получив согласие на свои просьбы о подобном перемещении[8].

В 1817 г. к этим специалистам добавился врач немецкого происхождения штаб-лекарь Иоганн Клейнер (ставший в России Иваном Ивановичем). Его брат М.И.Клейнер, став горным начальником Златоустовского округа, добился перевода своего родственника в более благоприятное для службы место. В 1821 г. тот был назначен врачом в Златоустовский госпиталь[9].

Другой выпускник Медико-хирургической академии Яков Яковлевич Никольский прослужил в Богословском округе несколько дольше: в 1818–1826 гг. После этого он перебрался в частный Сысертский округ[10].

В 1823 г. горный начальник Богословского округа, жалуясь на нехватку сразу трех врачей, получил по распределению двух новых выпускников Медико-хирургической академии: Спиридона Марковича Козлова и Алексея Федоровича Тенекова. Однако уже через несколько лет ситуация здесь вновь стала критической: Козлов был переведен по болезни в Екатеринбург, Громницкий получил назначение в

Златоустовский госпиталь, а Никольский перешел в Сысертский округ. И в Богословском округе в 1826 г. опять стали вакантны три ставки врача.

Заместить их на длительный срок не удавалось. Выпускник Виленского университета лекарь Петр Иванович Вагнер (1799–1876) прослужил в Богословском округе менее трех лет: в 1826–1829. Он перешел сначала в Верх-Исетский частный округ, а затем был принят преподавателем в Казанский университет. В 1831 г. Вагнер получил степень доктора медицины от Виленского университета за работу «Медико-топографическое описание Богословского округа»[11].

Только выпускник Медико-хирургической академии доктор медицины Иван Иванович Подановский надолго связал свою судьбу с Богословским округом. В 1827–1848 гг. он служил в нем врачом, а затем медицинским инспектором[12].

В 1829 г. Богословский округ получил новые штаты, по которым здесь полагалось иметь шесть врачей, в том числе штаб-лекаря и двух лекарей в обширном госпитале Турьинских рудников, а также двух лекарей в Богословском. Им было определено повышенное годовое жалование: штаб-лекарю – 1750 руб. (против 1,5 тыс. в других казенных округах, кроме Гороблагодатского), лекарю – 1,5 тыс. (против 1,2 тыс. в других). Кроме того, по этим штатам появилась ставка инспектора по врачебной части с жалование в 2 тыс. руб. Он осуществлял общее руководство по медицинской части[13].

Но в тот период времени в крупных частных горных округах Урала содержание врачей было существенно больше (в 1,5–2 раза). Поэтому для специалистов, совмещавших врачебную и административную деятельность, на казенных заводах сохранилась система доплат. Так, инспектор по медицинской части Богословского округа в 1830-х – начале 1840-х гг. дополнительно получал 300 руб. ежегодно и бесплатную казенную квартиру[14].

Большинство врачей продолжали относительно быстро оставлять Богословский округ. Иван Елисеевич Ковалевский в 1831 г., перейдя в Нижнетагильский округ, отметил, что он здесь «слава Богу, не лег на кладбище в числе пьяниц, чиновников и горных инженеров»[15]. В это горнозаводское хозяйство Демидовых перешел и медико-хирург Иван Михайлович Забиякин, служивший в Богословском госпитале в 1842–1844 гг. Несколько больше (1833–1841) здесь работал штаб-лекарь

Николай Гаврилович Селиванов, перебравшийся в Нытвенский округ Голициных. Другой штаб-лекарь, также выпускник Казанского университета Лев Дмитриевич Питерский добился перевода в округ Пермских заводов уже через два года службы в Богословском округе.

Исключением стал только казенный стипендиат горного ведомства Александр Борисович Горшков. Он прослужил в Богословском округе более 25 лет: с 1830 г. В 1848 г. Горшков сменил на должности старшего врача (введенной вместо инспектора по врачебной части)[16] вышеназванного И.И.Подановского, который был переведен на аналогичную должность в Златоустовский округ. Как уже отмечалось, такое перемещение из этого самого северного на Урале казенного горного округа было распространенной практикой в качестве поощрения за многолетнюю службу[17].

По новым штатам 1847 г. Богословскому округу полагалось иметь уже всего четырех врачей, причем их оклады сравняли с другими казенными хозяйствами. В госпиталь Турьинских рудников определялся старший врач (с годовым окладом в 600 руб.) и два младших, в Богословский – младший. Последним определялось жалование в 420 руб.[18] Учитывая обмен ассигнаций по финансовой реформе Е.Ф.Канкрина по курсу 3,5 к 1 и минимальную инфляцию в тот период времени, можно говорить о сохранении прежнего содержания для врачебного персонала казенных заводов Урала.

Между тем врачи продолжали покидать Богословский округ различными путями. Так, казенный стипендиат Александр Андреевич Миславский (1828–1914) прослужил здесь только пять лет в качестве обязательной отработки (1851–1856). Для ее завершения, по ходатайству своего влиятельного тестя К.И.Кокшарова, он был переведен в Екатеринбургский округ. Затем, перейдя на службу в Верх-Исетский госпиталь Яковлевых, он стал одним из самых известных дореволюционных врачей Урала[19].

В целом спецификой Богословского округа первой половины XIX в. стала высокая текучесть врачей. Большинство из них быстро покинули службу, которая здесь считалась крайне тяжелой, как по климатическим условиям, так и по контингенту работников. Из вышеназванных полутора десятков врачей только четверо (Громницкий, Балановский, Подановский и Горшков) прослужили

здесь более 20 лет. Остальные достаточно быстро перевелись в другие казенные и частные горные округа Урала (а Носов в уездные врачи).

Примечания:

[1]См.: Черноухов Э.А. Документы о врачах горных округов Урала XIX вв. собраниях архивов и библиотек // Документ. Архив. История. Современность. Мат-лы IV междунар. научно-практ. конф. – Екатеринбург, 2012. С. 268–272.

[2]См.: Черноухов Э.А. Социальная инфраструктура горнозаводских округов Урала в XIX в.: казенный и частный типы: дис. … докт. ист. наук. – Екатеринбург, 2017. Приложение 17.

[3]Черноухов Э.А. Врачи казенных горных заводов Урала в первой половине XIX в. // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2013. Вып. 2(22). С. 12–17.

[4]ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1681. Л. 5.

[5]См.: Селезнева В.Т. Штаб-лекарь И.В.Протасов. – Пермь, 1962.

[6]ГАПК. Ф. 673. Оп. 1. Д. 6. Л. 68об.

[7]ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 1804. Л. 381об.–382; Оп. 33. Д. 813. Л. 1; Ф. 43. Оп. 2. Д. 1626. Л. 18.

[8]РГИА. Ф. 37. Оп. 13. Д. 132. Л. 62; ГАПК. Ф. 673. Оп. 1. Д. 6. Л. 68об. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 1804. Л. 381об.–382.

[9]См.: Черноухов Э.А. Врачи Златоустовского казенного горного округа в первой половине XIX в. // Научные чтения памяти профессора А.З.Асфандиярова: Мат-лы Всерос. конф. – Уфа, 2017. С. 122.

[10]РГИА. Ф.37. Оп.13. Д.132; ГАСО. Ф.24. Оп. 32. Д.351. Л.27; Д. 2151. Л.49об.

[11]См.: Черноухов Э. А. Медицинский персонал Верх-Исетского горного округа в первой половине XIX в. // Россия и мир: панорама исторического развития. – Екатеринбург, 2008. С. 614–615.

[12]РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 831. Л. 46об.–49.

[13]Полное собрание законов Российской империи. Собр. II (ПСЗ-II). Т. 4. № 2890.

[14]ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 437. Л. 197–198.

[15]ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 294. Л. 22об.

[16]См.: Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура. Приложение 17.

[17]РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 831. Л. 48–49.

[18]ПСЗ-II. Т. 22. № 21203.

[19]См.: Соркин Ю.Э. Врачебная династия Миславских. XIX–XX вв. – Екатеринбург, 2005. С. 60–64.

Ширанова Екатерина Александровна

Влияние студенческих поездок в университеты Германского союза на развитие интеллектуальной мысли на Урале в середине XIX в.

По настоящее время сохраняет актуальность дискуссия о влиянии немецкий философской мысли на развитие интеллектуальной мысли в России в XIX в. В соответствии с широким пониманием идеи университета не столько, как связи профессионалов в сфере образования, сколько объединения людей, идентифицирующих себя с университетским обществом, и на этом основании ощущающих свою избранность, необходимо подойти к рассматриваемому периоду со стороны преломления новой немецкой философии в среде «классического» университета, идея которого тесно связана с выдающимися деятелями из числа немецкой профессуры конца XVIII – первой половины XIX вв.

Насыщенность культурной жизни Российской империи в середине XIX в. философской идеей во многом определило взлёт отечественной науки и особенно литературы, принимающей форму философского дискурса в её эстетических и художественных идеях. Причины некоторых ярких дискуссий в российском обществе стоит искать десятилетием раньше. Распространённым явлением было «салонное гегельянство» и, по утверждению Д. Чижевского, приобрести уважение в обществе можно было лишь цитируя немецких философов и прослушав курс лекций Г.Гегеля в Берлине[1]. А.И.Герцен вспоминал, что «все ничтожнейшие брошюры, выходившие в Берлине и других губернских и уездных городах, немецкой философии, где только упоминалось о Гегеле, выписывались, зачитывались до дыр, до пятен, до падения листов в несколько дней»[2].

Характерна была и частая смена философских ориентиров. Так, поэт и профессор Московского университета, бывший на стажировке в Германии, писал: «Я прошел через все возможные философские системы: я был гегелианцем, пифагорийцем, фурьеристом, коммунистом и пр.»[3]. Из заграничных поездок в Москву и Петербург возвращаются и многие другие слушатели немецких профессоров: М.А.Бакунин, Т.Н.Грановский и его ученик П.Н.Кудрявцев, братья П.В.

и И.В.Киреевские, М.Н.Катков и др. Об идейных изменениях в профессорской среде было известно современникам. В частности, о профессорах-гегельянцах университетов Харькова, Казани и Москвы упоминает А.Герцен. Происходит становление государственной школы историографии, которую можно обозначить школой «Кавелина – Соловьёва – Чичерина», имевшей гегельянский характер в историко-философских воззрениях. Ещё одним новым явлением стало появление отдельной области исторической науки – истории церкви, приложением в той или иной мере исторического метода к процессу преподавания церковной догматики, создаётся школа церковных историков.

Одним из центральных предметов дискуссий явилась роль России, как исторической наследницы идей Гегеля. Наибольшая убеждённость в этой точке зрения прослеживается у И.Киреевского, А.Хомякова, Ю.Самарина и К.Аксакова. Видение будущего Германии с её философией отражено Хомяковым: «Уважение Германии к науке обратилось в поклонение её труженикам и новое поколение не может освободиться вполне от предрассудков прежнего. <...> Германия страдает системами, которые воссоздают весь мир из логического развития какой-нибудь произвольной догадки и питают благородное презрение к фактам»[4].

Раскол в среде гегельянцев не обошёл стороной Россию и был подмечен И.В.Киреевским следующим образом: «Говоря о последователях Гегеля, необходимо отличать тех из них, которые занимаются приложением его методы к другим наукам, от тех, которые продолжают развивать его учение в области философии. Из первых есть некоторые писатели, замечательные силою логического мышления; из вторых же до сих пор не известно ни одного особенно гениального, ни одного, который бы возвысился даже до живого понятия философии, проник бы далее ее внешних форм и сказал бы хотя одну свежую мысль, не почерпнутую буквально из сочинений учителя»[5].

В контексте почвеннических споров «Восток/Запад», «Русь и Византия», «Россия/Европа» социальным знаком становится принадлежность общественного деятеля к одной из столиц: противопоставление Москвы и Петербурга начинает проявляться в

особом тоне, например, публицистической вражды «Москвитянина» и «Современника».

Таким образом, можно говорить об особой атмосфере сороковых годов в среде российской интеллигенции, пропитанной философскими идеями. Многие гегельянцы отходят от Гегеля и от философии вообще – либо по причине особенностей николаевский эпохи, либо из-за развития гегельянства в мощное левое течение, либо по личным причинам. Остаются проблемными ключевыми вопросы о родном, чужом и кто мы такие, которые находили выражение как в активном заимствовании европейских идей, так и в яростном отрицании последних. В искусстве имело место и отрицание традиций в пользу европейского заимствования.

Всё это напрямую связано с развитием академической мобильности в середине века. Основным направлением становятся университеты Германского союза. Временной промежуток с 1848 по 1850 гг. представляет собой уникальный исторический период, в течение которого заграничные поездки являлись исключениями, находясь под формальным запретом с весны 1848 г. Как правило, среди студентов немецких университетов мы видим представителей аристократических фамилий, в той или иной степени связанных с местом обучения и имеющих по преимуществу немецкое происхождение.

Общее количество студентов в немецких университетах в период 1811-1849 гг. выглядит следующим образом: университет Берлина (210 чел), Гёттингена (29 чел.), Лейпцига (15 чел.), Гейдельберга (13 чел), Галле (12 чел.), Мюнхена (9 чел.), Вюрцбурга (6 чел.), Кёнигсберга (4 чел.), Марбурга (3 чел.), Йены (1 чел.) и Ростока (1 чел.)[6].

При анализе матрикул выявлена некоторая неопределённость в идентификации студентов из Прибалтийской губернии, выразившейся в записях матрикул их родины и как «Kurland», «Liefland», «Estland» - у одной части студентов, и как «Russland», «Liefland, Russland» - у остальной части поступивших, информацию о рождении которых на территории прибалтийских земель мы можем установить. По этой причине в поле нашего внимания стоит включить эту категорию жителей Российской империи. Данная ситуация наименее характерна для студентов из Царства Польского, в результате чего мы оставляем проблему высшего образования польского населения в немецких университетах за рамками нашего исследования, однако отметим

периодическую и относительно частую встречаемость польских студентов в матрикулах почти всех немецких университетов, даже в случаях полного отсутствия там студентов из центральной части Российской империи (например, в Лейденском университете) в указанный период. Кроме того, данная ситуация характерна и для университетов Лейпцига, Гёттингена, Марбурга и Ростока, куда к 1850 г. окончательно прекратились поездки российских студентов. Отдельный интерес может представлять образовательная мобильность жителей территории Дунайских княжеств. Так, в Гейдельбергский университет в ноябре 1849 г. единовременно поступает группа сербских студентов на философское направление и на факультет управления государственным хозяйством (cameralia)[7].

В результате можно констатировать количественное доминирование польской и еврейской национальных групп наряду с относительно малочисленными выходцами из центральной части Российской империи. Это могло оказать огромное влияние и на развитие революционных идей среди национальных меньшинств Российской империи. Рост революционных настроений приводит к усилению гонений. В результате значительная часть интеллектуалов попадает в ссылку, местом которой становится Урал. Так, польская интеллигенция оказала значительное влияние на культурное развитие Перми в 40-ые гг. XIX в. Именно через них философские идеи начинают проникать из Европы не только в центральную часть России, но и на Урал, оказывая огромное влияние на местную культуру второй половины XIX в.

В целом, к середине XIX в. направленность дискуссий в интеллектуальной сфере в той или иной мере касалась дискуссий вокруг наследия немецкой классической философии. Противоречия существующих систем через «реализм, антропологизм и практицизм»[8] пытались разрешить многие философы, чья деятельность была связана с университетской средой и имела отклик в европейском обществе. В период с 1850 по 1890 гг. первенствующую роль в отечественной интеллектуальной жизни будет уже играть сложенное из философских положений позитивизма движение народничества[9].

Примечания:

Чижевский Д.И. Гегель в России. — СПб.: Наука, – 2007, с. 241

[2]Герцен А.И. Былое и думы. Ч. 1 — 5 / Герцен Александр Иванович. — М.: Худож. лит., 1969.

[3]Печерин В.С. Оправдание моей веры. Памятные записки// Наше наследие. — 1989. — № 1—3. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://az.lib.ru/p/pecherin_w_s/text_0020.shtml (дата обращения 11.05.2015)
[4]Хомяков А.С. Семирамида. Исследование истинности исторических идей. В кн.: Хомяков А.С. Сочинения: В 2 т. Т. 1. — М.: Медиум, 1994. — С. 445
[5]Киреевский И.В. Обозрение современного состояния литературы. [электронный ресурс] Режим доступа: http://smalt.karelia.ru/~filolog/pdf2/oboz1kir.pdf (дата обращения 17.06.2015)
[6]Андреев А.Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII — первой половины XIX века[электронный ресурс] Режим доступа: http://universalinternetlibrary.ru/book/22813/ogl.shtml (Дата обращения 04.04.15)
[7]Toepke G. [Hrsg.], Die Matrikel der Universität Heidelberg (6. Teil): Von 1846 - 1870; nebst e. Anh.: 1. Vorschriften über Immatriculation 1805 - 1868 ; 2. Verz. d. Rect. u. Prorect. 1669-1870. Heidelberg, 1907. S. 101
[8]Яковенко Б.В. История русской философии: Пер. с чеш. / Общ. ред. и послесл. Ю.Н.Солодухина. — М.: Республика, 2003, с. 91
[9]Яковенко Б.В. История русской философии: Пер. с чеш. / Общ. ред. и послесл. Ю.Н.Солодухина. — М.: Республика, 2003, с. 21.

Бессонов Михаил Сергеевич

Исследование некрополя Введенского собора города Карпинска

В 2014 году по инициативе авторов книги «От приписной до приходской» М.С.Бессонова и М.Э.Бураева была начата работа над проектом «Пока человека помнят, он продолжает жить», задачей которого было возвращение из небытия имен тех, кто похоронен на старом кладбище возле церкви во имя Казанской иконы Божией Матери. За два года были просмотрены метрические книги с 1801 г. по 1917 г. Выявлено 18476 имен. Несколько десятков умерших были погребены на кладбищах Лобвинского и Баронского зимовьев и в других местах.

Как-то закрепилось мнение, что возле Введенского собора были похоронены родители изобретателя радио Александра Степановича Попова. Но, оказалось, это не совсем так. Мать Александра Степановича, Анна Степановна, была похоронена на приходском кладбище возле церкви во имя Казанской иконы Божией Матери. Были выявлены имена четырех человек погребенных в ограде Введенского

собора. Это горный начальник Богословских заводов подполковник Константин Данилович Романовский; заштатный священник Красногорского села Верхотурского уезда Тимофей Тимофеевич Тимофеев; протоиерей Введенского собора Степан Петрович Попов и священник Введенского собора Евлампий Иванович Уваров. Что же известно на данный момент о тех, кто похоронен возле Введенского собора?

В метрической книге за 1866 г. сохранилась запись: «13 декабря умер/16 декабря погребен Корпуса Горных Инженеров подполковник Константин Данилов Романовский, 40 лет, умер от чахотки. Погребение совершали: протоиерей Андрей Коровин, священники Алексей Бабин, Михаил Чемесов, диакон Аристарх Дерябин, дьячок Филипп Пономарев, дьячок Анатолий Флоровский, пономарь Василий Молоковский; при Введенском соборе».

Константин Данилович Романовский родился в Миасском заводе в 1826 г. Его отец, надворный советник, штаб-лекарь Данило Константинович, происходил из польских дворян, который начал службу лекарским учеником в полку. Затем служил уездным лекарем в Новороссийской губернии, уездным лекарем в Верхнеуральске Оренбургской губернии, штаб-лекарем на заводах Кнауфа Пермской губернии. С 1811 г. заведующий госпиталем на Златоустовских заводах, куда входил и Миасский завод. В госпитале Миасского завода Д.К.Романовский начал службу в 1821 г.

Константин Данилович учился в Горном институте в Петербурге, который и окончил в июне 1847 г. в чине поручика, получив при выпуске в награду паяльный прибор Платнера. Распределен он был на Златоустовские заводы. В 1850 г. он в Екатеринбурге – помощник управляющего Центральной лабораторией Уральских заводов, в 1852 г. он уже исправляющий должность управляющего лабораторией. В том же 1852 г. по приказу главного начальника горных заводов Урала В.А.Глинки производил пробу и химическое разложение отвальных шлаков от медной плавки на Богословском заводе. В 1857 г. в чине штабс-капитана исполнял должность старшего смотрителя по управлению золотых промыслов в округе Гороблагодатских заводов.

Приказом по Корпусу горных инженеров от 1 января 1858 г. был произведен в капитаны, а 30 августа 1861 г. управитель Миасских золотых промыслов Константин Романовский «за отличие по службе»

произведен в подполковники. В 1865 г. он уже управитель Миасского завода и золотых промыслов Златоустовского горного округа.

Романовский занимался минералогией и в 1863 г. им была издана «Таблица для определения минералов и руд с помощью паяльной трубки». Был действительным членом Уфимского губернского статистического комитета и принимал активное участие в его занятиях. Занимался древностями и имел коллекцию монет и других предметов. Когда Императорская археологическая комиссия обратилась к членам губернских статистических комитетов к содействию ей своими изысканиями, то Константин Данилович осенью 1865 г. занялся исследованием курганов возле Миасского завода, где было найдено много вещей интересных в археологическом отношении. Это были первые раскопки с научной целью в здешнем крае. Находки из курганов поступили в музей при статистическом комитете. Также в музей были переданы Романовским медное копьё и медный наконечник стрелы, найденные в разрезе при добыче золотоносных песков при Атлянском золотом руднике.

Приказом по Корпусу горных инженеров от 30 августа 1865 г. Константин Данилович был награжден орденом Святого Станислава 2-й степени. А приказом от 18 сентября того же года Романовский был назначен горным начальником Богословских заводов. Живя в Богословске, продолжал сотрудничать с Уфимским статистическим комитетом и просил не слагать с него, из-за перевода в другую губернию, звания члена. К сожалению, на посту начальника Богословского горного округа К.Д.Романовский пробыл чуть больше года и умер от чахотки 13 декабря 1866 г. Приказом по Корпусу горных инженеров от 20 января 1867 г. он был исключен из списков. Судя по метрическим записям, он был первым, кто удостоился чести быть похороненным в ограде Введенского собора.

Константин Данилович Романовский был женат на Елизавете, дочери надворного советника, горного ревизора частных золотых промыслов Оренбургского края Константина Ильича Чупина, которая родилась 15 августа 1835 г. в Березовском заводе Екатеринбургского уезда и была родной сестрой известного уральского историка, библиографа, педагога, географа Наркиза Константиновича Чупина. 9 марта 1858 г., при рождении дочери Варвары, восприемниками ее были дедушка Константин Ильич Чупин и бабушка Екатерина Васильевна

Романовская. Елизавета Константиновна с дочерью Варварой с 6 февраля 1870 г. получали пенсии из эмеритальной кассы горных инженеров: вдова 107 руб. 22 коп., а дочь 35 руб. 73 коп.

Известный уфимский и оренбургский историк-краевед XIX в. Руф Гаврилович Игнатьев в некрологе, опубликованном 23 февраля 1867 г. в Уфимских губернских ведомостях, писал так: «Романовский принадлежал к тем честным труженикам, которые ищут познаний для знания. – Статистический Комитет лишился в нём полезного сочлена. Достойно помянуть его добрым словом!».

В метрической книге за 1877 г. сохранилась запись: «25 марта умер/28 марта погребен Верхотурского уезда, Красногорского села заштатный священник Тимофей Тимофеев Тимофеев, 76 лет раком. Погребение совершали: протоиерей А.Бабин, священник Степан Попов, священник Василий Словцов, священник Евлампий Уваров, дьякон Аристарх Дерябин, дьякон Василий Молоковский, псаломщик Аристарх Зубков, псаломщик Рафаил Пономарев, псаломщик Иван Дягилев, псаломщик Иван Черепанов. Погребен при Богословском Введенском соборе».

К сожалению, о священнике Тимофееве на данный момент информации собрано не много. По ревизской сказке Камышловского духовного правления за 1833 г. известно, что дьякон Тимофей Тимофеев Тимофеев по 7-й ревизии 1816 г. был записан в селе Столыпино Городищенского уезда Пензенской губернии при «матери своей вдове диаконской жене Ксении Сапсоновой…из не обучавшихся в семинарии и училищах», в 1833 г был переведен к Николаевской церкви Новопышминского села Камышловского уезда. На момент составления 8-й ревизии ему было 30 лет. В семействе у него была жена Пелагия Васильева 28 лет, дочь Агрипина 8 лет и сын Алексей 1 года.

7 января 1835 г. он уже священник Михайло-Архангельской церкви Меркушинского села Верхотурского уезда. 31 октября 1846 г. был переведен к Спасской церкви Красногорского села Верхотурского уезда. В 1838 г. у него родилась дочь Павла, в 1839 г. сын Иван, в 1841 г. сын Александр, в 1843 г. дочь Мария, в 1845 г. дочь Елизавета, 27 мая 1850 г. от горячки умерла его жена Пелагия Васильевна и была погребена возле Спасской церкви Красногорского села.

7 июня 1867 г. дочь Елизавета вышла замуж за кончившего курс Пермской духовной семинарии Петра Яковлевича Пономарева, который стал священником Спасской церкви Красногорского села, а священник Тимофеев вышел за штат. Его зять, священник Петр Яковлевич Пономарев, служил при Спасской церкви, по крайней мере, до 1896 г.

По 9-й ревизии о священноцерковнослужителях Спасской церкви за 1850 г. известно, что его старший сын Алексей обучался в Пермской духовной семинарии, а сыновья Иван и Александр в Екатеринбургском духовном училище. Возможно, что Алексей после окончания семинарии был дьяконом Николаевской церкви Николае-Павдинского завода Верхотурского уезда, а в августе 1867 г. был переведен к Вознесенской церкви Брусянского села Екатеринбургского уезда. Иван Тимофеев в 1866-1867 гг. был священником Пророко-Ильинской церкви Верхнетагильского завода Екатеринбургского уезда. Александр Тимофеев после окончания семинарии в 1866 г. женился на Елизавете Алексеевне Максимовой, дочери священника Покровской церкви Баранчинского завода, а в 1867 г. он был священником Краснопольского села Верхотурского уезда. 9 мая 1866 г. дочь Мария вышла замуж за кончившего курс Пермской духовной семинарии Ивана Петровича Словцова, сына священника Богоявленской церкви Лялинского села Верхотурского уезда.

Как же заштатный священник Красногорского села Тимофеев оказался в Богословском заводе? В 1856 г. его дочь Павла вышла замуж за горного кондуктора Березовского завода Екатеринбургского уезда Владимира Егоровича Иванова, который в 1870 г. служил помощником почтмейстера Верхотурской почтовой конторы, а в 1873-1876 гг. он титулярный советник, почтмейстер почтовой конторы Богословского завода. Очевидно, после 1871 г. священник Тимофеев поселился в семье дочери Павлы и таким образом попал в Богословский завод, где и умер в 1877 г. Остается загадкой, за какие заслуги он был погребен в ограде Введенского собора.

В метрической книге за 1897 г. сохранилась запись: «20 февраля умер/22 февраля погребен Введенского собора протоиерей Стефан Петров Попов, 69 лет от рака желудка. Кто исповедывал и приобщал: священник Евлампий Уваров. Кто совершал погребение и где погребен: священники: Василий Петров Словцов, Константин Павлинов, Павел

Троицкий, Василий Василиев Словцов с диаконами: Николаем Удинцевым, Симеоном Гвоздевым и псаломщиками: Александром Уваровым, Евгением Медведевским при Введенской соборной ограде».

Отец Стефан Попов родился 27 июля 1827 г. в Сылвинском селе Кунгурского уезда в семье священника. После окончания в 1846 г. Пермской духовной семинарии был рукоположен в священники к Николаевской церкви Пихтовского села Оханского уезда, а 11 апреля 1855 г. был переведен к Максимовской церкви Турьинских рудников Верхотурского уезда, где и прослужил до 1881 г.

За годы службы при Максимовской церкви был членом разных комиссий, избирался депутатом по межевым делам, исполнял должность катехизатора, съездом духовенства Богословского благочиния в 1874 г. был избран помощником благочинного и увещателем при мировом судье. В 1875 г. утвержден в должности благочинного и сотрудника Пермского епархиального попечительства.

Был законоучителем в Турьинской горной школе с 1855 по 1876 гг. и в Турьинском женском училище с 1877 г. Содержал в своем доме девическую школу за свой счет, где занимался обучением девочек грамоте и закону Божию безмездно ежегодно с 1 мая 1861 по 10 сентября 1870 гг.

В 1857 г. в память войны 1853-1856 гг. награжден бронзовым наперсным крестом, в 1861 г. награжден набедренником за благочестное и ревностное прохождение должности законоучителя в горной школе. Награждался бархатною фиолетовою скуфьею (21 апреля 1864 г.), бархатною фиолетовой камилавкою (3 апреля 1871 г.), наперсным золотым крестом от Святейшего Синода выдаваемым (26 марта 1877 г.). Неоднократно объявлялось ему благословение Епархиального начальства.

С 1881 г. протоиерей Введенского собора Богословского завода, в 1891-1897 гг. был председателем Богословского отделения Екатеринбургского епархиального училищного совета.

Протоиерей Попов был женат на Анне Степановне Пономаревой, которая родилась 25 июля 1830 г., а умерла от паралича 28 октября 1901 г. в Надеждинском заводе и была похоронена на кладбище при Казанской церкви Богословского завода.

Их старший сын Рафаил Степанович был журналистом, статистиком, служил секретарем в Пермской городской Думе и управе.

Старшая дочь Екатерина была замужем за протоиереем Введенского собора Богословского завода Василием Петровичем Словцовым и умерла от тифа 13 октября 1904 г., похоронена на кладбище при Казанской церкви Богословского завода. Дочь Мария Степановна вышла замуж за дьякона Екатеринбургского Ново-Тихвинского монастыря Георгия Игнатьевича Левитского. Сын Александр стал знаменитым изобретателем радио. В 1880 г. еще одна дочь Анна Степановна обучалась в Санкт-Петербургском «лазаретном красного креста дамском институте», а дочь Августа в Санкт-Петербургской «императорской академии художеств». Младшая дочь Капитолина была замужем за механиком Надеждинского сталерельсового завода Дием Прокопьевичем Диевым.

В метрической книге за тот же 1897 г. есть еще одна запись: «7 ноября умер/9 ноября погребен Введенского собора священник Евлампий Иоаннов Уваров, 58 лет от апоплексии. При погребении присутствовали протоиерей Василий Словцов со священниками: Константином Павлиновым, Василием Словцовым, Николаем Удинцевым, диаконом Симеоном Гвоздевым и псаломщиком Евгением Медведевским при Введенской соборной ограде».

Уваров Евлампий Иванович родился в 1839 г. в селе Кокшаровском Соликамского уезда в семье дьякона. В 1856 г. по увольнении из среднего отделения Пермского духовного училища был определен для исправления дьяческой должности к Петропавловской церкви Петропавловского села Верхотурского уезда. 8 апреля 1863 г. был посвящен в стихарь, а 15 апреля 1866 г. переведен пономарем к Максимовской церкви Турьинских рудников Верхотурского уезда. 30 мая 1870 г. был рукоположен в дьяконы на старшую псаломщичью вакансию к Введенскому собору Богословского завода. 5 июня 1870 г. определен дьяконом, а 5 января 1877 г. рукоположен в священники. В 1880 г. помощник настоятеля.

В семействе у него были жена Екатерина Аполлоновна, дети: дочь Александра, которая в 1890 г. вышла замуж за исправляющего должность начальника Богословской почтово-телеграфной конторы Дмитрия Александровича Иванова; сын Александр в 1915 г. был дьяконом на псаломщичьей вакансии Введенского собора; сын Пантелеймон в 1910 г. потомственный почетный гражданин; дочь Клавдия в 1895 г. вышла замуж за дворянина г.Петербурга Михаила

Михайловича Белоцерковского; дочь Ольга в 1900 г. вышла замуж за мещанина г.Глазова Анатолия Васильевича Новикова; сын Иван после учебы в Пермском реальном училище служил в 1915 г. псаломщиком Никитинской церкви Никито-Ивдельского села Верхотурского уезда.

Источники:

1. ГАСО. Ф.6. Оп.6. Д.38а. Л.244 об.-245.
2. Там же. Ф.43. Оп.2. Д.1303. Л.594-597.
3. Там же. Д.1827. Л.5, 6.
4. Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве, 1857. СПб, 1857. Ч.1. С.219.
5. ГАСО. Ф.627. Оп.1. Д.1081. Л.3.
6. Там же. Ф.43. Оп.1. Д.358. Л.32.
7. *Игнатьев Руф.* Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период). Уфа, 2011. Том II (1866-1868 годы). С.15, 188.
8. Горный журнал. 1865. Ч.3. Кн.8. С.47; Кн.9. С.68.
9. Там же. 1867. Ч.1. Кн.1. С.2.
10. ГАСО. Ф.24. Оп.13. Д.514. Л.49-51.
11. Там же. Ф.6. Оп.3. Д.109. Л.1007 об.
12. Горный журнал. 1880. Т.3. № 9. Отдел официальный. С.36-37.
13. *Игнатьев Руф.* Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период). Уфа, 2011. 14. Том II (1866-1868 годы). С.15.
15. ГАСО. Ф.6. Оп.6. Д.21. Л.46 об.-47.
16. ГАПК. Ф.111. Оп.1. Д.2712. Л.180 об.-181.
17. ГАСО. Ф.6. Оп.3. Д.35. Л.135.
18. Там же. Ф.603. Оп.1. Д.289. Л.3.
19. Там же. Ф.6. Оп.3. Д.40. Л.125 об.; Д.42. Л.149 об.; Д.51. Л.755 об.; Д.54. Л.273 об.; Д.62. Л.373 об.; Д.80. Ч. 1. Л.218 об.-219.
20. Там же. Оп.6. Д.35 «б». Л.12 об., 33 об.
21. Там же. Оп.7. Д.646. Л.117 об.-118.
22. Там же. Ф. 603. Оп.1. Д.289. Л.3.
23. Пермские епархиальные ведомости. Отдел официальный. Пермь, 23 августа 1867. № 16. С.210.
24. ГАСО. Ф.6. Оп.6. Д.12 «в». Л.61 об.-62; Д.35 «б». Л.34.
25. Там же. Д. 12 «в». Л.237 об.
26. Там же. Оп.3. Д.105. Л.1035 об.; Оп.6. Д.5. Л.4 об.; Оп.9. Д.506. Л.28 об., Д.507. Л.70 об.
27. Там же. Оп.7. Д.649. Л.291 об.
28. Там же. Ф.6. Оп.2. Д.639. Л.20 об.-24.
29. Там же. Оп.9. Д.509. Л.32 об.

30. Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1892 год. Пермь, 1891. С.42; Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1897 год. Пермь, 1897. С.138.
31. ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.639. Л.20 об.-24; Оп.9. Д.11. Л.271 об.
32. *Шумилов Е. Н.* Попов Рафаил Степанович // Краеведы и краеведческие организации Перми. Биобиблиографический справочник. Пермь, 2000. С.217-218.
33. ГАСО. Ф.6. Оп. 19. Д.281. Л.106 об.
34. *Зорина Л. И.* Левитский Георгий Игнатьевич // Екатеринбург. Энциклопедия. Екатеринбург, 2002. С.315.
35. ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.639. Л.20 об.-24.
36. *Бессонов М. С.* История Северного Урала в лицах (1589-1917). Биографический справочник. Екатеринбург, 2011. Выпуск первый (А-Д). С.239.
37. ГАСО. Ф.6. Оп.7. Д.649. Л.310 об.
38. Там же. Оп.2. Д.639. Л.9 об.-11 об.
39. Там же. Оп.7. Д.55. Л.746 об.
40. Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1915 год. Екатеринбург. 1915. С.67.
41. ГАСО. Ф.6. Оп.19. Д.284. Л.201.
42. Там же. Оп.7. Д.78. Л.121 об.; Д.646. Л.74 об.
43. Там же. Д.666. Л.372 об.
44. Там же. Оп.4. Д.121. Л.183; Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1915 год. Екатеринбург. 1915. С.69.

Кернер Валентина Фридриховна

Мусор в системе понятий «свой/чужой» (эпоха камня)

В мироощущении современного человека мусор и Культура — понятия «несовместные» и даже взаимоисключающие друг друга. На самом деле они тесно связаны, ведь мусор — это специфический продукт Культуры. Мусор характерен для среды обитания человека, так как является остатками (отходами) его жизнедеятельности — хозяйственной, производственной, бытовой, ритуальной, биологической. Под археологическим мусором имеется в виду пепел и угли из очагов, фрагменты разбитой посуды, отходы обработки различных видов сырья, изношенные и сломанные вещи, кости животных, гастролиты птиц, чешуя рыб и, если они сохранились в

культурном слое, ─ щепки, стружки, остатки берестяных и иных покрытий.

Каким же было отношение к мусору в древности? Мы попытаемся это выяснить, обратившись к материалам опубликованных археологических источников – поселений и жилищ эпохи камня лесной полосы Восточной Европы, Урала и Западной Сибири, а также фольклору и верованиям проживающих на этой территории народов. Необходимо оговориться: качество полевых фиксаций при исследовании памятников археологии оставляет желать лучшего. Описываются сооружения, керамика и инвентарь, иногда ─ по скоплению отходов производства ─ места той или иной деятельности. Учету же «должна подлежать совокупность более детальных сведений о жилищах, связанных с ними объектах и характере обживания поселения» (1, с. 19). В распределении находок на памятнике и их характере отражается и практика очистки обитаемого пространства, и его повторное использование, и следы ритуализации, поэтому отходы хозяйственно-бытовой деятельности иногда могут сказать больше, чем вещи. К счастью, в последнее время появляются работы, скрупулезно рассматривающие структуру распределения всего материала в жилище и на поселении, что увеличивает объем их информативности. Исходя из таких работ, а также наблюдений во время многолетних полевых исследований поселения эпохи неолита Исетское Правобережное 1 (окрестности Екатеринбурга, раскопки автора), попытаемся определить некоторые особенности отношения к мусору и местам его скопления в древности.

Мусор выступает признаком жилья с самого начала возникновения человека, о чем свидетельствуют раскопки древних поселений. По скоплениям и характеру мусора археологами определяются участки различной деятельности древних людей, связанной с приготовлением пищи, расщеплением каменного сырья, изготовлением орудий и их использованием в различных трудовых операциях, а также сезонность или круглогодичность обитания на поселении (2, с. 13-16). Иногда исследователями указываются и места концентрации мусора, формирующиеся после периодических очищений жилой площадки. Так, при раскопках ряда пещер эпохи позднего палеолита отмечалось большое количество мусора, особенно у их стен (3, с. 64). Для поселений открытого типа этого времени

характерна резкая замкнутость границ культурного слоя в их пределах (4, с. 33; 5, с. 138; 6, с. 46; 7, с. 12). Слои внутри жилищ и на площади поселений всегда насыщены углем и золой от чистки очагов, костными остатками типа кухонных отбросов, что в палеолитоведении называется «элементарным заполнителем» (4. С. 48). Для поселений характерны внешние ямы и канавы, которые в одних случаях (костенковско-авдеевский тип) располагались по краю всего обжитого участка хозяйственно-бытового комплекса, в других (среднеднепровский тип) окружали каждое жилище в отдельности (8, с. 24). Помимо ям-кладовых для запасов мяса и костей крупных животных, часть ям и канав, скорее всего, были мусорными. Они использовались с определенной периодичностью, о чем свидетельствует структура их заполнения: напластования углистых, охристых и белесых прослоек различной мощности с включением мелких костей (4, с. 41-42; 8, с. 26-27). Примечательно, что в этих ямах часто находят артефакты ритуального характера.

В эпоху позднего палеолита было характерно строительство жилищ (включая ритуальные) на развалинах предыдущих (9, с. 31; 10, с. 144). Отмечено, что при обустройстве ритуального дома более раннее жилище предварительно тщательно очищали от бытовых, кухонных и производственных отходов и отбросов (9, с. 32).

Размеры и структура мезолитических жилищ лесной полосы Восточной Европы, Урала и Западной Сибири, наземных или углубленных, также определяются по скоплению артефактов, в т.ч. мусора ─ угольков, золы, отходов камнеобработки, чешуе рыб, костям животных. За пределами жилищ находок обычно либо нет, либо они единичны (11, с. 73-74). Как и в предыдущее время, характер мусора, его количество и распределение в жилище и на поселении позволяет археологам предполагать наличие участков, связанных с той или иной хозяйственной и производственной деятельностью, а также определять время функционирования памятника.

В неолите лесной полосы Восточной Европы в ряде случаев отмечаются мусорные ямы за пределами жилищ или у их выходов (12, с. 301; 13, с. 287-288). На Урале и в Западной Сибири в это время существовали временные (сезонные) и постоянные (круглогодичные) поселения. В первых все найденные артефакты концентрируются в жилищах, а за их пределами они не обнаруживаются, либо единичны

(например, Быстрый Кульеган 66, Мергень 3) (14, с. 201; 15, с. 11). Во вторых (например, Исетском Правобережном 1) дневная поверхность вне жилищ, напротив, чрезвычайно насыщена разного рода артефактами, в т.ч. мусором, но они не встречаются за пределами поселения. В жилищах эпохи неолита пол всегда сильно замусорен. Иногда скопления фрагментов керамики выстилают пол у стен и в углах котлованов, залегая несколькими слоями. Исследователи называют эти скопления «намеренно сформированными “хранилищами” сломанной посуды» (15, с. 10, 66). Для жилищ поселений боборыкинской культуры характерны канавки вдоль стен, в которые на ряде памятников (Усть-Суерское 4, сооружение 3; ЮАО-V) выметался мусор; иногда местом скопления мусора служили углы котлованов (ЮАО-V) или ямы, вырытые в полу жилищ (Мергень 3, 2 жилище) (14, с. 201). Необходимо отметить, что на одних поселениях (Быстрый Кульеган 66) окружающий их ров не являлся местом складирования мусора, на других (Каюково 2) «заполнение рва сверху донизу содержало артефакты» (16, с. 16).

На ряде поселений эпохи неолита Урала и Западной Сибири (Исетское Правобережное 1, Сумпанья IV, Быстрый Кульеган 66 и др.) некоторые жилища построены на развалах предыдущих (15, с. 38; 17, с. 32-35). При сооружении нового жилища мусор предыдущего частично оставался на полу, частично заметался в предварительно вырытые ямы под полом новых жилищ или за их пределами. Иногда отмечаются следы ритуализации такой деятельности: в ямы в полу жилищ, кроме мусора, укладывались обломки одного и того же сосуда (Быстрый Кульеган 66) или целые горшки, иногда, возможно, с жертвенной пищей (в них обнаружены гастролиты птиц) (Исетское Правобережное 1); на ряде поселений (Ташково 1, ЮАО-15, Мергень 5 и др.) такие следы зафиксированы в ямах для мусора, расположенных вне жилищ (18, с. 82).

На поселении Исетское Правобережное 1 некоторые развалы жилищ служили своего рода местами свалок мусора более поздних обитателей поселка, иногда в них с этими целями дополнительно вырывали ямы. Здесь выявлены следы использования обломков сосудов, принадлежащих более раннему населению: из них делали «пряслица», нашивки на костюм. Найдены и сработанные орудия (скребки), использующиеся в качестве кресальных камней. Имеются и

манупорты — хрустальная галька, напоминающая нуклеус, камни с естественным отверстием или канавкой, щетки халцедона, куски полевого шпата с зеркальными плоскостями. В районе выходов ряда жилищ были обнаружены крупные отщепы окремненного туфа и халцедона. И еще одна характерная черта: на полу сооружения с ритуальными комплексами, по сравнению с другими жилищами, найдено очень небольшое количество мусора, который заметно отличается от мусора в других жилищах: здесь много кусочков охры и талька, пластинок слюды, крупных желваков сырья, покрытых коркой.

В Восточной Европе в эпоху энеолита на поселениях волосовской культуры В.В.Сидоровым (19, с. 350-361).было отмечено, что некоторые жилища устанавливались на месте неолитических построек, при этом часть битой керамики оставалась под полом нового жилища, часть сметалась за его пределы на дневную поверхность или в специально вырытые ямы. Отмечено постепенное накопление мусора в ямах за пределами действующих жилищ. Ямы для столбов, устанавливаемых при ремонте или перестройке жилищ, заполняли очажным мусором и кухонными остатками, иногда забутовывались битой посудой. В одном из жилищ мусор заполнял западный сектор дома и все пространство у подножия нар. Характерной чертой ряда поселений волосовской культуры является изрытость полов жилищ мусорными ямами (19, с. 357-361).

В эпоху энеолита на Урале и в Западной Сибири продолжалась практика устройства некоторых жилищ в разрушенных котлованах построек предыдущего времени (20, с. 31; 21, с. 133; 22, с. 64, 164-165). Полы жилищ, как и площадки поселений, густо покрыты разного рода мусором. По его распределению вычленяются места производства орудий из камня, хозяйственно-бытовые комплексы. На ряде памятников (Мергень 6, Гладунино 3) зафиксированы порой довольно глубокие мусорные ямы между жилищами или на периферии поселения (23, с. 45-51: 24, с. 165). На многослойном поселении Дуванское V в это время отмечено использование с различными целями, в т.ч. и в качестве вместилища для мусора, развалины неолитического жилища (25, с. 149-151). По материалам памятников Сазык IX и Звездный 1 в Тюменском Притоболье И.В. Усачева сделала ряд интересных выводов: освоение чужой

территории под «свое» жилое пространство осуществлялось с помощью принесенных со старого места жительства фрагментов битой посуды и отходов каменной индустрии. По ее мнению, эти вещи «переводили» новое жилое пространство из чужого в свое и выполняли функции апотропеев (26, с. 155-162). Ритуалы доместикации пространства, связанные с фрагментами керамики как «символами культурной идентичности», пищевыми отходами и сломанными орудиями, были отмечены тюменскими археологами и на поселении Мергень 6 (23, с. 45-51).

Особую категорию памятников представляют так называемые жертвенные холмы, известные на Урале (Кокшаровский, Усть-Вагильский и др.) и в некоторых районах Западной Сибири. Они являлись местами отправления культовых обрядов в эпоху неолита, а в некоторых случаях (Усть-Вагильский холм) продолжали служить в этом качестве и в эпоху энеолита (18, с. 78; 27, с. 263-265; 28, с. 33). Исследователи отмечают, что холмы возводились в центре неолитических поселков и образовывались из многократной подсыпки почвы, взятой с территории поселения и, следовательно, насыщенной мусором. Отмечено также, что для проведения новых ритуалов площадки холма очищались от мусора, который выбрасывали во рвы, одновременно выполнявшие и функцию границы сакрального пространства. На холмах, по-видимому, проводились обряды разных групп населения (там найдена керамика, принадлежащая разным культурным традициям), на которых большое значение придавалось огненным ритуалам. Характерно, что память об этих культовых местах сохранялась вплоть до XX века. Об этом свидетельствуют следы их посещений в эпоху бронзы, раннего и позднего железного века, а также практика проведения календарной обрядности на жертвенных холмах у кондинских манси (18, с. 78; 27, с. 263-265; 28, с. 36-37; 29, с. 155).

Таким образом, в эпоху камня выявляется тенденция хранения мусора в пределах жилищ и поселений. Он, очевидно, представлялся неотъемлемой частью жизни людей и не вызывал негативных эмоций: не только оберегался и использовался, но и, возможно, переносился на новое место жительства. Мусор, по-видимому, воспринимался древними людьми необходимым признаком освоенной территории — «своего» мира, за которым простиралась «чужая земля». Он выполнял

функцию границы между своим и чужим, о чем свидетельствуют его скопления по периметру жилых домов и поселений, а также под полом и в районе выхода/входа жилищ. Одновременно скопления мусора могли выполнять охранную функцию.

В эпоху камня выявляется практика устройства нового жилища на месте развалов старого. Конечно, это можно объяснить нехваткой удобных для заселения мест и стремлением к уменьшению трудозатрат при строительстве (как, например, в горнолесной части Урала). Но думается, что в каменном веке это могло делаться и намеренно. Для людей, обживающих новое жилое пространство, необходима была поддержка «предков», которая осуществлялась, в том числе, и через мусор со «старых пепелищ».

Практика устройства ритуальных домов на месте устаревших или развалившихся сооружений, отмеченная в эпоху палеолита, прослеживается и на материалах эпохи неолита. При этом на жертвенных холмах остатки сгоревших ритуальных сооружений тщательно вычищались от мусора, а ритуальные жилища на поселении строились на очищенном от мусора пространстве.

Примечательно, что особое отношение к мусору фиксируется и в традиционной культуре современных народов лесной полосы Европы, Урала и Сибири. Оно во многом сродни отношению к мусору древнего населения этих территорий. В фольклоре наличие мусора всегда определяет жилище человека, «чужому» дому, напротив, присуща стерильность, которая зачастую указывает на его ритуальный характер. Из мусора, связанного с деятельностью людей или их предков, могут появиться земля, жилище, звери и рыбы (30, с. 16; 31, с. 178). Он выступает в качестве средства, способствующего объединению людей разного пола (31, с. 178), а черепок от глиняной посуды является оберегом героя (32, с. 295; 33, с. 152). В домашнем мусоре фольклорный герой прячется от враждебных сил и с его помощью побеждает их (34, с. 454). В свою очередь, мусор чужого мира (пыль, грязь, снег и др.) мог оказать неблагоприятное воздействие на мир людей. Фольклор сохранил традиционные действия охотника, возвращающегося с промысла: за пределами жилища (поселения) он оставляет всю свою верхнюю одежду и обувь или у порога дома обметает с них снег специальной выбивалкой (34, с. 229).

В этой связи необходимо отметить, что для северных культур с глубокой древности характерно особое отношение к снеговыбивалкам, что зафиксировано в фольклоре, в их наличии в «богатых» захоронениях, в существовании мужских и женских выбивалок, в материале их изготовления (кость животных, особые породы дерева), в художественном оформлении (зоо-антропоморфные навершия, резьба, профилировка краев) (35, с. 4; 36, с. 60-63; 37, с. 100, 253-261). У народов, населяющих лесную зону, отмечается особое отношение к помелу, метле, венику: они якобы способствовали воспроизводству людей и животных, удачному промыслу рыбы, изгнанию домашних насекомых, сохранению безопасности, сил и здоровья членам семьи (38, с. 157-158; 39, с. 115; 40, с. 98).

У ряда народов Сибири, когда мужчины уходили на охоту, женщины не имели права подметать пол и выбрасывать на улицу мусор, иначе может подняться буря и охотника ждет неудача в промысле и даже смерть (41, с. 141; 42, с. 171). Для успешной охоты коми при установке силков произносили заговор: «Сколько мусора под порогом и сколько сажи в дымоходе (так много добычи) я хочу поймать» (43, с. 203). Для русских мусор олицетворял дух дома, его нельзя было выметать на улицу, чтобы сохранить долю, богатство, здоровье его обитателей (44, с. 8-11). Существовало убеждение, что мусор отгоняет злых духов, несчастья, отражает опасность, оберегает от всего, что в глазах людей являлось порождением «чужого» мира. Выбор места для строительства дома определялся уже обжитыми, освоенными местами (45, с. 154).

Многие народы до этнографического времени сохранили ритуальную деятельность с использованием мусора, связанную с воспроизводством и социализацией младенцев. Так, у ряда народов Урала и Сибири существовало особое отношение к березовой трухе и стружкам, выполнявшим роль детских подстилок. После использования их уносили в одно и то же место недалеко от поселения, где складывали кучками под живое дерево: считалось, что это способствовало воспроизводству семьи, рода (31, с. 179-183). Народы Амура новорожденного при первом вносе в дом укладывали у порога и заметали на него домашний мусор (в нашем понимании это была своего рода прививка), иногда делали вид, что нашли ребенка в

мусоре; последнее имитировалось и рядом народов Восточной Европы и Кавказа (31, с. 183). Южные и восточные славяне в случае детских недугов обращались за помощью к Лесной матери. В одном случае женщина-мать выметала дом и пепел из очага, складывала часть мусора и прутьев от метлы на доску и вечером бросала все это на восток. В другом случае женщина с ребенком на руках ночью шла на то место, куда всем селом высыпали мусор, поворачивалась лицом к лесу и произносила заговор (31, с. 182). Аналогичные обряды на мусорных кучах, очевидно, существовали и у карело-финских народов (31, с. 183).

Как мы видим, отношение к мусору и в эпоху камня, и в традиционной культуре народов Восточной Европы, Урала и Сибири было сродни отношению к домашнему огню. Мусор, как и огонь очага, являлся частью четко ограниченного пространства, объединявшего определенный коллектив людей родством по крови, языку, месту жительства, добычей и потреблением пищи, воспроизводством. Как и огонь, мусор нельзя было отдавать в чужие руки, что приравнивалось к потере благосостояния и благополучия дома и его обитателей, его уносили с собой на новое место жительства. Мусор, как и огонь, был одним из основных маркеров освоенного пространства, символом защищенности и неуязвимости человека перед силами природы.

Использованная литература:

1.Сергин В.Я. Палеолитические поселения среднеднепровского типа и их историко-культурное значение // КСИА. Вып. 157. М., Наука, 1979.

2.Сергин В.Я. Классификация палеолитических поселений с жилищами на территории СССР // СА. № 3. М., 1988.

3.Абрамова З.А. Животное и человек в палеолитическом искусстве Европы. СПб, «Европейский Дом», 2005.

4.Гаврилов К.Н. Археологические объекты верхнепалеолитических стоянок Среднего Поднепровья и Подесенья // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене – раннем голоцене. Отв. ред. М.Г. Жилин. М., 2007.

5.Гладких М.И. Некоторые критерии определения культурной принадлежности позднепалеолитических памятников // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Отв. ред. Н.Д. Праслов. Л, Наука, 1977.

6.Павлов П.Ю. Природное окружение и система жизнеобеспечения верхнепалеолитического населения Северо-Восточной Европы // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 3. Тюмень, «Вектор Бук», 2007.
7.Шовкопляс И.Г. Мезинская стоянка на Десне. К истории средне-днепровского бассейна в позднепалеолитическую эпоху. Автореф. дисс. д.и.н. Киев, 1964.
8.Сергин В.Я. Назначение больших ям на палеолитических поселениях // КСИА. № 173. М., Наука, 1983.
9.Бибиков С.Н. Мезинский «праздничный дом» и костяной музыкальный комплекс // СА. № 3. М. 1978.
10.Клима Б.Б. Малая полуземлянка на палеолитической стоянке Павлов в Чехословакии // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Отв. ред. Н.Д. Праслов. Л, Наука, 1977.
11.Жилин М.Г. Природная среда и хозяйство мезолитического населения Центра и Северо-Запада лесной зоны Восточной Европы. М., Academia, 2004.
12.Васильева Н.Б., Гончаренко Д.В., Косорукова Н.В. Неолитические комплексы памятника Остров Молебный в бассейне Лозско-Азатского озера // ТАС. Вып. 6, Т. 1. Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь, 2006.
13.Иванищева М.В., Иванищев А.М. Поселение раннего неолита на нижней Сухоне // ТАС. Вып. 6, Т. 1. Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь, 2006.
14.Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолит Среднего Зауралья. Боборыкинская культура. Екатеринбург, Центр «Учебная книга», 2010.
15.Поселение Быстрый Кульеган 66: памятник эпохи неолита Сургутского Приобья // Коллективная монография под ред. Л.Л. Косинской и А.Я. Труфанова. Екатеринбург-Сургут, Уральское изд-во, 2006.
16.Ивасько Л.В. Укрепленное поселение каменного века Каюково-2 // Материалы и исследования по истории Северо-Запада Сибири. Отв. ред. Г.П. Визгалов. Екатеринбург, Изд-во Урал. ун-та, 2002.
17.Ковалева В.Т., Устинова Е.А., Хлобыстин Л.П. Неолитическое поселение Сумпанья IV в бассейне Конды // Древние поселения Урала и западной Сибири. Сб. науч. тр. Отв. ред. В.И. Матющенко. Свердловск, УрГУ, 1984.
18.Дрябина Л.А. Святилища эпохи камня в Зауралье // Тюменский исторический сборник. Вып. V. Отв. ред. В.Я. Темплинг. Тюмень, Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2002.
19.Сидоров В.В. Волосовские жилища поселений Маслова Болота // ТАС. Вып. 5. Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь, 2002.
20.Борзунов В.А., Кирюшин Ю.Ф., Матющенко В.И. Поселения и жилища эпох камня и бронзы Зауралья и Западной Сибири // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Сб. науч. трудов. Отв. ред. В.И. Матющенко. Екатеринбург, УИФ «Наука», 1993.

21.Стефанова Н.К. Исток IV – неолитический памятник Тюменского Притоболья // Неолитические памятники Урала. Сб. науч. трудов. Отв. ред. Л.Я. Крижевская. Свердловск, УрО АН СССР, 1991.
22.Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург, УрО РАН, 2005.
23.Еньшин Д.Н., Скочина С.Н.. Зах В.А. К вопросу о поселенческой обрядности в неолите Нижнего Приишимья (по материалам поселения Мергень 6) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 4(19). Тюмень, 2012.
24.Шилов С.Н., Маслюженко Д.Н. Энеолитическое захоронение Гладунино-3 в системе доандроновского погребального обряда // Вопросы археологии Урала. Вып. 24. Отв. ред. В.Т. Ковалева. Екатеринбург, Изд-во Урал ун-та, 2002.
25.Стефанов В.И. Неолитическое поселение Дуванское V // Неолитические памятники Урала. Сб. науч. трудов. Отв. ред. Л.Я. Крижевская. Свердловск, УрО АН СССР, 1991.
26.Усачева И.В.К вопросу о существовании ритуалов жилого пространства и дома в энеолите Притоболья // AB OVO: проблемы генезиса культуры. Отв. ред. А.Г. Еманов. Тюмень, Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2005.
27.Панина С.Н. Иеротопия исследованной части сакрального пространства Усть-Вагильского холма – культового памятника неолита – позднего железного века Лесного Зауралья // IV Северный археологический конгресс. Материалы. Отв. ред. Н.М. Чаиркина. Екатеринбург – Ханты-Мансийск, 2015.
28.Шорин А.Ф. История и некоторые итоги изучения Кокшаровского холма // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т.М. Потемкиной). Сб. статей. Отв. ред. М.П. Вохменцев. Курган, Изд-во Курганского гос. ун-та, 2007.
29.Новикова Н.И. Традиционные праздники манси. М., Наука, 1995.
30.Ильина И.В., Уляшев О.И. Некоторые аспекты изучения мужского и женского в культуре коми // Фольклористика коми. Тр. ИЯЛИ. Вып. 63. Сыктывкар, 2002.
31.Кернер В.Ф. Специфика использования некоторых видов растительности в женской субкультуре народов Северной Евразии // Пятые Берсовские чтения. Сборник научных статей. Свердловский областной краеведческий музей. Отв. ред. В.М. Морозов. Екатеринбург, Изд-во КВАДРАТ, 2006.
32.Мифы, предания, сказки хантов и манси. Сост., предисл. и примеч. Н.В. Лукиной. М., Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990.
33.Саамские сказки. Обр. В.В. Чарнолуского. М., Худ. Лит. 1962.

34.Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. Сост., предисл. и прим. Г.А.Меновщикова. М., Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1974.
35.Альбом хантыйских орнаментов (восточная группа). Составитель и автор вводной статьи Н.В.Лукина. Томск, Изд-во Томского ун-та, 1979.
36.Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Древние культуры азиатских эскимосов. Уэленский могильник. М., Наука, 1969.
37.Хомич Л.В. Ненцы. СПб, Русский Двор, 1995.
38.Кагаров Е.Г. Состав и происхождение свадебной обрядности // Сб. МАЭ. Т. VIII. Л, Наука, 1929.
39.Конаков Н.Д. Традиционное мировоззрение народов коми: Окружающий мир. Пространство. Время. Сыктывкар, 1996.
40.Лавонен Н.А. Карельские загадки в свете этнографии // СЭ. .№6. М., 1973.
41.История и культура ительменов. Историко-этнографические очерки. Под общей ред. А.И. Крушанова. Л, Наука, 1990.
42.Цинциус В.И. Воззрения негидальцев, связанные с охотничьим промыслом // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX - начале XX века. Сб. МАЭ. Т. XXVII. Л, Наука, 1971.
43.Конаков Н.Д. Коми-охотники и рыболовы во второй половине XIX – начале XX в. М., Наука, 1983.
44.Тихомирова Т.А. Традиционное отношение к чистоте в крестьянской среде // ЖС. № 3. М., 2001.
45.Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб, Наука, 1993.

Список сокращений

ЖС - Живая старина, журнал
ИЯЛИ - Институт языка, литературы и истории
КСИА - Краткие сообщения Института археологии, периодическое издание
МАЭ - Музей антропологии и этнографии
СА - Советская археология, журнал
СЭ - Советская этнография, журнал
ТАС - Тверской археологический сборник, периодическое издание
УИФ - Уральская издательская фирма
ЮАО – Южный берег Андреевского озера, место сосредоточения археологических памятников

Сведения об авторах

Арданова Наталья Васильевна. Заместитель директора ВГИАМЗ по научной работе, председатель Общества любителей Верхотурского края (г.Верхотурье).

Белоусов Сергей Орестович. К.филос.н., преподаватель высшей категории МБОУ СОШ №64 (г.Нижний Тагил).

Бессонов Михаил Сергеевич. Историк, член Уральского историко-родословного общества и Уральского генеалогического общества (г.Екатеринбург).

Гунгер Юрий Владимирович. Директор Краснотурьинского краеведческого музея.

Елисафенко Марина Константиновна. К.и.н, доцент, заведующий кафедрой истории России УрГПУ (г.Екатеринбург).

Желвакова Светлана Константиновна. Научный сотрудник исторического отдела ВГИАМЗ.

Зенкова Любовь Васильевна. Старший научный сотрудник Краеведческого музея им.И.Я.Стяжкина (г.Каменск-Уральский).

Золотухина Анна Эдуардовна. Магистр истории, научный сотрудник и экскурсовод Музея святой Царской Семьи Духовно-просветительского центра «Царский» (г.Екатеринбург).

Зыкин Иван Валерьевич. К.и.н., заместитель главного редактора газеты «Новая жизнь» (г.Верхотурье).

Зырянова Тамара Александровна. Член Общества любителей Верхотурского края (г.Верхотурье).

Казакова-Апкаримова Елена Юрьевна. Д.и.н., доцент, ведущий научный сотрудник ИИиА УрО РАН (г.Екатеринбург).

Калмыкова Виктория Михайловна. Хранитель Музея святой Царской Семьи Духовно-просветительского центра «Царский» (г.Екатеринбург).

Карфидов Алексей Николаевич. Методист по научно-просветительской деятельности отдела методической и выставочной деятельности НГИАМ (г.Невьянск).

Кашин Владимир Викторович. Член Общества изучения истории спецслужб (г.Нижний Тагил).

Кернер Валентина Фридриховна. Научный сотрудник Музея святой Царской Семьи Духовно-просветительского центра «Царский» (г.Екатеринбург).
Кобец Ольга Владимировна. Специалист по учебно-методической работе Института развития образования (г.Екатеринбург).
Кузьмина Татьяна Игоревна. Заместитель директора Краснотурьинского краеведческого музея.
Ленючева Светлана Валентиновна. Главный хранитель Краснотурьинского краеведческого музея.
Лобанов Дмитрий Алексеевич. Научный сотрудник отдела истории Пермского краеведческого музея.
Мальгин Константин Андреевич. Педагог первой категории МБУ ДО ДЮЦ «Мир» (г.Нижний Тагил).
Махмудов Альберт Рафилевич. Директор Бардымского районного краеведческого музея (Пермский край).
Микитюк Владимир Петрович. К.и.н., старший научный сотрудник сектора экономической истории Института истории и археологии УрО РАН (г.Екатеринбург).
Муллова Анна Сергеевна. Студентка ПГАТУ (г.Пермь).
Набиуллина Венера Рифкатовна. Методист по музейно-образовательной деятельности НГИАМ (г.Невьянск).
Новиченков Николай Николаевич. Директор ВГИАМЗ (г.Верхотурье).
Погорелов Сергей Николаевич. Заместитель начальника Отдела археологии Научно-производственного центра по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области (г.Екатеринбург).
Подгорнова Элла Анатольевна. Заведующий Центром патриотизма «Родина» МБУК «Публичная библиотека» НГО (г. Новоуральск).
Попов Михаил Валерьевич. Д.и.н., профессор кафедры истории России УрГПУ (г.Екатернбург).
Протасова Эльвира Евгеньевна. К.и.н., доцент кафедры истории России УрГПУ (г.Екатеринбург).
Пудовкин Сергей Игоревич. Педагог высшей категории МБУ ДО ДЮЦ «Мир» (г.Нижний Тагил).
Садовников Олег Алексеевич. Краевед (г.Краснотурьинск).

Сазонова Эмма Константиновна. Педагог дополнительного образования ГКУ СО «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних Сысертского района» (с.Новоипатово Сысертского района).

Сильченко Иван Сергеевич. Магистр истории, специалист по экскурсионно-выставочной деятельности Музея военной техники УГМК (г.Верхняя Пышма).

Скробов Виктор Семёнович. Заслуженный деятель науки РСФСР, действительный член (академик) Академии военных наук, доктор исторических наук, профессор, полковник в отставке.

Суворов Максим Викторович. К.и.н., доцент кафедры истории России УрГПУ (г.Екатеринбург).

Тарабаева Елена Валерьевна. Директор ГКУ СО «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних Сысертского района» (с.Новоипатово Сысертского района).

Тетерин Вадим Игоревич. К.и.н., старший преподаватель ПГАТУ (г.Пермь).

Тишкина Людмила Григорьевна. Заведующий выставочным залом Краснотурьинского краеведческого музея.

Фомичёв Игорь Алексеевич. Заведующий историческим отделом ВГИАМЗ (г.Верхотурье).

Черноухов Эдуард Анатольевич. Д.и.н., доцент кафедры истории России УрГПУ (г.Екатеринбург).

Ширанова Екатерина Александровна. Студентка Института социально-гуманитарных и политических наук С(А)ФУ (г.Архангельск).

Список сокращений

АОАСГО – Архивный отдел администрации Серовского городского округа
ВГИАМЗ – Верхотурский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
ГААОСО – Государственный архив административных органов Свердловской области
ГАНИОПДПО – Государственный архив новейшей истории и общественно-политических движений Пермской области
ГАПК – Государственный архив Пермского края
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГАСО – Государственный архив Свердловской области
ГАТОТ – Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области
ГБЛ – Государственная библиотека имени В.И.Ленина
ИИиА УрО РАН – Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук
МИНЗ – Музей истории Невьянского завода
НГИАМ – Невьянский государственный историко-архитектурный музей
НТГИА – Нижнетагильский городской исторический архив
ОГАЧО – Объединённый Государственный архив Челябинской области
ОФВМ – Основной фонд ВГИАМЗ
ПГАТУ – Пермский государственный аграрно-технологический университет
ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГАЭ – Российский государственный архив экономики
РГИА – Российский государственный исторический архив
С(А)ФУ – Северный (Арктический) федеральный университет
СОУНБ – Свердловская областная универсальная научная библиотека им.В.Г.Белинского
УрГПУ – Уральский государственный педагогический университет
ЦДООСО – Центр документации общественных организаций Свердловской области

Содержание

Арданова Н.В. Мероприятия к 300-летнему юбилею
династии Романовых в Пермской губернии и Верхотурье
в 1912-1913 гг…….....3
Белоусов С.О. На Восточном фронте Гражданской войны
1918-1920 гг. - от Поволжья до Урала…….....9
Бессонов М.С. Максим Михайлович Походяшин –
верхотурский купец и заводчик……...……..…19
Гунгер Ю.В. Никито-Ивдельский мятеж……..30
Елисафенко М.К. На пути к всеобучу:
опыт Верхотурского уездного земства……..37
Желвакова С.К. Почётный гражданин города Верхотурья
Николай Николаевич Казагранди……...43
Зенкова Л.В. «И впредь на Верхотурье и на Алапаевских
железных заводах проволоку делать…»…….…46
Золотухина А.Э. Царская Семья под арестом в Екатеринбурге
и екатеринбуржцы в 1918 году……49
Зыкин И.В. Механизация лесоэксплуатационных работ
в Уральском регионе в 1930-х гг…….57
Зырянова Т.А. Верхотурская комсомольская организация:
1920-1930-е годы……...……64
Казакова-Апкаримова Е.Ю. Городские попечительства
о бедных на Урале в начале XX в.: институционализация
новых форм благотворительности…….83
Калмыкова В.М. Свидетели жизни и трагедии:
реликвии в фондах Музея святой Царской Семьи……90
Карфидов А.Н. Из истории создания музейного
историко-культурного комплекса в историческом центре
города Невьянска……...……95
Кашин В.В. Трагедия на Ирбитском тракте 15 июля 1919 года…..103
Кернер В.Ф. «Каждый идущий за Богом обретает бессмертие»:
к 100-летию подвига новомучеников и исповедников
Екатеринбургской митрополии…….113
Кобец О.В. Повседневная жизнь главной улицы Екатеринбурга
на рубеже XIX- XX вв……...….118

Кузьмина Т.И. Концепция «Красная пятёрка.
Музей комбрига А.К.Серова»……128
Ленючева С.В., Тишкина Л.Г. Концепция «Президент-музей.
Музей А.П.Карпинского……134
Лобанов Д.А. Тобольские гарнизонные солдаты
на строительстве крепости в Екатеринбурге. 1723-1725 гг……140
Махмудов А.Р. Башкирские копи……142
Микитюк В.П. Фирма Коробейниковых……...…..147
Муллова А.С. Быт крестьян Урала в XVIII-XIX вв……...…156
Набиуллина В.Р. Госпитали Невьянска в годы
Великой Отечественной войны……...…..161
Новиченков Н.Н. «Польский след» в истории Верхотурья……..172
Погорелов С.Н. «Музеи под открытым небом» и другие
проекты. Возможности и формы сохранения и
использования объектов культурного наследия
(по материалам средне-уральских
историко-этно-археологических исследований)……..186
Подгорнова Э.А. Николай II через призму
уральских дореволюционных газет……...…195
Попов М.В., Суворов М.В. Создание и деятельность
учительской организации Уральский педагогический союз
(март – ноябрь 1917 г.)……...….202
Протасова Э.Е. Введение всеобуча на Урале в 1930-е гг.:
проблема обеспечения помещениями сельских школ……..…211
Пудовкин С.И. Верхотурье 1918 – начало противостояния……..….217
Пудовкин С.И., Мальгин К.А. Новые факты
из истории гражданской войны на Урале по материалам
Нижнетагильского городского исторического архива……...….222
Садовников О.А. Место захоронения
Максима Михайловича Походяшина……...…….239
Сазонова Э.К. Клепининых славный род……244
Сильченко И.С. К вопросу о снабжении милиционеров
Екатеринбургской губернии в 1919-1923 гг……254
Скробов В.С. Исследование военно-исторического
опыта Гражданской войны на Урале в научной литературе
1956 - 1986 гг……...…261

Тарабаева Е.В. Забота о детях, оставшихся без попечения родителей в Сысертском районе в XIX-XX вв……..270
Тетерин В.И. Организация работы Пермского уголовного розыска в 1930-ее гг……...…279
Фомичёв И.А. Надеждинский сталерельсовый завод в годы Первой мировой войны…….....285
Черноухов Э.А. Врачи Богословского казённого горного округа в первой половине XIX в……303
Ширанова Е.А. Влияние студенческих поездок в университеты Германского союза на развитие интеллектуальной мысли на Урале в середине XIX в……...…..308
Бессонов М.С. Исследование некрополя Введенского собора города Карпинска……...…….312
Кернер В.Ф. Мусор в системе понятий «свой/чужой» (эпоха камня)……...…320
Сведения об авторах……322
Список сокращений…….....335

Материалы региональной научно-практической конференции

«Уральский край в истории России»

Редакционная коллегия: Борисов А.Г.

Фомичёв И.А.

Ившина Е.Т.

Компьютерный набор: Борисов А.Г.

Дизайн обложки: Надеждин А.А.

Подписано в печать 28.03.2018 Формат 60 х 84 1/16
Усл. печ. л. 16,5 Уч.-изд. л. 15,8 Тираж 100 экз. Заказ № 6554

Отпечатано в типографии ООО «Издательство УМЦ УПИ».
620078, г.Екатеринбург, ул.Гагарина, 35а, оф.2
Тел.: (343)362-91-16, 362-91-17